

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1.

Я Н В А Р Ъ 1891 г.

М. Ф.
БЕНДИНСКОЕ ВИДОВОЕ
Коммерческое Училище

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1891.

Книга 1-я. Январь 1891 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Правительственныя распоряженія.
2. Страничка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка. Изъ воспоминаній **А. П. Степанова**.
3. Изъ моихъ школьныхъ воспоминаній **А. А. Фета**.
4. Современныя французскія идеи о воспитаніи. **П. Ф. Каптерева**.
5. Механизмъ вниманія. Проф. **Н. Н. Ланге**.
6. Профессиональная школа и подъемъ отечественной промышленности. **М. Л. Песковскаго**.
7. Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. **П. Ф. Лесгафта**.
8. Очерки частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. (Статья третья). Народныя чтенія. **Я. В. Абрамова**.
9. Двѣ недѣли въ Нееской школѣ (въ Швеціи). **О. Х. Павловичъ**.
10. Какія училища нужны для Петербурга? **К. К. Сентъ-Илера**.
11. **Критика и библиографія:** а) Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1799). Е. Лихачевой. Спб. 1890 г. **М. Ф. Суперанскаго**. б) Гигіена ранняго дѣтства. Рувье (I, Rouvier. Hygiène de la première enfance. Paris. 1889. **Н. Б.** в) По вопросу о переутомленіи учениковъ гимназій. Н. Вакста. Спб. 1880 г. **Н. Б.** г) Виреніусъ. Переутомленіе у учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Германіи. Спб. 1880. **Н. Б.** е) Педагогическіе курьезы въ области географіи: 1) Элементарныя геометрическія приемы вычисленія географическихъ площадей и построенія географическихъ картъ. Н. Сенигова. Спб. 1890. 2) Путешествіе Стэнли черезъ Африку, большая географическая игра для дѣтей. Бесплатная премія къ «Задушевному Слову» для младшаго возраста на 1891 годъ. **А. Ф. Соколова**.
12. **Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ иностранныхъ и русскихъ:** а) Revue pédagogique 1890. Publication mensuelle. Librairie Charles Delagrave. Paris. **В. П. Геннига**. б) Вѣстникъ воспитанія 1890 г. №№ 5—8. **Е. М. Гаршина**.
13. **Педагогическая хроника:** а) Хроника школьной жизни въ Германіи за ноябрь—декабрь 1890 г. **С. Н. Николаева**. б) Гельсингфорское совоспитательное училище (Helsingfors Samskola). **П. А. Леонтьева**. в) Хроника народнаго образованія. **Я. В. Абрамова**. г) Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности. (Засѣданіе 11-го декабря 1890 г.) **А. К.**
14. Библиографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября по 1-е декабря 1890 года.
15. Отъ учредителей общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ.
16. Листокъ объявленій.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1.

Я Н В А Р Ъ 1891 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1891.

2

768279

8804
и сас

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4-го января 1891 года.

2 (1891), 1

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

По вопросу о томъ, могутъ-ли лица, выдержавшія испытаніе изъ курса 6-ти классовъ реальныхъ училищъ, для пріобрѣтенія права на льготу 1-го разряда при отбываніи воинской повинности, быть принимаемы безъ экзамена въ дополнительный классъ.

(Цирк. Вилен. учеб. окр. № 5-й 1890 г.).

Въ отношеніи отъ 26-го марта 1890 г. управление Виленскаго округа просило разъясненія департамента народнаго просвѣщенія о томъ, могутъ-ли лица, выдержавшія испытаніе изъ курса 6-ти классовъ реальныхъ училищъ, для пріобрѣтенія права на льготу 1-го разряда при отбываніи воинской повинности, быть принимаемы безъ экзамена въ дополнительный классъ на одинаковомъ основаніи съ окончившими вообще курсъ 6-ти классовъ реальныхъ училищъ.

Нынѣ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ предложеніи отъ 19-го апрѣля сего года, за № 6.413, увѣдомилъ г. попечителя округа, что согласно съ мнѣніемъ, изложеннымъ въ приведенномъ отношеніи, его сіятельство и съ своей стороны полагаетъ, что лица, получившія изъ реального училища свидѣтельство на льготу 1-го разряда по воинской повинности, пріобрѣтаютъ, вмѣстѣ съ этимъ свидѣтельствомъ, спеціальныя права, указанныя въ этомъ документѣ, и не могутъ считаться удовлетворяющими требованіямъ для поступленія въ дополнительный классъ, ибо экзаменъ на льготу по воинской повинности имѣетъ въ виду опредѣленную цѣль—опредѣленіе правъ по воинской повинности. Если-же упомянутыя лица пожелаютъ поступить въ число учениковъ дополнительнаго класса, то они должны удовлетворить тѣмъ требованіямъ, какія предъявляются въ семъ отношеніи къ лицамъ, экзаменуемымъ вообще изъ курса 6-ти классовъ, именно, согласно § 48 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ реальныхъ училищъ, сіи лица должны написать собственноручно на русскомъ языкѣ краткую автобіографію, а равно удовлетворить требованіямъ, указаннымъ въ § 69 тѣхъ правилъ.

О такомъ предложеніи г. Министра Народнаго Просвѣщенія сообщается гг. директорамъ реальныхъ училищъ округа для руководства и исполненія.

По вопросу о томъ, на какія приходскія училища распространяется дѣйствіе закона 15-го января 1888 г. объ учрежденіи при нихъ званія почетныхъ блюстительницъ.

(Цирк. Одесск. учебн. окр. № 9—1890 г.).

Въ представленіи отъ 15-го февраля 1889 г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа просилъ о разъясненіи, слѣдуетъ-ли съ изданіемъ закона 15-го января 1888 г. о предоставленіи Министерству Народнаго Просвѣщенія права учреждать при приходскихъ училищахъ, въ коихъ обучаются однѣ дѣвочки или дѣти обоего пола, званіе почетныхъ блюстительницъ, считать ст. 13 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 г. отмѣненною по отношенію къ приходскимъ училищамъ, подвѣдомымъ училищнымъ совѣтамъ, или-же приведенный выше законъ распространяется лишь на тѣ приходскія училища, кои не подчинены училищнымъ совѣтамъ, а состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи училищнаго начальства.

На точномъ основаніи § 38 Высочайше утвержденной 29-го октября 1871 г. инструкции инспекторамъ народныхъ училищъ при училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, могутъ быть учреждаемы званія почетныхъ блюстителей, а при училищахъ, подвѣдомыхъ симъ совѣтамъ,—званія попечителей и попечительницъ.

Вслѣдствіе сего г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, что Высочайше утвержденное 15-го января 1888 г. мѣніе Комитета Министровъ о предоставленіи Министерству Народнаго Просвѣщенія права учреждать званія почетныхъ блюстительницъ при приходскихъ училищахъ касается лишь тѣхъ училищъ, кои не подчинены училищнымъ совѣтамъ; въ училищахъ-же, подвѣдомыхъ помянутымъ совѣтамъ, могутъ быть учреждаемы, попрежнему, лишь званія попечителей или попечительницъ.

О томъ, кѣмъ должны быть выдаваемы свидѣтельства о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4, нынѣ п. 3, ст. 56 уст. о воинской повинности.

На основаніи § 1 какъ утвержденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 16-го ноября 1885 года правилъ для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4, нынѣ п. 3, ст. 56 уст. о воин. повин., такъ и дѣйствовавшихъ ранѣе того правилъ 15-го октября 1874 г., означенныя свидѣтельства ученикамъ всѣхъ безъ исключенія учебныхъ заведеній 4-го разряда должны быть

выдаваемы мѣстными уѣздными училищными совѣтами, а гдѣ ихъ нѣтъ, педагогическими совѣтами поименованныхъ въ томъ § учебныхъ заведеній.

Между тѣмъ, изъ имѣющейся въ дѣлахъ департамента народнаго просвѣщенія переписки видно, что на заключеніе онаго нерѣдко поступаютъ изъ Главнаго Штаба свидѣтельства новобранцевъ объ окончаніи ими курса въ приходскихъ училищахъ по уставу 1828 г., одноклассныхъ сельскихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и начальныхъ училищахъ иныхъ категорій, выданныя отъ этихъ училищъ, съ прописаніемъ на сихъ свидѣтельствахъ, что удостоенныя ими лица пользуются при отбываніи воинской повинности льготою 4-го разряда по образованію. Весьма часто таковыя свидѣтельства выдаются на печатныхъ бланкахъ и даже за подписью подлежащаго инспектора народныхъ училищъ, слѣдовательно съ вѣдома и одобренія училищнаго начальства. О всѣхъ подобныхъ свидѣтельствахъ департаментъ народнаго просвѣщенія принужденъ давать Главному Штабу заключенія въ томъ смыслѣ, что сія свидѣтельства не имѣютъ значенія документовъ, дающихъ какія-либо права по ст. 56 уст. о воин. повин. Такимъ образомъ, предъявители этихъ свидѣтельствъ, можетъ быть, прошедшіе полный курсъ начальныхъ училищъ и по своимъ познаніямъ достойные льготныхъ по воинской повинности свидѣтельствъ, оказываются лишенными слѣдующихъ имъ правъ при отбываніи сей повинности единственно потому, что имъ, по винѣ мѣстнаго училищнаго начальства, были выданы свидѣтельства не въ установленномъ для сего порядкѣ.

Въ виду изложеннаго, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 7-го сентября 1890 г., за № 14.271, проситъ меня предложить подлежащимъ должностнымъ лицамъ С.-Петербургскаго учебнаго округа имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы ученикамъ учебныхъ заведеній причисленныхъ къ 4-му разряду въ отношеніи къ отбыванію воинской повинности, льготныя по сей повинности свидѣтельства были выдаваемы не иначе, какъ на точномъ основаніи правилъ для выдачи таковыхъ свидѣтельствъ, утвержденныхъ имъ 16-го ноября 1885 года.

О семъ для надлежащаго руководства и исполненія объявляется по округу.

Опредѣленія ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Министромъ, постановлено:

— Книгу: «А. Кунцевичъ. Руководство ариметики. Полный систематическій курсъ. Новгородъ. 1890, страницъ VIII+287. Цѣна 1 руб.» — одобрить какъ учебное пособіе для повторительнаго курса въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Общедоступная гигиена. Составилъ врачъ А. Антоновъ. Спб. 1889, страницъ 180» — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книжку: «Рациональный способ письма на основаніи изслѣдованій послѣдняго времени. Вредныя послѣдствія неправильнаго письма на зрѣніе, на ростъ и на развитіе грудной кѣтки у учащихся. Д-ра медицины *А. С. Виреніуса*. Спб. 1888, страницъ 44. Цѣна 30 коп.» — рекомендовать для учительскихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книжку: «Аффекты (Душевные движенія). Психо-физиологическій этюдъ д-ра *Ланге*, проф. въ Копенгагенѣ. Переводъ подъ редакцію *А. Виреніуса*. Спб. 1890, страницъ 65. Цѣна 60 коп.» — допустить для фундаментальныхъ библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Философская пропедевтика или основанія логики и психологии. *Т. Румпеля*. Переводъ *П. М. Цейдлера*. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1890, страницъ 126. Цѣна 75 коп.» — одобрить въ качествѣ руководства для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ проходитъ логика.

— Книгу: «*В. А. Яковлевъ*. Учебный курсъ теоріи словесности. Изданіе 2-е, переработанное. Спб. 1890, страницъ 230. Цѣна 1 р.» — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Употребленіе знаковъ препинанія въ русской письменной рѣчи. Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ *В. А. Кендзерскій*. Изданіе 2-е. Варшава. 1890, страницъ 95+70. Цѣна 75 коп.» — одобрить какъ пособіе при преподаваніи русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: «Латинская грамматика *Эллендта-Зейфферта*, переведенная съ приспособленіемъ къ преподаванію въ русскихъ гимназіяхъ *П. Пивничкиль*, старшимъ учителемъ лицея Цесаревича Николая, и *В. Зубковымъ*, экстра-ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета. Изданіе 7-е, исправленное. М. 1889, страницъ 8+314. Цѣна 1 р. 25 коп.» — одобрить какъ руководство для гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Сборникъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, составленный примѣнительно къ грамматикѣ Эллендта-Зейфферта, съ указаніями на грамматикѣ Кесслера и Шульца, *В. Зубковымъ*. М. 1888, страницъ 24+45. Цѣна 80 коп.» — одобрить въ видѣ пособія по латинскому языку для среднихъ классовъ гимназій, въ которыхъ за руководство принята грамматика Эллендта-Зейфферта.

— Книгу: «Синтаксисъ греческаго языка для гимназій. Составилъ *Ив. Млинаруичъ*, инспекторъ Тульской гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1890, страницъ 124. Цѣна 75 коп.» — одобрить въ качествѣ руководства по греческому языку для гимназій и прогимназій.

— Книгу: «*А. Петунниковъ*. Растительность Московской губерніи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растений дикорастущихъ и разводимыхъ въ предѣлахъ Московской губерніи. Москва. 1890, страницъ 355. Цѣна 2 р. 50 коп.» — одобрить какъ учебное пособіе для реальныхъ училищъ.

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Министромъ, постановлено:

— Издаваемый въ С.-Петербургѣ Алексѣемъ Альмедингенемъ журналъ «Читальня народной школы» за 1889 годъ (12 выпусковъ, цѣна безъ пересылки 2 руб.)—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ—

— Книгу: «Сборникъ систематическихъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ для начальныхъ городскихъ, сельскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Составилъ *А. Архиреевъ*. Спб. 1890. Въ 8-ку, 94 страницы. Цѣна 25 коп.»—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были исправлены указанные комитетомъ недостатки.

— Брошюру: «Какъ устроились общества трезвости. Разсказъ *о. Иоанна Наумовича*. М. 1888. Въ 8-ку, 16 страницъ. Цѣна 5 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Брошюру: «Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. Историческій разсказъ. *Г. П. Данилевскаго*. Изд. Спб. комитета грамотности. Спб. 1889. Въ 12-ю д. л., 27 страницъ. Цѣна 5 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и старшаго возраста городскихъ училищъ.

— Книги: 1) *В. О. Крижъ*. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Выпускъ I, содержащій въ себѣ 27 статей для самостоятельнаго чтенія сельскаго школьника. М. 1889. Цѣна 18 коп.» («Корешокъ, который выдается каждому ученику, пользующемуся этимъ сборникомъ. М. 1889. Цѣна 2 коп.») и 2) *Его же*. «Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. О домашнемъ чтеніи въ сельской школѣ. (Нѣсколько замѣчаній для учащихся). М. 1889. Цѣна 5 коп.»—допустить первую въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ для домашняго чтенія учениковъ, а вторую въ учительскія библіотеки тѣхъ-же училищъ.

— Книгу: «*Ө. Ө. Пуциковичъ*. Краткій курсъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ). Правила и письменныя грамматическія упражненія. Спб. 1890. Въ 8-ку, 123 страницы. Цѣна 35 коп.»—допустить къ употребленію въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ низшихъ училищахъ.

— Изданныя «Народной библіотекой» В. Н. Маракуева сочиненія *А. С. Пушкина* (М. въ 12-ю д. л.): 1) «Капитанская дочка». 1887 г., 181 страница, 2) «Мѣдный Всадникъ». 1887 г., 24 страницы и 3) «Полтава». 1887 г., 70 страницъ (Цѣны не обозначены)—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе сдѣланныя ученымъ комитетомъ указанія.

— Книгу: «Растительность Московской губерніи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растений дикорастущихъ и разводимыхъ въ предѣлахъ Московской губерніи. Составилъ *А. Петунниковъ*. М. 1890. Въ 8-ку, 355 страницъ. Цѣна 2 р. 50 коп.»—допустить въ учительскія

библіотеки низшихъ училищъ и въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: «Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. *Н. Раевского*. Изд. 3-е, съ 40 рисунками и 14 картами. М. 1890. Въ 8-ку, 130 стр. Цѣна 75 коп.»—одобрить, какъ руководство для означенныхъ училищъ.

— Книгу: «*Н. Бобровниковъ*. Сборникъ упражненій въ умственномъ счетѣ. Пособіе для учителей начальныхъ училищъ. Казань. 1890. Въ 8-ку, 93 стр. Цѣна 40 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы къ нынѣшнему-же изданію этой книги былъ приложенъ листокъ опечатокъ.

— Книгу: «Педагогическій календарь на 1890—1891 г. для учителей и воспитателей. Составилъ *В. А. Воскресенскій*. М. 1890. Цѣна 20 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: «Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Составилъ *Конст. Фед. Петровъ*. Изд. 3. Спб. 1890. Въ 8-ку, 110 стр. Цѣна 50 коп.»—допустить къ употребленію въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была исправлена согласно указаніямъ ученаго комитета.

— Составленныя графомъ *Л. Н. Толстымъ* книги: 1) «Первая русская книга для чтенія. Изд. 16-е. М. 1889. Въ 8-ку, 44 стр. Цѣна 10 коп.», 2) «Вторая русская книга для чтенія. Изд. 17-е. М. 1890. Въ 8-ку, 66 стр. Цѣна 12 коп.», 3) Третья русская книга для чтенія. Изд. 15-е. М. 1890. Въ 8-ку, 71 стр. Цѣна 12 коп.» и 4) «Четвертая русская книга для чтенія. Изд. 14-е. М. 1889. Въ 8-ку, 76 стр. Цѣна 16 коп.»—одобрить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: «Влижній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Историческая повѣсть для дѣтей. Сочиненіе *П. Р. Фурмана*. Спб. 1890. Въ 12-ю д. л., 263 стр. Цѣна 1 р. 25 к.»—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: «Послѣдній изъ могиканъ. *Фенимора Купера*. Изданіе «Народной библіотеки» *В. Н. Маракуева*. М. 1887. Цѣна не обозначена»—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

Страничка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка.

(Изъ воспоминаній А. П. Степанова) *).

Раннее дѣтство.

Гробъ его опустили въ землю и засыпали. Погребальное пѣніе умолкло и все стало тихо; только запахъ ладона мѣшался еще съ прохладнымъ воздухомъ утра. Мать моя поцѣловала могилу и велѣла мнѣ сдѣлать то же. Это было въ 1781 году.

Мы оставили монастырь св. Георгія. Мать моя, женщина лѣтъ 37-ми, не рвалась въ отчаяніи на гробъ отца моего; но съ полною тихою грустію, съ клятвою въ сердцѣ посвятить всю жизнь свою мнѣ, восьмилѣтнему ребенку, единственному залогу брачнаго союза ихъ, возвратилась въ деревню, лежащую въ семи верстахъ отъ обители.

Смерть отца моего была первымъ обстоятельствомъ, которое сдѣлало впечатлѣніе на душевныя способности мои, хотя довольно по-верхностно; ибо меня утѣшало новое черное платье и другія бездѣлицы.

*) Въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія А. П. Степановъ, авторъ обширнаго романа «Постоялый дворъ», пользовался очень большою извѣстностью. Въ 30-хъ годахъ зачитывались повѣствованіемъ о важномъ чиновникѣ со звѣздой, который, бросивъ блестящую карьеру, построилъ постоялый дворъ на большой дорогѣ. Героиней романа, княжной Серпуховской, также бредили его читательницы. Бѣлинскій отнесся отрицательно къ «Постоялому двору», да и дѣйствительно онъ не пережилъ своего времени, какъ произведеніе, художественная цѣнность котораго ослабляется чрезмѣрными длиннотами и отступленіями правоучительнаго характера. Но автору нельзя отказать въ наблюдательности и справедливости многихъ его «сердца горестныхъ замѣтъ». Предлагаемый отрывокъ воспоминаній А. П. Степанова является особенно цѣннымъ какъ съ педагогической точки зрѣнія, такъ и для историка литературы. Здѣсь мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о московскомъ пансіонѣ прошлаго вѣка проф. Шадена, чрезъ который прошелъ, между прочимъ, Н. М. Карамзинъ.

Однако-же, всякій вечеръ, когда я ложился спать, мнѣ становилось скучно, и при всякомъ огорченіи садился я въ уголокъ и плакалъ, думая о себѣ, какъ о сироткѣ.

Отецъ баловалъ меня болѣе матери; но училъ читать, писать и географіи. Всякій день я выучивалъ наизусть почти всѣ стихи изъ дѣтской бібліотеки Кампе; но никакъ не могъ понимать ариѳметики. Каждое утро и вечеромъ я долженъ былъ приходиться къ отцу, становиться на колѣна, складывать руки и молиться: *«Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты даровалъ мнѣ ночь сію уснуть покойно, даруй мнѣ день сей проводить благополучно, просвьти разумъ мой, научи меня творить волю Твою и сохрани меня отъ всякаго зла»*. Послѣ молитвы толковалъ онъ мнѣ о могуществѣ, о премудрости Творца и о любви къ Нему. Однажды, въ ясный зимній день, катая меня въ саняхъ по большой дорогѣ, онъ указалъ на поля, сверкающія лучами солнца, и сказалъ: «такъ-то, дружокъ мой, сіяютъ славою Божіею всѣ люди, которые любятъ Его». Я не понималъ истиннаго смысла сихъ словъ; но они показались мнѣ хороши и врѣзались въ дѣтское сердце. Отецъ мой изъ Шляхетскаго корпуса *) былъ выпущенъ поручикомъ въ 4-й гренадерскій полкъ, служилъ семи-лѣтнюю прусскую кампанію; потомъ послѣдовательно турецкую и вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ. Онъ любилъ рассказывать про военные подвиги русскихъ войскъ и вливалъ въ меня любовь къ славѣ. Онъ зналъ превосходно языки нѣмецкій и французскій, читалъ много, но преимущественно Вольтера. Помню, по крайней мѣрѣ, что обряды религіозные были ему совершенно чужды, и когда, бывало, по желанію матери моей, отправлялась въ домъ всенощная подъ какой-нибудь праздникъ, то онъ, сидя со мной въ боковой комнатѣ, рисовалъ мнѣ домики, солдатиковъ и цвѣты. Онъ любилъ цвѣты и занимался ими со всею тщательностью. Но прежде хочу описать старое жилище наше.

Нѣсколько сотъ душъ отецъ мой имѣлъ родовыхъ: часть въ Московской губерніи, деревня Ивлево, и часть въ Калужской губерніи, деревня Зеновка; сія послѣдняя поправилась ему болѣе, и въ ней-то основалъ онъ всегдашнее свое мѣстопробываніе. Между двумя отлогими возвышенностями протекаетъ быстрая маленькая рѣчка Переходня, сѣверный берегъ которой принадлежалъ сосѣду, а южный—намъ. Нашу отлогость, отъ востока и запада, перерѣзываютъ два глубокихъ оврага, примыкающіе къ рѣчкѣ. Надъ крутымъ запад-

*) При принцѣ Ангальтѣ, нынѣ 1-й кадетскій корпусъ.

нымъ оврагомъ расположена Зеновка наша, обѣшенная старинною липовою рощею; а за рвомъ восточнымъ, по которому протекаетъ ручей, разстилаются поля съ прекрасными разнородными рощами, между которыми извивалась дорога въ уѣздный городъ Мещовскъ; за рѣчкой вправо черилъа деревянная церковь чужаго села Шалова. Отецъ мой построилъ домъ на половинѣ отлогости между обоими рвами. Запрудилъ рѣчку плотивою съ мельницею, впустилъ воду въ оба рва и перекинулъ черезъ нихъ мосты и такимъ образомъ окружилъ себя водою съ трехъ сторонъ; отлогость выше дома и ниже, до самой рѣчки или пруда, покрылъ прелестнымъ садомъ, расположивъ надворное строеніе такъ и сякъ, по удобствамъ и приличію.

Садъ былъ вмѣстѣ и регулярный, и такъ называемый англійскій; въ нѣкихъ мѣстахъ длинныя липовыя аллеи пересѣкали одна другую, въ другомъ мѣстѣ: высокій орѣшникъ сплетался верхушками надъ длиннымъ углубленіемъ земли, поросшимъ густою растительностію и прилегающимъ къ пруду. Здѣсь пропущенная вода въ тесовой бассейнѣ составляла купальню. При входѣ въ одну аллею изъ березовой рощицы стояли два величественныхъ дуба и, вѣтвями склоняясь до земли, образовали превосходное убѣжище отъ зноя. Тамъ, гдѣ деревенскій ровъ оканчивается крутизою; гдѣ подножіе ея омывается водами, стояли на высотѣ ея столѣтніе липы и клены, распространяя густую, непроницаемую тѣнь. Здѣсь игралъ я въ войну съ дѣтьми крестьянскими; раздѣля ихъ на двѣ части, предводительствовалъ всегда тою, которая была внизу. Вооруженные высокими стеблями ангелики, или даже подсолнечниковъ, устремлялись мы на высоту и, осыпаемые со всѣхъ сторонъ шишками репейника, одерживали побѣду надъ противниками. Отецъ мой хохоталъ до слезъ и выбиралъ колочія шишки изъ моихъ волосъ *).

Большія куртины наполнены были превосходными яблоками, грушами и сливами; за барбариснымъ шпалерникомъ разстилался кустарникъ владимірскихъ вишенъ на большомъ пространствѣ. Гряды, разбитыя шахматами, пестрѣли различными ягодами: клубника, смородина, крыжовникъ мѣшались съ огородными овощами всякаго рода. Самый домъ купался въ цвѣтахъ: съ трехъ сторонъ онъ былъ обложенъ цвѣтами. Кисти сирени и махровый цвѣтъ бѣлыхъ розъ вѣшали въ растворенныя окна, розы алыя, лиліи бѣлыя, левкои, гвоз-

*) Въ 1784 году была въ Москвѣ карусель при графѣ Чернышовѣ; мнѣ тогда было три года; но долго говорили про эту карусель въ деревнѣ, и на пятомъ году я уже понималъ, что говорили, и полюбилъ рыцарство.

дики, резеда набросаны были на большомъ пространствѣ и наполняли всё комнаты дома благовоиѣмъ.

И все это отецъ разводилъ своими руками, не обременяя крестьянъ, не разстраивая своего имѣнія. Этого я не зналъ, но страсть къ садамъ и цвѣтамъ сдѣлалась во мнѣ господствующею.

Въ такомъ-то маленькомъ раѣ продолжалась жизнь моя послѣ смерти отца. Онъ оставилъ послѣ себя имя добраго и благороднаго человѣка. Онъ баловалъ меня больше матери, но пріучалъ ко всему изящному; никогда рука его не ложилась на мнѣ наказаніемъ, никогда никакая колкость не касалась моего слуха. Послѣ простой нагонки, слѣдовалъ тотчасъ миръ: я хлопалъ по его рукѣ своею ручкою и общалъ исправиться. Я любилъ отца моего.

Если кто-нибудь изъ людей расшибетъ какую-нибудь вещь, я бралъ это на себя; онъ зналъ это и прощалъ мнѣ ложь мою. Никто, кромѣ меня, не долженъ былъ подавать милостыню нищимъ, и я отдавалъ не рѣдко все платье съ себя дѣтямъ дворовыхъ людей. Отецъ, видя меня безъ камзола, въ одной рубашкѣ, цѣловалъ и плакалъ. Мнѣ не давали денегъ, исключая тѣхъ, которыми я въ видѣ милостыни долженъ былъ одѣлять нищихъ, и я не зналъ счета деньгамъ, я даже не любилъ ихъ, потому что они воняютъ, и всегда мылъ руки свои послѣ раздачи денегъ бѣднымъ.

Я учился нумераціи и сложенію; но однажды, сидя возлѣ отца, игралъ въ лото съ гостями; счастье мнѣ повезло: я выигралъ было до 20 гривенниковъ. «Возьми это себѣ,—сказалъ отецъ,—только перечти, сколько копѣекъ». Я не могъ этого сдѣлать. Онъ разсердился и сказалъ: «ты будешь весь твой вѣкъ безсчетный дуракъ», и выгналъ меня изъ комнаты. Въ дѣтской подъ окнами стоялъ слѣпецъ съ поводыремъ. Я взялъ за руку мальчика съ сумочкой, привелъ его въ гостиную и сказалъ отцу: «Папенька! отдай ему мои деньги». Отецъ мой засмѣялся, далъ нищему гривенникъ, погладилъ меня по головѣ и сказалъ: «Ты будешь все-таки дуракъ безсчетный; но добрый мальи». Это были почти послѣднія слова отца со мною: онъ скончался ночью отъ удара.

Все перемѣнилось. Вмѣсто изящества, меня стали пріучать къ порядку; но чѣмъ? колкостями и розгамъ. Къ послѣднимъ я привыкъ; но къ первымъ не могъ привыкнуть; однако-же заимствовалъ то, что ненавидѣлъ, и въ свою очередь колоть, какъ могъ и кого могъ. Матушка была подозрительна: нельзя было ни шептать, ни улыбаться; я этого не могъ понимать и подвергался наказанію, на меня смотрѣли, какъ-будто на взрослога, а я былъ глупѣе, чѣмъ дитя. Поряд-

докъ, вмѣсто того, чтобы мнѣ нравиться, сдѣлался мнѣ несносенъ: первое потому, что меня къ нему пріучили, а второе потому, что пріучили безпорядочно.

За всѣ мои шалости, въ которыя не входилъ убытокъ, не меня наказывали, а моего дядьку. Это мнѣ не нравилось: я находилъ въ этомъ несправедливость; однако-же не переставалъ шалить. Учитъ меня перестали, ожидая какого-то учителя, но время отъ времени заставляли читать священную исторію, и я утопалъ въ слезахъ при чтеніи о страданіяхъ Спасителя; тутъ мать меня ласкала, и я былъ счастливъ. Кампе найденъ бесполезнымъ; а чтобы меня отвлекать отъ рѣзвости, просили жену уѣзднаго лѣкаря, которая у насъ часто гостила, читать вслухъ какія-то рыцарскія повѣсти. Ничто мнѣ такъ не нравилось, какъ онѣ! Я затвердилъ всѣ эмблемы и девизы; тотчасъ были сдѣланы латы изъ голубыхъ обоевъ, пишаки изъ сахарной бумаги съ пѣтушными перьями, щитъ изъ крышки старой картонной коробки; эмблемой оставался рисунокъ соломенной шляпы, и я въ такомъ нарядѣ съ утра до вечера бродилъ вездѣ, не давая никому покоя. Скоро копье мое разрушило стеклянную люстру, и рыцарство мое уничтожилось при обыкновенной расплатѣ за убытокъ. Я чувствовалъ боль спины и оставался твердымъ; но рыдалъ какъ изступленный, когда раздирали мою броню и ломали оружіе. Любовь къ рыцарству не могли во мнѣ искоренить самыя лѣта.

Между тѣмъ куплено было село Шалово, прилегающее къ противоположному берегу рѣки. Матушка, наблюдая всевозможную экономію, умѣла жить гораздо виднѣе, чѣмъ-бы можно было; одѣвала меня какъ куколку; держала прекрасный экипажъ. Все это мнѣ очень нравилось. Я привыкалъ къ щегольству и въ особенности любилъ чваниться, когда мы къ Троицыну дню ѣзжали къ отцу матери моей С. О. Капиталинскому, жившему въ Смоленской губерніи, въ с. Шилевичахъ. Онъ былъ человѣкъ зажиточный. Домъ, или, лучше сказать, замокъ его, стоялъ посреди дремучихъ Духовчинскихъ лѣсовъ, на холмѣ, надъ прудами, наполненными рыбою. Регулярный садъ съ оранжереями примыкалъ съ одной стороны къ дому, между тѣмъ какъ съ другой липовый проспектъ велъ на хлѣбню или, лучше сказать, въ обширный городъ, въ которомъ улицы состояли изъ высочайшихъ золотыхъ скирдъ. За прудомъ—слобода крестьянская и церковь великолѣпная.

Къ Троицыну дню, храмовому празднику, собирались къ нему всѣ дѣти и внуки, нѣкоторые родные и сосѣди. Наканунѣ праздника все мыли, чистили люстры, жирандолы, оклады образовъ, посуду, под-

свѣчки и проч. Съ задняго крыльца повара и поваренки на большихъ лоткахъ приносили разные припасы и показывали бабушкѣ, которая сидѣла въ креслахъ посреди большой комнаты нижняго этажа и съ озабоченнымъ видомъ распоряжалась назначеніемъ безчисленнаго множества кушаньевъ. До 20 малютокъ стояли за нею и, вытараща глазенки, смотрѣли то на бабушку, то на поваровъ или ключниковъ. Въ одну изъ тѣхъ отраднѣхъ минутъ, когда бабушка, понюхавъ виргинскаго табаку, вынула платокъ свой, взмахнула имъ, приложила одинъ конецъ къ носу, и послышалось довольно звучное журчанье, одинъ изъ любимыхъ внучковъ дернулъ платокъ за другой конецъ и нижняя часть лица почтенной старушки открылась въ такомъ смѣшномъ состояніи, что всѣ предстоящіе ахнули, и девятнадцать звонкихъ голосковъ захохотали; но я, двадцатый, въ сердечномъ негодованіи на дерзкаго мальчика, схватилъ его за волосы; онъ вывернулся, и бѣлокурый локонъ остался у меня въ рукѣ. Чѣмъ-же кончилась исторія? Меня высѣкли и не давали тѣхъ остатковъ отъ приготовляемаго къ завтрашнему дню лакомства, которые розданы были моимъ товарищамъ.

Я пріучился переносить напраслину; однако-же не преминулъ въ уголкѣ поплакать и вспомнить объ отцѣ моемъ. На другой день я забылъ всю бѣду, видя себя одѣтымъ лучше всѣхъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, которые на меня смотрѣли съ завистью, за то сестрицы поглядывали съ улыбкою и называли молодцомъ. Больше всѣхъ нравилась мнѣ одна бѣлокурая съ голубымъ поясомъ и другая чернокудрая съ румяными щечками. Между ними стоялъ я въ церкви, между ними обѣдалъ, между ними сидѣлъ, когда играли въ фанты. Имъ читалъ я безпрестанно стихи изъ Кампе, хвастался нашимъ садомъ, прудами и тѣмъ, что былъ недавно съ матушкой въ Москвѣ. Онѣ слушали меня со вниманіемъ, спрашивали, дивились и усиливали мое тщеславіе.

Во все пребываніе наше въ гостяхъ я отличался передъ моими сверстниками равнодушіемъ ко всему, кромѣ сестрицъ моихъ. Одинъ только дѣдушка привлекалъ особенное мое уваженіе. Сидя на широкихъ креслахъ, въ колпакѣ, похожемъ на шапку царя Гороха, въ лиловомъ штофномъ халатѣ и съ трубкою на длинномъ чубукѣ, онъ казался мнѣ какимъ-то особымъ существомъ. Бабушку я не очень жаловалъ; однажды, выходя изъ-за стола, всѣ бросились цѣловать ея руки, и я также; къ бѣдѣ моей, двѣ сестрицы висѣли тогда у нея на рукахъ; вотъ, не знаю какъ ихъ рученки переплелись вмѣстѣ, и мнѣ припала охота черезполосно давать мои поцѣлуи, то имъ, то ба-

бушкѣ? Старушка замѣтила и отпустила мнѣ четыре пощочины. Въ добавленіе, мать моя, которая гордилась своею строгостью, назначила мнѣ розги, и если-бы не тетушка, то опредѣленіе было-бы приведено въ исполненіе. Тетушка, лѣтъ 26-ти, милая, веселая женщина, взяла меня подъ свое покровительство. Лежа послѣ обѣда на мягкой софѣ, она спросила меня, знаю-ли я стихи:

«А я, проспавши до полудни,
«Курю табакъ и кофе пью,
«Преобрашая въ праздникъ будни,
«Веду въ химерахъ жизнь мою».

И потомъ прочла мнѣ всѣ куплеты:

«На бархатномъ диванѣ лежа,
«Младая дѣва чувства вѣжа,
«Вливала въ сердце мнѣ любовь».

Я бросился къ моей тетушкѣ, цѣловалъ и просилъ, чтобъ она меня выучила этимъ стихамъ. Минута сія рѣшительно заронила въ меня страсть къ поэзій.

Дня за четыре до нашего отъѣзда, матушка получила письмо, что учителя скоро привезутъ въ нашу деревню, и потому мы послѣшили отъѣздомъ; но дѣдушка велѣлъ матери моей взять съ собою любимаго своего внучка, чтобъ учиться вмѣстѣ со мною.

Возвратясь домой, мы нашли учителя. Это былъ итальянецъ, маленькій, горбатенькій; но гордый, какъ испанскій грандъ. Онъ зналъ по-французски, съ произношеніемъ *у* вмѣсто *ю*; по-нѣмецки, какъ жидъ, и по-русски на смѣхъ дѣтямъ. Мы учились по-французски, по-нѣмецки по-итальянски и не говорили ни на одномъ; однако-же при гостяхъ онъ говорилъ съ нами всячески и мы отвѣчали всячески. Мы знали: «да, нѣтъ, ваша правда, какъ это? почему? очень хорошо! прелестно! вы меня смѣшите, разумѣется, исполню волю вашу» и пр., и пр.; только такъ хорошо мы умѣли принаравливаться къ нему, а онъ къ намъ, что обманывали весь свѣтъ.

Выуча насъ, какъ называются главные города и рѣки всѣхъ государствъ, главные хребты горъ, мысы, заливы, моря и нѣкоторые острова, онъ приступилъ тотчасъ къ исторіи и сѣлъ на одной изъ четырехъ древнихъ монархій, ибо мы все учили наизусть; а онъ, по-наторѣвъ въ умѣньи дѣлать выписки изъ географіи, никакъ не могъ сладить съ исторіею; и такъ мы втягивали какую-то печатную книгу въ память, какъ тощія клячи въ гору тащатъ.

Къ счастью, этотъ учитель не имѣлъ никакого познанія о событіяхъ нашего отечества, о государственномъ управленіи и, словомъ,

ни о какихъ важныхъ предметахъ, черезъ которые могъ-бы, искажая, вливать въ дѣтскія сердца ненависть къ своему и удивленіе къ чужому.

Онъ дополнилъ только свои лекціи: четырьмя правилами ариѳметики и миеологіею. Въ первой можно было отличатьсь съ честію, не робѣя бездны премудрости; послѣдняя мнѣ чрезвычайно правилась, и я зналъ очень хорошо всѣхъ боговъ языческихъ, не имѣя никакого понятія даже о катехизисѣ своей религіи.

Онъ училъ также чинить перья, дѣлать конверты и печатать письма, что, однако-же, скоро было прекращено; ибо расходъ на сургучъ и бумагу не понравился моей матери.

Въ дополненіе ко всему, горбатый итальянецъ показывалъ намъ элементы танцовальнаго искусства. Съ нами учились маленькія дочери лѣкарши и прѣѣзжали на танцы каждую среду и субботу двѣ сосѣдки. Безъ смѣху не могу я и теперь вспомнить, какъ нашъ Вестрисъ, надувая свою флейту, съ линейкою подъ мышкой, выкручивалъ менуэтъ косопальными ногами своими; но всего смѣшнѣе было то, когда онъ, замѣчая ошибку и во гнѣвѣ бросая флейту, бѣжалъ съ линейкою къ виновному. И тогда каждый останавливался въ той позиціи, въ которой засталъ его умолкшій звукъ флейты: одна присѣдала, другой кланялся, та подняла ногу, тотъ протянулъ руки, и что-же еще? каждый долженъ былъ не нарушать своего положенія, пока не кончится экзекуція линейкою и не возродятся новые звуки.

Въ разсужденіи нравственности не могу ничего сказать, помню только, что онъ говаривалъ о выгодахъ образованности и о томъ, что мужиковъ должно почитать дѣтьми. Онъ также былъ великій политикъ: отмѣнилъ тѣлесное наказаніе мнѣ и двоюродному брату моему. За то не жалѣлъ розогъ на атласной кожѣ нашихъ соученицъ. Одинъ онъ зналъ, почему ополчался такимъ образомъ на маленькихъ дѣвочекъ.

Всѣ мы четверо были годами почти сверстники, т.-е. отъ 7-ми до 8-ми лѣтъ: но дѣвочки были умнѣе насъ; а братъ умнѣе меня, хотя моложе. Онъ свелъ съ ними тѣсную дружбу. Часто они запирались вмѣстѣ и никогда не пускали меня къ себѣ, и я не сердился.

Любимое мое занятіе было сажать мухъ на булавочку и впрягать въ карточныя саночки; однажды мать увидѣла это полезное занятіе и велѣла принести вертелъ. «На что-же это, маменька?» спросилъ я.— «А чтобы тебя посадить на вертелъ, какъ ты садишь мухъ на булавку». Разительное сравненіе образумило меня, и я съ тѣхъ поръ не тиранилъ ни одного насѣкомаго.

Другое мое любимое занятіе было садоводство. Я ломалъ божье

дерево, пижму, калуферъ и другія разныя вѣточки и разсаживаль на дорожкахъ сада по рисунку моего воображенія. Вдругъ мнѣ пришло въ голову обломать всѣ сирени, розы, левкои и посадить ихъ на одной песчаной площадкѣ. Мнѣ такъ понравилось исполненіе сего плана, что я побѣждалъ къ матери и звалъ ее въ садъ, чтобы показать ей: *славное дѣло*. Преходя мимо цвѣтника и видя его почти опустѣлымъ, она удивилась и послала отыскивать садовника; но нѣсколько десятковъ шаговъ далѣе объяснилось все дѣло. Мнѣ велѣли собрать всѣ цвѣты и отнести въ комнаты. Розы отдали общипать на розовую воду; левкои и сирени поставили въ банки съ водою, а меня поставили на колѣни посреди цвѣтника. Горбунчикъ, выглядывая въ окно, кричалъ мнѣ: «*Così vano gli affari del mondo* *); а обѣ дѣвочки и братъ хохотали во все горло.

Къ матушкѣ приѣхалъ человекъ путный. Она меня представила, какъ дитя образованное, но добрый гость, старинный другъ отца, хотѣлъ повѣрить слова ея и заговорилъ со мною по-французски, по-нѣмецки, — не тутъ-то было. «Такъ покажите мнѣ, милое дитя, переводы свои», — и вотъ нѣсколько тетрадей на столѣ. «*Es war ein Mal in der Stadt Hamburg eine sehr grosse Familie, die aus Kleinen und grossen Leuten bestand. Der älteste Sohn hiess Robinson...*» Переводъ: «Евто было одинъ разъ въ городѣ Ханбурхѣ одна очень числомъ богатая фамилія, которая отъ маленькихъ и большихъ людей состояла...» — «Евтаго» довольно! воскликнулъ гость, — теперь скажите мнѣ, любезный, какой главный городъ въ Россіи?» — «Римъ.» — «Въ Пруссіи?» — «Парижъ.» — «Въ Австріи?» — «Вѣна.» — «Отчего же вы послѣднее сказали вѣрно; а первыя позабыли?» — «Нѣтъ, я не забылъ, насъ такъ учили.» — «Покажите ваму географію?»

Географическая тетрадь была согнута въ половину. На первомъ отдѣленіи стояли вопросы, на другомъ отвѣты. Вопросы начинались объ Италіи, потомъ о Франціи, Австріи, Пруссіи, въ концѣ о Россіи; слѣдовательно, отвѣты были расположены такъ: Римъ, Парижъ, Вѣна, Кенигсбергъ, Москва. Мы не учили вопросовъ, а только отвѣты; а какъ экзаменаторъ началъ съ другаго конца, то и отвѣты были неправильны до тѣхъ поръ, пока не повстрѣчались со всею точностію посредишъ.

Другъ отца моего огорчился; онъ раскрылъ настоящую систему ученья передъ матерью моею и совѣтовалъ ей и даже просилъ отдать меня въ пансіонъ къ какому-нибудь университетскому профессору.

*) Такъ на свѣтѣ все творится.

Пансіонъ профессора Шадена.

Совѣты искреннихъ друзей часто бывають въ добрый часъ: учителя отпустили, товарищей моихъ развезли по семействамъ, а меня отдали къ профессору Шадену. Признаться, парикъ Богдана Богдановича, французскій его кафтанъ и парчевый камзолъ привели меня въ столбнякъ съ перваго раза; но особенное благородство и доброта въ его фізіономіи распустили сжатое сердце мое. Онъ приглубилъ меня, погладилъ, и я вспомнилъ отца моего.

Профессоръ преподавалъ самъ географію, статистику, исторію и нѣмекій языкъ; жена его, почтенная нѣмка, учила по-французски. Одинъ бакалавръ—языку русскому, другой—математикѣ и священникъ—Закону Божію.

Насъ было десять человѣкъ, отъ 9 до 10 лѣтъ, и всѣ мы были какъ родныя дѣти двухъ бездѣтныхъ старцевъ, заслуживающихъ всесвѣтное уваженіе.

Попутру, каждый съ своимъ маленькимъ столикомъ, книгами, тетрадями, со всѣми ученическими припасами, входилъ въ залъ и располагался, гдѣ хотѣлъ; а послѣ чаю принимался за учење.

Уроки, въ которыхъ не нужно было никакихъ объясненій, прослушивала профессорша, по утрамъ, когда супругъ ея уѣзжалъ въ университетъ. Утромъ-же приходили въ назначенные часы другіе учителя. Обѣдъ представлялъ всегда трапезу семейную съ громкою молитвою до и послѣ обѣда. Въ четыре часа начинались собственные классы профессора. О, какъ любили мы собираться вокругъ него, когда онъ, въ большихъ своихъ креслахъ, въ пестромъ халатѣ и зеленомъ тафтяномъ колпакѣ, положи ноги на скамейку, рассказывалъ о разнообразныхъ произведеніяхъ природы, или событіяхъ міра (я только говорю о томъ, что понималъ). Богданъ Богдановичъ, привыкнувъ читать въ университетѣ лекціи римскаго права, съ такою-же важностью, спросивъ уроки у дѣтей, толковалъ, на примѣръ, о разведеніи винограда и разныхъ экономическихъ произрастеній, мало-помалу увлекался своими познаніями и, наконецъ, касался предметовъ, непонятныхъ для мальчиковъ, но болѣе уже доступныхъ для взрослыхъ, чѣмъ и начинались ихъ лекціи; а мы уходили въ свои комнаты.

Вечеромъ всякій занимался, чѣмъ хотѣлъ, но большіе ученики не позволяли иначе намъ играть, какъ приготовясь прежде къ заданному уроку; а какъ наши комнаты были довольно тѣсны, то, по праву сильнѣйшихъ, рѣзвость была изгнана совершенно изъ общества; мы не смѣли ни прыгать, ни шумѣть. Обыкновеннѣйшее занятіе

всѣхъ было слушать, лежа на кроватяхъ, какъ одинъ изъ старшихъ читалъ громко и внятно.

Библіотека Богдана Богдановича помѣщалась въ трехъ комнатахъ и занимала всѣ стѣны съ низу до верху. Она была одна изъ лучшихъ частныхъ библіотекъ, принимая въ соображеніе выборъ книгъ. Кромѣ того, что она вмѣщала всѣхъ классическихъ авторовъ: латинскихъ, греческихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ, въ ней находилось множество книгъ или отличныхъ своимъ изданіемъ, или древностью. Шкафы имѣли свои номера, и каждый изъ насъ имѣлъ свое отдѣленіе, а какъ они были безъ стеколъ и рамъ, то наша должность состояла въ томъ, чтобъ обметать съ нихъ пыль всякую субботу послѣ обѣда; за то мы имѣли право пользоваться чтеніемъ, когда хотѣли, не спрашивая особеннаго дозволенія; но изъ чужаго шкафа не могли иначе брать, какъ съ согласія того, кто имъ завѣдывалъ.

Въ моемъ шкафѣ были всевозможные лексиконы и словари: историческіе, географическіе, ботаническіе, физическіе и пр. и пр., и я любилъ чрезвычайно дѣлать выписки изъ нихъ въ особую тетрадь.

Въ комнатахъ читали вслухъ обыкновенно по-нѣмецки, по-французски и по-русски, стихами и прозой, творенія лучшихъ авторовъ. Телемакъ, Нума Помпилій, Генріада запечатлѣлись въ душѣ моей. Я не любилъ Калипсо Виргилія; но прелестный идеалъ нимфы Эгеріи остался въ моемъ воображеніи. Генрихъ I-й былъ существо мною обожанное. Въ Россіадѣ любилъ то мѣсто, гдѣ, по взятіи Казани, Адашевъ и другіе герои повергали къ стопамъ Иоанновымъ свои трофеи. Разбойника ненавидѣлъ—знакъ, что я не могъ еще увлекаться красотой слога; но понималъ все какъ сказки.

Прилежниѣ всѣхъ я былъ у бакалавра російской словесности, и любилъ безъ памяти декламировать Ломоносова.

Классъ еще не кончился, когда Богданъ Богдановичъ возвратился однажды изъ университета и вошелъ въ залъ въ треугольной своей шляпѣ, держа трость съ золотымъ набалдашникомъ. Я продолжалъ читать:

«...Цѣлуйте, грома съ тишиною,
«Умойтесь, молніи, росюю,
«Стань, кругъ планетъ,
въ счастливый рядъ».

Не снимая шляпы, опершись на трость и сжавши губы, профессоръ слушалъ меня со вниманіемъ и потомъ спросилъ: «Что означаютъ эти стихи? Нельзя-ли изъ нихъ сдѣлать перифразъ?»—«Перифразъ

сдѣлать не мудрено», возразилъ бакалавръ, «но онъ изуродуетъ весь періодъ; ибо всѣ слова стоятъ въ надлежащемъ своемъ порядкѣ будто въ прозѣ». — «То-есть», отвѣчалъ профессоръ, «синтаксисъ въ этихъ словахъ превосходный. Но почему-же я не понимаю, что это значитъ? Можетъ быть, отъ того, что я нѣмецъ; растолкуйте мнѣ смыслъ, г. бакалавръ». — «Ломоносовъ хотѣлъ ими изобразить спокойствіе, благоденствіе». — «Но могъ-ли авторъ успѣть въ своемъ намѣреніи? Что означаютъ объятія безпокойства съ спокойствіемъ? Одно исчезаетъ, когда другое появляется. Какъ можетъ молнія умыться росой? Здѣсь, сударь, нарушена физическая истина. Мой Hasenfuss будетъ мыслить, что роса высыхаетъ посредствомъ грозы и, наконецъ, что это такой: стань, кругъ планетъ, въ шасливый радъ?» Здѣсь профессоръ представилъ палецъ ко лбу, помолчалъ нѣсколько времени, и потомъ, повертывая кистью руки своей надъ возвышеннымъ челомъ, прибавилъ: «г. бакалавръ! признайтесь, что въ этомъ кругѣ планетъ, въ этомъ счастливомъ рядѣ находится что-то такое похожее на Брюсовъ календарь. Это совершенная безмыслица, г. бакалавръ». Слова Богдана Богдановича сдѣлали на меня большое впечатлѣніе; но не такъ, какъ-бы ожидать можно было. За нѣсколько дней мнѣ сказано было также при чтеніи моего перевода Езоповой басни, что въ немъ находится безмыслица. Я вспомнилъ эти слова при разговорѣ профессора съ бакалавромъ и тотчасъ мелькнула мысль: почему-же и мнѣ не писать стиховъ?

Въ это время ушелъ отъ насъ одинъ ученикъ, былъ пойманъ верстъ за десять отъ Москвы, приведенъ полиціей и наказанъ рукою самого профессора. Онъ рассказывалъ намъ чудеса путешествія своего, и я рѣшился написать поэму.

Стали замѣчать, что я отстаю во многихъ урокахъ. Стали доискиваться и, наконецъ, старшій ученикъ открылъ мою парнасскую тетрадь и представилъ ее профессору. Богданъ Богдановичъ долго смѣялся по своему, т.-е. такъ, что слышала вся нѣмецкая слобода, гдѣ былъ нашъ домъ, сравнивая мою поэму съ чудесами Владиміра возрожденнаго (?) и, наконецъ, велѣлъ сжечь ее на очагѣ публично.

Сіе происшествіе произвело на меня такое впечатлѣніе, какое возбуждается по большей части при подобныхъ дѣйствіяхъ, т.-е. я сдѣлался рѣшительно стихокропателемъ на десятомъ году моего возраста.

Грустно было мнѣ, когда матушка, привезя меня въ пансіонъ, простилась со мною; но общество моихъ сверстниковъ, разнообразныя незнакомые предметы, съ которыми по необходимости нужно было спознаться, развлекли меня въ короткое время. Однако-же на про-

гулкѣ съ товарищами въ Лефортовскомъ саду, я съ любовью припоминалъ свой деревенскій и, кажется, предпочиталъ его новому своему гуляню. Тамъ все повиновалось мнѣ; здѣсь я ничто, одинъ, безъ привѣта, безъ ласки, безъ утѣшенія. Денегъ и здѣсь не давали мнѣ: онѣ были у дядьки, который покупалъ мнѣ на нихъ разныя бездѣлицы. За то присылали много изъ деревни варенья, конфетовъ, кренделей, сухариковъ и проч. Все это было съѣдаемо вдругъ съ товарищами, но рѣдкій изъ нихъ угощалъ меня чѣмъ-нибудь. Эти минуты были для меня самыя огорчительныя; однако-же не сдерживали меня, и я при первомъ случаѣ впадалъ въ новую щедрость. Платье мое, всегда щегольское, было залито и замарано: всѣ вещи мои валялись тамъ и сямъ; часто, очень часто случалось, что посрединѣ комнаты навалена была груда книгъ, коробочекъ, карандашей и всякихъ бездѣлицъ, и все это принадлежало мнѣ и было сбрасываемо каждымъ ученикомъ съ его кровати. Меня звали Hasenfuss и Windbeutel.

Въ церковь насъ никогда не водили; но я не переставалъ по утрамъ читать отповскую молитву потихоньку въ уголкѣ. Профессоръ не занимался практически нашею нравственностью и довольствовался тѣмъ, что преподавалъ ее во время обѣда на словахъ. Спасибо ему и за то. Сколько помню, главными предметами его разговора были: правосудіе, безкорыстіе, любовь къ отечеству, трудолюбіе

Я занемогъ лихорадкою, которую за всѣмъ стараніемъ хорошаго медика не могли вылечить прежде шести мѣсяцевъ, и даже по излеченіи осталась у меня затвердѣлость. Долго не могли понять отчего; я съѣлъ очень много хины и не выздоравливаю; но наконецъ тайну открыли и приняли особыя мѣры. Шесть дней соблюдалъ я постоянно легкую діету, по крайней мѣрѣ, мнѣ не давали того, что противно лихорадкѣ; но въ седьмой день бралъ меня къ себѣ богатый родственникъ отца, Левъ Прокофьевичъ Демидовъ. По воскресеньямъ собирались у него, много родныхъ и знакомыхъ съѣзжалось къ обѣду, и чего на немъ не было? и чего я не ѣлъ? Это-же самое появленіе мое у такого родственника сдѣлало то, что я разстался съ добрымъ Богданомъ Богдановичемъ. Тетушки и кузины замѣтили, что я не умѣю говорить по-французски; вспыхнули гнѣвомъ на профессора, писали къ матушкѣ, что у него не занимаются ни языками, ни здоровьемъ дѣтей, и вслѣдствіе такого доноса меня перевели въ Московскій университетскій пансіонъ.

У профессора было мнѣ точно такъ, будто мать моя позволила мнѣ погостить у дѣтей какого-нибудь почтительнаго сосѣда. Мало было разницы отъ жизни частной, домашней. Мы не знали никакой

подчиненности, любили старика, какъ отца роднаго, а другъ друга, какъ братьевъ; ходили, гуляли, играли, рѣзвились—все по общему согласію. Всѣ мы были равны, разница существовала только въ лѣтахъ, которыя и вызывали разныя качества. У насъ не было никакихъ наградъ; но за то иногда насъ ласкали, приголубливали, а наказаніе заключалось въ холодномъ отношеніи, въ хорошей нагонкѣ и въ лишеніи надзора за шкафомъ съ книгами; но все это было на короткое время. Мы не знали ни ядовитыхъ упрековъ и продолжительнаго гнѣва, ничего такого, что на долгое время разстраиваетъ дѣтскую веселость и ожесточаетъ характеръ. Въ обидахъ или ссорахъ судъ и расправа были подъ рукой: все прекращалось предъ лицомъ профессора извиненіемъ передъ обиженнымъ и братскими искренними поцѣлуями. Интригъ и сплетней мы не знали, и потому всѣ дѣйствія наши были свободны и открыты.

Дома я узналъ уже маленькій деспотизмъ: тамъ все мнѣ повиновалось; хотя и чувствовалъ, что нахожусь подъ неограниченною властью матери, однако-же гдѣ могъ—такъ повелѣвалъ.

У профессора я чувствовалъ, что онъ не есть мой неограниченный властитель, ибо зналъ, что мать можетъ меня взять отъ него; однако-же привычка къ маленькому самовластію оставила меня, потому что никто изъ товарищей не уважалъ моихъ прихотей. Это послѣднее обстоятельство подготовило меня къ такому училищу, какъ Московскій университетскій пансіонъ.

Въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ.

Дядя мой, Руфъ Семеновичъ, привезъ меня къ инспектору (тогда не было директоровъ); г. профессоръ Антонскій поговорилъ со мною о томъ, чему я учился, и велѣлъ явиться къ главному надзирателю.

Теперь, я ростомъ не великъ; но росъ чрезвычайно скоро и тогда, на одиннадцатомъ году моего возраста, казался лѣтъ тринадцати, что было поводомъ главному надзирателю помѣстить меня въ комнатѣ съ большими. Меня помѣстили въ классы грамматическіе по словесному отдѣленію и, сообразно тому, въ классы другихъ наукъ. Мнѣ велѣли также учиться на флейтѣ, танцовать и рисовать.

Вдругъ я увидѣлъ надъ собою множество начальниковъ и постепенство начальства. Въ моей комнатѣ былъ надзиратель студентъ; надъ нимъ главный, французъ Сабатье, а надъ нимъ уже профессоръ Антонскій; кураторы Мелисино, Херасковъ, фонъ-Визинъ, которые показывались только при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Я увидѣлъ болѣе 200 товарищей, отъ 8 до 20 и болѣе лѣтъ; строгій порядокъ въ классахъ, за трапезой и въ самыхъ прогулкахъ; мундирные сюртуки сторожей — лицъ довольно значительныхъ для школьниковъ; мундиры университетскихъ чиновниковъ; экзаменаторскую залу и портретъ Императрицы во весь ростъ.

Все для меня чуждо, никого нѣтъ, кому-бы я могъ открыть душу свою. Старый дядька Иванъ Прокофьевичъ былъ далеко-далеко отъ меня, въ преисподней, въ комнатахъ, похожихъ на мрачную тюрьму, которая показывалась мнѣ только по звонку, по утру и вечеромъ. О! съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я всегда звонка вечерняго, отводилъ старика въ темную амбразуру окна и плакалъ — о немъ, о себѣ, о матери.

Всѣ большія учебныя заведенія суть въ меньшемъ видѣ поприще свѣта, суть преддверіе къ храму великихъ испытаній. Здѣсь не такъ уже, какъ у профессора Шадена; здѣсь воля моя терпѣла не отъ того только, что ей противорѣчили невниманіемъ, но отъ самыхъ побоевъ или толчковъ моихъ товарищей.

Я узналъ о существованіи неравенства со всѣми доказательствами. Узналъ, что большое количество превосходитъ малое; сильный отнимаетъ у слабѣйшаго; разсудокъ сильнѣе физической силы. О! какъ я удивлялся тому, что иной 17-ти-лѣтній ученикъ сидитъ со мною вмѣстѣ, или въ самыхъ низшихъ классахъ.

Я узналъ послѣдствія буйной свободы. Комнатный надзиратель нашъ, человѣкъ молодой, ушелъ тотчасъ послѣ ужина, прося насъ быть какъ можно скромнѣе. Ударилъ часъ полуночи, и вотъ, одинъ изъ самыхъ затѣйливыхъ шалуновъ взываетъ къ возстанію. Все вздрогнуло, пробудилось и готово на гласъ призывный. «Друзья! говоритъ онъ, — что такое комната благонравная, полублагонравная? *) что за раздѣленіе возмутительное? что за подраздѣленіе глушое! и притомъ: полублагонравный NN тогда-то, тамъ-то издѣвался надъ нашею комнатою, рисовалъ на нее каррикатуры, далъ смѣшныя имена каждому... Мщеніе, друзья, мщеніе!» и нашимъ отголоскомъ было — мщеніе. Встаемъ, покрываемся всѣ простынями, вооружаемся своими чернильницами и, какъ привидѣнія, несемся черезъ величайшую амфиладу классовъ, при томномъ свѣтѣ лампъ вторгаемся къ воспитанникамъ, которые спали сномъ покойнымъ, раздѣляемся по кроватямъ, обливаемъ чернилами каждого съ ногъ до головы и — исчезаемъ.

На другой день пятерыхъ полублагонравныхъ, заболѣвшихъ отъ

*) Особенныя комнаты, гдѣ жили лучшіе воспитанники.

испуга, отъ залитія глазъ чернилами, отвели въ лазаретъ. Насъ пере-сѣкли и пѣлюю недѣлю держали на хлѣбѣ и водѣ. Это потрясло мое маленькое сердце, и я просилъ только Бога, чтобы новыи комнатный надзиратель не уходилъ никогда по ночамъ.

Должно, однако-же, признаться, что въ душѣ моей заронила искра какого-то отчаяннiя со второго дня моего поступленiя въ училище отъ неосторожности главнаго надзирателя. Я прогуливался по залу рука объ руку съ однимъ товарищемъ, какъ вдругъ является Сабатье, глядитъ на насъ пристально и со всевозможною важною говорить: «подобный подобнаго ищеть». Я не зналъ, къ чему это клонится, и просилъ другихъ товарищей растолковать; а когда они сказали мнѣ, что ученикъ, съ которымъ я ходилъ, одинъ изъ самыхъ дурныхъ, то негодованiе мое на главнаго надзирателя было такъ велико, что онъ навсегда въ глазахъ моихъ остался человѣкомъ презрѣннымъ.

Отвращенiе мое къ нему возрасло еще болѣе отъ явной несправедливости. Украли у одного ученика коробочку. Черезъ недѣлю послѣ этого происшествiя, я поссорился съ другимъ, и на другой-же день по утру коробочку нашли у меня подъ подушкой. Русскiй студентъ, комнатный надзиратель, хотѣлъ разобрать дѣло толкомъ, говорилъ, что воръ не положить украденной вещи такъ близко; но г. Сабатье въ рѣшительномъ опредѣленiи своемъ возразилъ, что глупому вору все возможно (видно, онъ зналъ свое дѣло) и поставилъ меня къ ослиному столу. Г. профессоръ Антонскiй видѣлъ меня въ этомъ углу, зналъ отъ главнаго надзирателя мою вину и потомъ, приобща къ тому ночную экспедицію въ комнату полублагонравныхъ, имѣлъ уже обо мнѣ дурное мнѣнiе, тѣмъ болѣе, что я не умѣлъ подлаживаться къ ученикамъ, заслуживающимъ всеобщее уваженiе и которые могли-бы меня поправить въ дурномъ его мнѣнiи.

Я любилъ учиться тому, что мнѣ нравилось, и не заботился о пользѣ, потому что никто мнѣ о ней не говаривалъ. Словесность русская, исторiя, статистика, натуральная исторiя, богословiе и рисованiе были любимымъ моимъ занятiемъ. Въ математикѣ я тянулъ проволоку. Въ танцевальный классъ ходилъ только для того, чтобъ любоваться, какъ толстѣйшiй Сабiани, обливаемый потомъ, трудился надъ образованiемъ паяповъ. Такъ говорилъ я громко, и мнѣ запретили ходить къ нему. Флейта надоѣла; я залѣпилъ чернымъ воскомъ всѣ дырочки и налилъ ее водою; а когда пришла моя очередь надуть осьмушки и я сѣлъ, по введенному у насъ обычаю, по лѣвую сторону г. Брызгалова, то навелъ конецъ моей флейты прямо ему въ глаза и такъ хорошо дунулъ, что все количество воды, безъ по-

тери малѣйшей капли, попало ему въ лицо. Старикъ Брызгаловъ разсердился и, не говоря ни слова, побѣжалъ къ Автонскому, который въ то время ходилъ по классамъ, и г. профессоръ, не говоря также ни слова, взялъ меня за ухо и черезъ нѣсколько покоевъ привелъ въ классъ рапирный. О чудеса! другого наказанія, кромѣ краснаго уха, я не имѣлъ. Г. Непочетной принялъ меня съ распростертыми руками, и я, съ благословеніемъ духа брани, пустился колотиться и рубиться. Съ тѣхъ поръ земля не держала меня надъ собою, и я каждую среду и субботу, держа въ одной рукѣ доску съ рисункомъ, а въ другой рапиру, задавалъ купе встрѣчному и поперечному, направо и налѣво.

Время вакантное всякій годъ я проводилъ въ деревнѣ у матушки. Часто находилъ тамъ родныхъ и въ томъ числѣ бѣлокурую мою сестрицу. Иногда всѣ вмѣстѣ ѣздили къ другой чернокудрой, которая воспитывалась у своей бабушки. Въ какихъ удовольствіяхъ текли дни свиданія нашего. Обѣ сестрицы и теперь, какъ прежде, были гораздо развитѣе меня. Онѣ умѣли уже говорить о любви: но черная съ румяными щечками была скромнѣе, строже и образованнѣе; бѣлокурая была ласковѣе, забавнѣе; но я, однако-же, любилъ болѣе первую.

Сердце мое не было нравственно испорчено; я любилъ что-то неземное, слушалъ съ удовольствіемъ богословскія лекціи, находя въ нихъ таинственность, и хотя, признаться, увлеченный духомъ вѣка и школы, имѣлъ совершенно слабыя понятія о религіозныхъ и церковныхъ законахъ, но восторгался Спасителемъ, находя въ чемъ чистѣйшее возвышеннѣйшее Божественное существо. Меня влекла любовь небесная, и въ отношеніяхъ съ сестрицами была только братская чистая любовь. Я бѣгалъ съ ними по садамъ, лугамъ и рощамъ и, чтобы показать свое молодечество, взлѣзалъ на вершины столѣтнихъ дубовъ, или бросался съ утесистой вышины на лугъ, покрытый густою травою; часто переносилъ обѣихъ черезъ ручей, или, догоняя сперва одну, бросалъ ее и стремился за другою.

Часто, сидя въ круговникѣ или лежа въ цвѣтахъ, говорили мы всякую всячину; иногда выводили соотношенія красокъ съ городами или именами людей: Москва казалась намъ красною, Архангельскъ бѣлымъ. Катерина лазурною; Анна желтою. Читали стихи, спорили, смѣялись. Однажды зашелъ разговоръ о войнѣ: бѣлокурая называла Румянцева «фердмаршаломъ». Черная замѣтила ей, что онъ фельдмаршалъ. Не знаю, почему вздумалось мнѣ взять сторону первой и объяснить слово фердмаршалъ тѣмъ, что оно происходитъ отъ слова Pferd (лошадь) и означаетъ званіе чиновника, имѣвшаго надзоръ за

конюшными французскихъ королей. Черная захлебывалась отъ смѣха— «и такъ, сказала она, Румянцевъ начальникъ надъ лошадьми! О скорѣе, скорѣе иди на службу къ нему». — Я всникнулъ, перебѣждалъ въ памяти всю исторію, утверждалъ, что маршалъ конюшни королевской состоялъ подъ начальствомъ констабля, что маршалы облечены военнымъ достоинствомъ въ XI или XII столѣтіяхъ при Филиппѣ Завоевателѣ. Ничто не помогло. Побѣждали за лексикономъ, развернули мнѣ подъ самые глаза и указывали пальчикомъ. Я долженъ былъ признаться, къ стыду моей реторической и исторической учености, что виновать.

Наконецъ, пришло время разлуки—

Ударилъ часъ унылый
 Всѣ трое вмѣстѣ обнялись,
 И мы взаимно поклялись
 Любить другъ друга до могилы ³⁾.

«Фердмаршалъ» подстрекалъ меня удивительнымъ образомъ, я чувствовалъ превосходство дѣвочекъ надо мною и стыдился. Возвратясь въ университетъ, я принялся учиться; но никто не управлялъ моими добрыми намѣреніями. Наклонность къ рыцарству, къ военной службѣ мѣшали обогащаться нужными для того свѣдѣніями. Математическія науки оставались у меня всегда безъ вниманія, и я ограничивался только пламеннымъ усердіемъ къ фронту и карауламъ. Въ пансіонѣ находилась полная аммуниція для всѣхъ воспитанниковъ. Насъ обучалъ экзерциціи и эволюціи офицеръ изъ какого-то полка, расположеннаго въ Москвѣ. Мы ходили на Воробьевы горы, къ Петровскому дворцу и стояли тамъ нѣсколько времени лагеремъ. Мы имѣли свой театръ, и всякое почти воскресенье бывали собранія, которыя посѣщали матери, сестры и родственники воспитанниковъ. По всей амфиладѣ классовъ, отъ залы собранія до театра, разставлялись часовые съ ружьями въ прекрасной одеждѣ, и я былъ всегда часовымъ. Опершись на ружье смотрѣлъ я съ приятнымъ уныніемъ. Я любилъ мечтать; смерть родныхъ и разлуки съ ними пріучали меня мало по малу къ унынію.

Въ началѣ пребыванія моего въ пансіонѣ я держалъ первый экзаменъ совершенно равнодушно. Не пріученный къ наградамъ, я нисколько о нихъ не заботился и, вытараща глаза, смотрѣлъ на радость однихъ и съ удивленіемъ на печаль другихъ. За экзаменъ ничего мнѣ не дали, но перевели въ классы историческіе. Я не почи-

*) Это были первые стихи, которые вылились у меня экспромтомъ.

талъ себя обиженнымъ и не завидовалъ. Никто никогда меня не опирялъ ни словомъ, ни дѣломъ. На слѣдующемъ экзаменѣ я получилъ четыре книги, и никто не приласкалъ меня.

Я радъ былъ награждѣ; но забылъ о ней до того, что на другой день за ужиномъ спорилъ, что мнѣ дали три, а не четыре книги.

Однажды въ русскомъ классѣ учитель, перебирая наши сочиненія, читалъ громко мои стихи.

О с е н ь .

Въ послѣдній разъ еще взглянуло
 На землю солнышко съ небесъ
 И въ мрачныхъ небесахъ уснуло,
 И пожелтѣлъ дремучій лѣсъ.

Въ это время вошелъ Антонскій, сѣлъ на скамейку и началъ слушать.

...И вѣтры заревѣли бурны,
 И эхо стонетъ въ далекѣ,
 И въ чистой, луговой рѣкѣ
 Смуглился струи лазурны...

«Стихи отлично дурны, возразилъ Г. Антонскій,—и я даже могу угадать, что они истекаютъ изъ комнаты дурной. Лучше-бы вести себя хорошо, чѣмъ писать стихи-то дурные».

Такое возраженіе не могло погасить возрождавшейся во мнѣ страсти. Голова моя наполнена уже была всѣми, такъ сказать, изящными выборками изъ исторіи природы и искусствъ. Египетъ, Персія, Греція, Римъ, Аттила, Норманны, Карлъ Великій, въ особенности крестовые походы, Львиныя сердца, Желѣзныя руки, рыцари храма, Францъ I, Баярдъ, Людовикъ XIV, Густавъ Ваза, Карлъ XII и Петръ являлись мнѣ въ лучезарныхъ вѣнцахъ воинственной славы. Пирамиды,obelisks, храмы языческіе, великолѣпныя зданія, знаменитѣйшія произведенія зодчества и живописи—все это въ воображеніи моемъ дополнялось преувеличиваніемъ и представляло плѣнительную Шехеразиду. Я почиталъ себя обладателемъ всѣхъ изящныхъ сокровищъ міра и болѣе чѣмъ когда-нибудь пренебрегалъ деньгами, потому что мнѣ ничего не стоило создать замокъ и его украсить прелестями искусствъ и художествъ въ моемъ воображеніи.

ИЗЪ МОИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Мнѣ было уже лѣтъ четырнадцать, когда, около новаго года, отецъ рѣшительно объявилъ, что повезетъ меня и сестру Любиньку въ Петербургъ учиться. Приготовлены были двѣ кожаныхъ кибитки съ фартуками и круглыми стеклянными по бокамъ окопечками, и, какъ-бы въ родѣ репетиціи, отецъ повезъ насъ съ сестрою въ Орелъ проститься съ дѣдушкой. Нервная мать все время не могла удержаться отъ слезъ; но это видимо только раздражало отца, и онъ повторялъ: «вѣтъ, вѣтъ, это не моя метода; такъ-то, говорятъ, обезьяны обнимаютъ дѣтей да и задушатъ. Дѣти не игрушки; по моему, поѣзжай хоть въ Америку, да будь счастливъ».

Все дѣлалось по совѣщанію съ дядей Петромъ Неофитовичемъ, и я даже подозреваю—съ его матеріальной помощью. Домашній портной Антонъ не только смастерилъ мнѣ фракную пару изъ старой отцовской, но сшилъ и новый синій сюртукъ, спускавшійся мнѣ чуть не до пятъ. Дядя подарилъ мнѣ плоскіе серебряные часы съ золоченымъ ободкомъ и 300 руб. ассигнаціями денегъ.

Наконецъ въ переднюю кибитку, по возможности нагруженную, подобно задней, всякимъ добромъ, преимущественно конфетами въ подарки, сѣли мы съ отцомъ, а во второй слѣдовала нянька съ Любинькой; на облучкахъ ѣхали: Илья Аванасевичъ и дорожный поваръ Аванасій, мой бывший учитель.

Дѣти, если это возможно, еще большіе эгоисты, чѣмъ взрослые, и, прощаясь съ матерью, я, гордый предстоящей, какъ я думалъ, свободой, не понималъ, съ какою материнскою нѣжностью разлучаюсь.

Дядя Петръ Неофитовичъ, соскучась зимою въ деревнѣ, купилъ въ Мценскѣ небольшой домикъ, состоявшій изъ передней, порядочной столовой и спальни. У него почти ежедневно обѣдали и по вечерамъ играли въ карты артиллерійскіе офицеры, и онъ говорилъ шуткой: «я выставлю надъ крыльцомъ надпись: клубъ для благородныхъ людей».

Вотъ къ этому-то дому и подѣхали наши кибитки по пути въ Москву, и передъ наступленіемъ сумерекъ привели ямскихъ лошадей.

— Илюшка, сказалъ Ильѣ Аванасьевичу на прощанье дядя:—вотъ тебѣ по дѣлковому вашимъ ямщикамъ, если они птицей пролетятъ первую станцію. Такъ и скажи имъ.

Къ сожалѣнію, мы попали въ такіе ухабы и развалы, при которыхъ о птичьемъ полетѣ нечего было и думать. Вѣроятно, избѣгая еще худшей дороги, мы поѣхали не на Тулу, а на Калугу, и это единственный разъ въ жизни, что мнѣ удалось побывать въ этомъ городѣ, въ которомъ помню только громадное количество голубей да надпись на окнѣ постоялаго двора: «мы пріѣхали въ Калугу къ любимому другу».

Въ Москвѣ, остановившись въ гостинницѣ Шевалдышева, на нижнемъ концѣ Тверской, отецъ повезъ насъ съ сестрою въ домъ нашего деревенскаго сосѣда, адъютанта генераль-губернатора князя Голицына—П. П. Новосильцова, въ его собственный домъ у Харитонія въ Огородникахъ. Тамъ я въ первый разъ познакомился съ шестилѣтнимъ сыномъ Новосильцова, Ваничкой, бѣгавшимъ въ красной шелковой рубашкѣ съ золотымъ позументомъ на воротѣ. Не зирая на малыя лѣта ребенка, я уже засталъ при немъ молодаго рыжеватаго наставника нѣмца Фелькеля; а Любинька познакомилась со старшею сестрою Ванички Катенькой (впослѣдствіи княгиней Вяземской). Всѣмъ домою свѣтскаго красавца Новосильцова завѣдывала небогатая родственница, къ которой дѣти, рано лишившіяся матери, привязались на всю жизнь и называли: Агрипинъ.

— Если вы хотите послушать моего совѣта, сказалъ за обѣдомъ Петръ Петровичъ,—то не останавливайтесь съ дѣтьми въ Москвѣ; тутъ вамъ ихъ помѣстить некуда; и вы, подобно мнѣ, не располагаете отдать сына въ кадетскій корпусъ, да и женскіе институты наилучшіе въ Петербургѣ. Поэтому поѣзжайте въ Петербургъ и обратитесь такъ къ брату Николаю Петровичу; онъ завѣдуетъ институтами и будетъ сердечно радъ служить вамъ, а насчетъ сына обратитесь къ нашему земляку Жуковскому: онъ тоже дастъ вамъ наилучшій совѣтъ и сдѣлаетъ все отъ него зависящее.

На другой день, пока отецъ ѣздилъ хлопотать въ опекунскій совѣтъ, я вздумалъ навѣстить въ академіи бывшаго своего учителя Петра Ивановича; а какъ деньги по милости дяди у меня были, то я попросилъ Илью Аванасьевича нанять мнѣ извозчика въ академію.

— Извозчикъ! извозчикъ! закричалъ Илья Аванасьевичъ, когда мы сошли на крыльцо:—что возьмешь въ *иже-жерувимскую* академію?

За двугривенный санки подвели меня къ желѣзной калиткѣ академіи на Рождественкѣ, и мы радостно бросились съ Петромъ Ивановичемъ другъ къ другу въ объятія. Петръ Ивановичъ даже явился къ намъ обѣдать въ гостиницу.

На другой день тѣмъ-же порядкомъ, какъ до сихъ поръ, т.-е. на сдаточныхъ со своими замороженными щами и скороспѣлыми обѣдами приготовленія Аванасія по постояннымъ дворамъ, потянулись мы къ Петербургу.

Тутъ утромъ и вечеромъ по длиннымъ деревьямъ, въ которыхъ каждый дворъ исполнялъ должность постоялаго, происходила одна и та-же продѣлка: кибитка останавливалась передъ крыльцомъ двора и Аванасій или Илья, отстегивая край кожи, снявъ шапку, спрашивалъ отца: «прикажете спросить?»

— Спроси, говорилъ отецъ, — да смотри, чтобъ не было угару.

Минуты черезъ двѣ слуга возвращался съ донесеніемъ, что хозяинъ меньше пятиалтыннаго за самоваръ не беретъ.

— Ну что-жь ты, дуракъ, меня беспокоишь? Ступай дальше, ищи въ гривенникъ и сливки въ пять копѣекъ.

За вновь уходящимъ слугой передвигались и наши повозки къ другому постоялому двору, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока слуги кричали: «пожалуйте!». Тогда выносилась чайная шкатулка, запасные бублики, и начиналось чаепитіе.

Но какъ всему бываетъ конецъ, то и наше путешествіе окончилось на постояломъ дворѣ Средней Мѣщанской въ Петербургѣ.

Пока отецъ сглаживалъ передъ нами дальнѣйшіе пути жизни, я проводилъ время или въ комнатѣ молодой хозяйской дочери, распѣвавшей надъ шитьемъ: «И колокольчикъ *гергала*...», или ловлю голубей на галереѣ во внутрь двора. Раздобывшись при посредствѣ Аванасія конскими волосами, я надѣлалъ изъ нихъ петель и деревянными клешышками набилъ ихъ на деревянную раму баясника и взятой у Аванасія крупы насыпалъ среди петель. Изъ окна я слѣдилъ за тѣмъ, какъ голубь, усердно клюющій крупу, коралловой ножкой попадалъ въ петлю и начиналъ биться. Первое время я безразлично ловилъ голубей и, связавши имъ крылья, чтобы они не выбили оконъ, пускалъ ихъ въ кухнѣ; но затѣмъ я непремѣнно пожелалъ имѣть пару бѣлыхъ, а пойманныхъ сизыхъ или глинистыхъ выпускалъ на волю. Такъ вмѣсто одной пары бѣлыхъ я наловилъ ихъ двѣ.

На другой или третій день отецъ повезъ насъ на Милліонную, въ домъ министра Н. П. Новосильцова, гдѣ, кромѣ его жены, мы были

представлены и старухѣ матери съ весьма серьезнымъ лицомъ, украшеннымъ огромною на щекѣ бородавкою. Въ глаза бросалось уваженіе, съ которымъ высокопоставленные гости относились къ этой старухѣ, говорившей всѣмъ генераламъ: «ты, батюшка»...

До сей поры я продолжалъ ходить съ отложными воротничками, но однажды отецъ привезъ мнѣ черный шелковый платокъ, подгалстушникъ на щетинѣ и пеструю лѣтнюю шейную косынку.

— Я поѣду къ Николаю Петровичу обѣдать, а вы обѣдайте дома, а въ 8 часовъ вечера ты пріѣзжай туда, и я тебя представлю Жуковскому.

Вечеромъ, желая явиться во всемъ блескѣ, я къ фракной парѣ надѣлъ свой прелестный пестрый галстукъ. Къ счастью, Жуковского на этомъ блестящемъ вечерѣ не было, и, конечно, никто не обратилъ вниманія на провинціального мальчишку. Но, возвращаясь домой, отецъ сказалъ мнѣ: «зачѣмъ ты надѣлъ пестрый галстукъ? этого никто не дѣлаетъ».

Въ непродолжительномъ времени Любиньку отвезли въ Екатерининскій институтъ, а по отношенію ко мнѣ Жуковскій, у котораго отецъ былъ безъ меня, положительно посовѣтовалъ меня везти въ Дерптъ, куда далъ къ профессору Моеру рекомендательное письмо.

Такимъ образомъ, оставивъ на постояломъ дворѣ одну изъ повозокъ, мы съ отцомъ отправились въ Дерптъ, куда и прибыли на третьи сутки.

Старикъ Моеръ, принявшій насъ весьма радушно, высказалъ мнѣ, что для воспитанника, до такой степени отрываемаго отъ семейнаго надзора, Дерптъ, по шумной студенческой жизни, не представляетъ достаточно благонадежнаго пріюта, и что слѣдуетъ попытаться счастья, не согласится-ли его пріятель, директоръ учебнаго заведенія въ сосѣднемъ городкѣ Верро, принять меня въ свою школу. Съ этою цѣлью Моеръ написалъ директору Крюммеру письмо и просилъ переслать его съ эстафетомъ, съ которымъ на другой-же день долженъ былъ получиться отвѣтъ. Отвѣтъ пришелъ благопріятный, и на слѣдующій день повозка наша подѣхала къ одному изъ домовъ широкой улицы, вдоль которой съ площади до самаго озера тянулася широкая березовая аллея. Извозчиковъ въ городѣ Верро не оказалось, и на утро, помню какъ разъ въ воскресенье, отецъ повелъ меня пѣшкомъ къ параднымъ угольнымъ сѣнямъ училища. Когда изъ небольшихъ сѣней мы переступили въ главную залу, то какъ разъ попали на воскресный молитвенный хоръ всего училища и на послѣдніе аккорды органа, послѣ которыхъ слушавшіе проповѣдь расходятся.

Находя, вѣроятно, что мы явились не впадать, отецъ снова отперъ за собою дверь и, выведя меня въ сѣни, самъ вернулся въ залу.

Минуты черезъ двѣ, которыя показались мнѣ безконечными, дверь снова отворилась, и я, по знаку отца, снова вошелъ въ залу, представляя собою общій предметъ любопытства школьниковъ. На встрѣчу къ намъ послѣ директора подошелъ, какъ мы потомъ убѣдились, главный преподаватель института, многоученный Мортимеръ. На увѣренія отца, будто-бы я такъ-же твердо знаю латинскую грамматику, какъ и русскую, — фраза, въ которую я и самъ, со словъ моихъ наставниковъ семинаристовъ, готовъ былъ вѣрить, — Мортимеръ попросилъ меня перевести на латинскій языкъ слова: «я говорю, что ты идешь». Какъ я ни силился, но не могъ попасть на винительное съ неопредѣленнымъ, пока Мортимеръ не подсказалъ мнѣ: «*dico te venire*».

Этимъ и кончился довольно плачевно мой вступительный экзаменъ.

Часа черезъ два мнѣ указано было мое мѣсто по возрасту, въ старшей палатѣ, номеръ первый, а по ученю я былъ назначенъ въ третій классъ, этажемъ ниже, занимавшій во время уроковъ помѣщеніе второй палаты. Вещи мои сданы были на другую половину института, гдѣ помѣщались дортуары, — въ отдѣленіе болѣе чѣмъ пожилой гардеробмейстерши. На вопросъ Крюммера, обращенный къ отцу, что я желаю пить утромъ и вечеромъ, такъ какъ большинство учениковъ предпочитаютъ молоко, отецъ, снисходя къ моему желанію, просилъ давать мнѣ чай.

— Очень хорошо, сказалъ Крюммеръ, — это безразлично, такъ какъ чай и кофей дѣлаются для учителей.

Затѣмъ, ссылаясь на приближающуюся весеннюю оттепель, отецъ, заказавъ почтовыхъ лошадей, далъ поцѣловать мнѣ свою руку, и я, мечтавшій о свободѣ и самобытности, сразу почувствовалъ себя среди иноплеменныхъ людей въ зависимости, съ которой прежняя домашняя не могла быть поставлена ни въ какое сравненіе.

У длиннаго крашенаго стола съ подъемными крышами на обѣ стороны и соотвѣтственными рядами неподвижныхъ скамеекъ, мнѣ указали мѣсто, которое я могъ занять своими тетрадами и письменными принадлежностями, причемъ я получилъ и ключъ отъ ящика въ столѣ. Снабдивъ меня бумагой для черновыхъ и бѣловыхъ тетрадей, директоръ выдалъ мнѣ соотвѣтственные моему классу учебники. Книги эти помѣщались на открытыхъ вдоль стѣны полкахъ. Образъ школьной жизни былъ почти неизмѣненъ и состоялъ въ слѣдующемъ.

Вечеромъ, для старшихъ классовъ, въ 10 часовъ, по приказанію дежурнаго надзирателя, всѣ становились около своихъ мѣстъ и, сложивши руки, съ переплетенными пальцами, на минуту преклоняли головы, и затѣмъ каждый, сбѣнивъ одежду на халатъ, а сапоги на туфли, клалъ платье на свое мѣсто на столъ и ставилъ сапоги подъ лавку; послѣ того весь классъ съ величайшею поспѣшностью сбѣгалъ три этажа по лѣстницѣ и, перебѣжавъ черезъ нетопленныя сѣни, вступалъ въ другую половину зданія, занимаемаго, какъ сказано выше, темными дортуарами. Въ дортуарахъ, вдоль по обѣимъ стѣнамъ, стояли шкафы; дверка такого шкафа скрывала складную кровать, которую стоило опустить, чтобы она при помощи отворенной дверки представила родъ отдѣльной корабельной каюты. Всякіе разговоры въ постели строго воспрещались, и никто не могъ знать, не проходитъ-ли въ темнотѣ по корридору неслышной стопою кастелянша или-же и самъ Крюмеръ, коего ночное шествіе обозначалось только слабымъ мерцаніемъ пѣниковой трубки и ароматнымъ запахомъ кнастера. Въ шесть часовъ утра дежурный надзиратель безмолвно проходилъ вдоль кроватей, стуча рукою по громозвучнымъ ихъ дверцамъ, и тогда — о горе! — приходилось изъ нагрѣтой постели, накинувъ халатъ, бѣжать по холоднымъ сѣнямъ въ свою палату, гдѣ неуклюжіи на видъ чухонецъ Мертъ успѣвалъ уже, дурно-ли, хорошо-ли, перечистить платье и сапоги. Равнымъ образомъ толстыя бѣлокурья и въ кружокъ остриженныя чухонки въ отсутствіе учениковъ успѣвали вынести подставную въ умывальникѣ лохань съ грязной водой и наполнить деревянный надъ нимъ резервуаръ свѣжею. По окончаніи туалета такія-же корпулентныя чухонки приносили на одномъ подносѣ кружки съ молокомъ, а на другомъ ломти домашняго ситнаго хлѣба; затѣмъ каждый старался окончить приготовленіе къ предстоящимъ урокамъ. Ровно въ 8 часовъ внизу въ корридорѣ раздавался громогласный звонокъ, по которому всѣ устремлялись въ общую залу на утреннюю молитву, продолжавшуюся минутъ пять и состоявшую изъ лютеранскихъ стиховъ, пропѣтыхъ общимъ хоромъ подъ мастерскую игру на органѣ знакомаго уже намъ Мортимера. Затѣмъ до 11 часовъ слѣдовали три утреннихъ урока, по окончаніи которыхъ до половины двѣнадцатаго на завтракъ въ палаты приносились такіе-же ломти ситнаго хлѣба, весьма ловко и прозрачно намазанные масломъ. Съ половины двѣнадцатаго до половины перваго шелъ четвертый утренній урокъ для старшихъ классовъ, а въ половинѣ перваго снова по звонку все бѣжало въ общую залу къ двойному ряду столовъ, гдѣ всякій за обѣдомъ занималъ свое обычное мѣсто. Здѣсь

на первомъ столѣ самъ Крюммеръ, а на второмъ старшій надзиратель одного изъ меньшихъ классовъ наливали изъ объемистой оловянной суповой чаши каждому по тарелкѣ супу съ картофелемъ или щей, и надлежащая порція достигала по передачѣ своего назначенія. Запасный хлѣбъ на возобновленіе сѣдннаго куска лежалъ по близости раздавателей благостыни, и надо было имѣть сильную протекцію, чтобы дождаться желаннаго повторенія. На второе блюдо почти неизмѣнно слѣдовала жареная говядина съ круглымъ жаренымъ картофелемъ. Этимъ въ будни и кончалась трапеза, украшаемая въ воскресные дни драченой или жареными въ маслѣ розанами. Нечего грѣха таить, что мы постоянно были впроголодь. Въ воскресенье послѣ обѣда входная дверь съ улицы въ залу растворялась, и рослая, краснощекая и въ кружокъ остриженная бѣлокурая чухонка вступала съ двумя полными корзинами печенья отъ сосѣдняго хлѣбника Шлейхера. Чего тутъ ни было, начиная съ простыхъ бѣлыхъ или сдобныхъ хлѣбовъ и кренделей до лакомыхъ пряниковъ, которыми Шлейхеръ славился и гордился. Были они большею частью въ формѣ темнокрасныхъ сердецъ. Каждого перваго числа Крюммеръ, по просьбѣ родителей, снабжалъ учениковъ карманными деньгами даже до размѣра двухъ серебряныхъ рублей. Будучи по милости дяди, сравнительно съ другими учениками, богачемъ, я по воскресеньямъ, кромѣ оставляемыхъ по завѣщанію уходившими къ родителямъ товарищами порцій завтрака и вечерняго молока, покупалъ у посланной отъ Шлейхера по тогдашнимъ цѣнамъ громадную провизію на 20 коп. При этомъ ящикъ моего стола наполнялся всяческою благодатью, и я, съ наслажденіемъ приподнимая крышку и пощипывая запасъ, мечталъ и о завтрашнемъ утоленіи голода властью. Но, увы! по большей части къ вечеру ящикъ мой пустѣлъ окончательно. Здѣсь я долженъ упомянуть о довольно характерномъ обычаѣ школы. Не смотря на то, что передъ обѣдомъ круглый годъ даже учителямъ не подавалось вина, разъ въ годъ, въ день рожденія Крюммера, красное вино раздавалось всей школѣ въ весьма почтенныхъ размѣрахъ, увеличивавшихся по мѣрѣ возраста учениковъ палаты. Такъ, напримѣръ, въ самую многочисленную низшую четвертую палату съ двадцатью учениками отъ 7-ми до 11-ти-лѣтняго возраста выдавалось четыре бутылки, и затѣмъ начиналось тамъ громогласное пѣніе, крикъ, задоръ, и павшіе въ битвѣ относились въ постель. О нашей первой палатѣ, состоявшей человекъ изъ шестнадцати, говорить нечего: намъ отпускалось бутылокъ десять, и расхोdivшись, мы нерѣдко тихонько посылали отъ себя за виномъ.

Въ часъ вставали изъ-за стола и, не взирая ни на какую погоду, отправлялись подъ надзоромъ дежурнаго учителя гулять. Учителями этими являлись черезъ день иностранцы, т.-е. въ одинъ день французъ, а въ другой—русскій, и соотвѣтственно этому на прогулкахъ было обязательно говорить не иначе, какъ по-французски или по-русски. Прогулка длилась часъ; въ два часа всѣ садились за приготовительный получасовой урокъ, а отъ двухъ съ половиною до трехъ съ половиною и затѣмъ до четырехъ съ половиною шли два послѣобѣденныхъ урока въ младшихъ классахъ; а въ двухъ старшихъ присоединялся отъ половины пятаго до половины шестаго третій послѣобѣденный ежедневный латинскій урокъ независимо отъ утренняго. Затѣмъ у старшихъ на вечернее молоко оставалось только полчаса времени до шести, а въ шесть часовъ до восьми всѣ садились снова готовить уроки. Въ 8 часовъ, по звонку, всѣ бѣжали къ ужину, состоявшему, какъ и обѣдъ, изъ двухъ блюдъ, но только съ замѣною супа размазней и жареной говядины—вареною съ такимъ-же картофелемъ. Съ половины девятаго до половины десятаго полагался отдыхъ, и затѣмъ раздѣваніе и бѣгство въ дортуаръ. Два раза въ недѣлю, въ среду и субботу, тотчасъ послѣ ужина классы одинъ за другимъ, по звонку, отправлялись въ гардеробъ, гдѣ на столахъ было разложено кастиляншею каждому его свѣжее бѣлье. Здѣсь мы имѣли случай рассмотреть нашу кастиляншу, которая при чухонской курносости отличалась весьма сильнымъ ростомъ бороды, которую она тщательно подстригала.

Вернувшись въ классъ, мы, переѣмивши бѣлье, завязывали грязное въ носовой платокъ или полотенце и по дорогѣ въ дортуаръ складывали на столѣ въ гардеробѣ.

Поступленія новичковъ въ третью и четвертую палаты (Stube) я не видалъ, находясь въ самомъ верхнемъ этажѣ корпуса—въ первой; а въ эту, за исключеніемъ меня, новичковъ не поступало, и я могу только разказать о томъ, что было со мною. Между благодушными и юмористическими товарищами нѣкоторые, обладающіе по возрасту значительною силой и ловкостью, были, къ несчастью, склонны практиковать свою силу надъ новичкомъ. Въ нашемъ классѣ нѣкто Фурхтъ не безъ основанія внушалъ страхъ, какъ гласила его фамилія. Не было возможности спастись отъ его кулака, которымъ онъ по заказу билъ куда хотѣлъ, заставляя видимымъ пинкомъ въ грудь, животъ или носъ невольно защищать угрожаемое мѣсто; но тутъ-то его кулакъ, какъ молнія, билъ въ указанный бокъ. Хотя и съ меньшей ловкостью, не меньшимъ задоромъ и силой отличались Менгденъ

и Каленъ. Послѣдній не выжидалъ случаевъ или предлоговъ къ нападенію, а не только въ рекреацію, но и въ часы приготовленія уроковъ вполголоса говорилъ: «я иду, защищайся». И затѣмъ жестокіе удары сыпались куда попало. Жаловаться дежурному въ палатѣ учителю нечего было и думать, такъ какъ этимъ пріобрѣталось-бы только позорное прозваніе «Slatsche» — доносчика и удвоеніе ударовъ. Но ежедневно умножающіеся синяки вынудили меня на отчаянное средство. Я пошелъ въ кабинетъ директора и, не жалуясь ни на кого, сказалъ: «Г. Крюммеръ, пожалуйста мнѣ отдѣльную комнатку, такъ какъ я не въ силахъ болѣе выносить побоевъ».

— Ну, хорошо, отвѣчалъ Крюммеръ, — ступай въ свой классъ, тамъ видно будетъ.

Не знаю, принялъ-ли директоръ какія-либо мѣры, но на другой-же день просьба моя: «Г. Крюммеръ, пожалуйста мнѣ отдѣльную комнату», насмѣшливо повторялась большинствомъ класса, и удары продолжали сыпаться съ прежнимъ обиліемъ. Къ этому присоединялись насмѣшки: «хорошъ, нечего сказать, въ своемъ длиннополомъ сюртукѣ, и отецъ-то выпихнулъ его за дверь!»

Дѣйствительно, во всей школѣ, среди разнообразныхъ и небогатыхъ, но за-то короткопыхлыхъ сюртучковъ и казакиновъ, я одинъ представлялъ синюю сахарную голову. Чтобы разъ навсегда окончить съ поводомъ для постоянныхъ насмѣшекъ, я разложилъ свой синій сюртукъ на столъ, обозначилъ мѣломъ на цѣлыхъ двѣ четверти кратчайшій противъ подола кругъ и съ упоеніемъ обрѣзалъ по намѣченной чертѣ губительныя полы. Я долженъ прибавить, что изъ обрѣзковъ портной составилъ мнѣ модную, кверху, въ видѣ гречневика, съуживающуюся шапку.

Такъ какъ ни одинъ учитель или ученикъ не избѣгалъ прозвища, то, вѣроятно, въ намекъ на мое происхожденіе изъ глубины Россіи я получилъ прозваніе: «медвѣдь-плясунъ», что при случаѣ употреблялось въ смыслѣ упрека, а иногда и ласкательно. Выпрашивая что-либо, просящій гладилъ меня по плечу, приговаривая: «Tanzbär, Tanzbär». Про самого Крюммера злоязычники говорили, что онъ былъ прусскій барабанщикъ, и между собою никто не говорилъ Крюммеръ, а всѣ «Trommelschlaeger».

Однажды передъ приходомъ учителя въ нашъ третій классъ, помѣщавшійся во второй палатѣ, широкоплечій Менгденъ безъ всякой съ моей стороны причины сталъ тузить меня. Но, должно быть, задѣвши черезчуръ больно, онъ привелъ меня въ ярость и заставилъ изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное. Не думая

О получаемыхъ ударахъ, я сталъ гвоздить своего противника кулаками безъ разбора сверху внизъ; тогда и онъ, забывъ о нападеніи, только широко раздвинувъ пальцы обѣихъ рукъ, держалъ ихъ какъ щиты передъ своею головою, а я продолжалъ изо всѣхъ силъ бить, попадая кулаками между пальцами противника, при обихъ одобрительныхъ крикахъ товарищей: «валяй, Шеншинъ, валяй!». Отступающій противникъ мой уперся, наконецъ, спиною въ классный умывальникъ и, схвативъ на немъ мѣдный подсвѣчникъ, сталъ остриемъ его бить меня по головѣ. Въ одинъ мигъ бросившіеся товарищи оттащили насъ другъ отъ друга, такъ какъ я уже ничего не видалъ изъ подъ потока крови, полившей по лицу изъ просѣченной до кости головы. Рубецъ этого шрама, заросшаго подъ волосами, я сохранилъ на всю жизнь, но за-то эта битва положила конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ на меня нападеніямъ.

Еще въ концѣ перваго года моего пребыванія въ школѣ, когда товарищи, привыкнувъ ко мнѣ, перестали меня дразнить, одно обстоятельство внесло въ мою душу сильную смуту и заставило вокругъ меня зашумѣть злоязычіе, подобно растроганной колодѣ пчелъ. Дядя, отецъ и мать по временамъ писали мнѣ, и чаще всѣхъ дядя, изрѣдка влагавшій въ свое письмо воспитаннику Шеншину сто рублей. Часто директоръ, по полученіи почты, самъ входилъ въ классъ и, смотря на конверты, громко называлъ ученика по фамиліи и говорилъ: «это тебѣ, Шеншинъ», передавая письмо.

Но однажды отецъ безъ дальнѣйшихъ объясненій написалъ мнѣ, что отнынѣ я долженъ носить фамилію Фетъ, причемъ самое письмо ко мнѣ было адресовано: Аѳ. Аѳ. Фету. Вѣроятно, отецъ одновременно писалъ объ этомъ и Крюммеру, который, не желая производить смущеніе, продолжалъ передавать мнѣ отцовскія письма, говоря по-прежнему: «это тебѣ, Шеншинъ», такъ какъ школа никакого Фета не знала. Какъ ни горька была мнѣ эта неожиданная новость, но убѣжденный, что у отца была къ тому достаточная причина, я считалъ вопросъ до того деликатнымъ, что ни разу не обращался за разрѣшеніемъ его ни къ кому. «Фетъ такъ Фетъ, — подумалъ я, — видно такъ тому и быть. Покажу свою покорность и забуду Шеншина, именемъ котораго были надписаны всѣ мои учебники». Затѣмъ въ первомъ письмѣ къ дядѣ я подписался этой фамиліей. Черезъ мѣсяцъ на это письмо я получилъ отвѣтъ дяди, который писалъ:

«Я ничего не имѣю сказать противъ того, что, быть можетъ, въ официальныхъ твоихъ бумагахъ тебѣ слѣдуетъ подписываться новымъ именемъ; но кто тебѣ далъ право вводить официальныя отно-

шенія въ нашу взаимную кровную привязанность? Прочитавши письмо съ твоей новой подписью, я порвалъ и истопталъ его ногами. И ты не смѣй подписывать писемъ ко мнѣ этимъ именемъ».

Вся эта передеряга могла-бы остаться въ семейномъ кругу, такъ какъ никто сторонній не читалъ моихъ писемъ. Но однажды Крюмеръ, стоя у самой двери классной, тогда какъ я сидѣлъ на противоположномъ ей концѣ, сказавши: «Шеншинъ, это тебѣ»,—передалъ письмо близъ стоящему ученику для передачи мнѣ. При этомъ никому неизвѣстная фамилія Фетъ на конвертѣ возбудила, по уходѣ директора, недоумѣніе и шумъ.

— Что это такое? у тебя двойная фамилія? отчего-же нѣтъ другой? откуда ты? что ты за человекъ? и т. д. и т. д.

Всѣ подобные возгласы и необъяснимые вопросы еще сильнѣе утверждали во мнѣ рѣшимость хранить на этотъ счетъ молчаніе, не требуя ни отъ кого изъ домашнихъ объясненій.

Въ третьемъ классѣ Мортимеръ давалъ намъ уроки географіи передъ нѣмыми картами изданія самого директора Крюмера. Когда, по указанію прутикомъ на одинъ изъ острововъ Ледовитаго океана, никто не умѣлъ назвать острова, Мортимеръ пояснилъ, что это *Новія Землія*.

Какъ ни плохъ я былъ въ латинской грамматикѣ, тѣмъ не менѣе, приготовившись, я съ грѣхомъ пополамъ слѣдилъ за ежедневнымъ чтеніемъ Цезаря, а уроки геометріи въ нашемъ классѣ преподавалъ самъ Крюмеръ. На доскѣ рисовалъ онъ намъ фигуру новой теоремы, требуя, чтобы до слѣдующаго урока мы представили ему правильный рисунокъ теоремы въ большой тетради и буквальное разрѣшеніе ея въ маленькой. При этомъ, кромѣ разрѣшенія задачи, онъ требовалъ опрятнаго письма и присутствія промокательной бумаги, безъ чего свое \surd , т.-е. «видѣлъ», нарочно ставилъ широкой чернильной полосой чуть не во всю страницу и потомъ закрывалъ тетрадку, а въ началѣ слѣдующаго урока, раздавая работы по рукамъ, кидалъ такую подъ столъ, говоря: «а вотъ и твоя тряпка, Шеншинъ».

Такъ какъ директоръ, къ счастью, начиналъ свои уроки съ первыхъ теоремъ Эвклида, то я тотчасъ-же усердно принялся за геометрію, въ которой, какъ и въ алгебрѣ, особенныхъ затрудненій не находилъ. За то уроки исторіи были для меня истиннымъ бѣдствіемъ. Въмѣсто общаго знакомства съ главнѣйшими періодами и событіями, учитель третьяго класса расплывался въ неистощимыхъ подробностяхъ

о Пинниѣ Короткомъ, Карлѣ Лысомъ и Генрихѣ Птицеловѣ, такъ что я наконецъ не умѣлъ различить этихъ скучныхъ людей одного отъ другаго. Къ этому я долженъ, для краткости, присовокупить, что весьма ученый, быть можетъ, преподаватель исторіи во второмъ классѣ, гдѣ я пробылъ два года, буквально изъ году въ годъ, стоя передъ нами и пошатываясь за спинкою стула, вдохновенно повторялъ рассказы о рыжихъ германцахъ, которые на своихъ пирахъ старались отпивать ступеньки лѣстницы, поставленной въ бочку съ пивомъ. Словомъ, самымъ ненавистнымъ для меня предметомъ была исторія. Но такъ какъ провѣрокъ по этому предмету было очень мало и многорѣчивый учитель третьяго класса охотнѣе спрашивалъ наиболѣе внимательныхъ и способныхъ учениковъ, то въ началѣ слѣдующаго года я учительской конференціей, съ директоромъ во главѣ, былъ переведенъ. въ виду успѣховъ моихъ въ математикѣ и въ чтеніи Цезаря, во второй классъ, гдѣ пробылъ два года.

Для полноты воспроизведенія устройства школы слѣдуетъ сказать, что ученики перваго класса только частью и предварительно оставались въ нашей первой палатѣ, но приближающіеся къ экзамену въ Дерптскій университетъ перемѣщались въ двѣ большихъ комнаты надъ дортуарами, въ такъ называемый педагогіумъ, находившійся и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи подъ руководствомъ знаменитаго Мортимера. Послѣдній былъ исключительнымъ преподавателемъ исторіи, географіи и древнихъ языковъ, такъ что на долю главнаго математика Гульча доставалось преподаваніе только этой науки. Такъ называемые педагоги имѣли право сами выбирать время приготовленія уроковъ и одиночныхъ прогулокъ по городу; имъ-же дозволялось куреніе табаку, строго запрещенное всѣмъ прочимъ ученикамъ.

Чѣмъ Мортимеръ былъ для перваго класса, тѣмъ Гульчъ былъ для нашего втораго, съ тою разницей, что онъ, кромѣ главныхъ уроковъ, цѣлый день проводилъ въ нашей первой палатѣ въ качествѣ надзирателя, мѣняясь черезъ день съ французомъ Симономъ.

Обрисовать въ своемъ воспоминаніи почтенную личность Гульча значитъ не только воспроизвести весь второй классъ, но указать отчасти и на тѣ нравственныя складки, которыя сложились въ душѣ моей подъ руками этого незабвеннаго наставника. Это былъ совершенная противоположность моимъ деревяннымъ учителямъ-семинаристамъ. Въ своихъ урокахъ онъ, если можно такъ выразиться, подвигался плечо въ плечо съ ученикомъ, которому считалъ необходимымъ помочь. При отвѣтахъ ученика его не столько раздражало незнаніе, сколько не-

брежность, мѣшавшая логически поискать темно-сознаваемого отвѣта. Наводя въ такомъ случаѣ ученика на должный отвѣтъ, добродушный Гульчъ не гнушался и школьнымъ прозвищемъ ученика. Такъ весьма способный и прилежный ученикъ Бражъ за свое вертлявое искательство получилъ прозваніе «утиного хвоста», иные просто называли его «вертуномъ». Убѣждаясь изъ отвѣтовъ, что Бражъ не даетъ себѣ труда сосредоточиться, Гульчъ восклицалъ: «Бражъ, Бражъ, не вертите!» Сочувственная улыбка проносилась по всему классу, и Бражъ, подумавши, давалъ надлежащій отвѣтъ. Гульчъ во всемъ требовалъ систематической и логической отчетливости. Такъ, задавая задачи по задавнику, отъ котораго ключъ былъ только у него, онъ до тѣхъ поръ не допускалъ до новаго вида задачъ, пока ученикъ изъ хорошо усвоенныхъ имъ не разрѣшитъ извѣстнаго числа, напримѣръ пятидесяти, безъ ошибки. Если-бы ученикъ, безошибочно разрѣшивъ 49, случайно ошибся въ 50-й, то весь предварительный его трудъ считался ни во что, и надо было начинать съизнова. Затруднительныя задачи Гульчъ усердно провѣрялъ собственнымъ вычисленіемъ, и въ рабочіе уроки я не могу его себѣ представить иначе, какъ сидящимъ за учительскимъ столомъ съ откинутыми на лысѣющую голову очками, машинально посасывающимъ потухающую фарфоровую трубку съ отливомъ и нагибающимся по близорукости къ бумагѣ или грифельной доскѣ. Въ такія минуты, погруженный въ занятіе, онъ ничего сторонняго не видалъ и не слышалъ. Шалуны это хорошо знали и пользовались случаемъ развеселить товарищей. На одной сторонѣ книжной полки на гвоздѣ висѣлъ ключъ, въ которомъ всѣ попеременно нуждались, иногда только для того, чтобы безвозбранно покурить табакъ. Чтобы уйти изъ палаты, конечно, не во время уроковъ, нужно было сказаться надзирателю. И вотъ тутъ-то опытные шалуны доходили до крайней отваги, громогласно восклицая: «господинъ Гульчъ, могу я уѣхать въ Америку?», разнообразя каждый разъ шутку другими отдаленными пунктами земли.

Не взирая на углубленіе въ занятія, Гульчъ никогда не отказывалъ въ разъясненіяхъ подходящимъ къ нему ученикамъ съ недоумѣніями по поводу приготовления уроковъ. Подобные вопросы Гульчъ разрѣшалъ съ полной симпатіей и удовольствіемъ. Хотя въ нѣмецкомъ языкѣ существуетъ нѣсколько выраженій, соответствующихъ словамъ: я думалъ, я предполагалъ, но самое обычное изъ нихъ: я вѣрилъ—*ich glaubte*. Когда дѣло шло о математическомъ вопросѣ, и ученикъ въ извиненіе ошибки говорилъ: «*ich glaubte*», Гульчъ не безъ волненія говорилъ: «оставьте вы свою вѣру для чего-либо дру-

гаго, а здѣсь она совершенно неумѣстна. Здѣсь нужно основаніе и выводъ».

Во время рекреаций Гульчъ рассказывалъ о разныхъ неразрѣшимыхъ математическихъ задачахъ, на разрѣшеніе которыхъ тамъ или сямъ установлены преміи. Такъ говорилъ онъ о миллионной преміи, назначенной англичанами за дѣленіе геометрическимъ путемъ угла на три части. Будучи стрѣлкомъ и ружейнымъ охотникомъ, Гульчъ живо сочувствовалъ красотамъ и особенностямъ природы и однажды пришелъ въ неописанный восторгъ, когда я, умѣвшій пѣскольکو рисовать, въ часъ отдохновенія нарисовалъ на память ходившую у насъ въ Новоселкахъ подъ охотникомъ черноморскую лошадь. Глядя на тяжелую горбоносую голову и прямую изъ плечъ съ кадыкомъ шею и крупъ съ выдающимися маслаками, Гульчъ, заливаясь восторженнымъ смѣхомъ, восклицалъ: «да, поистинѣ это Черноморка!».

Однажды, когда, расхотавшись подобнымъ образомъ, по поводу вновь воспроизведенной мною на доскѣ Черноморки, онъ схватился оставленной имъ въ своей комнатѣ фарфоровой трубки, за которою ему черезъ весь школьный дворъ не хотѣлось идти, я сказалъ: «пожалуйте мнѣ вашъ ключъ; я въ одну минуту сбѣгаю и набью вамъ трубку».

— Пожалуйста, сказалъ онъ, добродушно передавая мнѣ ключъ.

Въ комнатѣ Гульча я изъ только-что начатаго фунтоваго картуза Жукова набилъ предварительно вычищенную мною трубку и, вырубивъ огня, раскурилъ трубку самымъ лакомымъ образомъ. Возвращаясь черезъ дворъ съ пылающей трубкой, я съ такимъ усердіемъ затягивался благовоннымъ дымомъ Жукова, что чуть среди двора не упалъ отъ головокруженія. Тѣмъ не менѣе трубка была доставлена по принадлежности, и Черноморка на классной доскѣ неоднократно доставляла мнѣ удовольствіе затянуться Жуковымъ.

Между тѣмъ, нераздѣлимость угла на три части сильно меня мучила, и, понаторѣвши во всякихъ вспомогательныхъ математическихъ линіяхъ и подходахъ, я однажды пришелъ къ убѣжденію, что задача мною разрѣшена. Надо было видѣть изумленные глаза, съ которыми добрый Гульчъ смотрѣлъ на мой рисунокъ на классной доскѣ.

— Да, воистину (wahrhaftig!), восклицалъ онъ:—онъ разрѣшилъ задачу.

Я стоялъ въ какомъ-то онѣмѣннн восторга, и вдругъ въ классѣ раздавался раскатистый добродушный хохотъ Гульча.

— А это что такое? сказалъ онъ, указывая на софистическій приѣмъ, лишенный всякаго математическаго основанія.

Фантастическій мыльный пузырь мой исчез безслѣдно.

Латинскихъ уроковъ Гульчъ давалъ намъ ежедневно два: утромъ мы читали Ливія и черезъ день переводили изустно съ нѣмецкаго на латинскій, а послѣ обѣда, съ половины пятаго до половины шестаго неизмѣнно читали Энеиду, изъ которой, въ случаѣ плохой подготовки, приходилось учить стихи наизусть.

Со втораго класса прибавлялся ежедневно часъ для греческаго языка съ половины двѣнадцатаго до половины перваго; и если я по этому языку на всю жизнь остался хромъ, то винить могу только собственную неспособность къ языкамъ и, въ видахъ ея, отсутствіе въ школѣ tutorства. Вѣдь другіе-же мальчики начинали учиться греческой азбукѣ въ одинъ часъ со мною; и черезъ годъ уже безъ особеннаго затрудненія читали Одиссею, тогда какъ я, не усвоивъ себѣ съ первыхъ поръ основательно производства временъ, вынужденъ былъ довольствоваться сбивчивымъ навыкомъ.

Не меньшее горе испыталъ я съ игрою на фортепіано, которой отецъ положилъ обучать меня, соображая, что въ каждомъ значительномъ домѣ, куда молодому человѣку интересно будетъ войти, есть фортепіано. То, что было у меня и съ другими науками и въ особенности съ греческой грамматикой, случилось и съ музыкой. Учитель наименовалъ мнѣ всѣ семь фортепіанныхъ косточекъ и указалъ соотвѣтственныя имъ пятнышки на дискантныхъ и басовыхъ линейкахъ, и я каждый разъ долженъ былъ находить ноту на фортепіанахъ въ послѣдовательномъ алфавитномъ порядкѣ, отсчитывая соотвѣтственное ей пятно и на печатныхъ нотахъ, такъ какъ не умѣлъ ее назвать ни тамъ, ни сямъ по прямому на нее взгляду. Конечно, такая двойная ежеминутная работа превышала мои силы. Къ этому присовокуплялось еще затрудненіе: одновременный счетъ пятнышекъ басоваго ключа. Не удивительно, что я объявилъ учителю музыки, что въ единовременномъ разыгрываніи скрипичнаго и басоваго ключей вижу невозможное чтеніе двухъ книгъ разомъ. Такъ промучился я съ фортепіанами цѣлый годъ у начальнаго учителя; но, въ виду безуспѣшности моихъ уроковъ, меня передали главному и болѣе строгому учителю музыки. Когда я, развернувъ свои ноты, сѣлъ за фортепіано, учитель спросилъ меня, знаю-ли я ноты? Желая быть правдивымъ, я сказалъ: «не знаю».

— Въ такомъ случаѣ вамъ нечего у меня дѣлать, сказалъ онъ.

Испугавшись дальнѣйшихъ мытарствъ, я сказалъ: «знаю, знаю», — и сталъ ковылять двухъ-тактный маршъ и не болѣе сложный вальсъ. Съ этой минуты всѣ свои свободные часы я долженъ былъ сидѣть

въ залѣ за однимъ изъ роялей, между прочимъ и съ одиннадцати до половины двѣнадцатаго утра, когда къ спеціальной закускѣ собирались учителя. Но ежедневныя музыкальныя мученія нисколько не подвигали дѣла, и казалось, что, чѣмъ болѣе я повторялъ заученныя по пальцамъ пьесы, тѣмъ чаще пальцы мои сбивались съ толку; такъ что однажды Крюмеръ за завтракомъ при всѣхъ учителяхъ громко черезъ всю залу спросилъ меня: «ты, большунъ,—или это все та-же новая пьеса, которую ты два года играешь?».

Чаша горести перелилась черезъ край: на другой день, набравшись храбрости, я пошелъ въ кабинетъ директора и объявилъ, что готовъ идти въ карцеръ и куда угодно, но только играть больше не буду. Такъ разстались мы навсегда съ богиней музыки, ко взаимному нашему удовольствію.

А. Феть.

(Продолженіе будетъ).

СОВРЕМЕННЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ ИДЕИ О ВОСПИТАНІИ.

Éducation et Hérité. Étude sociologique par M. Guyau. Paris, 1889.

Дѣло воспитанія—сложное дѣло, оно соприкасается съ различными сторонами жизни и разнообразными общественными и государственными теченіями. Семья и вмѣстѣ съ ней общество глубоко заинтересованы въ той или другой постановкѣ воспитанія; государство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ образовательнымъ системамъ съ различными основными началами; новыя направленія въ умственной жизни, оригинальныя научныя идеи, занимающія общество, серьезные, глубокіе перевороты въ міровоззрѣніи, убѣжденіяхъ—все это, прямо или косвенно, но задѣваетъ воспитаніе и образованіе, измѣняетъ постановку ихъ. Такъ дѣла совершались давно, по свидѣтельству исторіи педагогики, такъ они идутъ и нынѣ. Чѣмъ болѣе чутокъ и воспримчивъ умъ педагога къ разнообразнымъ вѣяніямъ времени, тѣмъ отчетливѣе отложатся въ такомъ умѣ сложныя вліянія, опредѣляющія постановку и рѣшеніе педагогическихъ вопросовъ. Педагогическія идеи Гюйо какъ-разъ представляютъ подобный случай.

Тѣ мысли, которыя изложилъ Гюйо въ названномъ въ заглавіи статьи сочиненіи, не принадлежатъ исключительно ему, а суть французскія мысли о воспитаніи—такъ тѣсно связаны онѣ съ жизнью и современнымъ положеніемъ Франціи. Конечно, нельзя ихъ назвать обще-французскими; конечно, умъ другаго склада и закала вывелъ-бы изъ тѣхъ-же фактовъ, на которые ссылается Гюйо, нѣсколько иныя заключенія, высказалъ-бы другія педагогическія идеи; но, тѣмъ не менѣе, идеи Гюйо настолько подсказываются настоящимъ состояніемъ французской жизни, настолько какъ-бы витаютъ въ воздухѣ, что ихъ несомнѣнно раздѣляетъ болѣе или менѣе значительная часть интеллигентнаго французскаго общества. Это не личныя идеи, не оригинальная выдумка мыслителя, это—простое отраженіе французской современности въ педагогическомъ зеркалѣ.

Для пониманія взглядовъ, изложенныхъ Гюйо, нужно помнить слѣдующія три обстоятельства: 1) давніе образовательные и школьные идеалы старой Франціи: Франція, по складу своихъ общеобразовательныхъ заведеній, издавна страна не только строго классическая, но и особенно цѣнившая литературный стиль, вкусъ, красоту рѣчи, страна, въ которой эстетическое развитіе всегда считалось важной стороной и въ воспитаніи, и въ жизни; 2) новая республиканская Франція раскрыла гражданамъ всѣ пружины общественно-государственной жизни, обнажила всѣ давно наболѣвшія язвы и раны и наложила на гражданъ обязанность всѣми возможными путями служить силѣ и процвѣтанію отечества, сдѣлать его могучимъ въ оборонѣ своихъ интересовъ; новые демократическіе порядки поставили на первую очередь въ современной французской жизни весьма важныя и весьма реальныя задачи общественно-государственного значенія; 3) между направленіями въ умственной жизни современной Франціи весьма видное мѣсто занимаетъ изслѣдованіе гипнотическихъ явленій: образовались цѣлыя школы по этому вопросу, появилась обширная литература, французскіе психологи пользуются гипнотизмомъ для экспериментальнаго изслѣдованія психическихъ явленій и такимъ путемъ возникаютъ обширныя и весьма серьезныя научныя труды (напр. Pierre Janet. *L'automatisme psychologique. Essai de psychologie expérimentale sur les formes inférieures de l'activité humaine.* Paris, 1889).

Заглавіе книги Гюйо не выражаетъ достаточно ея содержанія: содержаніе обширнѣе заглавія. Книга представляетъ рядъ статей по самымъ различнымъ вопросамъ воспитанія и образованія, а не только разсужденіе о воспитаніи и наслѣдственности. Тѣсной логической связи и распорядка между трактруемыми вопросами нѣтъ, а потому не представляется необходимости знакомить съ ними читателя согласно плану книги. Мы полагаемъ наиболѣе полезнымъ и удобнымъ отмѣтить прежде всего идеи, навѣяныя на Гюйо тремя вышеуказанными обстоятельствами. Вслѣдствіе этого рельефнѣе выступаютъ основные принципы Гюйо. А потомъ къ изложенному присоединимъ замѣчанія объ общихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ Гюйо.

I.

Въ настоящее время во всемъ европейскомъ педагогическомъ мірѣ происходитъ весьма сильное реформаціонное движеніе по отношенію къ средней общеобразовательной школѣ: старая классическая школа колеблется въ самыхъ своихъ основахъ, старой школой въ ея ны-

нѣшнемъ видѣ недовольны, ищутъ новыхъ путей къ образованію, стремятся къ реформамъ, нѣкоторыя къ весьма серьезнымъ и глубокимъ, нѣкоторыя—къ простому исправленію существующаго. Особенно сильное движеніе происходитъ въ Германіи, гдѣ оно выразилось возникновеніемъ цѣлой массы фрейновъ, стремящихся къ реформѣ средней школы *); есть подобное движеніе въ другихъ странахъ Европы, есть и во Франціи, гдѣ также имѣются общества, пропагандирующія реформу общеобразовательныхъ среднихъ заведеній. Въ какомъ отношеніи къ этому движенію находится Гюйо? Какъ онъ думаетъ о реформѣ средней школы?

Да о реформѣ онъ совсѣмъ не думаетъ, онъ вполне доволенъ современной общеобразовательной системой и ея постановкой, и если считаетъ нужнымъ кое-что къ ней прибавить, то не новое, а старое, давно забытое и брошенное, средневѣковое; новыя науки, новыя педагогическія принципы ему кажутся сомнительными и подозрительными. Въ этомъ вопросѣ онъ защитникъ старинныхъ школьныхъ идеаловъ и врагъ нововведеній.

Единственно правильной общеобразовательной системой Гюйо считаетъ классическую и скорбитъ о нападкахъ на нее. Онъ не ждетъ добра отъ этихъ нападокъ, онъ боится, что классицизмъ замѣнится грубѣйшимъ утилитаризмомъ; все, развивающее умъ и вкусъ, исчезнетъ изъ школъ, каждый учебный предметъ будетъ измѣряться и оцѣниваться по критерию ближайшей матеріальной пользы, вся Франція покроется близорукими утилитаристами и изученіе классиковъ прекратится. Такая картина пугаетъ Гюйо, и онъ настаиваетъ на спасительности строгаго классицизма въ школахъ. «Хорошенько вдумываться въ классическаго автора, добираться до его мысли въ каждой фразѣ, слѣдить за мыслью, сравнивая фразы однѣ съ другими—вотъ что даетъ уму силу и логику». Пугаться трудностей и продолжительности такого образованія нечего; напротивъ, существующія упражненія по древнимъ языкамъ нужно увеличить, нужно возстановить средневѣковую практику іезуитскихъ и другихъ латинскихъ школъ—обязательно заставляя учащихся сочинять латинскіе стихи, рассказы и описанія и говорить по-латыни. Пусть латинскіе стихи, составленные учащимися, будутъ плохи, описанія и рассказы слабы, латинская рѣчь дурной, нечистой; все-же это будутъ весьма полезныя упражненія въ мышленіи, стилѣ, умственной гимнастикѣ. «Стихи, особенно латинскіе стихи, суть по преимуществу литературныя упражненія;

*) См. объ этомъ статью во 2-мъ № «Русской Школы» 1890 года.

ученикъ, который никогда не сочинилъ ни одного стиха, не можетъ считаться истинно образованнымъ человѣкомъ (un lettré)».

Гюйо, впрочемъ, не хотѣлъ-бы въ буквальномъ видѣ возобновлять средневѣковый классицизмъ, не хотѣлъ-бы впасть въ исключительный культъ формы; онъ желаетъ по возможности рано ввести въ школы науки моральныя и социальныя, философію искусства, философію исторіи, однимъ словомъ придать общеобразовательному курсу эстетически-философскій и гуманитарный характеръ. Подобный курсъ онъ признаетъ полезнымъ не только для умовъ болѣе высокаго порядка, но и для людей мало развитыхъ, неспособныхъ дѣйствовать самостоятельно.

Въ какомъ отношеніи къ этому курсу находятся точныя и опытыя науки—математика и естествовѣдѣніе? Объ ихъ образовательной силѣ нашъ авторъ весьма невысокаго мнѣнія и ставитъ занятія ими въ воспитательномъ отношеніи едва-ли не ниже сочиненія латинскихъ стиховъ. Занятія точными науками, по мнѣнію Гюйо, менѣе развиваютъ умъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ, потому что такія занятія даютъ уму только факты и готовые формулы, они не упражняютъ силу мышленія и не даютъ ей способности инициативы, составляющей основу всякой личной мысли. Эти занятія не развиваютъ и воображенія, которое наиболѣе развивается эстетическимъ воспитаніемъ. Математика, своею призрачною строгостью и точностью, можетъ научить скрывать слабость доводовъ, она даетъ простыя формулы, неспособныя обнять дѣйствительность. Математики только воображаютъ себя владѣющими непогрѣшимыми формулами. Въ естественныхъ наукахъ устраняется всякая возможность сомнѣнія въ принятыхъ фактахъ, и преподаватель можетъ при случаѣ иллюстрировать положеніе, но не доказать его индуктивно.

Въ такихъ взглядахъ нѣтъ ничего новаго, въ такихъ рѣчахъ слышится старая Франція, высоко ставившая стиль, изящество, умозрительную философію и эстетику. Изложенныя идеи объ образовательномъ значеніи древнихъ языковъ, математики, естествознанія, сочиненія латинскихъ стиховъ свидѣтельствуютъ, какъ еще живуча въ современной Франціи традиціонная педагогика, какъ въ умахъ сравнительно свѣжихъ и воспріимчивыхъ крѣпки возрѣнія и убѣжденія давно сошедшихъ со сцены поколѣній.

Такой-же старинной вѣетъ и отъ разсужденій автора о женскомъ образованіи. Французы народъ галантный вообще, а къ женщинамъ особенно любезны, но до послѣдняго времени они относительно, такъ называемаго, женскаго вопроса и неразрывно связаннаго съ нимъ жен-

скаго образованія были довольно беззаботны. Правда, у нихъ были писатели, старавшіеся выяснитъ и опредѣлитъ систему женскаго образованія, каковы, на примѣръ, Фенелонъ, Ж. Ж. Руссо. Но ни тотъ, ни другой не признавали за женщинами большихъ теоретическихъ талантовъ и научныхъ способностей, Руссо-же прямо говорилъ, что женщинамъ не по-плечу ни философское обобщеніе, ни тщательное и безпристрастное наблюденіе. Оба стремились ограничить теоретическое образованіе женщины и ввести въ него побольше практическихъ элементовъ, по части знанія хозяйства, умѣнья устроить изящную домашнюю обстановку, укорененія добродѣтелей послушанія, кротости и т. п. Гюйо идетъ по проложенной дорожкѣ и весьма рѣшительно заявляетъ слѣдующее: «практическая педагогія съ семейной гигиеной, входящей въ педагогію, есть почти единственная наука, необходимая женщинѣ, и эта-то наука, можетъ быть, и есть единственная, которой женщина не учать». Для пониманія такого неожиданнаго сужденія о нынѣшнемъ составѣ раціональнаго женскаго общеобразовательнаго курса, нужно обратитъ вниманіе на взгляды Гюйо относительно свойствъ женщины.

Вопросъ о женскомъ образованіи опредѣляется слѣдующими тремя принципами: 1) женщина фізіологически слабѣе мужчины, она владѣетъ меньшимъ запасомъ силъ для покрытія значительныхъ издержекъ, вызываемыхъ умственной работой, перешедшей надлежачія границы; 2) воспроизводительная функція является болѣе важной въ женскомъ организмѣ, чѣмъ въ мужскомъ, а эта функція, по ученію фізіологовъ, находится въ антагонизмѣ съ мозговыми затратами, вслѣдствіе чего нарушеніе равновѣсія, произведеннаго у женщины умственною работою, будетъ необходимо болѣе значительнымъ, чѣмъ у мужчины; 3) слѣдствія нарушенія равновѣсія въ отношеніи къ послѣдующимъ поколѣніямъ являются болѣе серьезными и опасными, когда дѣло идетъ о женщинѣ, чѣмъ о мужчинѣ. «Матери Бэкона и Гёте, обѣ очень замѣчательныя, не могли, однако, написать ни *Novum organum*, ни Фауста; но если-бы онѣ хотя немного ослабили свою воспроизводительную силу сверхмѣрнымъ умственнымъ трудомъ, онѣ не могли-бы имѣть сыновьями ни Бэкона, ни Гёте». Матери поступаютъ нерасчетливо, принося тѣло своихъ дочерей въ жертву духу и тѣмъ думая сдѣлать ихъ привлекательными, — онѣ или совсѣмъ не знаютъ вкусовъ мужчинъ, или судятъ объ этихъ вкусахъ неправильно. Вслѣдъ за Спенсеромъ Гюйо утверждаетъ, что мужчины очень не высоко цѣнятъ ученость женщинъ, но увлекаются ихъ красотой, хорошимъ характеромъ, здравымъ смысломъ, розовыми щеками

и ясными глазами. Любовь въ сердцѣ мужчины вызывается болѣе всего внѣшними свойствами женщины, потомъ нравственными и всего менѣе умственными, да и въ послѣдней категоріи свойствъ на первомъ планѣ стоятъ природныя интеллектуальныя качества, какъ-то: живость ума, проникательность, а не образованіе и знанія. Впрочемъ, Гюйо не думаетъ советѣмъ похоронить вопросъ о женскомъ образованіи: какъ подруга мужчины и воспитательница дѣтей, женщина не должна быть чуждой ни занятіямъ, ни чувствамъ мужчины; чтобы обучать дѣтей, нужно предварительно поучиться и самой учительницѣ, такъ что и по теоріи Гюйо дѣвушкѣ однѣхъ розовыхъ щекъ маловато. Гюйо стремится не къ уничтоженію, а къ реформѣ женскаго образованія, причемъ полагаетъ, что было-бы очень недурно уничтожить добрую половину тѣхъ знаній, которыя фигурируютъ въ программахъ женскихъ учебныхъ заведеній, и замѣнить ихъ дѣйствительно основательными знаніями.

Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію и оспариванію фактъ большаго значенія воспроизводительной функціи въ женскомъ организмѣ, чѣмъ въ мужскомъ. Отсюда слѣдуетъ необходимость большей осторожности въ опредѣленіи размѣра и въ распорядкѣ умственныхъ занятій для женщинъ; но отсюда не слѣдуетъ, что женщина есть только аппаратъ для рожденія дѣтей и не имѣетъ своего собственнаго самостоятельнаго личнаго значенія, что если она можетъ и должна что-нибудь знать, то только какъ подруга мужчины и воспитательница дѣтей. Гюйо какъ будто забылъ, что, кромѣ воспроизводительныхъ органовъ и функцій, у женщины есть также нервная система и свой психическій міръ, что психическое развитіе и правильная дѣятельность нервной системы дѣло не изъ послѣднихъ въ жизни женщины. Поэтому сужденіе, что практическая педагогія съ семейной гигиеной есть почти единственная наука, необходимая женщинѣ, крайне легкомысленно, несправедливо и въ то-же время имѣетъ въ основѣ допотопный взглядъ на женщину. Если-же воспроизводительная функція господствуетъ надъ всѣми другими и опредѣляетъ собою все, такъ что все должно служить ей, ея интересамъ, тогда, на основаніи этого принципа, не женщина должна считаться придаткомъ къ мужчинѣ и спутницей его, но мужчина придаткомъ къ женщинѣ и ея спутникомъ, такъ какъ главенствующая функція жизни, всеопредѣляющая, у женщины болѣе энергична, чѣмъ у мужчины.

II.

Въ разсужденіи Гюйо о постановкѣ женскаго образованія, кромѣ отзвука ветхихъ преданій, слышится еще другая нотка—стремленіе уберечь, сохранить силы женщинъ въ виду блага грядущихъ поколѣній. Такое стремленіе у Гюйо не случайность: физическую энергію будущихъ поколѣній, а вмѣстѣ съ ними и настоящаго, онъ стремится оберегать всюду, у мальчиковъ и дѣвочекъ. Такая охрана есть одна изъ самыхъ существенныхъ задачъ воспитанія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ вліяніемъ на педагогическіе взгляды Гюйо современнаго положенія Франціи.

Франціи грозитъ бѣда, Франція страдаетъ однимъ чрезвычайно важнымъ социальнымъ недугомъ—очень слабымъ приростомъ населенія, малымъ сравнительно числомъ рожденій, тогда какъ Германия преуспѣваетъ въ этомъ отношеніи. По переписи въ декабрѣ 1885 г., населеніе Германской имперіи составляло 46.855.704 жителя. Въ 1870 г. на той-же территоріи жило только 40.816.249 душъ. Изъ года въ годъ населеніе Германской имперіи возрастаетъ болѣе чѣмъ на полмилліона и къ концу слѣдующаго вѣка оно можетъ достигнуть 170 милліоновъ. Между тѣмъ во Франціи въ 1831 году было 32.569.223 жителя, а въ 1881 г. только 37.321.186, т. е. приростъ населенія во Франціи въ 6—7 разъ слабѣе, сравнительно съ приростомъ въ Германіи, «важный фактъ, способный привлечь вниманіе не только статистиковъ, но и особенно государственныхъ людей, заботящихся о будущемъ». Физическія силы французской націи падаютъ, ей грозитъ прогрессивное вырожденіе, а между тѣмъ физическая сила и энергія—основа всякихъ другихъ силъ, здоровье расы, ея физическая крѣпость—необходимое условіе для появленія геніевъ; политическое первенство бываетъ въ рукахъ наиболѣе сильныхъ націй. Поэтому первая задача воспитанія заключается въ сохраненіи и развитіи силъ физической жизни, отъ нихъ зависитъ наслѣдственная сила расы.

Но человѣка и вообще нельзя разсматривать самого по себѣ, какъ какую-то абстракцію отъ моральныхъ и интеллектуальныхъ условій, которыми онъ окруженъ и которыя образуютъ его психическую атмосферу, подобно атмосферѣ физической; человѣкъ не есть только точка въ пространствѣ. Его первая необходимость есть жить, а вторая—приспособляться къ средѣ. Вся система воспитанія должна быть приспособлена къ сохраненію и прогрессу расы. Одна изъ существенныхъ ошибокъ современнаго воспитанія—воспитаніе отдѣльнаго индивидуума,

взятаго особо отъ его семьи и расы. Въ воспитаніи первое мѣсто должно быть отведено общимъ интересамъ индивидуума и рода. Поэтому послѣ физическаго развитія и даже, если нужно, то прежде его, должно поставить воспитаніе нравственное, гражданское, которое есть высшая цѣль индивидуума и условіе существованія общества. Вещь-же, наиболѣе близкая къ доброду, есть прекрасное. Поэтому за нравственнымъ воспитаніемъ должно поставить эстетическое; воспитаніе-же умственное занимаетъ послѣднее мѣсто. «Мораль расы, вмѣстѣ съ ея здоровьемъ и крѣпостью, главный предметъ воспитанія. Все прочее имѣетъ второстепенное значеніе. Интеллектуальныя свойства, напр., и особенно знанія, обученіе имѣютъ много менѣе важности для расы, чѣмъ крѣпость нравственная и физическая. И воспитатель никогда не долженъ извращать іерархію качествъ, необходимыхъ расамъ». Человѣкъ крѣпкій и плодовитый для націи важнѣе человѣка, наполнившаго свою память массой знаній, въ большинствѣ вѣрѣдко безполезныхъ.

Что навѣяло такую оцѣнку и градацію сторонъ воспитанія—слишкомъ ясно и понятно. Намъ врагъ, думалъ Гюйо, силенъ, онъ быстро размножается и крѣпнеть, онъ мужественъ. Будемъ-же и мы сильны и мужественны, укрѣпимъ тѣло, закалимъ духъ, будемъ дружно стоять за себя, за согражданъ, за отечество—вотъ въ чемъ наша задача, задача жизни и воспитанія. Не будемъ суровы къ эстетикѣ—она имѣетъ морализующее значеніе и притомъ въ нашихъ вкусахъ; научное-же развитіе—вещь третъестепеннаго значенія, дѣло неважное, нужно не столько учиться, сколько плодиться.

Такая градація отдѣловъ воспитанія, можетъ быть, очень хорошо отвѣчаетъ потребностямъ французскаго общества, но ее едва-ли можно признать правильной теоретически и съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Остается совершенно недоказаннымъ, чтобы въ воспитаніи укрѣпленіе мускуловъ было дѣйствительно первымъ дѣломъ, а укрѣпленіе ума послѣднимъ. Неужели умъ такая ничтожная вещь? Мы ничего не говоримъ противъ важности физическаго воспитанія, мы указываемъ только на важность умственнаго, вѣдь націи бываютъ сильны не только мускулами, политическое преобладаніе принадлежитъ націямъ крѣпкимъ не только физически, но и умомъ, культурнымъ націямъ. Самъ-же Гюйо приводитъ свидѣтельства англійскихъ писателей объ огрубляющемъ вліяніи на англичанъ слишкомъ большаго количества физическихъ упражненій.

Точно также признаніе эстетическаго образованія болѣе важнымъ, чѣмъ умственное, едва-ли справедливо. Если прекрасное есть близкій

соедѣдъ добраго, то еще нужно доказать, что умственное развитіе не имѣетъ никакого значенія для нравственнаго усовершенствованія. Можно утверждать и поддерживать свое утвержденіе серьезными доводами, что умственное образованіе есть существенное условіе для правильнаго нравственнаго и эстетическаго развитія. Вообще распредѣленіе сторонъ воспитанія по степени ихъ важности и значенія сдѣлано Гюйо безъ достаточныхъ основаній, безъ предварительнаго анализа ихъ внутреннихъ взаимоотношеній и коренныхъ элементовъ. Гюйо показалось, что сила и счастье французской націи требуютъ дать преимущество въ воспитаніи развитію тѣлесныхъ и нравственныхъ способностей предъ умственными, и онъ высказалъ это требованіе безъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Обратимся къ частнымъ мыслямъ Гюйо о постановкѣ различныхъ сторонъ воспитанія.

Въ дѣлѣ физическаго развитія большое значеніе имѣетъ весь распорядокъ дня, а равно устройство помѣщенія. Съ этихъ сторонъ существующіе интернаты весьма неудовлетворительны; пища, воздухъ не совсѣмъ доброкачественные, занятій и сидѣнья много, отдыха мало. Недостатки интернатовъ общеизвѣстны; но если они и зло, то зло неизбежное. Уничтожить ихъ нельзя, они необходимы для многихъ дѣтей, отцы которыхъ не могутъ приносить слишкомъ тяжелыя матеріальныя жертвы для образованія своихъ сыновей. А если интернаты уничтожить нельзя, то ихъ нужно улучшить. Какимъ путемъ? Англійская система интернатовъ очень дорога, проще и удобнѣе нѣмецкая: въ Германіи учащихся принимаютъ частныя семейства за дешевую плату и даютъ помѣщеніе и столъ. Такой семейный экстернатъ и нужно развивать. Самые интернаты и нужно устраивать внѣ городовъ, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, на возвышенныхъ мѣстахъ; въ интернатѣ должно быть обращено серьезное вниманіе на прогулки, полезно предпринимать и путешествія изъ провинціи въ провинцію, что можно устроить недорого, вступивъ въ соглашеніе съ желѣзнодорожными обществами, а остановки дѣлая въ мѣстныхъ лицахъ и колледжахъ. Это взаимное гостепримство учащихся весьма желательно и полезно. Относительно внутренняго распорядка Гюйо совѣтуетъ прибѣгнуть къ помощи старшихъ воспитанниковъ, утверждая, что такая система не поведетъ къ разстройству товарищескихъ отношеній и къ развитію шпіонства.

Умственное переутомленіе учащихся Гюйо признаетъ безспорнымъ фактомъ и даже правиломъ во Франціи. Занятій слишкомъ много, до 11 часовъ въ сутки, тогда какъ взрослые работаютъ меньше. «Хо-

рошо работать — гораздо лучше, чѣмъ долго работать», очень справедливо и резонно замѣчаетъ Гюйо и подкрѣпляетъ свою мысль весьма поучительнымъ экспериментомъ, произведеннымъ въ Лондонѣ однимъ изъ распространителей школь «полу-времени». Опытъ состоялъ въ слѣдующемъ: были взяты 1-й ученикъ, 3-й, 5-й, 7-й и т. д., изъ нихъ составлено отдѣленіе, а въ другое вошли 2-й ученикъ, 4-й, 6-й и т. д., такъ что силы отдѣленій были почти равныя. Одно отдѣленіе работало цѣлую единицу времени, другое-же только половину этой единицы. Второе отдѣленіе превзошло первое и въ физическихъ, и въ умственныхъ упражненіяхъ, и такимъ образомъ опытомъ было доказано, что два часа хорошей работы стоятъ больше четырехъ часовъ вялой работы.

Для правильнаго физическаго развитія важна гимнастика. Гюйо оцѣниваетъ различныя системы гимнастики—шведскую, нѣмецкую и англійскій спортъ. Систему шведской гимнастики онъ считаетъ мало пригодной для тѣлеснаго развитія здороваго юношества, но хорошимъ терапевтическимъ средствомъ для сохраненія или возстановленія дѣятельности нѣкоторыхъ группъ мускуловъ; нѣмецкая гимнастика представляетъ значительныя преимущества: по этой системѣ можно одновременно учить весьма большое число учениковъ всякаго возраста, она требуетъ мало приборовъ, независима отъ внѣшнихъ условій, ведетъ къ болѣе правильному и равномерному развитію тѣла, чѣмъ какого можно достигнуть, отдаваясь физическимъ упражненіямъ по своимъ склонностямъ. Но всякая гимнастика ниже игръ, сопровождающихся обыкновенно большимъ удовольствіемъ и весьма разнообразныхъ. Во Франціи гимнастика имѣетъ военный оттѣнокъ, даже есть стремленіе милитаризировать все физическое воспитаніе, чего одобрить нельзя. Ручной трудъ также полезенъ для здоровья и его нужно рекомендовать школамъ, въ видахъ гигиеническихъ. Истинная цѣль ручнаго труда въ системѣ общаго образованія заключается не въ обученіи какому-либо мастерству, а въ развитіи интеллектуальныхъ, эстетическихъ и физическихъ силъ учащихся, знакомства съ предметами и ловкости. Наконецъ, въ тѣхъ-же видахъ укрѣпленія здоровья вакаціи должны быть употребляемы на тѣлесныя упражненія, особенно въ горахъ, гдѣ воздухъ такъ чистъ. Вообще всякія рекреаціи нужно увеличить и оживить.

Воспитанію нравственному и эстетическому Гюйо даетъ весьма видное мѣсто въ общей системѣ воспитанія, но эти стороны воспитанія у него разработаны далеко не обстоятельно; гораздо больше и обстоятельнѣе онъ все-же говоритъ объ умственномъ образованіи.

Всѣ теоріи морали, даже наиболѣе скептическія или эгоистическія, констатируютъ тотъ фактъ, что индивидуумъ не можетъ жить единственно самъ по себѣ и для себя, что эгоизмъ есть сокращеніе сферы нашей дѣятельности, что онъ кончаетъ тѣмъ, что дѣлаетъ скудной и иссушаетъ эту дѣятельность. Поэтому высшей задачей нравственнаго воспитанія должна служить не польза добра, но его красота, въ силу которой добро доставляетъ непосредственное наслажденіе. Принципъ Руссо и Спенсера — предоставлять дѣтей естественнымъ слѣдствіямъ ихъ дѣйствій—кажется Гюйо неправильнымъ, такъ какъ легко можетъ вести къ самымъ нежелательнымъ результатамъ. Если ученикъ былъ невнимателенъ въ теченіе дня, не испыталъ отъ этого никакого неудовольствія, онъ будетъ невнимателенъ и на слѣдующій день; дурная привычка скоро укоренится, и естественная реакція настанетъ тогда, когда зло будетъ уже непоправимо. Необходимость дисциплинарнаго правила ясна даже при инстинктивныхъ дѣйствіяхъ дитяти: дитя разгорячилось и хочетъ пить холодную воду; предоставить-ли его вытерпѣть естественное слѣдствіе — можетъ быть, серьезную болѣзнь?

Точно также Гюйо не раздѣляетъ принципа Л. Н. Толстого о предоставленіи дѣтямъ полной свободы, о беззаконности всякаго стѣсненія дѣтей. Онъ называетъ систему Толстого «анархической» и не могущей быть общимъ достояніемъ, хотя у самого Толстого (въ Ясной Полянѣ) она и могла удалась. «Мы не убѣждены,—говоритъ Гюйо,— что повсюду, гдѣ соберутся трое дѣтей, духъ Иисуса будетъ съ ними, скорѣе духъ дьявола, т.-е. первоначальнаго варварства. Сверхъ того, школа должна служить подготовкою къ общественной жизни. Школа Толстого могла хорошо подготовить дитя къ тому обществу, о которомъ мечтаетъ великій писатель—безъ судей, безъ тюремъ, безъ арміи; но школьная анархія есть плохая подготовка къ организованной и легальной жизни дѣйствительныхъ обществъ... Не такой воспитательной системой готовятъ, не говорю уже солдатъ, но и просто гражданъ». Изъ педагогическаго опыта Толстого Гюйо извлекаетъ лишь такое, крайне скромное, заключеніе, что если дисциплина необходима въ школахъ, то она не должна быть доводимъ до суроваго формализма.

Къ нравственному воспитанію присоединяется гражданское. Эта сторона воспитанія совершенно необходима, иначе можетъ угрожать государству «нашествіе варваровъ извнутри». Учить дѣтей наукъ объ устройствѣ общества и государства невозможно, но имъ нужно вдохнуть общественную мораль, гражданскую доблесть, укрѣпить патріо-

тизмъ, болѣе примѣрами, чѣмъ словами. Затѣмъ, при отбываніи воинской повинности, слѣдуетъ учить новобранцевъ началамъ государственнаго устройства, обязанностямъ и правамъ гражданъ. Если законно требовать нѣсколько лѣтъ для обученія юношества военному дѣлу, то не незаконно требовать нѣсколькихъ часовъ въ недѣлю для гражданскаго образованія.

Какъ на средства эстетическаго образованія, Гюйо указываетъ на преимуществу на искусства—рисованіе, пѣніе, музыку и рекомендуетъ въ свободную дѣтскую игру внести правила истиннаго и прекраснаго, чрезъ что воспитаніе сдѣлается глубоко эстетическимъ.

Очерчивая задачи умственнаго воспитанія вообще, Гюйо указываетъ на необходимость воспитанія вниманія, любви къ ученію; утверждаетъ, что одинъ изъ враговъ истиннаго знанія есть эрудиція, что образованіе не должно быть разсѣяннымъ, но сконцентрированнымъ, направленнымъ къ одной господствующей точкѣ и т. п. «Обогатить мозгъ наибольшей суммой плодотворныхъ и благородныхъ идей съ наименьшей затратой силы—такова истинная цѣль умственнаго воспитанія». Обученіе никогда не должно быть дѣломъ памяти, эрудиціи, чистаго знанія, но дѣломъ умственной, нравственной и гражданской культуры. Сохранить равновѣсіе между различными вѣтвями обученія, брать изъ каждой только существенныя данныя и устранять частности—такова задача умственнаго воспитанія. Его единственная цѣль—развить духъ и не въ одномъ какомъ-либо смыслѣ и направленіи, но всесторонне.

III.

Изложенныя частныя мысли Гюйо о различныхъ сторонахъ воспитанія по большей части справедливы, и съ ними нельзя не согласиться; но въ то-же время нельзя не признать, что онѣ не блестятъ оригинальностью, не увлекаютъ своею новизною. Кто не знаетъ, что гимнастика полезна для правильнаго физическаго развитія, а свободныя игры и того больше, что въ настоящее время дѣти и юноши обременены умственными упражненіями, что будущимъ и настоящимъ гражданамъ не мѣшало-бы знать права и обязанности гражданъ и т. д. Все это—вещи, тысячу разъ обсуждавшіяся и всеѣмъ извѣстныя. Въ развитіи этихъ извѣстныхъ мыслей также нѣтъ ничего особеннаго. Но въ книгѣ Гюйо есть и оригинальная часть, именно первыя главы, въ которыхъ воспитаніе разсматривается какъ внушеніе. Эта мысль навѣяна новѣйшими изслѣдованіями гипнотизма.

Путемъ перваго внушенія можно вліять на чувствительность, умъ и волю, внушая ощущенія, чувствованія, идеи, желанія. Существуетъ аналогія между внушеніемъ и инстинктомъ, возможно приложеніе нормальнаго и естественнаго внушенія къ воспитанію, а искусственнаго къ исправленію ненормальныхъ инстинктовъ или къ усиленію и нормальныхъ, но очень слабыхъ. Всякое внушеніе есть инстинктъ въ состояніи возникновенія. А такъ какъ всякій инстинктъ есть зародышъ чувства необходимости, а иногда и обязанности, то отсюда слѣдуетъ, что всякое внушеніе есть побужденіе, которое вліяетъ на духъ, есть элементарная воля, виѣдряющаяся въ личность. Внушать въ извѣстныхъ условіяхъ значитъ вынуждать физически; при условіяхъ болѣе спорныхъ можно вынуждать и нравственно. Вообще всякій естественный или моральный инстинктъ происходитъ отъ чего-то въ родѣ сомнамбулизма, потому что онъ даетъ распоряженіе, смысла котораго мы не знаемъ. Мы слышимъ голосъ совѣсти и мы локализуемъ этотъ голосъ въ насъ, тогда какъ онъ возникаетъ очень далеко отъ насъ и есть отдаленное эхо, переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнію. Наша инстинктивная совѣсть есть родъ наслѣдственнаго внушенія.

Сила внушенія засвидѣтельствована многими и разнообразными фактами: внушеніемъ заставляли терять память именъ, можно заставить потерять и всю память. Если отождествлять память съ привычкой и инстинктомъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые психологи, то внушеніемъ можно уничтожать или по крайней мѣрѣ ослаблять инстинкты, даже наиболѣе основныя, какъ материнскій инстинктъ, стыдливость и т. д. Помощью внушенія можно исправлять, лѣниваго человѣка превращать въ трудолюбиваго, характеръ невыносимый дѣлать мягкимъ, и всѣ эти метаморфозы производить довольно быстро, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль.

Физиологическое и невропатическое внушеніе есть только преувеличеніе фактовъ, происходящихъ въ нормальномъ состояніи. Можно допускать психологическое, нравственное и социальное внушеніе, совершающееся у здоровыхъ людей; это нормальное внушеніе, организованное и упорядоченное, можетъ подавлять или благопріятствовать эффектамъ наслѣдственности. Подъ вліяніемъ внушенія пассивный организмъ стремится сравняться съ дѣятельнымъ организмомъ, послѣдній господствуетъ надъ первымъ и управляетъ его движеніями, желаніями и вѣрованіями. Обращеніе съ уважаемыми родителями, учителемъ, другими взрослыми производитъ у дѣтей внушенія, которыя простираются на всю жизнь. У людей бываютъ мысли, пріобрѣ-

тенныя путемъ внушенія, передающіяся отъ индивидуума къ индивидууму, отъ расы къ расѣ съ силою инстинктовъ; преступленія распространяются чрезъ внушеніе; авторитетъ, которымъ владѣютъ нѣкоторыя личности, объясняется заразительностью состоянія сознанія и есть не что иное, какъ состояніе вѣры, интенсивность утвержденія. Люди, приобретающіе наибольшій авторитетъ, суть тѣ, которые наиболѣе утверждаютъ своимн жестами и тономъ или, по крайней мѣрѣ, кажутся утверждающими. Заразительность вѣрованія бываетъ въ прямомъ отношеніи къ силѣ его напряженія.

Каждое дитя испытываетъ внушеніе. Если подъ внушеніемъ вообще понимать введеніе практическаго вѣрованія, которое осуществляется само собою, то моральное внушеніе будетъ искусствомъ измѣнять индивидуумъ, убѣждая его, что онъ есть или можетъ быть другимъ, чѣмъ каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Это искусство имѣетъ громадное значеніе въ воспитаніи; все воспитаніе должно стремиться къ цѣли: убѣдить дитя, что оно способно къ добру и неспособно къ злу, чтобы дать ему и на самомъ дѣлѣ силу къ одному и немощь къ другому; убѣдить его, что оно имѣетъ сильную волю, чтобы дѣйствительно сообщить ему силу воли; внушить ему вѣрованіе, что оно нравственно свободно, чтобы оно постепенно и на самомъ дѣлѣ осуществляло это вѣрованіе. Часто бываетъ достаточно сказать дѣтямъ и молодымъ людямъ, что въ нихъ предполагаютъ такое-то доброе свойство, чтобы они постарались оправдать это мнѣніе. Предполагать въ нихъ дурныя свойства значить дѣйствительно вызывать обнаруженіе этихъ свойствъ. Даже въ тюрьмахъ надъ преступниками замѣчается такое-же явленіе. Въ воспитаніи-же всегда нужно сообразоваться съ правиломъ: предполагать добро и добрую волю. Искусство вести молодыхъ людей состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы предполагать ихъ добрыми настолько, насколько желаютъ ихъ видѣть таковыми въ дѣйствительности. Поэтому полезно обращать вниманіе воспитываемыхъ на ихъ добрыя склонности и опасно возбуждать ихъ сознаніе относительно дурныхъ, формулировать предъ ними дурныя инстинкты. Это значить укрѣплять послѣдніе, переводить въ дѣйствія, а иногда и создавать ихъ, если они еще не существуютъ. Внушеніе можетъ моментально ослабить или усилить пониманіе: можно внушить кому-либо, что онъ глупъ, не способенъ понять или сдѣлать то-то, и такимъ путемъ развить непониманіе, неспособность. Воспитатель всегда долженъ убѣждать воспитываемаго, что онъ можетъ понять, можетъ сдѣлать. Всякая профессія, всякое соціальное состояніе можно психологически опредѣлить какъ совокупность постоянныхъ

и координированных внушений, которыя побуждают дѣйствовать сообразно съ идеей или общимъ типомъ, представляющимся нашей мысли. Если гипнотизу внушаютъ, что онъ генералъ, то онъ и поступаетъ по-генеральски: говоритъ авторитетнымъ тономъ, не отступаетъ предъ опасностью и т. п. Но есть всеобщая профессія, профессія человѣка, роль общая всѣмъ, роль социальнаго существа. Нужно, чтобы идея общества и общественности была внушаема съ дѣтства, представлялась какъ-бы живою и усвоялась всѣмъ существомъ; пужно, чтобы идеаль настоящей гуманности стоялъ выше наслѣдственныхъ инстинктовъ и измѣнялъ ихъ мало по малу въ своемъ смыслѣ и направленіи. Есть въ человѣкѣ чувства социальныя и несоциальныя: первыя нужно развивать, вторыя подавлять.

Что цѣннаго представляетъ мысль о воспитаніи, какъ системѣ внушений? Прежде всего слѣдуетъ помнить, что серьезныя изслѣдованія о внушеніи начаты недавно и что выводить изъ этихъ изслѣдованій практическія слѣдствія еще преждевременно. Внушеніями человѣкъ въ нѣсколько недѣль превращается изъ лѣниваго въ дѣятельнаго, его скверный характеръ дѣлается прекраснымъ—удивительная метаморфоза, требующая обстоятельной провѣрки и изслѣдованія: насколько прочно было измѣненіе? Не сопровождалось-ли оно подавленіемъ какихъ-либо явленій и дѣятельностей? Не было-ли самое улучшеніе особеннымъ болѣзненнымъ явленіемъ? Многіе и въ настоящее время считаютъ возможнымъ говорить о поддѣлкѣ явленій внушенія. Во всемъ этомъ надо разобраться, все сомнительное провѣрить, и вопросъ теоретически неясный переносить на практическую почву рано. Внушеніе предполагаетъ, что внушенныя идеи, мысли, чувства, образы имѣютъ громадное вліяніе на субъекта, вынуждаютъ его къ совершенію соотвѣтственныхъ дѣйствій. А между тѣмъ вопросъ объ идеяхъ и образахъ, какъ дѣятельныхъ психическихъ силахъ, изслѣдованъ еще весьма недостаточно. Только въ самое послѣднее время онъ начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе: имъ занялся, напримѣръ, Альфредъ Фульье, напечатавшій въ «Revue philosophique» за нынѣшній годъ нѣсколько статей по этому вопросу и издавшій ихъ отдѣльной книгой «L'évolutionisme des idées-forces». Paris, 1890. Притомъ искусственнымъ внушеніямъ доступны около 30 человѣкъ изъ ста нормальныхъ людей. Все это заставляетъ быть осторожнымъ въ разсужденіяхъ о внушеніи и не торопиться перенесеніемъ вопроса на практическую почву.

Съ другой стороны, что-же новаго сказалъ Гюйо собственно въ сферѣ воспитательныхъ вопросовъ, примѣнивъ къ воспитанію идею

внушенія: что нужно внушать воспитываемымъ довѣріе къ своимъ силамъ, что отсутствіе вѣры въ возможность понять, сдѣлать добро подрываетъ энергію пониманія и дѣятельности? Но вѣдь это вещь давнымъ-давно извѣстная: извѣстная педагогамъ, извѣстная полководцамъ, извѣстная даже тюремнымъ зрителямъ: если воззвать къ чести каторжныхъ и положиться на эту честь, то и каторга, по свидѣтельству Достоевскаго, не обманетъ. Такимъ образомъ практически эта мысль давно извѣстна въ самыхъ разнообразныхъ приложеніяхъ. Теоретически она, можетъ быть, не была высказана и сформулирована такъ положительно и опредѣленно, какъ у Гюйо, не была такъ подчеркнута, какъ у него. Но за-то у него эта вѣрная мысль нѣсколько преувеличена, ему кажется, что если внушить чело-вѣку, что онъ глупъ, то онъ будетъ поступать глупо, а если внушить, что онъ уменъ, то будетъ поступать умно. Если бы это была правда, то уже слишкомъ просто и легко можно было-бы подѣлать всѣхъ дураковъ умными, а безчестныхъ честными, стоило-бы только внушить имъ, что они умны и честны. Чтобы быть на самомъ дѣлѣ умнымъ и честнымъ, вести себя благоуравно и судить мудро, для этого, кромѣ увѣренности въ своемъ умѣ и честности, нужно еще кое-что другое, и это другое—вещь очень и очень немаловажная. Мы уже не говоримъ о такихъ, нескладныхъ даже съ перваго взгляда преувеличеніяхъ, какія допускаетъ Гюйо, напр., объ уподобленіи состоянія ребенка при появленіи на свѣтъ состоянію загнипнотизированнаго.

IV.

Остается указать еще на нѣсколько мыслей Гюйо, которыя нельзя считать прямо внушенными какимъ-либо изъ трехъ вышеуказанныхъ вліяній, и прежде всего на выраженную въ самомъ заглавіи книги мысль объ отношеніи между воспитаніемъ и наслѣдственностью. Нельзя сказать, чтобы соотношеніе между воспитаніемъ и наслѣдственностью было разработано Гюйо достаточно основательно и широко. Мысль объ этомъ взаимоотношеніи есть мысль весьма важная и серьезная, но Гюйо болѣе касается ея здѣсь и тамъ, чѣмъ основательно выясняетъ; съ другой стороны, эта мысль, не-смотря на помѣщеніе ея въ заголовкѣ сочиненія, недостаточно связываетъ и объединяетъ содержаніе книги, какъ это видно уже изъ сдѣланнаго изложенія взглядовъ Гюйо.

Какое значеніе имѣетъ воспитаніе въ развитіи и судьбѣ чело-вѣка? Слѣдуетъ-ли думать, какъ полагаетъ одна категорія мыслителей, что воспитаніе бессильно и потому почти бесполезно, такъ какъ

развитіе человѣчества совершается съ необходимостью и управляется наслѣдственностью? Или-же слѣдуетъ согласиться съ другой категоріей мыслителей и признать воспитаніе почти всемогущимъ? Въ прошломъ вѣкѣ преувеличивали важность воспитанія, полагая, что все различіе между людьми происходитъ отъ различія въ обученіи и средѣ; въ настоящее время, подъ вліяніемъ изслѣдованій о наслѣдственности, многіе думаютъ, что воспитаніе вполнѣ бессильно произвести какія-либо существенныя измѣненія въ индивидуумѣ и расѣ; поэтъ, говорятъ, родится поэтомъ, а преступникъ—преступникомъ. Рибо отрицаетъ возможность созданія воспитаніемъ новыхъ свойствъ; онъ полагаетъ, что воспитаніе можетъ вліять только на среднія натуры: если всѣхъ людей, по степени ихъ умственныхъ способностей, расположить въ одинъ рядъ, то на одномъ концѣ ряда будутъ очень умные и талантливые, на другомъ концѣ глупые и бездарные, а въ срединѣ ряда—люди обыкновеннаго ума. Вотъ на этихъ-то среднихъ людей воспитаніе и можетъ болѣе всего вліять, а умные будутъ умны и безъ воспитанія, съ глупыми-же ничего не подѣлаешь, какъ ни воспитывай. Гюйо съ этимъ несогласенъ. Кому-же и создавать новыя свойства, какъ не воспитанію? Наслѣдственность во всякомъ случаѣ не можетъ создавать, такъ какъ она только закрѣпляетъ, фиксируетъ развитіе. Но признаніе за воспитаніемъ творческой силы предполагаетъ, что воспитаніе понимается не въ тѣсномъ смыслѣ, какъ воздѣйствіе родителей и учителей, но въ широкомъ, какъ воздѣйствіе соціальной и физической среды на человѣка. Далѣе надъ идіотами воспитаніе дѣйствительно бессильно, но не надъ талантами и гениями. Чѣмъ болѣе отъ природы человѣкъ одаренъ, тѣмъ болѣе способенъ онъ учиться, сдѣлаться, напр., вслѣдствіе образованія ученымъ; чѣмъ благороднѣе человѣкъ по природѣ, тѣмъ легче онъ сдѣлается героемъ вслѣдствіе воспитанія. Геній одновременно осуществляетъ и максимумъ плодотворной наслѣдственности и максимумъ плодотворной воспитываемости.

Особенно плодотворно вліяніе воспитанія въ нравственной сферѣ, такъ какъ невозможно утверждать, что человѣкъ, въ силу наслѣдственности, родится добродѣтельнымъ. Онъ можетъ имѣть по природѣ мягкій характеръ, благородство, быть добрымъ, но все это еще не есть нравственность въ собственномъ смыслѣ слова. Нравственное чувство есть высшій продуктъ воспитанія, понимаемого какъ вліяніе среды соціальной и физической. Нравственность есть вторая природа, прибавленная къ первоначальной животной дѣйствіемъ и реакціей нашихъ способностей и среды. Вліяніе соціальной среды столь могуще-

ственно, что защитники наслѣдственности непременно должны съ нею считаться. Наслѣдственныя склонности суть пріобрѣтенныя привычки, вліяніе нашихъ предковъ, побуждающее насъ дѣйствовать. Наслѣдственный механизмъ и умъ постоянно вліяютъ другъ на друга; ни одну изъ этихъ двухъ силъ нельзя отвергать. Каждый индивидуумъ чрезъ рядъ дѣйствій, составляющихъ ткань его жизни и переходящихъ у его потомковъ въ наслѣдственныя привычки, портитъ или улучшаетъ свое потомство, подобно тому, какъ самъ онъ былъ испорченъ или морализованъ своими предками.

Чтобы благотворно вліять на послѣдующія поколѣнія не только въ нравственномъ отношеніи, но и вообще, полезно имѣть въ виду еще два обстоятельства: а) никогда не нужно побуждать сына слѣдовать профессіи отца и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отцовская профессія требуетъ значительныхъ затратъ нервной силы, каковы карьеры артиста, ученаго, политическаго дѣятеля и т. п. Такія непрерывныя затраты легко могутъ влечь пониженіе способностей въ расѣ; нуженъ отдыхъ, запасаніе силъ, природа пріобрѣтаетъ свои наибольшія богатства во время сна. Единственное средство допустить эту постоянную трату силъ безъ перерыва, безъ отдыха, это постоянно разнообразить профессію; нужно безропотно покориться такой дилеммѣ: наши дѣти будутъ или иными, чѣмъ мы, или же ихъ не будетъ совсѣмъ. Покориться дилеммѣ слѣдуетъ и потому, что этого требуетъ истинное воспитаніе. Истинное воспитаніе безкорыстно, истинный воспитатель воспитываетъ ученика для него самого, для отечества, для всего человѣчества, но не для себя. Многіе воспитываютъ дѣтей не для дѣтей, но для себя, встрѣчаются родители, не желающіе отдать дочь замужъ, чтобы не разлучаться съ нею. Такое воспитаніе есть эгоистическое; б) нужно заботиться о смѣнѣ культуръ въ расѣ. Плодоперемѣнное хозяйство есть элементарное правило не только въ земледѣліи, но и въ воспитаніи: невозможно культивировать постоянно съ успѣхомъ одно и то-же растеніе въ той-же самой почвѣ или извѣстную способность въ той-же расѣ. Настанетъ нѣкогда день, когда различать занятія, способныя истощать и улучшать расу, какъ въ земледѣліи различаютъ растенія, истощающія и улучшающія почву. Пребываніе расы въ томъ-же самомъ социальномъ положеніи вообще фатально для жизни этой расы. Всякое социальное положеніе заключаетъ въ себѣ нѣчто условное, и если совокупность условій, хотябы въ одной точкѣ, противорѣчитъ здоровому развитію жизни, то вредное дѣйствіе, умножившись со временемъ, нарушитъ равновѣсіе расы. Единственный выходъ изъ этого затруднительнаго положенія

есть переменна среды, которая исправляет дурное вліяніе другими противоположными вліяніями.

Если переменна общественной среды и необходимость приспособленія къ ея измѣненіямъ есть существенное условіе развитія и благосостоянія расы, то цѣлью эволюціи человѣчества и воспитанія не можетъ быть автоматизмъ наслѣдственности, уничтожающій сознаніе, какъ думаютъ нѣкоторые ученые. По мнѣнію этихъ мыслителей, наиболѣе высокая степень совершенства человѣка есть полное состояніе автоматизма, когда интеллектуальные акты и наиболѣе сложныя чувствованія будутъ сведены на чистые рефлексы. Всякій фактъ сознанія, каждая мысль, каждое чувство предполагаютъ, говорятъ, несовершенство, замедленіе, остановку, недостатокъ организациі; идеалъ человѣка есть бессознательный автоматъ, чудесно сложный и объединенный. Гюйо не соглашается признавать такой идеалъ. Бессознательный автоматизмъ можетъ быть только совершенной организацией прошлыхъ опытовъ или прошлыхъ воспріятій; но эти прошлыя воспріятія не могутъ ни въ индивидуумѣ, ни въ расѣ всецѣло совпадать съ будущими воспріятіями, если только не предполагать человѣка поставленнымъ на вѣчныя времена въ одно и то-же состояніе, въ одну среду, т.-е. если не предполагать, что міръ остановился въ своемъ развитіи. Но такую остановку нельзя допустить съ научной точки зрѣнія, съ практической-же она нежелательна, она не представляетъ свойствъ идеала. Идеалъ для человѣка не есть приспособленіе къ средѣ одинъ разъ навсегда, приспособленіе, оканчивающееся автоматизмомъ и бессознательностью; идеалъ есть возрастающая способность переприспособлять себя къ измѣненіямъ среды, гибкость, воспримчивость къ воспитанію, т.-е. умъ и сознаніе наиболѣе совершенные. Сознаніе не есть просто задержанный рефлексивный актъ, какъ его часто опредѣляютъ современные психологи; это есть актъ исправленный, поставленный въ отношеніе съ измѣненіями среды, и идеалъ заключается не въ подавленіи переприспособленія къ средѣ, но въ сознательномъ предвидѣніи измѣненій въ двойномъ развитіи человѣка и міра. Ни наука, ни воспитаніе не могутъ стремиться къ автоматизму, не могутъ имѣть идеаломъ рутину; развитіе могущества человѣка идетъ параллельно съ развитіемъ его сознанія.

На основаніи всего сказаннаго можно опредѣлить педагогію какъ искусство приспособлять новыя поколѣнія къ условіямъ жизни наиболѣе полной и наиболѣе плодоносной для индивидуума и для рода, отыскивать средства къ согласованію индивидуальной жизни болѣе всесторонней съ жизнью общественной болѣе широкой и развитой. Част-

ное воспитаніе должно имѣть три задачи: 1) гармонически развить въ человѣческомъ индивидуумѣ всѣ способности, свойственныя человѣческому роду и полезныя роду, по ихъ относительной важности; 2) развить въ особенности спеціальныя способности индивидуума въ той мѣрѣ, въ какой онѣ не могутъ вредить общему равновѣсію организма; 3) задержать и остановить стремленія и инстинкты; способные нарушить это равновѣсіе. Другими словами, воспитаніе должно помогать наслѣдственности въ той мѣрѣ, въ какой она стремится создать въ нѣдрахъ расы прочныя хорошія качества, и бороться съ нею, какъ скоро она стремится закрѣпить свойства, разрушительно дѣйствующія на самую расу. Педагогія становится такимъ образомъ изысканіемъ средствъ къ воспитанію возможно большаго числа индивидуумовъ въ полномъ здоровьѣ, снабженныхъ физическими и моральными способностями, развитыми насколько то возможно,—индивидуумовъ, могущихъ вслѣдствіе этого способствовать прогрессу человѣчества.

Читатель, знакомый нѣсколько съ педагогической и психологической литературой, найдетъ въ книгѣ Гюйо мало новаго; много въ этой книгѣ правильныхъ мыслей и взглядовъ, не мало и такихъ, съ которыми согласиться трудно, но оригинальнаго, своеобразнаго мало. Мѣстами въ ней встрѣчается даже развитіе слишкомъ уже общеизвѣстныхъ и избитыхъ мыслей, которымъ мѣсто не въ социологическомъ этюдѣ о воспитаніи и наслѣдственности, а въ элементарномъ учебникѣ по педагогіи, напр., что тѣлесное наказаніе маленькихъ дѣтей—такое наказаніе Гюйо допускаетъ — должно имѣть моральный оттѣнокъ, что нравственное страданіе должно сливаться съ физической болью, что не надобно наказаніемъ развивать только страхъ въ дѣтяхъ, что родители не должны обнаруживать животнаго гнѣва къ дѣтямъ, и т. д. Но въ книгѣ Гюйо есть одно весьма хорошее свойство, дѣлающее его сочиненіе симпатичнымъ, это—полная жизненность содержанія книги. При чтеніи многихъ педагогическихъ сочиненій невольно задаешься вопросами: къ чему это? чѣмъ вызвано? какой цѣли служить? Такія сочиненія бываютъ сухи, мертвы, схоластичны, очень далеки отъ современной жизни, ея задачъ и волненій. Книга Гюйо не такова: она прямо и неразрывно связана съ современными вопросами и потребностями. Умъ автора чутко прислушивается къ біенію пульса общественной и государственной жизни Франціи, его сердце болѣетъ язвами отечества, содрогается отъ опасностей, грозящихъ французскому народу. Авторъ, какъ вѣрный гражданинъ, идетъ на

помощь отечеству, онъ разсуждаетъ, имѣя постоянно въ виду интересъ расы, рода, а не индивидуальное и эгоистическое удовольствіе. Обережемъ расу, сохранимъ силу и мощь націи, обеспечимъ интересы отечества—вотъ къ чему направляется мысль Гюйо, и хотя онъ подозрительно посматриваетъ на быстро размножающихся нѣмцевъ, но не натравливаетъ на нихъ своихъ соотечественниковъ, а говоритъ о развитіи силы и энергіи націи для служенія прогрессу человѣчества.

П. Каптеревъ.

МЕХАНИЗМЪ ВНИМАНІЯ.

(Ribot. La psychologie de l'attention. Paris, 1889).

Года три тому назадъ, будучи въ Парижѣ, я посѣтилъ проф. Т. Рибо. Разговоръ зашелъ о положеніи научной психологіи во Франціи. Профессоръ, бывшій въ то время приватъ-доцентомъ въ Сорбоннѣ*), весьма мрачными красками изобразилъ отношеніе къ научной психологіи какъ официальныхъ философовъ, такъ и учащейся молодежи. Отношеніе первыхъ, напр., къ лекціямъ Рибо было таково, что его курсы могли состояться, лишь благодаря содѣйствію болѣе либеральнаго министерства, да и то онъ подумывалъ ихъ бросить. Отношеніе студентовъ словеснаго факультета къ психологіи онъ характеризовалъ слѣдующимъ анекдотомъ. Одинъ изъ этихъ юношей обратился къ Тэну за темой для диссертациі; почтенный ученый посовѣтовалъ ему заняться какимъ-нибудь вопросомъ экспериментальной психологіи. «Ну, знаете—сказалъ студентъ—это все такія мелочи, что не стоятъ и работы; все равно, что начать мѣрять блохъ». — «Займитесь въ такомъ случаѣ какимъ-нибудь *большимъ* вопросомъ—отвѣчалъ ему Тэнъ—напр., о чувствѣ Бога при созданіи міра или объ атрибутахъ духовной субстанціи; если вы такимъ образомъ и не сдѣлаетесь ученымъ, то, весьма вѣроятно, достигнете современемъ важныхъ степеней въ университетской іерархіи».

Такое непониманіе задачъ новой психологіи объясняется двумя обстоятельствами, изъ которыхъ одно общаго свойства, а другое—временное. Временное обстоятельство, тормозящее во Франціи побѣду новой психологіи, состоитъ въ томъ, что и нынѣ всѣ кафедрѣ философіи находятся въ рукахъ школы Кузена. Школа эта, не выдвинувъ ни одного оригинальнаго мыслителя, обладаетъ за то такую практи-

*) Нынѣ онъ занимаетъ вновь открытую кафедру «экспериментальной психологіи» въ Collège de France.

ческою дѣпкостью и внутреннею сплоченностью и дисциплиной, что бороться съ нею одиночными усилиями почти невозможно. Что-же касается до общей причины, то она состоитъ въ той склонности французскаго ума къ дуализму, которая такъ-же присуща ему нынѣ, какъ и во времена Декарта. Раздѣляя духъ отъ вещества непреходимой границей, считая ихъ за двѣ противоположныхъ другъ другу субстанции, французская философія радикально враждебна всякой попыткѣ внести въ изученіе духа методы точныхъ наукъ и изслѣдовать фізіологическія причины психическихъ явленій. Этотъ дуализмъ выражается и въ донынѣ сохраняющемся раздѣленіи французскихъ университетовъ на *faculté des sciences* и *faculté des lettres*: психологія относится къ «словесности» въ отличіе отъ точныхъ наукъ и болѣе близка къ «морали», чѣмъ къ естествознанію.

При такомъ положеніи дѣлъ научную психологію разрабатываютъ во Франціи не философы, но почти исключительно фізіологи и врачи (Бони, Рише, Фере и др.), что, конечно, не можетъ не вести ко многимъ крайностямъ, ибо фізіологическая точка зрѣнія все-таки иная, чѣмъ собственно психологическая. Отсюда происходитъ то поглощеніе психологіи психіатріей и гипнотизмомъ, которое такъ характерно для французской современной науки *).

Пріятнымъ исключеніемъ являются въ этомъ отношеніи работы Рибо. Правда, и онъ изслѣдуетъ по преимуществу патологическіе случаи, но всегда имѣетъ при этомъ въ виду общія психологическія задачи, и въ своихъ книгахъ обнаруживаетъ хорошую начитанность въ собственно психологической литературѣ. Его изслѣдованія о психической наслѣдственности, о болѣзняхъ памяти, личности и воли из-

*) Намъ могутъ возразить, что среди молодыхъ французскихъ романистовъ замѣчается ясная склонность къ психологическимъ объясненіямъ, и что эти романы даютъ важныя психологическія данныя. Не разъ уже психологамъ предлагали такимъ образомъ поучиться у беллетристовъ и еще надняхъ одинъ изъ нашихъ профессоровъ философіи съ паэосомъ восклицалъ: «у кого мы, съ большой надеждой просвѣтиться, станемъ искать вѣрнаго описанія и объясненія тончайшихъ изгибовъ души человѣческой, глубочайшихъ превращеній и измѣненій идей, чувствъ и стремленій человѣка—у Бэна, Спенсера, Вундта, Рибо, или у Шекспира, Диккенса, Золя, Л. Толстого, Достоевскаго?» Но это—очевидное недоразумѣніе, и никакой паэосъ его не скроетъ: иное дѣло—поэтическое описаніе звѣзднаго неба и иное—астрономія; если же намъ указываютъ на романы только какъ на лучшій *material* для психологическаго изслѣдованія, то и это невѣрно; у насъ есть еще лучшій матеріалъ—наши собственныя психическія состоянія, которыхъ не замѣнять никакія копія: ни одинъ ботаникъ не станетъ изучать растеніе по картинамъ, какъ бы онѣ ни были хороши, если онъ имѣетъ подъ руками живые экземпляры.

вѣстны и русской публикѣ. Къ этимъ работамъ присоединилась въ 1889 году новая—по психологіи вниманія. Съ этимъ изслѣдованіемъ мы и познакомимъ читателя.

1. Опредѣленіе и раздѣленіе вниманія.

Желая объяснить себѣ тѣ психическія явленія, которыя мы называемъ вниманіемъ, сосредоточеніемъ вниманія и т. п. терминами, мы должны, очевидно, прежде всего дать общее описаніе, т. е. перечислить общіе признаки этого состоянія. Во-первыхъ, въ актѣ вниманія устанавливается нѣкоторое единство сознанія, противоположное обыкновенной его разбросанности.

Обыкновенное состояніе нормальнаго человѣка представляетъ рядъ непрерывно смѣняющихся другъ друга ощущеній, чувствованій, мыслей, воспоминаній, т. е. *множественность сознанія*; вниманіе-же характеризуется временной задержкой этой безконечной смѣны въ пользу какого-нибудь одного состоянія, господствующей идеи, т. е. *единствомъ сознанія*. Не всякое, однако, единство сознанія можетъ быть названо вниманіемъ. Сильная зубная боль, колики, сопровождающія болѣзни почекъ, или какое-нибудь рѣзкое наслажденіе производятъ тоже временное единство сознанія, и, однако, это не вниманіе. Вниманіе, и это второй его признакъ, относится къ области познавательныхъ явленій, представленій, а не чувствъ; оно всегда предполагаетъ *предметъ* вниманія, объектъ для познанія. Итакъ, соединяя оба признака, мы можемъ опредѣлить вниманіе, какъ единство сознанія въ области познавательныхъ состояній, т. е. какъ *«умственный моноидеизмъ»* *).

Приглядываясь ближе къ явленіямъ этого умственнаго моноидеизма, мы легко замѣчаемъ, что вниманіе имѣетъ двѣ весьма различныхъ формы: вниманіе естественное, непроизвольное, и вниманіе искусственное (воспитанное), волевое. Первое есть форма первоначальная, одинаково свойственная какъ взрослымъ людямъ, такъ и дѣтямъ и животнымъ, второе-же, результатъ подражанія, воспитанія или дрессировки, развивается лишь постепенно. Внутреннее, основное отличіе искусственнаго вниманія отъ естественнаго состоитъ въ томъ, что его предметъ, самъ по себѣ, естественно, неинтересенъ. Когда, наприм., самецъ съ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ самки, или

*) Ribot. Psychologie de l'attention, стр. 9 (Paris, 1889). Рыбо. Психологія вниманія. Переводъ А. Цомокіонъ, стр. 7 (Спб. 1890).

когда хищное животное со вниманіемъ подкарауливаетъ добычу, то предметъ вниманія естественно интересенъ, самъ по себѣ возбуждаетъ въ животномъ влеченіе. Иное дѣло интересъ, напр., печатной книги. «Ребенокъ отказывается учиться читать; онъ не въ состояніи сосредоточить свой умъ на буквахъ, для него непривлекательныхъ, но онъ жадно всматривается въ картинки, которыя находятъ въ книгѣ. «Что изображаютъ эти картинки?» На это отецъ отвѣчаетъ: «Когда ты научишься читать, книга тебѣ объ этомъ скажетъ». Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ разговоровъ ребенокъ покоряется; сначала онъ вяло берется за дѣло, потомъ привыкаетъ и наконецъ проявляетъ усердіе, которое приходится уже умѣрять. Это примѣръ генезиса искусственного вниманія. Къ желанію естественному, прямому, пришлось привить желаніе искусственное и косвенное. Чтеніе есть процессъ, не имѣющій непосредственнаго интереса; но оно имѣетъ интересъ посредствующій; этого достаточно—ребенокъ втянулся въ работу, первый шагъ сдѣланъ». Такіе примѣры можно было-бы умножить, но въ нихъ всегда процессъ образованія искусственнаго вниманія одинъ и тотъ-же: «берутся естественные двигатели, отклоняются отъ прямой ихъ цѣли и употребляются (если возможно) для достиженія другой цѣли. Искусство пользуется природными силами для осуществленія своихъ задачъ, и въ этомъ-то смыслѣ я называю такую форму вниманія искусственной».

Установивъ различіе этихъ двухъ формъ вниманія, мы рассмотримъ ихъ теперь по отдѣльности и въ подробностяхъ.

II. Естественное вниманіе.

Естественное вниманіе всегда обусловлено какимъ-нибудь аффектомъ, т. е. чувствомъ, соединеннымъ съ сильнымъ влеченіемъ. Это обстоятельство психологи часто упускаютъ изъ виду. Обыкновенно говорится, что интенсивныя представленія уже одною своею силою вытѣсняють прочія изъ сознанія и преобразуются во вниманіе (Кондильякъ). Но объективная сила раздраженія составляетъ только одинъ изъ факторовъ, часто наименѣе важный. Несравненно важнѣе то обстоятельство, соотвѣтствуетъ-ли или нѣтъ данное представленіе нашимъ потребностямъ и возбуждаетъ-ли потому въ насъ какой-нибудь аффектъ.

Случаи глубокаго и устойчиваго естественнаго вниманія обнаруживаютъ всѣ признаки непреодолимой страсти, постоянно возобновляющейся и постоянно ищущей удовлетворенія. Въ этомъ отношеніи

особенно любопытны біографическія данныя изъ жизни великихъ ученыхъ, которые, нашедши свою истинную профессію, сразу обнаруживаютъ величайшія степени естественнаго вниманія. «Араго приводитъ примѣръ Фурье, который до тринадцатилѣтняго возраста отличался необузданно-рѣзвымъ характеромъ и неспособностью къ прилежанію, но, познакомившись съ началами математики, сталъ другимъ человекомъ. Мальбраншъ случайно и противъ своего желанія началъ читать трактатъ Декарта *о человекѣ*; но чтеніе это такъ возбуждающе дѣйствовало на него, что «вызывало сильѣйшее сердцебіеніе, благодаря которому ему постоянно приходилось откладывать книгу въ сторону, чтобы вздохнуть свободно»; онъ кончилъ тѣмъ, что сдѣлался картезіанцемъ.

Второе обстоятельство первостепенной важности, которое мы должны основательно изслѣдовать, суть физическія измѣненія въ нашемъ тѣлѣ, сопутствующія акту вниманія. Этотъ актъ отнюдь не есть лишь умственное состояніе, но отражается на всемъ организмѣ. Если какое-нибудь явленіе вызываетъ наше вниманіе, все наше тѣло *приспособляется* для наилучшаго его воспріятія: глаза обращаются къ этому предмету и неподвижно его фиксируютъ, все тѣло наклоняется въ ту-же сторону, всѣ другія движенія моментально подавляются, кожа лба оттягивается въ поперечныхъ складкахъ (для того, чтобы глаза были шире открыты, по Дарвину*), губы вытягиваются впередъ, какъ-бы для того, чтобы схватить или изслѣдовать предметъ (остатокъ полезнаго въ царствѣ животныхъ приспособленія, по Прейеру), наконецъ, ритмъ дыханія специально приспособляется для удобства воспріятія: «пріобрѣсти силу вниманія—говоритъ Льюисъ—значитъ научиться чередовать приспособленія ума съ ритмическими движеніями дыханія. Французы весьма удачно опредѣляютъ живой, но поверхностный умъ, говоря: онъ неспособенъ къ дѣлу, требующему длиннаго дыханія (*de longue haleine*)». На ряду съ этими двигательными приспособленіями идетъ приспособленіе кровообращенія: кровь при сосредоточенной умственной работѣ усиленно приливаетъ къ головному мозгу (Моссо), и соотвѣтственно тому усиливается его питаніе.

*) Это имѣетъ мѣсто при вниманіи, обращенномъ на вышніе предметы; напротивъ, при сосредоточеніи его на какихъ-нибудь нашихъ мысляхъ сокращается круговая мышца вѣкъ и опускаются брови: глаза такимъ образомъ наполовину закрываются, и отвлекающія вышнія впечатлѣнія почти устраняются.

III. Искусственное вниманіе.

Какъ было уже сказано выше, вниманіе искусственное, т.-е. способность сосредоточиться на представленіяхъ, не имѣющихъ непосредственнаго интереса, развивается изъ вниманія естественнаго, именно черезъ установленіе искусственной связи между неинтереснымъ предметомъ и какимъ-нибудь влеченіемъ. Эта связь устанавливается обыкновенно воспитаніемъ, дрессировкой или привычкой. Можно различать въ этомъ развитіи три фазиса. Сначала воспитатель пользуется только простѣйшими чувствами, чтобы сосредоточить вниманіе ребенка на какомъ-нибудь самомъ по себѣ неинтересномъ предметѣ изученія, онъ возбуждаетъ чувство страха, или эгоистическія влеченія (наградами), или чувство любви, или, наконецъ, природную любознательность (окружая неинтересный предметъ какими-нибудь любопытными аксессуарами). Такимъ образомъ изучаемый предметъ получаетъ для ребенка живое значеніе, и безцвѣтныя формы окрашиваются перечисленными эмоціями, а слѣдовательно, вступаетъ въ дѣйствіе и тотъ механизмъ естественнаго вниманія, о которомъ мы говорили выше. На второй ступени искусственное вниманіе поддерживается уже болѣе сложными чувствами: самолюбіемъ, чувствомъ долга, соревнованіемъ, болѣе отдаленными практическими выгодами. На этой ступени стоятъ почти всѣ взрослые люди, когда имъ приходится приступать къ какому-нибудь новому, но не интересному дѣлу; непрерывно ослабѣвающее сосредоточеніе сознанія поддерживается въ такомъ случаѣ этими заранѣе сложившимися въ сильныя группы чувствами, составляющими основу нашего нравственнаго характера. Наконецъ, на третьей ступени, привычка къ занятію извѣстными предметами становится нашей второй природой и сама по себѣ представляетъ уже достаточную эмоцію: предметъ, бывшій на предъидущихъ ступеняхъ самъ по себѣ неинтереснымъ для насъ, возбуждаетъ уже въ насъ извѣстное довольство, а его отсутствіе ощущается, какъ лишеніе. Привыкнувъ, напр., въ извѣстномъ часу и въ извѣстной обстановкѣ производить какую-нибудь неинтересную работу, мы чувствуемъ, что намъ какъ-то не по себѣ, когда мы устранены отъ этой работы. По существу дѣла, это тотъ-же процессъ, что заставляетъ съ теченіемъ времени скупца любить деньги сами по себѣ, безъ всякой мысли объ ихъ тратѣ.

Изъ этого анализа мотивовъ искусственнаго вниманія мы видимъ, что оно есть весьма сложный процессъ и создается лишь постепенно, какъ въ жизни индивидуальной, такъ и всего человѣчества. Оно есть продуктъ цивилизаціи. Было-бы любопытно прослѣдить развитіе ис-

художественнаго вниманія у разныхъ народовъ и въ разные эпохи. Такое изслѣдованіе, вѣроятно, показало-бы, что степень культуры прямо пропорціональна степени искусственнаго вниманія, т.-е. способности заниматься предметами, не представляющими непосредственнаго интереса минуты. «Во всякомъ случаѣ легко доказать, что до возникновенія цивилизаціи произвольное вниманіе не существовало или появлялось на мгновеніе, какъ мимолетное сверканіе молніи. Лѣньность дикарей извѣстна: это подтверждаютъ всѣ путешественники и этнологи; примѣры такъ многочисленны, что приводитъ ихъ нѣтъ надобности. Дикарь со страстью предается охотѣ, войнѣ, игрѣ, онъ страстный любитель всего непредвидѣннаго, неизвѣстнаго, случайнаго во всѣхъ возможныхъ формахъ (т.-е. у него развито только естественное вниманіе); но постояннаго труда онъ не знаетъ или презираетъ его. Любовь къ труду есть чувство вторичнаго образованія, развивающееся параллельно съ цивилизаціей. Замѣтимъ, что трудъ составляетъ наиболѣе рѣзкую конкретную форму (искусственнаго) вниманія. Даже полудицилизованныя племена чувствуютъ отвращеніе къ послѣдовательному труду. Дарвинъ спросилъ у гаучей, преданныхъ пьянству, игрѣ и воровству, почему они не работаютъ. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «Дни слишкомъ длинны». Замѣтимъ при этомъ, что въ первоначальномъ обществѣ скучныя заботы о поддержаніи существованія возлагаются почти исключительно на женщинъ; опасаясь побоевъ, онѣ работаютъ, пока мужчины спятъ, «возможно допустить поэтому, — несмотря на кажущуюся парадоксальность такого взгляда, — что произвольное вниманіе появилось на свѣтъ черезъ посредство женщинъ».

Указавъ, въ чемъ состоитъ искусственное вниманіе и какъ оно развивается изъ естественнаго, мы должны теперь изслѣдовать самый механизмъ его. Относительно вниманія естественнаго этотъ вопросъ не представлялъ затрудненій. Оно имѣло предметомъ представленія наиболѣе привлекательныя и сильныя, которыя естественно отѣсняются изъ сознанія всѣ прочія; въ этомъ случаѣ требовалось лишь, такъ сказать, наибольшее протяженіе. Вниманіе-же искусственное, напротивъ того, обращено въ сторону значительнаго сопротивленія: оно имѣетъ предметомъ представленія мало привлекательныя, слабыя; а сосредоточиться искусственно на какомъ-нибудь неинтересномъ объектѣ, значитъ вытѣснить изъ сознанія всѣ прочіе и въ томъ числѣ подавить и все то, что представляетъ для насъ непосредственный интересъ. Какимъ-же образомъ происходитъ это подавленіе или вытѣсненіе и какимъ образомъ мы можемъ искусственно усилить какое-нибудь данное слабое представленіе—вотъ та задача, которую мы должны

теперь разрѣшить, и эта задача о механизмѣ искусственнаго вниманія есть, по-истинѣ, центральный вопросъ всего нашего изслѣдованія. Чтобы подойти ближе къ рѣшенію этого сложнаго вопроса необходимо раньше выяснитъ два современныхъ ученія: фізіологическую теорію задерживательныхъ центровъ, и психологическую—о роли движенія въ образованіи представленій.

а) Въ 1845 году Эд. Веберъ открылъ любопытный фактъ: раздраженіе сердечной вѣтви такъ называемаго блуждающаго нерва (соединяющаго головной мозгъ съ гортанью, сердцемъ, легкими, пищеводомъ и нѣкоторыми другими органами) ведетъ не къ усиленію дѣятельности сердца, но къ ея подавленію. Затѣмъ такое-же свойство было открыто и у многихъ другихъ нервовъ; такъ, симпатическій нервъ оказываетъ задерживающее дѣйствіе на движеніе кишекъ, глоточная вѣтвь блуждающаго нерва—на дыхательныя движенія. Наконецъ, такія-же функціи обнаружены и въ большомъ головномъ мозгѣ: изъ опытовъ, напримѣръ, Сѣченова слѣдуетъ, что, раздражая кору головного мозга у лягушки, мы подавляемъ ея рефлексивныя движенія. Такъ какъ головной мозгъ есть органъ сознанія, то психологическій выводъ изъ указанныхъ явленій будетъ таковъ: мы обладаемъ способностью сознательно не только производить движенія въ нашемъ тѣлѣ, но ихъ и подавлять.

б) Разсмотримъ теперь роль движеній въ образованіи сложныхъ представленій. Психологи различаютъ три вида такихъ представленій, а именно: воспріятія (т. е. представленія реальныхъ предметовъ, находящихся передъ нами), образы воспоминанія и, наконецъ, абстрактныя представленія. Во всѣхъ этихъ представленіяхъ двигательный элементъ несомнѣнно присутствуетъ. Что касается, во-первыхъ, воспріятій, то важная въ нихъ роль движеній очевидна. Всѣ наши воспринимавшія органы суть въ одно и то-же время и органы чувствительные и органы двигательные: для того, чтобы мы могли ясно воспринимать нашими глазами, ушами, руками, ногами, языкомъ, носомъ, необходимы движенія, и чѣмъ болѣе подвижна часть тѣла, тѣмъ ея чувствительность совершеннѣе. Возьмемъ для примѣра какое-нибудь сложное представленіе (воспріятіе), напримѣръ, яблока; оно слагается изъ ощущеній осязанія, зрѣнія, вкуса и запаха; ощущенія осязанія даютъ намъ признаки непроницаемости, матеріальности предмета (будь мы лишены этихъ ощущеній, мы были-бы природными идеалистами, ибо міръ обратился-бы для насъ въ рядъ мимолетныхъ невещественныхъ картинъ); но что такое этотъ признакъ непроницаемости, если мы будемъ его разсматривать психологически, какъ не ощущеніе

остановки нашего *движенія*, встрѣчающаго какое-то внѣшнее сопротивление. Далѣе, ощущеніе зрительное отъ яблока есть воспріятіе шарообразной окрашенной поверхности; какъ показываетъ физиологическая психологія, это воспріятіе не есть одно оптическое ощущеніе, но и въ него входитъ двигательный элементъ, въ видѣ сокращенія глазныхъ мышцъ: чтобы воспринять контуръ предмета, глазъ долженъ обойти его, а чтобы воспринять глубину предмета и его разстояніе отъ насъ необходимо аккомодировать, т.-е. извѣстнымъ образомъ стягивать тотъ внутренній мускулъ глаза, который называется рѣсничнымъ. Наконецъ, роль движеній въ ощущеніяхъ вкусовыхъ и обонятельныхъ также очевидна: вкусовыя получаютъ при движеніяхъ проглатыванія, обонятельныя—при движеніяхъ вдыханія. Итакъ, мы можемъ сказать, что всякое конкретное воспріятіе, напримѣръ, лежащаго передо мною яблока или другаго любого предмета, происходитъ черезъ рядъ нашихъ движеній, а слѣдовательно, со всякимъ такимъ воспріятіемъ связанъ цѣлый рядъ опредѣленныхъ ощущенийъ движенія: обыденному сознанію кажется, что оно непосредственно владѣетъ предметомъ, но и психологическій анализъ показываетъ, что каждый такой предметъ есть только сумма нашихъ ощущенийъ зрѣнія, слуха и т. д., къ которымъ присоединяется цѣлый рядъ ощущенийъ опредѣленныхъ движеній.

Второй классъ представленій составляютъ образы воспоминанія. Старая психологія видѣла въ этихъ воспоминаніяхъ нѣчто радикально отличное отъ воспріятій, какое-то новое отраженіе въ душѣ; она считала ихъ такъ-же отличными отъ воспріятій, какъ отлична картина, изображающая пейзажъ, отъ самой природы: картина похожа на самый пейзажъ, но сама по себѣ она все-таки лишь рядъ красокъ. Напротивъ, новая психологія старается доказать, что образы воспоминанія отличаются отъ воспріятій лишь слабостью, но по существу однородны съ ними, такъ что и физиологическіе процессы, имъ соотвѣтствующіе, происходятъ въ тѣхъ-же частяхъ мозга, какъ и физиологическіе процессы, соотвѣтствующіе воспріятіямъ. Если этотъ взглядъ вѣренъ (а его защищаютъ Бэнъ, Тэнъ и многіе другіе изъ лучшихъ психологовъ нашего времени), то очевидно, что и роль движенія въ образахъ воспоминанія такъ-же важна, какъ и въ воспріятіяхъ: если въ первыхъ мы всегда находимъ представленія движеній, то и во вторыхъ должны присутствовать такія-же, хотя и ослабленныя представленія. Цѣлый рядъ фактовъ подтверждаетъ это мнѣніе. Изъ нихъ мы укажемъ только на одинъ родъ явленій, именно на получившіе въ послѣднее время такую извѣстность опыты «чтенія мыслей». Науч-

ное объясненіе этихъ явленій состоитъ именно въ томъ, что крайне живой образъ воспоминанія всегда бываетъ соединенъ съ соотвѣтственными ему, хотя-бы и едва замѣтными, движеніями: человѣкъ, «задумавшій» извѣстный предметъ, невольно и необходимо обращаетъ къ нему глаза, дѣлаетъ невольное въ его сторону движеніе и, главное, незамѣтно для себя произноситъ или, вѣрнѣе, «бормочетъ» его названіе; угадываніе мыслей состоитъ именно въ тонкомъ воспріятіи этихъ едва замѣтныхъ и почти несознаваемыхъ движеній «задумавшаго»,—движеній, которыя сопровождаютъ его рѣзкіе образы воспоминанія *).

Еще страннѣе звучитъ утвержденіе, что роль движеній велика и въ представленіяхъ третьяго вида, т. е. въ отвлеченныхъ идеяхъ. На первый взглядъ кажется, что реальное движеніе и отвлеченная идея не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Однако уже въ средніе вѣка такъ называемые схоласты-номиналисты указывали, что родовыя идеи суть прежде всего слова, слово-же вѣдь есть не только комплексъ звуковъ, но и движеній языка и гортани. Мы не станемъ разбирать здѣсь столь сложнаго и еще по-нынѣ недостаточно выясненнаго вопроса о томъ, существуютъ-ли особенныя родовыя идеи, или это суть лишь неясныя и схематизированныя конкретныя представленія. Для насъ важно лишь то, что родовая идея всегда связана со словомъ, и что въ обыкновенномъ нашемъ мышленіи мы по преимуществу манипулируемъ со словами. «Въ современномъ мышленіи—говорилъ еще Лейбницъ—мы имѣли обыкновеніе опускать объясненіе значенія употребляемыхъ нами знаковъ, зная или предполагая, что объясненіе это въ нашей власти, но не считая въ настоя-

*) Мы находимъ остроумное и весьма поучительное подтвержденіе такого объясненія «чтенія мыслей» (т. е., строго говоря, «чтенія движеній») въ сообщеніи, сдѣланномъ проф. П. А. Спиросъ въ засѣданіи Новоросс. общ. естествоиспытателей 13-го апрѣля 1885 г. (см. «Записки Общества», т. X, вып. II). Проф. Спиро бралъ рядъ опредѣленныхъ картинокъ, на которыхъ изображены были въ отдѣльности: магъ, фея, макъ, гвоздика, коса, грабли, коза, корова и др. Въ этомъ собраніи имѣются, слѣдовательно, во-первыхъ, изображенія сходныхъ предметовъ (магъ—фея, макъ—гвоздика), и во-вторыхъ, изображенія предметовъ, сходныхъ лишь по имени (магъ—макъ, мость—мозгъ, плодъ—плоть). Въ рядѣ опытовъ «мысленнаго угадыванія» медиумъ, вообще правильно угадывавшій задуманную картинку, чрезвычайно часто смѣшивалъ предметы, имѣющіе сходное *по звуку* имя, но никогда не сходные сами по себѣ предметы; напримѣръ, онъ правильно угадывалъ, если былъ задуманъ «макъ» и не смѣшивалъ его съ «гвоздикой», не нерѣдко смѣшивалъ съ «магомъ». Эти опыты ясно показываютъ, что угадывается здѣсь не мысль, но лишь звуки, которые едва замѣтно и самъ того не сознавая «бормочетъ» «задумавшій».

щее время такое примѣненіе или объясненіе словъ необходимымъ... Этотъ способъ разсужденія я называю слѣпымъ или символическимъ. Мы употребляемъ его въ алгебрѣ, въ ариѳметикѣ и, говоря по правдѣ, *ездѣ вообще*.

Предъидущими разсужденіями о задерживательныхъ явленіяхъ нашего сознанія и о роли движеній во всѣхъ нашихъ представленіяхъ, мы подготовились къ рѣшенію вопроса о механизмѣ искусственнаго вниманія. Мы видѣли раньше, что искусственное вниманіе направляется въ сторону наибольшаго сопротивленія, т.-е. оно должно, во-первыхъ, усилить данное слабое представленіе, во-вторыхъ, подавить всѣ остальные. Помощью изложенныхъ теперь теорій мы можемъ понять, какъ это происходитъ. Во всѣхъ представленіяхъ присущи движенія, иначе говоря, каждое представленіе есть сумма собственно представленія объ извѣстномъ предметѣ *плюс* рядъ ощущеній движеній, причемъ эти оба элемента тѣснѣйшимъ образомъ ассоціированы. Отсюда слѣдуетъ, что, воспроизводя извѣстныя изъ прежнихъ движенія, мы тѣмъ самымъ можемъ воспроизвести и вызвать усиленное представленіе, ассоціированное съ этимъ движеніемъ. Напротивъ того, *подавляя* всѣ прочія движенія, мы тѣмъ самымъ не допускаемъ въ сознаніе никакого изъ прочихъ представлений. Положимъ, я желаю сосредоточить свое вниманіе на какомъ-нибудь слабомъ воспоминаніи, напимѣръ, видѣннаго мною яблока. Для этого я воспроизвожу (почти самъ того не замѣчая) глазами тѣ движенія, которыя служили мнѣ для воспріятія формы яблока; эти движенія вызываютъ ассоціированное съ ними представленіе о прочихъ свойствахъ яблока, и такимъ образомъ это представленіе является яснымъ въ моемъ сознаніи; вмѣстѣ съ тѣмъ, я подавляю всѣ прочія движенія рукъ, глазъ, головы и проч., и такимъ образомъ не допускаю въ свое сознаніе ни одного изъ прочихъ представлений.

Вотъ каковъ этотъ сложный и курьезный механизмъ искусственнаго вниманія. Мы можемъ сравнить въ этомъ отношеніи сознаніе съ цѣлымъ рядомъ ящичковъ, которые снабжены крышками и въ которыхъ покоятся до времени представленія полузабытыя и слабыя. Подобно тому, какъ рука можетъ открыть любой изъ этихъ ящичковъ и держать крѣпко закрытыми всѣ остальные, такъ и въ механизмѣ искусственнаго вниманія мы можемъ произвести тѣ изъ движеній, которыя ассоціированы съ искомымъ представленіемъ, и подавить всѣ прочія; и также какъ изъ содержимаго ящичковъ мы будемъ созерцать только то, что лежитъ въ открытыхъ изъ нихъ, такъ и при искусственномъ вниманіи лишь искомое представленіе явится усилен-

нымъ въ нашемъ сознаниі, т.-е. въ немъ установится искомая форма умственного моноидеизма.

IV. Болѣзненные состоянія вниманія.

Вышеизложенная теорія не можетъ считаться открытіемъ Рибо. Еще въ 1855 г. Бэнъ указывалъ на роль произвольныхъ движеній въ явленіяхъ вниманія; Маудсли давно утверждалъ, что «тотъ, кто неспособенъ управлять своими мышцами, неспособенъ и къ вниманію»; многіе другіе изслѣдователи утверждали то-же *). Въстѣ съ тѣмъ это ученіе, несмотря на всю его правдоподобность, должно еще пока считаться гипотезой, а не окончательнымъ догматомъ науки. Его подтвержденіемъ служатъ: 1) приводимыя у Рибо экспериментальныя изслѣдованія Вундта, Экснера, Оберштейнера и автора настоящаго реферата, и 2) анализъ патологическихъ явленій. Оставляя въ сторонѣ первыя, какъ не принадлежащія самому Рибо, обратимся къ его классификаціи и объясненію болѣзненныхъ явленій вниманія.

Если, какъ то было показано выше, вниманіе есть сосредоточеніе сознанія или умственный моноидеизмъ, то ясно, что болѣзненные его формы могутъ состоять: а) въ чрезмѣрномъ *усиленіи* этого состоянія, причемъ какая-нибудь идея становится исключительной, навязчивой—эти формы мы назовемъ болѣзненнымъ желаніемъ или гипереміей вниманія, и б) въ чрезмѣрномъ *ослабленіи* этого сосредоточенія, причемъ ни одна мысль болѣе не сохраняется на значительное время въ нашемъ сознаниі, но онѣ безпрестанно другъ друга смѣняются; это ослабленіе вниманія мы назовемъ его атрофіей. Между этими двумя крайними формами помѣщается цѣлый рядъ среднихъ. Разсмотримъ же теперь въ отдѣльности главныя ступени этой лѣстницы вниманія.

1) Обратимся прежде всего къ болѣзненному желанію вниманія. Слѣдуетъ замѣтить, что существуетъ почти незамѣтный переходъ отъ нормальнаго состоянія къ самымъ нелѣпымъ навязчивымъ идеямъ (*idées fixes*). Каждому случалось испытывать, какъ бываетъ навязчивымъ какой-нибудь музыкальный мотивъ или строчка стиховъ: при всемъ желаніи забыть ихъ, они, какъ говорится, сами лѣзутъ въ го-

*) Между прочимъ, въ работѣ, напечатанной раньше изслѣдованія Рибо, мы говорили слѣдующее: «наше вліяніе на представленія можетъ быть объяснено лишь какъ косвенное вліяніе воли: представленія обладаютъ, такъ сказать, кончикомъ—а именно двигательными признаками—за который намъ только надо потянуть, чтобы вытащить цѣлое» (N. Lange, Beiträge zur Theorie d. sinnlichen Aufmerksamkeit въ Philos. Studien, herausg. von W. Wundt, томъ IV).

лову, т.-е. болѣе сосредоточиваютъ на себѣ сознание, чѣмъ мы того желаемъ. Но, благодаря своей мимолетности, такія идеи не переходятъ въ настоящія *idées fixes*. Болѣе близки къ навязчивымъ идеямъ тѣ господствующія мысли, которыя существуютъ у всякаго здороваго человѣка и опредѣляютъ собою все его поведеніе: для каждаго честолюбіе, деньги, спасеніе души или какія-нибудь научныя теоріи составляютъ главный интересъ жизни, непрерывно занимаютъ сознание и исключаютъ изъ него все несогласное съ собой. Очевидно, что и это есть не что иное, какъ опредѣленная форма естественнаго вниманія. «Метаморфоза естественнаго вниманія въ навязчивую идею еще ярче выступаетъ въ жизни великихъ людей. «Что такое великая жизнь?—говоритъ Альфредъ де Виньи.—Юношеская мысль,—осуществленная въ зрѣломъ возрастѣ». Для многихъ знаменитыхъ людей эта «мысль» оказалась настолько всепоглощающей и тираннической, что съ трудомъ отказываешься приписать ей болѣзненный характеръ».

Уже несомнѣнный патологическій характеръ пріобрѣтаетъ *idée fixe* у ипохондриковъ. Эта идея состоитъ у нихъ въ мысли, что они больны. Они непрерывно наблюдаютъ состояніе своего тѣла, ихъ вниманіе всецѣло сосредоточивается на органическихъ, внутренностныхъ ощущеніяхъ, т.-е. это ощущеніе вмѣсто того, чтобы быть мимолетными состояніями сознанія, какъ у здороваго человѣка, фиксируется, занимаетъ первенствующее мѣсто. «Это преобладаніе, сначала безвредное, возрастаетъ, благодаря слѣдствіямъ, имъ самимъ вызваннымъ. Образуется центръ притяженія, мало-по-малу пріобрѣтающій монополію надъ сознаніемъ. Тогда является вѣчная озабоченность, ежеминутное наблюденіе надъ состояніемъ каждаго органа, надъ продуктомъ каждой функціи; короче, состояніе полнѣйшей ипохондрии, картина которой столько разъ рисовалась различными авторами».

Но существуютъ навязчивыя идеи еще болѣе страннаго характера, представляющія какъ-бы каррикутуру размышленія. Такъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ, по преимуществу истерическихъ, субъектовъ является непреодолимое влеченіе все считать, вычислять, складывать. «Одна женщина, проявлявшая многіе симптомы истеріи, не могла взглянуть на улицу, чтобы тотчасъ не приняться, противъ собственной воли, вычислять количество камней на этой улицѣ, затѣмъ на всѣхъ улицахъ города, во всѣхъ городахъ Италіи, наконецъ, въ рѣчкахъ и рѣчкахъ. При видѣ мѣшка съ зерномъ въ мозгу ея тотчасъ-же начиналась счетная работа; она вычисляла количество зеренъ, находящихся въ городѣ, въ данной области, во всей странѣ... Она сознавалась, что не только непреодолимая сила влекла ее дѣлать такія стран-

ныя вычисленія, но что если ей приходилось прервать их вслѣдствіе невозможности идти дальше или благодаря какой-нибудь другой причинѣ, она испытывала тоску и несказанныя физическія страданія». Такую форму навязчивыхъ идей психіатры называютъ ариемоманіей. Другая, родственная ей форма носить названіе Grübelsucht или «метафизической маніи», и состоитъ въ задаваніи себѣ безчисленныхъ вопросовъ «почему?». «Одинъ человѣкъ, наблюденія надъ которымъ описаны Гризингеромъ, не могъ слышать слова «прекрасный», не ставя цѣлаго, неопредѣленно длиннаго, ряда неразрѣшимыхъ вопросовъ относительно самыхъ туманныхъ вопросовъ эстетики. Слово «бытіе» заставляло его пускаться въ метафизику. Этотъ больной, очень образованный, говорилъ въ своей исповѣди: «Я подтачиваю свое здоровье, обдумывая постоянно задачи, которыя никогда не будутъ разрѣшены человѣческимъ разумомъ, но которыя, *несмотря на самое энергическое сопротивленіе съ моей стороны*, осаждаютъ меня, не давая покоя. Теченіе моихъ мыслей непрерывно... Это метафизическое размышленіе не можетъ быть естественно, потому что оно безостановочно... Всякій разъ, когда ко мнѣ возвращаются эти идеи, я стараюсь прогнать ихъ и убѣждаю себя слѣдовать естественному теченію мыслей, не запутывая своего мозга въ туманныхъ аргументахъ или обдумываніи отвлеченныхъ и неразрѣшимыхъ вещей. Тѣмъ не менѣе, я не могу спастись отъ непрерывнаго импульса, терзающаго мой умъ, отъ неизмѣннаго и неотступнаго стремленія, преслѣдующаго меня и не дающаго ни минуты покоя».

Если-бы мы не дали раньше теоріи вниманія, читатель былъ-бы въ правѣ недоумѣвать — что общаго между нормальнымъ вниманіемъ и этими странными явленіями очевиднаго сумасшествія. Но мы уже многократно указывали выше, что вниманіе именно въ его *естественной* формѣ вовсе не есть какая-то таинственная способность произвольно сосредоточиваться на *любомъ* предметѣ: такимъ предметомъ можетъ быть лишь то, что для насъ интересно, и эти интересныя и сильныя представленія и составляютъ все естественное вниманіе. Навязчивыя идеи суть такія-же преобладающія состоянія сознанія, только ихъ преобладаніе сильнѣе, болѣе тираннично, чѣмъ въ обыкновенныхъ формахъ естественнаго вниманія. Какъ справедливо указываетъ извѣстный берлинскій психіатръ, проф. Вестфаль, навязчивыя идеи составляютъ *формальное* поврежденіе въ образованіи представленій, но не касаются (по крайней мѣрѣ въ первоначальныхъ стадіяхъ) ихъ содержанія, т.-е. поврежденіе относится не къ качеству идей, но только къ ихъ сравнительной интенсивности: навязчивая идея есть нормальное

представленіе, только получившее ненормальную силу. Совершенно такое-же явленіе представляет и вниманіе: оно тоже не измѣняетъ качества представленія, но только его относительную силу.

Хотя навязчивыя идеи и составляютъ ненормальное усиленіе естественнаго вниманія, но это еще не крайняя его форма: хотя они и возвращаются постоянно, но все-таки рядомъ съ собой допускаютъ въ сознаніе и другія представленія. Крайними-же формами, т.-е. абсолютнымъ моноидеизмомъ мы должны считать тѣ странныя и рѣдкія состоянія, которыя описывались мистиками всѣхъ странъ и временъ и которыя носятъ названіе *экстаза*. Въ экстазѣ одна неподвижная идея захватываетъ цѣликомъ все сознаніе, всѣ внѣшнія ощущенія замираютъ, всѣ произвольныя движенія прекращаются и часто замедляются даже основныя жизненныя функціи организма. «Многіе мученики,—говоритъ Карцентеръ,—переносили пытку съ полнымъ спокойствіемъ, которое, по ихъ собственному сознанію, сохранялось ими безъ всякаго труда. Ихъ экстатическое (*entranced*) вниманіе до того пополнялось представлявшимися ихъ восхищеннымъ взорамъ блаженными видѣніями, что тѣлесныя муки не причиняли имъ никакого страданія». А вотъ какъ описываетъ св. Тереза это состояніе «молитвы восхищенія и паренія ума»: «Тѣло становится холоднымъ, рѣчь и дыханіе останавливаются, глаза закрываются; самое легкое движеніе потребовало бы величайшихъ усилій. Ощущенія и способности остаются внѣ сознанія... Хотя при этомъ обыкновенно не лишаются чувствованій (сознанія), но мнѣ случалось лишаться и ихъ совершенно. Это бывало рѣдко и продолжалось очень недолго. Чувствительность по большей части сохраняется, но ощущается непонятное смущеніе и хотя въ этихъ случаяхъ лишаются способности къ внѣшней дѣятельности, однако не перестаютъ слышать. Ощущается нѣчто, напоминающее неясный звукъ, несущійся издали. Тѣмъ не менѣе, когда восхищеніе достигаетъ высшей степени, *перестаютъ слышать даже и такимъ образомъ*». Здѣсь наступаетъ уже «полное единеніе съ Богомъ. Наступленіе его неожиданно и могущественно... Это стремительный порывъ, обладающій такою силою, что всякое сопротивленіе ему напрасно. Тутъ Богъ сошелъ въ существо души, которая составляетъ съ Нимъ одно цѣлое». «Итакъ я скажу—заключаетъ св. Тереза—что Божество является (въ этомъ состояніи души) чѣмъ-то подобнымъ въ высшей степени чистому и прозрачному алмазу, много большому, чѣмъ весь міръ». Это послѣднее выраженіе превосходно изображаетъ состояніе единства сознанія въ высшихъ моментахъ экстаза: Божество является здѣсь, какъ совершенно прозрачная среда, нѣчто, не имѣю-

щее никаких различающихся свойств; это такъ и должно быть въ состояніи абсолютнаго моноидеизма—если сознание занято исключительно одной идеей, то эта идея не можетъ быть нами ни съ чѣмъ сравнимаема и слѣдовательно, по общему закону относительности психическихъ явленій, сама теряетъ всю свою опредѣленность и качественность. Поэтому, этого Бога мистическаго восторга сами мистики часто называютъ «Ничѣмъ», т.-е. Богомъ, который не есть *что-нибудь*, нѣчто опредѣленное. Такого абсолютнаго единства сознанія или моноидеизма самые великіе мистики достигали лишь изрѣдка и на мгновенія. Платонъ добился этой милости лишь четыре раза во всей своей жизни, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его ученикъ Порфирій, а этотъ послѣдній испыталъ это состояніе только однажды, шестидесяти лѣтъ отъ роду. Совершенно понятно также, что такое исключительное состояніе не можетъ продолжаться, и всѣ мистики дѣйствительно заявляютъ, что оно крайне неустойчиво, что человѣкъ скоро опять возвращается на землю и становится вновь «маленькимъ осленкомъ, гуляющимъ по пастбищу».

2) *Атрофію вниманія* составляютъ явленія, прямо противоположныя тѣмъ, которыя мы разсматривали до сихъ поръ: для нихъ характерно не чрезмѣрное сосредоточеніе сознанія, но его крайняя разбросанность или разсѣянность *). Такое состояніе мы находимъ, во-первыхъ, при маниакальномъ возбужденіи, во-вторыхъ, при крайнемъ истощеніи организма.

Маниакальное возбужденіе состоитъ въ исключительной, необыкновенной силѣ и быстротѣ смѣны психическихъ явленій и движеній. Благодаря этому, въ области мысли оказывается безпорядочное мельканіе идей и образовъ, въ области движенія — приливъ словъ, криковъ, жестовъ. Совершенно очевидно, что такое состояніе противоположно вниманію, т.-е. сосредоточенію сознанія, устойчивому преобладанію опредѣленной идеи. «Если, однако—говоритъ Эскироль—явится сильное воздѣйствіе на умъ маниака, если неожиданное явленіе остановитъ его вниманіе, онъ внезапно становится разумнымъ, и рассу-

*) Терминъ «разсѣянность» употребляется въ общежитіи для обозначенія двухъ совершенно различныхъ, по ихъ психическимъ причинамъ, состояній: разсѣяннымъ называется тотъ, кто неспособенъ къ сосредоточенію сознанія, и тотъ, кто, благодаря чрезмѣрному его сосредоточенію, остается невнимательнымъ къ внѣшнимъ перемѣнамъ; поэтому называютъ разсѣяннымъ и ребенка, начинающаго учиться, и ученаго, все забывшаго за своей наукой. Мы употребляемъ этотъ неопредѣленный терминъ исключительно въ первомъ значеніи.

докъ его поддерживается до тѣхъ поръ, пока впечатлѣніе сохраняетъ силу, достаточную для того, чтобы остановить его вниманіе».

Въ маниакальномъ возбужденіи вниманію приходится бороться съ автоматической смѣной представленій, въ исключительныхъ-же случаяхъ истощенія оно тоже не можетъ проявиться, но по другой причинѣ: въ истощенномъ организмѣ отсутствуютъ какъ сильныя влеченія—необходимое условіе для естественнаго вниманія, такъ и возможность энергическаго приспособленія движеній—условіе искусственнаго вниманія.

Н. Ланге.

Одесса, Ноябрь 1890 г.

Профессиональная школа и подъемъ отечественной промышленности.

I.

На страницахъ «Русской Школы» были набросаны уже общіе контуры послѣдовательнаго развитія вопроса о профессиональномъ образованіи въ Россіи въ теченіе послѣдней четверти вѣка *). У пожелавшихъ познакомиться съ этимъ наброскомъ, касающимся, безспорно, одной изъ самыхъ крупныхъ сторонъ внутренней нашей жизни, неизбѣжно должны были возникнуть вопросы: какъ обучить массу населенія всѣмъ тѣмъ прикладнымъ знаніямъ, на которыя является запросъ въ практическомъ быту? Какими средствами располагаетъ Россія въ настоящее время для такого обученія?

Еще не далѣе года тому назадъ на этотъ послѣдній вопросъ можно было отвѣчать только гадательно, такъ что сужденія по этому предмету отличались большою шаткостью, сбивчивостью. Одни отрицали существованіе какихъ-бы то ни было средствъ для прикладнаго обученія трудового русскаго населенія; другіе, напротивъ, впадали въ болѣе или менѣе торжественный тонъ по поводу того, какіе успѣхи оказываетъ у насъ прикладное обученіе. Но въ настоящее время, благодаря частному почину, вопросъ о средствахъ, которыя имѣются въ Россіи для разныхъ родовъ средняго и низшаго прикладнаго обученія, приведенъ въ должную извѣстность.

Мы имѣемъ въ виду починъ «Постоянной комиссіи по техническому образованію при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ». Въ исходѣ двадцатидвухлѣтней плодотворной своей дѣятельности («Постоянная комиссія» основана въ 1868 году), этому почтенному и очень богатому энергіею учрежденію удалось добиться созыва *перваго* въ Россіи «съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію», состоявшагося въ Петербургѣ въ

*) №№ 6 и 7 «Русской Школы», «Къ исторіи вопроса о профессиональномъ образованіи».

самомъ концѣ 1889 и началѣ 1890 года. Организационный комитетъ съѣзда собралъ богатѣйшій матеріалъ по всеѣмъ отраслямъ технического и профессиональнаго образованія, который, въ виду съѣзда, былъ подвергнутъ очень тщательной предварительной разработкѣ съ большимъ знаніемъ дѣла и любовью къ нему.

Вслѣдствіе этого, «Труды съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи» очень полно отразили въ себѣ все, что сдѣлано, что предполагается и желательно сдѣлать для распространенія въ массѣ русскаго населенія прикладныхъ знаній. Это, пока, первая попытка собрать *воедино* все данныя по этой отрасли образованія, чрезвычайно обширной если не размѣрами организаци, то необычайной развѣтвленностью по самымъ разнообразнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ, вслѣдствіе чего названная образовательная отрасль является до крайности запутанной и сложной, несмотря на очень мизерные, въ сущности, размѣры свои, какъ это увидимъ ниже.

Благодаря объединенію данныхъ по техническому и профессиональному образованію, «Труды съѣзда» представляютъ собою драгоценный и назидательный вкладъ въ сокровищницу русскаго самосознанія по части проведенія въ жизнь прикладныхъ знаній. Государственная власть и мѣстная администрація, общественныя учрежденія, частныя лица и разныхъ родовъ промышленные дѣятели, наконецъ, педагогическій персоналъ, равно какъ и все, вообще, образованное русское общество найдутъ въ названныхъ «Трудахъ» и все необходимыя фактическія справки, и еще болѣе драгоценныя совѣты, указанія и разъясненія, почерпнутые изъ роднаго нашего опыта, а также изъ практики прикладнаго обученія у другихъ образованныхъ народовъ, далеко опередившихъ насъ на поприщѣ просвѣщенія.

Наша бесѣда не имѣетъ цѣлю проанализировать «Труды съѣзда» во всей ихъ совокупности: такая задача далеко выходитъ за предѣлы скромной журнальной статьи. Мы постараемся лишь, опираясь на матеріалы, собранные въ названныхъ «Трудахъ», освѣтить общее состояніе у насъ, въ Россіи, прикладнаго обученія, направленіе его и ближайшія задачи въ этой отрасли образованія для правительственной, общественной и частной дѣятельности.

II.

Начнемъ съ вопроса о ручномъ трудѣ въ школахъ, — этой, такъ сказать, азбукѣ прикладнаго обученія въ государствѣ.

Вопросъ этотъ, къ сожалѣнiю, все еще относится у насъ, въ Россiи, къ категорiи вопросовъ «новыхъ», сомнительныхъ, спорныхъ, невыясненныхъ. Въ виду этого, организацiонному комитету пришлось принять мѣры для разъясненiя на съѣздѣ: сущности ручнаго труда и педагогическихъ его основанiй; взглядовъ на него наиболѣе выдающихся педагоговъ; постановки этого дѣла у другихъ образованныхъ народовъ и проч. Все это прекрасно разработано въ цѣломъ рядѣ докладовъ (см. «Труды съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованiю въ Россiи», V-е отдѣленiе, Ручной трудъ въ школѣ); тѣмъ не менѣе, едва окончился съѣздъ, опять замелькали въ перiодической печати замѣтки съ выраженiемъ сомнѣнiя о примѣнимости и пользѣ ручнаго труда въ русскихъ школахъ.

Считая излишнимъ повторять здѣсь то, что сказано въ «Трудахъ съѣзда» о воспитательномъ и практическомъ значенiи ручнаго труда, воздерживаясь также отъ полемики по этому предмету, ограничимся лишь простымъ ознакомленiемъ съ постановкою ручнаго труда въ нашей Финляндiи, какъ въ странѣ, наиболѣе близкой Россiи.

Въ этой маленькой странѣ, раньше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, введенъ ручной трудъ, какъ *обязательный предметъ*, наравнѣ со всѣми другими предметами школьнаго преподаванiя. Нововведенiе это послѣдовало на основанiи Высочайше утвержденнаго положенiя 11-го мая 1866 года, упорядочившаго все дѣло народнаго образованiя въ Финляндiи. Такимъ образомъ, дѣло это имѣетъ уже, безъ малаго, четвертивѣковую давность, — и, дѣйствительно, есть на что оглянуться.

Въ финляндскихъ народныхъ школахъ обученiе ручному труду *не преслѣдуетъ никакой непосредственной практической цѣли*: задача его, какъ и всей вообще школы, преимущественно *воспитательная*. Тѣмъ не менѣе, даже и съ точки зрѣнiя ремесленнаго производства, обученiе ручному труду оказывается на дѣлѣ существенно полезнымъ, какъ наилучшая подготовка къ ремесленной дѣятельности. Такъ какъ основная задача школьнаго ручнаго труда — чисто педагогическая, то и обученiе ему ведется отнюдь не ремесленниками, а *непрерѣнно самими-же учителями и учительницами*, получающими въ этомъ отношенiи солидную подготовку.

Въ Финляндiи, имѣющей не болѣе 2.200.000 населенiя, шесть учительскихъ семинарiй: три мужскихъ и три женскихъ. Курсъ семинарiй — четырехлѣтнiй. Въ число общеобразовательныхъ предметовъ входятъ также и «искусства», знанiе которыхъ обязательно для народныхъ учителей и учительницъ. Въ *мужскихъ* семинарiяхъ на обученiе ручному труду полагается: въ I классѣ 7 часовъ въ недѣлю,

во II—8 часовъ, въ III—7 часовъ и въ IV классѣ—3 часа въ недѣлю. Обученіе ремесламъ лежитъ на обязанности особаго преподавателя, состоящаго вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ рисованія и пользующагося одинаковыми служебными правами и преимуществами съ остальными преподавателями. Въ помощь ему полагаются два мастера: одинъ — для древесныхъ работъ, другой — для металлическихъ. Въ *женскихъ* семинаріяхъ на руководѣльяхъ отведено: въ I классѣ—5 часовъ въ недѣлю, во II классѣ—6 часовъ, въ III—4 и въ IV—1 урокъ въ недѣлю. Обученіе этому виду ручнаго труда распредѣляется обыкновенно между двумя или тремя преподавательницами семинаріи.

Въ мужскихъ семинаріяхъ, въ подгота первыхъ учебныхъ года (три семестра), учащіеся занимаются работами по дереву; полтора слѣдующихъ учебныхъ года употребляются на металлическія работы; послѣдній-же годъ пребыванія въ семинаріи (четвертый) предназначается для исполненія каждымъ изъ учащихся самостоятельной работы, въ составъ которой обязательно должны входить какъ деревянные, такъ и металлическія производства. Занятія работами по дереву состоятъ въ томъ, что каждый изъ учениковъ семинаріи долженъ исполнить половину учебной коллекціи народныхъ школъ (четные или нечетные ея нумера), послѣ чего уже переходитъ къ изготовленію предметовъ домашней утвари, простой мебели и проч. Къ работамъ по дереву относится также обученіе полировкѣ, лакировкѣ и окраскѣ. Занятіе работами по металлу обнимаетъ ознакомленіе учащихся съ кузнечнымъ, слесарнымъ и токарнымъ производствами, а также со спаиваніемъ мѣди и олова.

Это, конечно, только *минимумъ* программы ручнаго труда, расширяемый, по усмотрѣнію преподавателя предмета, сообразно со степенью успѣшности занятій и способностями учащихся. Въ IV-мъ-же классѣ семинаріи проходитъ теоретическій курсъ, въ составъ котораго входитъ историческій обзоръ развитія обученія ручному труду, а также изложеніе правилъ, на которыхъ основывается это обученіе.

Въ женскихъ семинаріяхъ обученіе ручному труду (руководѣльямъ) распредѣляется по классамъ слѣдующимъ образомъ: *въ I-мъ классѣ*: вязанье чулокъ и перчатокъ, усвоеніе правилъ вязанья и запись этихъ правилъ; шитье бѣлья; исполненіе двубердыхъ тканей и снаряженіе ткацкаго станка. *Во II-мъ классѣ*: шитье бѣлья и платья; изготовленіе и плетеніе соломы; запись правилъ плетенія, составленіе образцовъ и чертежей работъ; исполненіе четверобердыхъ тканей, въ связи со снаряженіемъ ткацкаго станка. *Въ III-мъ классѣ*: пряденіе льна и шерсти; сложное вязанье разныхъ родовъ; приготовленіе ти-

ковых тканей. *Въ IV-мъ классѣ*: теорія руководѣльныхъ работъ, съ выводомъ относящихся къ этому правилъ, составленіемъ чертежей и образцовъ; обученіе «*Фребелевскимъ работамъ*».

Для полноты очерка *практической подготовки* народныхъ учителей и учительницъ въ Финляндіи, необходимо еще добавить, что при каждой женской учительской семинаріи существуютъ «*Ясли*» и «*Дятскій садъ*», при мужскихъ-же семинаріяхъ—*сады* и *огороды*, въ которыхъ учащіеся также принимаютъ участіе. Такимъ образомъ подготовка педагогическаго персонала народной школы въ Финляндіи оказывается весьма разносторонней.

III.

Имѣя хорошо подготовленный учительскій персоналъ, не трудно уже придать ручному труду въ народныхъ школахъ дѣльную постановку. И положеніе этой отрасли обученія въ финляндскихъ народныхъ школахъ, дѣйствительно, заслуживаетъ высокой похвалы и вниманія.

Въ Финляндіи народныя школы раздѣляются на низшія и высшія. Первыя—съ двухлѣтнимъ курсомъ, и въ нихъ поступаютъ дѣти отъ 7-ми лѣтъ. Высшія-же школы имѣютъ четырехлѣтній курсъ, и для поступленія въ нихъ требуется возрастъ не моложе 9-ти лѣтъ. Программу этихъ школъ составляютъ: Законъ Божій, чтеніе избранныхъ книгъ и письмо на родномъ языкѣ, географія, исторія, ариѳметика, ученіе о геометрическихъ фигурахъ съ измѣреніемъ площадей и объемовъ, естественная исторія и примѣненіе ея, черченіе, пѣніе и гимнастика, а также обученіе дѣвочекъ женскимъ руководѣльямъ и мальчиковъ—ремесламъ.

Программа ремеслъ, или иначе—ручнаго труда обнимаетъ собою: мелкія деревянныя подѣлки (такъ-называемый «*слойдъ*»), исполняемыя при помощи ножа, а затѣмъ—небольшія столярныя и токарныя работы и рѣзбу по дереву. Сверхъ того, учащіеся занимаются щеточными работами, а также приготовленіемъ разнаго рода мелкихъ издѣлій изъ лучины, корней и ивы, изъ бересты, папки, проволоки и жести.

Для занятія указанными работами установлена опредѣленная программа, и каждая высшая народная школа имѣетъ коллекцію, состоящую изъ 70-ти предметовъ. Не перечисляя здѣсь самыхъ предметовъ, замѣтимъ, что по столярной части познанія учениковъ, оканчивающихъ высшую народную школу, т. е. въ возрастѣ отъ 9 до 13 лѣтъ,

достигаютъ такого уровня, что они въ состояніи самостоятельно изготовлять: скамейку, солонку, кухонную лоханку, ковшъ, пильный станокъ, ящикъ и ларчикъ на шипахъ, квашню, чертежную доску и линейку, стругъ, метръ, литръ и децилитръ, рычагъ со стативомъ и вѣсами, боченокъ для масла, рамы для зеркалъ и фотографій, кранъ для бочки, прессъ для масла съ геометрическимъ орнаментомъ, шка тулку съ украшеніями и другія, довольно сложныя въ техническомъ отношеніи, вещи. По части остальныхъ издѣлій, оканчивающіе курсъ обязательно должны умѣть приготовить: щетки для мытья посуды и головныя; корзины изъ лучины прямого и косога плетенія; корзины изъ ивы и луба; коробки изъ бересты и папки; переплетъ и пеналь изъ папки; тетраэдръ, гексаэдръ и корзинку изъ проволоки; литръ изъ жести.

Кромѣ того, при изготовленіи учащимися работъ по моделямъ, обращается большое вниманіе и на ознакомленіе ихъ съ рисунками изготовляемыхъ предметовъ. Съ этою цѣлью, при каждой модели имѣется также и рисунокъ изготовляемаго предмета. Путемъ простаго сопоставленія рисунковъ съ предметами, учащіеся постепенно уясняютъ себѣ значеніе рисунковъ и, въ концѣ концовъ, привыкаютъ къ исполненію работъ по однимъ рисункамъ, безъ модели.

Но это—только *минимумъ* работъ, исполняемыхъ въ финляндскихъ народныхъ школахъ. Максимумъ-же программы ручнаго труда обнимаетъ *сто сорокъ нумеровъ*. Такое расширеніе программы допускается въ отношеніи учащихся, проявляющихъ особенную склонность къ ручному труду, или пріобрѣвшихъ уже дома нѣкоторую ремесленную подготовку. Обученіе учащихся производится или въ особо-устроенныхъ мастерскихъ, или въ самой классной комнатѣ и школьной передней, или въ ближайшей избѣ.

Не считая себя компетентными въ оцѣнкѣ женскихъ рукодѣлій, замѣтимъ, однако, что, какъ видно изъ отчетовъ финляндской школьной администраціи, занятія дѣвочекъ женскими ремеслами въ высшихъ народныхъ школахъ, по обилію и разнообразію издѣлій, а также тщательности и точности исполненія ихъ, ничѣмъ не уступаютъ успѣшности обученія ручному труду въ мужскихъ школахъ.

Короче говоря, на основаніи почти четвертивѣковой уже практики обученія ручному труду въ высшихъ финляндскихъ народныхъ школахъ, можно съ увѣренностью сказать, что обученіе это даетъ блестящіе результаты какъ въ собственно педагогическомъ, воспитательномъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Развивая ловкость учащихся, пріучая глазъ ихъ къ опредѣленію размѣровъ, воспитывая въ

нихъ любовь и уваженіе къ порядку и аккуратности, школьное обученіе ручному труду, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ странѣ подростающее поколѣніе, овладѣвшее уже основными элементами ремесленной техники. Чтобы сдѣлаться профессиональнымъ ремесленникомъ окончившему народную школу, остается только развить въ себѣ выносливость и опытность мастераго въ работѣ. Въ виду этого, подростокъ, поступающій въ ремесленное или техническое промышленное заведеніе, съ цѣлью дальнѣйшей профессиональной выучки, представляетъ собою уже болѣе или менѣе цѣнную рабочую силу, главное-же—силу, сознательно относящуюся къ предстоящей выучкѣ, добровольно выбираемой, соотвѣтственно своему влеченію.

Для оцѣнки практическаго вліянія ремесленной подготовки, даваемой народною школою, необходимо замѣтить, что изъ 36-ти финляндскихъ городовъ, лишь въ четырехъ самыхъ мелкихъ городахъ не введено обученія ручному труду въ мѣстныхъ высшихъ народныхъ школахъ для мальчиковъ. Общее-же количество сельскихъ высшихъ народныхъ училищъ, по свѣдѣніямъ за 1888—1889 учебный годъ, составляло 795 школъ, въ томъ числѣ 159 для мальчиковъ, 151 для дѣвочекъ и 485 смѣшанныхъ школъ, для обоего пола. Въ общей сложности, въ городскихъ и сельскихъ высшихъ народныхъ школахъ обучалось въ указанномъ учебномъ году 44.612 человекъ (24.211 мальчиковъ и 20.401 дѣвочка). И вся эта масса учащихся, почти невѣроятная для двухмилліоннаго съ небольшимъ населенія Финляндіи, получала, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, наравнѣ съ общимъ образованіемъ, и первоначальное прикладное обученіе!..

Въ этомъ-то именно и коренится тайна высокой находчивости въ трудѣ и громадной, разносторонней производительности Финляндіи,—страны, до крайности обдѣленной природою, съ суровыми и неблагоприятными физическими условіями. На борьбу съ этими условіями страна, не считая низшихъ школъ, выставила въ высшихъ народныхъ училищахъ, въ городахъ и селахъ, 1.322 человекъ (617 учителей + 705 учительницъ), вооруженныхъ разносторонними прикладными знаніями. Эта рать просвѣщенныхъ и свѣдущихъ въ практическомъ дѣлѣ людей, въ качествѣ народныхъ педагоговъ, систематически завоевываетъ своей родинѣ высокое благосостояніе, которымъ, безспорно, пользуется уже въ настоящее время маленькая Финляндія. Съ другой стороны, эта могучая рать, давая подростающему поколѣнію, мужскому и женскому, нормальное воспитаніе въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, дѣлаетъ его правоспособнымъ ко всяческому прогрессу.

IV.

Посмотримъ теперь, что сдѣлано у насъ, въ Россіи, для систематическаго проведенія въ трудовую среду ремесленныхъ знаній, посредствомъ обученія ручному труду въ народныхъ школахъ?

Начнемъ, конечно, съ подготовленія педагогическаго персонала.

На всю Россійскую Имперію, къ концу 1890 года, было: 57 учительскихъ семинарій, 11 учительскихъ институтовъ и 7 учительскихъ школъ или училищъ для приготовленія учителей,—всего 75 учебныхъ заведеній, изъ которыхъ *пять* были предназначены къ *закрѣпленію* Между тѣмъ, если сдѣлать расчетъ примѣнительно, на примѣръ, къ Финляндіи (6 учительскихъ семинарій на 2.200.000 населенія), на 114.000.000 русскаго населенія необходимо болѣе 300 учительскихъ семинарій. Въ цифрѣ этой нѣтъ никакого преувеличенія, такъ какъ для Франціи, имѣющей ничтожные размѣры, сравнительно съ Россіей, и болѣе густое населеніе, признается недостаточнымъ 91 учительской семинаріи, существующей тамъ въ настоящее время.

Собранныя «организаціоннымъ комитетомъ съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи» свѣдѣнія о ручномъ трудѣ въ учебныхъ заведеніяхъ для приготовленія учителей подробно разработаны членомъ названнаго комитета, г. Вл. Сабининымъ, въ особомъ докладѣ его: «Ручной трудъ въ учительскихъ семинаріяхъ, институтахъ и школахъ» (X-я секція). Какъ видно изъ указаннаго доклада, ручной трудъ введенъ: въ 45 учительскихъ семинаріяхъ (изъ 57); въ 2-хъ учительскихъ институтахъ (изъ 11); въ 4-хъ учительскихъ школахъ (изъ 7); всего, слѣдовательно, въ 51 учебномъ заведеніи изъ 70-ти. Въ остальныхъ-же 19-ти заведеніяхъ для приготовленія учителей вовсе не преподается ручнаго труда; въ одномъ изъ нихъ (Преславльской учительской семинаріи) было введено обученіе ручному труду, но, «послѣ годичнаго опыта, прекращено, *за недостаткомъ времени и средствъ*».

Обращаясь къ «Положеніямъ» и инструкціямъ разсматриваемыхъ учебныхъ заведеній, находимъ, что правительствомъ всегда имѣлось въ виду обученіе въ нихъ разнаго рода ремесламъ и другимъ прикладнымъ знаніямъ, на что и ассигновывались суммы, весьма, впрочемъ, скудныя. Но при этомъ прикладное обученіе не было сразу поставлено обязательнымъ предметомъ, на одинаковыхъ правахъ съ остальными предметами преподаванія; не было также выработано никакой определенной системы и плана для преподаванія ремеслъ и, вообще, прикладныхъ знаній: это дѣло предоставлено было усмотрѣ-

нію педагогическихъ совѣтовъ; наконецъ, самое руководство въ занятіи ремеслами поручалось простымъ мастерамъ, т.-е. лицамъ безъ всякой педагогической подготовки, въ числѣ которыхъ насчитывается около 75 процентовъ людей безъ всякаго образованія.

Въ виду этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что хотя изъ 51 учебнаго заведенія для приготовленія учителей въ 35-ти *занятія ремеслами обязательны для учащихся*, тѣмъ не менѣе однако, за самыми незначительными исключениями, обученіе тамъ ручному труду находится на очень низкой степени развитія, не удовлетворяя, вообще говоря, ни педагогическимъ, ни практическимъ цѣлямъ. Указанныя учебныя заведенія, за все время ихъ существованія, выпустили 5.469 учителей, изучавшихъ болѣе или менѣе одно или нѣсколько изъ слѣдующихъ ремеслъ: столярное, токарное, по металлу и переплетное. Но изъ этого количества учителей лишь около двухъ-трехъ десятковъ самостоятельно обучаютъ ремесламъ въ завѣдываемыхъ ими школахъ. Объясняется это тѣмъ, что изъ всѣхъ учебныхъ заведеній для приготовленія учителей, гдѣ преподается ручной трудъ, строго говоря, только въ С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ это дѣло ведется, съ 1884 года, въ формѣ систематическаго обученія. Съ октября прошлаго года и другой учительскій институтъ (Глуховскій, Черниговской губ.) также усвоилъ себѣ систематическое обученіе ручному труду. Учителямъ-же изъ другихъ учебныхъ заведеній, желающимъ заниматься въ школахъ преподаваніемъ ремеслъ, необходимо проходить еще особыя временныя «курсы ручнаго труда», возникшіе у насъ, въ Россіи, съ 1878 года и періодически повторяющіеся въ разныхъ городахъ, въ свободное отъ школьныхъ занятій время (во время зимнихъ или лѣтнихъ каникулъ).

Пока нѣтъ подходящаго учительскаго персонала, нечего, конечно, и мечтать о мало-мальски рациональномъ обученіи ручному труду въ народныхъ школахъ. На всемъ громадномъ протяженіи имперіи насчитывается всего-на-все около 394 низшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаются какія-бы то ни было прикладныя знанія, въ томъ числѣ около 115 городскихъ училищъ и до 279 начальныхъ. Въ это число входятъ: трехъ и четырехъ-классныя городскія училища, нѣсколько уѣздныхъ училищъ, школы еврейскія, инородческія и проч. Съ другой стороны необходимо замѣтить, что къ «прикладнымъ знаніямъ», преподаваемымъ въ указанныхъ училищахъ, относятся, кромѣ ремеслъ, поваренное дѣло, хлѣбопеченіе, виноградарство, винодѣліе, огородничество, садоводство и проч. Въ отношеніи къ болѣе чѣмъ 40.000 имѣющимся въ настоящее время народныхъ училищъ

въ имперіи, процентъ школъ съ прикладнымъ обученіемъ *крайне ничтоженъ*.

Какого-же рода прикладныя знанія преподаются въ этихъ школахъ? Свѣдѣнія по этому предмету, собранныя «организаціоннымъ комитетомъ съѣзда», обстоятельно разработаны Н. В. Касаткинымъ въ особомъ докладѣ—«Обзоръ преподаванія ручнаго труда въ городскихъ и начальныхъ училищахъ» (X-я секція). Но, увы, въ нашихъ низшихъ школахъ и помину нѣтъ о томъ, что въ педагогіи называется «ручнымъ трудомъ». Все это, вообще говоря, обученію *ремеслу для ремесла*,—и только, безъ мысли даже о воспитательномъ значеніи ручнаго труда, о необходимости извѣстной системы при обученіи. Да это и не можетъ быть иначе, потому что, какъ мы знаемъ уже, народные педагоги, въ роли учителей ремесла, составляютъ не болѣе трехъ десятковъ: всѣ-же остальные преподаватели ремеслъ—люди необразованные, простые ремесленники, въ громадномъ большинствѣ случаевъ—совершенно даже безграмотные.

За-то какое поразительное разнообразіе ремеслъ! Въ городскихъ и сельскихъ русскихъ народныхъ школахъ преподаются, можно сказать, всѣхъ родовъ ремесла, какія только существуютъ на свѣтѣ, въ томъ числѣ: рѣзное, ажурное, бондарное, колесное, мѣдное, ружейное, шорное, сѣдельное, скорняжное, обойное, стекольное, малярное и проч. Само собою разумѣется, что ни по времени, затрачиваемому на ремесленное обученіе въ народной школѣ, ни по возрасту учащихся, ихъ невозможно сдѣлать ремесленниками, т.-е. довести до надлежащаго уровня технической выучки. Вслѣдствіе этого, въ результатѣ погони за утилитарнымъ направленіемъ ремесленнаго обученія въ низшихъ школахъ оказывается: общее недовольство тѣмъ, чего, по обстоятельствамъ, бываетъ возможно достигнуть даже и при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ; безцѣльная замѣна однихъ ремеслъ другими—и, въ концѣ-концевъ, непроизводительная трата денегъ, безъ пользы какъ для учащихся, такъ и для подъема мѣстной производительной дѣятельности.

Только въ послѣдніе годы, съ половины, а въ большинствѣ случаевъ и съ конца 80-хъ годовъ, подъ вліяніемъ систематическаго обученія ручному труду въ С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, а также и при воздѣйствіи устраиваемыхъ въ разныхъ мѣстахъ «курсовъ ручнаго труда», начинается, понемногу, вводиться въ низшихъ школахъ ремесленное обученіе съ педагогическою цѣлью, но, къ сожалѣнію, крайне медленно. Ко времени «съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію», на всю имперію

считалось лишь *тридцать* низших учебных заведений, въ которыхъ ручной трудъ преслѣдуетъ педагогическія цѣли, въ томъ числѣ 18 городскихъ училищъ и 12 начальныхъ. Городскія училища эти разбросаны въ *одинадцати* губерніяхъ (С.-Петербургской, Олонецкой, Херсонской, Тамбовской, Черниговской, Владимірской, Варшавской, Курляндской, Эстляндской, Лифляндской и Иркутской); начальныя-же въ *трехъ* губерніяхъ (10—въ С.-Петербургской, по одному—въ Лифляндской и Олонецкой губерніяхъ). Изъ средне-учебныхъ-же общеобразовательныхъ заведений ручной трудъ съ педагогическою, воспитательною цѣлью введенъ, пока, лишь въ одной частной гимназіи Я. Г. Гуревича, въ С.-Петербургѣ.

Такимъ образомъ, обращеніе къ рациональной *трудоваго* подготовкѣ путемъ школы находится у насъ, въ Россіи, лишь въ самомъ зачаточномъ состояніи. Однимъ развѣ обстоятельствомъ приходится утѣшаться въ этомъ отношеніи, что идея воспитательнаго значенія ручнаго труда въ школѣ начинаетъ уже пробивать брешь въ заскорузлой рутинѣ и выбиваться на свѣтъ Божій, но—*только* еще «начинаетъ». «Организаціонный комитетъ съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи», равно какъ и самый съѣздъ *)—энергически высказались за обязательное введеніе преподаванія ручнаго труда, по опредѣленному, однообразному плану и системѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ для подготовленія учителей, съ тою, понятно, цѣлю, чтобы, затѣмъ, предметъ этотъ также введенъ былъ, какъ обязательный, и въ курсъ народныхъ училищъ, въ городахъ и селахъ, какъ это было разъяснено выше на примѣрѣ Финляндіи. Но отъ желанія до практическаго выполненія—«дистанція громаднаго размѣра», и трудно предугадать, когда судьба позволитъ пройти Россіи эту ужасную «дистанцію» и вступить, наконецъ, на торный путь *трудоваго* воспитанія подростяющихъ поколѣній.

М. Песковскій.

(Окончаніе будетъ).

*) «Труды съѣзда», V-е отдѣленіе, докладъ К. Ю. Цируля «О подготовкѣ учителей къ преподаванію ручнаго труда».

Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

До сихъ поръ не достаточно твердо еще установленъ чрезвычайно серьезный и важный вопросъ о преподаваніи естественныхъ наукъ какъ въ средней школѣ, такъ, въ особенности, въ школахъ профессиональныхъ. Имъ въ настоящее время очень много занимаются, и обычное мнѣніе таково, что естественныя науки сами по себѣ представляютъ чрезвычайно выгодный матеріалъ для нашего образованія. Мы поэтому обыкновенно и видимъ, что разсуждаютъ и спорятъ главнымъ образомъ о томъ, какой именно предметъ изъ естественныхъ наукъ выбрать для введенія въ школу, не отдавая себѣ при этомъ отчета въ его образовательномъ значеніи, не уясняя себѣ, чего собственно мы хотимъ и чего можемъ достигнуть введеніемъ въ школу естествознанія. Не ставится прямо и непосредственно вопросъ о томъ, что должно быть главною задачею образованія, чѣмъ всего болѣе мы можемъ содѣйствовать ему, принимая во вниманіе природу ребенка.

Между тѣмъ говорить о преподаваніи естествознанія въ школѣ можно, только имѣя въ виду цѣли общаго образованія. Опредѣлимъ же прежде всего эти цѣли.

Образованіемъ мы желаемъ *уничтожить произволъ въ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ человека, научивъ его понимать и вырабатывать истину.*

Достигаемъ-ли мы этого при современной постановкѣ естественныхъ наукъ въ нашихъ школахъ, или нѣтъ?

Въ настоящее время въ нашихъ школахъ естественныя науки преподаются *описательно*. Всякій-же описательный предметъ можетъ содѣйствовать только развитію памяти, которое, конечно, еще не есть образованіе: если мы дадимъ учащемуся только *знанія*, то онъ не будетъ въ состояніи *понимать* явленія, которыя встрѣтятся ему въ жизни, не будетъ поэтому въ состояніи умѣрить произволъ своихъ

дѣйствій и размышленій. Память, правда, намъ необходима, но для нашего образованія *мало* одной памяти: развитіе ея не должно составлять главной существенной задачи образованія. Между тѣмъ, въ школѣ мы только и заняты развитіемъ памяти въ дѣтяхъ, мы такъ налегаемъ на эту сторону способностей ребенка, что забываемъ, наконецъ, то общее положеніе, по которому всякое одностороннее и однообразное дѣйствіе утомляетъ занимающагося, вызываетъ въ немъ апатію. Далѣе, мы должны имѣть въ виду, что всякая односторонность нарушаетъ гармонію отправленій, что непременно вызываетъ пониженіе способности къ дѣятельности и, наконецъ, наказывается даже смертью. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что въ первоначальномъ возрастѣ память сильно прогрессируетъ, но затѣмъ развитіе ея останавливается, и ученикъ захватываетъ только верхушки: онъ уже не можетъ справиться со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ хотятъ его напичкать,—онъ старается обойти препятствія и простѣйшимъ путемъ выполнить требованія, ему предъявляемыя. Въ результатѣ молодой человѣкъ знаетъ только книгу, на которую ему указываютъ; по книгѣ онъ, пожалуй, и отвѣтитъ, какъ то требуется на экзаменѣ; онъ приходитъ на экзаменъ съ конспектомъ въ рукахъ, гдѣ помѣчено все, что для экзамена нужно; конспекты, годъ отъ году, дѣлаются все яснѣе и яснѣе, такъ что, въ концѣ-концовъ, все наше образованіе, пожалуй, ведется къ тому, чтобы какъ можно легче обойти предъявляемыя требованія. Для учащагося юноши все сосредоточивается въ экзаменѣ: только послѣдній и заставляетъ его работать, — нѣтъ экзамена, онъ бросаетъ заниматься. И мы сами, сплошь да рядомъ, думаемъ, что разъ молодой человѣкъ подготовленъ къ экзамену и выдержалъ его, то этимъ уже все сдѣлано; мы не спрашиваемъ, получилъ-ли онъ *образованіе* или нѣтъ, научился-ли онъ справляться съ тѣми препятствіями, какія ему поставить жизнь? Книжныя представленія, конечно, не дадутъ ему этого, разъ у него нѣтъ своихъ собственныхъ, реальныхъ представленій: развѣ по одиѣмъ только книгамъ мы можемъ развить свою умственную и нравственную жизнь? Изложите въ книгѣ самыя лучшія нравственныя правила и истины и дайте ихъ выучить молодому человѣку; онъ ихъ будетъ знать, но не будетъ примѣнять: онѣ окажутся у него въ разладѣ съ жизнью, ибо только то, что мы дѣйствительно усвоили, поняли, превратили въ плоть и кровь нашу, войдетъ въ нашу жизнь.

Между тѣмъ, кромѣ книжныхъ, изуча замствованныхъ, представленій, захваченныхъ одною памятью, у молодаго человѣка нѣтъ ничего въ результатѣ образованія. Вы не найдете въ его умѣ ника-

кихъ отвлеченныхъ понятій, не найдете у него *пониманія* явленій. На самомъ дѣлѣ онъ не понимаетъ *истины*, не допускающей никогда никакихъ исключеній,—истины, которая должна лечь въ основаніе всей его жизни; онъ не знаетъ тѣхъ способовъ, которыми она вырабатывается и провѣряется. И надо видѣть, съ какимъ трудомъ, при всемъ своемъ добромъ желаніи, молодые люди, переходя впослѣдствіи къ высшему образованію, справляются съ трудностями усвоенія научныхъ истинъ, какъ мало они подготовлены къ тому, что отъ нихъ требуется. Тѣ, которымъ приходится имѣть дѣло въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ молодыми людьми и видѣть ихъ за практическими работами, могутъ въ особенности подтвердить это. Потребуйте, напр., отъ молодаго человѣка въ высшемъ учебномъ заведеніи, чтобы онъ самостоятельно справился съ какими-либо явленіями, сѹмѣлъ-бы самъ облечь ихъ въ знакомыя ему общія положенія или формулы, и вы увидите, что онъ не въ состояніи сдѣлать этого, такъ какъ пониманія этихъ формулъ у него нѣтъ, взаимное соотношеніе величинъ въ нихъ ему не ясно, отчетливыхъ, серьезныхъ реальныхъ представленій въ этомъ отношеніи у него нѣтъ: онъ захватилъ эти формулы только памятью. Вы, напр., объясняете строеніе человѣческаго тѣла и свѣдите все объясненіе къ простымъ физическимъ явленіямъ, хотя-бы къ законамъ дѣятельности рычага, и при этомъ убѣждаетесь, что молодой человѣкъ, уже получившій среднее образованіе, не понимаетъ теоріи рычага, не умѣетъ ея примѣнять вездѣ вообще, гдѣ рычагъ на самомъ дѣлѣ встрѣчается. Это приложимо въ одинаковой мѣрѣ не только къ молодымъ людямъ, получившимъ словесное, классическое образованіе, но и къ тѣмъ, которые получили образованіе реальное, основанное на естественныхъ наукахъ съ ихъ обычнымъ въ школѣ описательнымъ методомъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, молодой человѣкъ, получившій свое образованіе на такихъ описательныхъ предметахъ, является передъ нами съ относительно слабой памятью, съ чрезвычайной апатіей къ занятіямъ, и въ высшей школѣ онъ больше всего и прежде всего хлопочетъ о томъ, чтобы «отдохнуть» послѣ однообразнаго утомительнаго ученія въ средней школѣ. Онъ совершенно не подготовленъ къ тому, чтобы философски, критически отнестись къ предмету, выбранному имъ для изученія, и старается только возможно проще справиться съ препятствіями на этомъ пути, по возможности обходя ихъ. Свѣжести, пониманія истины и личности, стремленія развить свои человѣческія качества и проявленія—этого у него нѣтъ!

Есть только ви́шнія проявленія, есть нѣкоторыя знанія и по подражанію усвоенные техническіе приемы.

Таковы результаты тѣхъ одностороннихъ дѣйствій и однообразныхъ ложныхъ приемовъ, которыми отличается преподаваніе. Между тѣмъ, мы-же и преслѣдуемъ молодаго человѣка; мы говоримъ: «онъ лѣнивъ! онъ не чувствуетъ никакого интереса ни къ чему, у него нѣтъ любви къ дѣлу; нѣтъ мысли, нѣтъ сознанія и пониманія истины, у него нѣтъ ничего святаго!» И, видя какъ онъ отклоняется въ сторону отъ прямого пути, мы указываемъ на него пальцами... Нѣтъ! прежде чѣмъ дѣлать это, мы должны подумать, что мы ему даемъ, какъ мы къ нему относимся; вѣдь, не родился-же онъ на свѣтъ такимъ, какимъ мы его видимъ,—врожденности тутъ никакой быть не можетъ. Мы можемъ спрашивать съ него въ такомъ только случаѣ, если во время школьной жизни ставили его въ соотвѣтственныя условія; если-же, наоборотъ, мы давали ему вмѣсто хлѣба камни, непригодные для усвоенія, то мы не имѣемъ никакого права предъявлять ему какія-нибудь требованія. Между тѣмъ, мы не хотимъ принять это во вниманіе и прибѣгаемъ къ «педагогическимъ мѣрамъ»,—къ наказаніямъ и поощреніямъ, которыя еще болѣе ухудшаютъ дѣло; само собою разумѣется, что если ребенокъ сохранилъ нормальную впечатлительность, то онъ не требуетъ никакихъ поощреній, никакихъ наказаній. Никакими подобными педагогическими мѣрами дѣла не поправить; мы прежде всего должны подумать о томъ, что мы даемъ молодому человѣку въ школѣ. Вѣдь не для того-же, въ самомъ дѣлѣ, входитъ онъ въ нее, чтобы только зубрить и зазубривать и чтобы исключительно только исполнять наши извѣстныя, часто произвольныя, требованія! Сама жизнь ставитъ намъ требованія, чтобы мы при нашемъ образованіи не ограничивались однимъ развитіемъ памяти, не ограничивались наборомъ цѣлой массы фактовъ: наша задача—дать молодому человѣку *общее образованіе*. Такимъ образомъ передъ нами дилемма: или естественныя науки при современной ихъ постановкѣ въ нашей школѣ, какъ описательныхъ предметовъ, не служатъ общему образованію (тогда нѣтъ нужды и преподавать ихъ), или-же онѣ должны быть преподаваемы такъ, чтобы непремѣнно содѣйствовать общему образованію. Въ этомъ последнемъ, разумѣется, ихъ главная и существенная задача въ школѣ.

При постановкѣ естественныхъ наукъ въ школѣ мы должны опираться на знаніе природы ребенка, изученія строенія и отправленій человѣческаго организма, однимъ словомъ, стать на антропологическую почву. Но, уже просто *наблюдая* за человѣкомъ, можно убѣ-

даться въ томъ, что элементарные способы его развитія состоятъ только въ *различеніи* (дифференцированіи) получаемыхъ впечатлѣній и *сравненіи* ихъ между собою. Органы высшихъ чувствъ служатъ при этомъ какъ-бы воротами, черезъ которыя проникаютъ въ наше сознание впечатлѣнія изъ внѣшняго міра: на сколько широко раскрыты эти ворота, на столько мы лишь и можемъ получить впечатлѣній извнѣ. Различеніемъ, т.-е. первымъ способомъ, человѣкъ знакомится съ окружающимъ міромъ и набираетъ знанія; эти знанія онъ въ состояніи воспроизводить только въ такомъ видѣ и въ такой формѣ, въ какихъ онъ ихъ усвоилъ: проявленіе творчества при одномъ воспріятіи невозможно. Вторымъ способомъ, т.-е. сравненіемъ, онъ пріучается оцѣнивать свои представленія и по степени, и по качеству; сравненіемъ выдѣляются общія качества, и изъ нихъ-то составляются общіе образы и понятія. Послѣдніе провѣряются новымъ различеніемъ и новымъ сравненіемъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, къ этимъ двумъ приемамъ мышленія и сводится все развитіе человѣка.

Разберемъ, въ видѣ примѣра, происхожденіе въ человѣкѣ сознания своего «я». Первоначально ребенокъ не имѣетъ вовсе этого понятія: онъ называетъ себя въ третьемъ лицѣ, какъ называютъ его окружающіе, и только подъ-конецъ втораго или въ началѣ третьяго года, у него развивается понятіе о своемъ «я» и «не—я», т.-е. объ окружающемъ внѣшнемъ мірѣ. Въ этомъ выдѣленіи главную роль играетъ *осязаніе*. Дѣйствительно, тогда какъ при всякомъ своемъ прикосновеніи къ какому-либо предмету внѣшняго міра ребенокъ получаетъ *одно* осязательное ощущеніе, при всякомъ прикосновеніи къ себѣ, къ собственному тѣлу, онъ получаетъ *двойное* ощущеніе: какъ отъ того мѣста, *которымъ* прикасается, такъ и отъ того, *къ которому* прикасается. Ребенокъ различаетъ теперь эти двоякаго рода осязательныя представленія: единичныя и двойныя (парныя); сравнивал сходныя представленія между собою, онъ изъ первыхъ создаетъ понятіе о внѣшнемъ мірѣ («не—я»), а изъ вторыхъ—понятіе о себѣ («я»), т.-е. у него развивается, какъ мы говоримъ, *сознаніе своего «я»* *).

*) Такое объясненіе происхожденія сознания своего «я» какъ нельзя лучше подтверждается и патологическими фактами: при извѣстныхъ страданіяхъ, связанныхъ съ пониженіемъ или потерю чувства осязанія, у больного уничтожается понятіе о своемъ «я», и онъ опять начинаетъ говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ, какъ ребенокъ до трехъ-лѣтняго возраста: онъ не получаетъ больше прежнихъ осязательныхъ впечатлѣній, которыми руководствовался при выдѣленіи

Какое-бы общее понятіе мы ни взяли, вездѣ при выработкѣ его мы найдемъ лишь тѣ-же основныя приемы мышленія—различеніе и сравненіе воспринимаемыхъ впечатлѣній и затѣмъ провѣрку получаемыхъ выводовъ тѣми-же способами. Только въ наукѣ провѣрку служитъ не одно наблюденіе, но и опытъ (экспериментъ), а при сравненіи количественныхъ и пространственныхъ отношеній здѣсь прилагаются математическіе методы. Благодаря такой провѣркѣ, общіе образы и понятія получаютъ значеніе *истинъ*.

Съ общими приемами мышленія и должны согласоваться методы преподаванія; слѣдовательно, и при преподаваніи естественныхъ наукъ въ школѣ мы должны *пріучить занимающагося къ наблюденію окружающей его природы, научить его дифференцировать и сравнивать реальныя представленія, провѣрять получаемые выводы новымъ дифференцированіемъ и сравненіемъ, прибывая къ точной математической провѣркѣ тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ количественными и пространственными отношеніями*, однимъ словомъ, мы должны стремиться къ тому, *чтобы онъ усвоилъ себѣ способы, какими вырабатываются общія положенія и изъ нихъ истины, и научился примѣнять ихъ къ выясненію частныхъ явленій*.

«При этомъ, съ точки зрѣнія нормальныхъ проявленій чловѣка, умственная и физическая дѣятельность должны быть въ полномъ соотвѣтствіи между собою; ибо только тогда будутъ существовать всѣ условія для болѣе точнаго сознательнаго различенія и сравненія между собою какъ всѣхъ получаемыхъ представленій, такъ и дѣйствій: дѣйствительно, всѣ провѣрки производятся дѣйствіями, которыя тѣмъ точнѣе, чѣмъ болѣе изолированы (дифференцированы) движенія и чѣмъ сознательнѣе опредѣляется сравненіемъ степень, качество и продолжительность производимой работы. Всякая-же умственная работа, не провѣренная дѣйствіемъ, не въ состояніи способствовать усвоенію причинной связи замѣчательныхъ явленій такъ, чтобы понять эту связь и выяснить законы, лежащіе въ основаніи ихъ проявленій. Безъ такой реальной провѣрки невозможно также самостоятельное примѣненіе общихъ положеній и истинъ къ выясненію частныхъ случаевъ или, даже, творческое видоизмѣненіе своихъ дѣйствій» *).

себя изъ внѣшняго міра. Обыкновенно, въ этихъ случаяхъ, большой утверждаетъ, что онъ умираетъ или даже уже умеръ, что существуетъ только его тѣло, души же въ немъ нѣтъ.

*) См. *П. Лесгафтъ*. Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста. Ч. I. Спб. 1888, стр. 256—258. Также *П. Лесгафтъ*. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе, ч. II, гл. IV. Характеръ. Спб. 1890 г., стр. 89—127.

Какъ пищевыя вещества, принятыя нами извнѣ, видоизмѣнившись при пищевареніи, служатъ для возстановленія самыхъ разнообразныхъ тканевыхъ частей нашего тѣла, и превращаясь въ элементы нервной ткани, и въ элементы мышечной и т. д., дѣлають возможнымъ проявленіе нами активныхъ силъ, точно такъ-же внѣшнія впечатлѣнія, воспріятыя нами, подвергшись процессу дифференцированія и сравненія, претворяются въ наши общія понятія, въ истины, которыми человекъ долженъ руководствоваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и размышленіяхъ и которыми обусловливаются творческія проявленія личности.

Безъ этого *нѣтъ общаго образованія*, безъ этого нравственная жизнь не можетъ установиться на твердомъ основаніи, ибо «только понятія и выработанныя истины дѣйствительно облагораживаютъ человека и содѣйствуютъ расширенію его идеаловъ» *).

Общее образованіе—нѣжный цвѣтокъ, который требуетъ за собой тщательнаго ухода; оно требуетъ какъ можно меньше вмѣшательства, какъ можно меньше строгихъ инструкцій, и не допускаетъ никакого шаблона. Читая о древней Греціи, откуда мы постоянно такъ много заимствуемъ, мы узнаемъ, что тамъ были обязательны только одни физическія упражненія; умственные-же занятія, какъ высоко греки ни ставили вообще умственное развитіе, были необязательными; древніе—превосходные наблюдатели; они очень хорошо понимали, что дѣло умственнаго развитія требуетъ чрезвычайной осторожности, что надъ умственнымъ развитіемъ нельзя допустить никакого насилія; человекъ-же съ нормальной впечатлительностью, самъ, по своей собственной инициативѣ, подойдетъ и къ умственной работѣ. Дѣйствительно: органы, проявляющіе умственные силы, являются самыми нѣжными изъ всѣхъ органовъ нашего тѣла; всякое насиліе, всякое несоотвѣтствіе работы съ ихъ наличными силами ведетъ непременно къ пониженію ихъ дѣятельности, къ ихъ разрушенію.

Между тѣмъ, у насъ въ преподаваніи вообще, также и въ преподаваніи естественныхъ наукъ въ частности, господствуетъ мертвый шаблонъ, который примѣняютъ, не принимая въ расчетъ ни природы ребенка, ни степени его подготовки. Въ результатѣ мы имѣемъ лишь отрицательныя явленія. Надо-ли говорить, что такіе результаты въ высшей степени нежелательны? Поэтому я въ настоящее время и же-

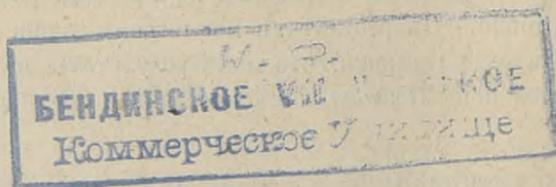
*) См. П. Лесгафтъ. О характерѣ изученія естественныхъ наукъ въ высшей школѣ.—Дневникъ VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, представленіе къ 10 номеру, 8 января 1890.

лалъ-бы поднять вопросъ о преподаваніи естественныхъ наукъ въ нашихъ школахъ, чтобы общими силами собрать нужный для рѣшенія вопроса матеріалъ, разобраться, подумать надъ нимъ, однимъ словомъ, сдѣлать все, что возможно, чтобы преподаваніе содѣйствовало образованію молодаго человѣка, а не забиванію его, чтобы молодой человѣкъ, выходя изъ школы, понималъ истину, усвоивъ себѣ способности ея полученія и примѣненія къ частнымъ явленіямъ жизни, чтобы онъ понималъ все значеніе личности, чтобы привыкъ ограничивать всякій произволъ въ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ.

П. Лесгафтъ.

12 октября 1890.

(Продолженіе будетъ).

Очерки частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Народныя чтенія.

(Продолженіе).

Народныя чтенія, какъ средство образовательнаго вліянія на взрослыхъ, значительно уступаютъ по своему значенію другимъ средствамъ, преслѣдующимъ ту-же цѣль, какъ воскресныя школы, вечерніе классы, бібліотеки и др. Народныя чтенія могли-бы имѣть весьма серьезное образовательное значеніе, если-бы они имѣли характеръ систематическихъ курсовъ. Къ сожалѣнію, при томъ ограниченіи въ выборѣ чтеній, который установленъ у насъ, чтенія представляютъ собою родъ публичныхъ лекцій, произносимыхъ безъ всякой системы, безъ всякой связи одной съ другой. Благодаря этому, чтенія значительно теряютъ образовательный характеръ, приобрѣтая значеніе скорѣе разумаго развлеченія для слушателей. Безъ сомнѣнія, и такое значеніе народныхъ чтеній весьма важно, и ради одного его можно пожелать самаго широкаго распространенія ихъ. Къ тому-же, если народныя чтенія являются не случайностью, а ведутся постоянно, то имъ все-таки можетъ быть придана извѣстная систематичность, и они могутъ приобрѣсти въ извѣстной мѣрѣ учебный, образовательный характеръ. Народныя чтенія имѣютъ и извѣстнаго рода преимущества. На чтеніяхъ можно имѣть дѣло съ такимъ значительнымъ числомъ слушателей и притомъ такой разнообразной подготовки, которыя совершенно немыслимы на систематическихъ курсахъ.

Къ сожалѣнію, народныя чтенія до самаго послѣдняго времени оставались въ значительномъ пренебреженіи со стороны нашей интеллигенціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ организація ихъ встрѣчала нерѣдко разнаго рода затрудненія. Только въ самыя послѣдніе годы, когда

вообще сталъ проявляться ростъ частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія, народныя чтенія начали получать распространеніе, и если доселѣ распространеніе ихъ слишкомъ далеко отъ желательнаго, то во всякомъ случаѣ положеніе дѣла далеко уже не такъ печально, какъ оно было нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Въ настоящее время народныя чтенія привились уже во многихъ мѣстностяхъ по селамъ и деревнямъ, будучи приносимы въ школахъ учителями послѣднихъ, въ обѣихъ столицахъ и въ рядѣ провинціальныхъ городовъ.

Народныя чтенія въ селахъ возникли почти исключительно по иниціативѣ земствъ и отчасти дирекцій народныхъ училищъ. Въ виду этого мы исключаемъ эти чтенія изъ нашего обзора, какъ посвященнаго проявленіямъ частной иниціативы.

Чтенія въ столицахъ устраиваются особыми комиссиями народныхъ чтеній, имѣющими оффиціальныи характеръ, почему мы не будемъ останавливаться также и на ихъ дѣятельности *).

Иное дѣло народныя чтенія въ провинціальныхъ городахъ. Здѣсь они устроены и поддерживаются исключительно частною иниціативою, встрѣчая лишь нѣкоторую матеріальную поддержку, и то не часто, со стороны мѣстныхъ общественныхъ учрежденій—городскихъ управленій и рѣже—земствъ. Такимъ образомъ, провинціальныя народныя чтенія должны всецѣло войти въ нашъ обзоръ проявленій частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія.

*) Сообщаемъ, однако, для составленія нѣкотораго понятія о размѣрахъ дѣятельности столичныхъ комиссій народныхъ чтеній, нижеслѣдующія данныя относительно дѣятельности московской комиссіи за 1887—1889 годъ. Въ означенномъ году комиссіей устраивались чтенія въ 8 публичныхъ читальняхъ, въ которыхъ было произнесено 163 религіозно-нравственныхъ бесѣды и 190 общеобразовательныхъ чтеній при 75.180 слушателяхъ; въ 6 читальняхъ въ московскихъ казармахъ, гдѣ слушателями въ числѣ 38.582 являлись исключительно нижніе чины и гдѣ было произнесено 29 религіозно-нравственныхъ бесѣдъ и 72 общеобразовательныхъ чтенія; при 4 больницахъ, въ ночлежномъ домѣ, въ тюремномъ замкѣ и въ 2 богадѣльняхъ, гдѣ произнесено 124 бесѣды и прочитано 278 чтеній свѣтскаго содержанія при 44.758 слушателяхъ; на 6 фабрикахъ было устроено 164 бесѣды и 136 чтеній, которыя были посѣщены 58.941 слушателемъ, и въ 7 училищахъ Москвы и Московскаго уѣзда было произнесено 45 бесѣдъ и 89 чтеній при 14.827 слушателяхъ. Всего комиссіей устроено 525 религіозно-нравственныхъ бесѣдъ и 765 чтеній свѣтскаго содержанія при 227.288 слушателяхъ. Кромѣ того комиссія устраивала повременныя чтенія въ 12 городскихъ училищахъ Москвы и снабжала матеріалами для устройства чтеній 18 читаленъ, находящихся въ Москвѣ, уѣздныхъ городахъ и селахъ Московской губерніи.

По дѣйствующему закону, народныя чтенія разрѣшаются только въ губернскихъ городахъ. Нечего и говорить, насколько этотъ законъ устарѣлъ. А между тѣмъ, благодаря ему, народныя чтенія почти совсѣмъ отсутствуютъ въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ, появляясь здѣсь лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ, въ Коломнѣ, на машиностроительномъ заводѣ Струве, чтенія устроены московскою коммиссіею народныхъ чтеній; въ Кронштадтѣ чтенія устраиваются спеціально для матросовъ; въ Юрьевцѣ, Костромской губерніи, чтенія устроены духовенствомъ, и т. д. Вообще въ уѣздныхъ городахъ чтенія устраивались внѣ дѣйствія закона 24 декабря 1876 года, ограничившаго разрѣшеніе устройства чтеній губернскими городами. Понятное дѣло, что въ уѣздныхъ городахъ далеко не всегда могутъ существовать такія условія, благодаря которымъ чтенія могутъ возникнуть вопреки помянутому закону. Въ виду этого пріятно отмѣтить, что въ началѣ настоящаго года состоялось разрѣшеніе устраивать народныя чтенія въ болѣе значительныхъ уѣздныхъ городахъ губерній, входящихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа. Остается желать, чтобы мѣра эта была распространена на всѣ учебные округа и чтобы дѣйствію ея подлежали не только «болѣе значительные» уѣздные города, но всѣ города вообще, такъ какъ въ чтеніяхъ одинаково нуждается населеніе всѣхъ городовъ всѣхъ учебныхъ округовъ.

Имѣющіеся у насъ матеріалы указываютъ на существованіе чтеній въ слѣдующихъ городахъ: Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ, Саратовѣ, Астрахани, Томскѣ, Владивостокѣ, Тифлисѣ, Владикавказѣ, Воронежѣ, Уфѣ, Орлѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Вильнѣ, Одессѣ, Херсонѣ, Николаевѣ, Керчи, Кронштадтѣ, Коломнѣ, Юрьевцѣ, Нерехтѣ, Царицынѣ и подъ Петербургомъ—въ Лѣсномъ и на Шлиссельбургскомъ трактѣ. Безъ сомнѣнія, списокъ нашъ не полонъ; именно, въ немъ должно недоставать нѣсколькихъ уѣздныхъ городовъ, въ которыхъ чтенія возникли въ самые послѣдніе годы.

Почти во всѣхъ упомянутыхъ мѣстностяхъ народныя чтенія явились въ восьмидесятые годы, а въ большинствѣ—даже въ послѣднюю половину восьмидесятихъ годовъ. Такъ, въ Харьковѣ существующія здѣсь нынѣ чтенія возникли въ 1886 г., въ Кіевѣ—въ 1882 г., въ Кишиневѣ—въ 1886 г., въ Костромѣ—въ 1883 г., въ Юрьевцѣ—въ 1887 г., въ Нерехтѣ—въ 1889 г., въ Одессѣ—въ 1882 г., въ Николаевѣ—въ 1887 г., въ Херсонѣ—въ 1889 году, въ Тифлисѣ и Владикавказѣ—въ 1890 г., въ Екатеринославѣ—въ 1883 году, въ Астрахани—въ 1881 году, въ Орлѣ и Саратовѣ—въ 1888 г. и т. д.

Народныя чтенія въ провинціальныхъ городахъ возникаютъ обыкновенно по иниціативѣ небольшихъ группъ интеллигентныхъ лицъ и въ значительно меньшемъ числѣ случаевъ по иниціативѣ какихъ-либо обществъ. Последнее имѣло мѣсто только въ Одессѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Царицынѣ, на Шлиссельбургскомъ трактѣ и въ Томскѣ. Въ Одессѣ чтенія устроены Одесскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ, въ Екатеринославѣ—обществомъ попечительства о женскомъ образованіи, въ Харьковѣ—обществомъ распространенія въ народѣ грамотности, въ Томскѣ—обществомъ попеченія о начальномъ образованіи, въ Саратовѣ—обществомъ санитарныхъ врачей, въ Кіевѣ (помимо комиссіи народныхъ чтеній)—Кіевскимъ обществомъ врачей, на Шлиссельбургскомъ трактѣ—Фарфоровскимъ церковно-приходскимъ попечительствомъ, и въ Царицынѣ—духовно-просвѣтительнымъ союзомъ. Обыкновенно, общества, устраивающія народныя чтенія, выдѣляютъ изъ своего состава особыя комиссіи народныхъ чтеній. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда чтенія устраиваются по иниціативѣ частныхъ лицъ, создаются особыя комиссіи народныхъ чтеній, утверждаемая властью. Чтобы дать понятіе объ организаціи комиссій народныхъ чтеній и характерѣ ихъ дѣятельности, приводимъ здѣсь уставъ комиссіи народныхъ чтеній въ г. Владикавказѣ, утвержденный въ 1890 году начальникомъ Терской области.

«1. Комиссія народныхъ чтеній, устраиваемыхъ въ г. Владикавказѣ, имѣетъ цѣлью развитіе религіозно-нравственныхъ и патріотическихъ чувствъ въ народѣ, а также сообщеніе ему общеобразовательныхъ и полезныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія.

«2. Для достиженія своихъ цѣлей комиссія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ устраиваетъ общедоступныя чтенія: а) для развитія религіозно-нравственныхъ чувствъ ведется законоучителемъ общедоступныя бесѣды по предметамъ христіанскаго богослуженія, исторіи церкви и христіанской нравственности; б) для развитія патріотическихъ чувствъ ведутся чтенія по русской исторіи и литературѣ (лучшія произведенія писателей и біографіи историческихъ и литературныхъ дѣятелей); в) для сообщенія утилитарныхъ свѣдѣній ведутся чтенія по естествознанію и другимъ отраслямъ знанія.

«3. Чтенія, устраиваемыя комиссіей, ведутся по книжкамъ, изданнымъ постоянною комиссіей по устройству народныхъ чтеній, учрежденной по Высочайшему повелѣнію въ С.-Петербургѣ, и по изданіямъ С.-Петербургскаго братства Пресвятыя Богородицы, а также по печатнымъ брошюрамъ, одобреннымъ для этой цѣли Министерствомъ

Народнаго Просвѣщенія или Св. Синодомъ. Чтенія иллюстрируются при помощи волшебнаго фонаря.

«4. На расходы по устройству чтеній (покупка книгъ, пріобрѣтеніе картинъ, плата за помѣщеніе и т. п.) собираются членскіе взносы. Члены комиссіи дѣлятся на почетныхъ, пожизненныхъ, дѣйствительныхъ и соревнователей. Почетными членами избираются лица, оказавшія особенно важныя услуги комиссіи; пожизненными членами считаются внесшіе единовременно 25 рублей; дѣйствительные члены вносятъ ежегодно по 6 р.; членами-соревнователями могутъ быть всѣ лица, содѣйствующія пожертвованіями или своими трудами цѣлямъ комиссіи.

«5. Почетные, пожизненные и дѣйствительные члены составляютъ общія собранія комиссіи, происходяція разъ въ годъ, причемъ большинствомъ голосовъ избираются предсѣдатель, казначей и комитетъ въ числѣ пяти лицъ, который, имѣя во главѣ предсѣдателя и съ участіемъ казначея, устанавливаетъ порядокъ чтеній, вѣдаетъ хозяйственныя дѣла и въ случаѣ нужды назначаетъ плату за чтенія не свыше пяти копѣекъ съ одного лица за каждое чтеніе.

«6. Отчеты о дѣятельности комиссіи печатаются ежегодно въ мѣстной газетѣ.

«7. Время и мѣсто чтеній опредѣляются предсѣдателемъ комиссіи по соглашенію съ начальствомъ, которому поручено будетъ завѣдывать чтеніями».

Спеціальныя медико-гигіеническія чтенія могутъ быть разрѣшаемы мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ каждому обществу врачей, а также и отдѣльному врачу.

Организованныя на указанныхъ началахъ комиссіи народныхъ чтеній, исключая случаевъ устройства чтеній медицинскими обществами, когда, естественно, во главѣ дѣла стоятъ врачи,—состоятъ преимущественно изъ педагоговъ, хотя въ нихъ участвуютъ и представители многихъ другихъ интеллигентныхъ профессій. Вотъ свѣдѣнія о составѣ нѣкоторыхъ комиссій народныхъ чтеній:

Въ кievской комиссіи (устраивающей не медицинскія только чтенія) предсѣдателемъ профессоръ университета; нѣсколько профессоровъ университета среди членовъ; затѣмъ слѣдуютъ преподаватели, инспекторы и директора среднеучебныхъ заведеній—мужскихъ гимназій, реальнаго училища, женскихъ гимназій, кадетскаго корпуса, коллегіи Галагана, музыкальнаго училища, юнкерскаго училища, и въ сравнительно небольшомъ числѣ представители другихъ профессій—врачи, мировой судья, судебный слѣдователь, священники.

Въ костромской комиссіи встрѣчаемъ протоіерея, инспектора народныхъ училищъ, инспектора гимназіи, учителей послѣдней, духовной семинаріи, реального училища, городского училища и только двухъ лицъ, не принадлежащихъ къ педагогическому міру—провизора и бухгалтера.

Астраханская комиссія, имѣя предсѣдателемъ директора реального училища, состоитъ изъ преподавателей классической гимназіи, реального училища, духовной семинаріи, духовнаго училища, четырехкласснаго городского училища, начальныхъ городскихъ школъ, женской гимназіи, женскаго епархіальнаго училища и калмыцкаго училища,—словомъ, всѣхъ существующихъ въ Астрахани учебныхъ заведеній, и затѣмъ въ значительно меньшемъ числѣ изъ лицъ, не принадлежащихъ къ педагогическому міру—купцовъ, священниковъ, смотрителя за рыболовствомъ, архитектора, содержательницы фотографіи, артиста, редактора мѣстной газеты, мѣстнаго литератора и врача.

Эти примѣры даютъ понятіе о томъ, изъ кого по преимуществу состоятъ комиссіи народныхъ чтеній. Само собою разумѣется, что большинство членовъ комиссій принимаютъ въ дѣлѣ только матеріальное участіе; весь-же трудъ устройства чтеній обыкновенно лежитъ на небольшихъ кружкахъ лицъ, образующихъ, такъ сказать, сердце комиссіи. Это сердце состоитъ почти всегда исключительно изъ педагоговъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ душою комиссій являются лица не педагогическаго званія; но есть и подобные примѣры.

Обыкновенно чтенія возникаютъ по инициативѣ одного - двухъ лицъ и держатся первое время исключительно энергіей этихъ лицъ, понемногу собирая вокругъ себя контингентъ работниковъ, которые затѣмъ придаютъ уже дѣлу большую или меньшую прочность. Такъ, въ Астрахани инициаторами чтеній являлись гг. Папукевичъ и Лавровъ. Благодаря энергіи этихъ лицъ, въ 1881 году образовался кружокъ учредителей съ директоромъ классической гимназіи г. Рубцевымъ во главѣ, который и выхлопоталъ разрѣшеніе на устройство чтеній. Въ Кишиневѣ инициатива устройства народныхъ чтеній принадлежала мѣстному судебному слѣдователю г. Давидовичу, мысль котораго была сочувственно принята мѣстною думою, и затѣмъ все дѣло ведется совмѣстно городскимъ управленіемъ и кружкомъ частныхъ лицъ. Въ Кіевѣ начало чтеніямъ положено кружкомъ изъ нѣсколькихъ учителей мѣстныхъ гимназій съ проф. Александровымъ во главѣ, и т. д.

Исторія возникновенія и развитія дѣла народныхъ чтеній есть

вмѣстѣ съ тѣмъ исторія разнообразныхъ препятствій, которыя ставились отовсюду этому благому дѣлу, и исторія побѣды энергіи надъ этими препятствіями. Народныя чтенія повсюду встрѣчали большія или меньшія препятствія, частью обусловленныя недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, а частью создаваемыя искусственно со стороны любителей мрака и невѣжества. Исторія препятствій, съ которыми приходилось бороться въ разныхъ городахъ устроителямъ народныхъ чтеній, — по истинѣ поучительная исторія.

Въ Кишиневѣ чтенія возникли въ 1885 году. Первое чтеніе было произнесено ректоромъ семинаріи въ думскомъ залѣ, при стеченіи болѣе 600 слушателей. Послѣ чтенія оказалось, что думскій залъ далъ столь внушительный осадокъ, что подвергать его дальнѣйшему подобному-же испытанію было опасно. Коммиссія чтеній принялась отыскивать новое помѣщеніе и нашла таковое въ частномъ театрѣ, безмездно уступленномъ владѣльцемъ подъ чтенія. Было назначено уже чтеніе, но оно не могло состояться по особой причинѣ. Директоръ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи, г. Соловьевъ, обратился къ губернатору съ просьбой о содѣйствіи отмѣнѣ назначеннаго уже чтенія на томъ основаніи, что попечитель Одесскаго учебнаго округа разрѣшилъ устройство народныхъ чтеній въ Кишиневѣ въ помѣщеніи думы, а не въ театрѣ. Пришлось коммиссіи ходатайствовать у попечителя о разрѣшеніи устраивать чтенія въ помѣщеніи театра. Разрѣшеніе, конечно, было дано. Но чтенія, все-таки, не могли состояться, потому что тотъ-же г. Соловьевъ обратился къ кишиневскому полиціймейстеру съ предложеніемъ, въ которомъ возбудилъ вопросъ о прочности театра. Началась переписка, освидѣтельствованіе театра и т. д. — и чтенія пришлось отложить. Любопытно, что пока театръ былъ только театромъ, вопросъ о его прочности никого не тревожилъ, а какъ только онъ сталъ и народною читальнею, такъ и вопросъ о прочности явился на свѣтъ. Вся эта исторія тянулась до весны 1886 года, когда, наконецъ, всѣ препятствія были устранены и дѣло стало на прочную ногу. Пропасть только непроизводительно цѣлый годъ.

Въ Николаевѣ еще въ 1881 году гласный думы г. Андреевскій возбудилъ вопросъ объ устройствѣ чтеній. Понадобилось, однако, шесть лѣтъ для осуществленія предложенія Андреевскаго, и все это время «шла переписка». Наконецъ, чтенія были открыты въ концѣ 1887 года. Однако, черезъ два мѣсяца чтенія закрываются по инициативѣ того самаго члена городской управы, который вызвался завѣ-

дывать ими. Къ счастью, господинъ этотъ скоро вышелъ въ отставку— и чтенія снова возобновились.

Едва-ли не самое слабое мѣсто народныхъ чтеній составляетъ вопросъ о помѣщеніи. Все, что нужно дѣлать при устройствѣ чтеній, выполняется безвозмездно добрыми людьми; необходимые предметы такъ или иначе пріобрѣтаются; но въ вопросѣ о помѣщеніи чтенія находятся въ полной зависимости отъ владѣльцевъ подходящихъ зданій, которыхъ въ провинціальныхъ городахъ, конечно, не такъ-то много. Эта зависимость иногда даетъ себя очень горько чувствовать. Вотъ для примѣра эпизодъ изъ исторіи астраханскихъ чтеній. Въ Астрахани чтенія открыты въ 1881 году въ залѣ биржи. Помѣщеніе это было во всѣхъ отношеніяхъ неудобно. Въ немъ было такъ холодно, что вода замерзала, и слушатели сидѣли въ шубахъ и шапкахъ и все-таки мерзли. Исполнителямъ чтеній, которые должны были читать съ непокрытою головою, приходилось жутко. Однако, чтенія посѣщались такимъ множествомъ народа, что пришлось открыть еще двѣ читальни. Одна была помѣщена въ грязномъ, мрачномъ, съ отвратительнымъ воздухомъ, зданіи, принадлежащемъ военному училищу, а другая въ сараѣ, что не мѣшало обѣимъ аудиторіямъ быть переполненными слушателями. Такъ просуществовали чтенія до 1886 года, переноса всевозможныхъ испытаній, но продолжая прекрасно работать. Но вотъ въ началѣ 1886 года зданіе военнаго училища отошло въ казачье вѣдомство, и чтенія тамъ прекратились. Затѣмъ и главная аудиторія лишилась своего помѣщенія, такъ какъ биржевой комитетъ нашелъ болѣе предпочтительнымъ помѣстить тамъ трактиръ. Чтеніямъ грозила опасность прекратиться совсѣмъ, и они были спасены, лишь благодаря просвѣщенному вмѣшательству г. Виноградскаго, директора реальнаго училища, который исходатайствовалъ разрѣшеніе на помѣщеніе чтеній въ актовую залѣ означеннаго училища.

Въ будущемъ, когда за чтеніями будетъ признано то важное значеніе, которое они могутъ имѣть при надлежащей постановкѣ, по городамъ, безъ сомнѣнія, будутъ возвышаться особые зданія народныхъ читаленъ, спеціально приспособленные для нуждъ чтеній. Въ настоящее время, однако, такое зданіе существуетъ только въ Ярославлѣ. Здѣсь чтенія устраивались сперва директоромъ Демидовскаго лицея г. Капустинымъ и помѣщались въ зданіи лицея. Скоро, однако, они прекратились и возобновились въ 1883 году по иниціативѣ нѣсколькихъ лицъ, которыя, начиная дѣло, рѣшились поставить его на прочную ногу устройствомъ особаго зданія для читальни. Мысль эта была принята сочувственно мѣстнымъ обществомъ. Городская дума отвела

бесплатно участокъ земли, а средства, необходимыя для возведенія зданія, были собраны по подпискѣ. Читальня выстроена въ томъ-же 1883 году, и въ ней можетъ помѣститься до 700 слушателей.

Изъ другихъ городовъ только въ Костромѣ и Одессѣ должны скоро возникнуть особыя зданія для народныхъ читаленъ. Въ Костромѣ народныя чтенія существуютъ съ 1882 года. Желая упрочить это дѣло, костромская коммиссія обращалась въ 1886 году въ губернское земское собраніе съ просьбой отпустить 3.000 рублей для постройки зданія читальни; просьба эта собраніемъ была отклонена, и тогда коммиссія рѣшилась собрать нужныя средства путемъ частныхъ пожертвованій. Въ настоящее время уже собрано нѣсколько тысячъ, и постройка зданія читальни, которой предположено присвоить имя «Народной читальни въ память А. Н. Островскаго», не за горами.

Въ Одессѣ еще въ 1885 году городская дума постановила ассигновать 100.000 рублей на устройство народной читальни. Однако, деньги эти ни въ этомъ, ни въ два слѣдующіе года въ городскую смѣту вносимы не были, хотя одновременно съ постановленіемъ объ ассигновкѣ 100 тысячъ было постановлено вносить въ смѣту ежегодно по 20 тысячъ для составленія означеннаго капитала. Только съ 1888 года стали вносить въ смѣту по 20 тыс. рублей, согласно постановленію 1885 года, такъ что теперь образовался уже капиталъ въ 60 тыс. рублей. Такимъ образомъ одесскія чтенія могутъ разсчитывать имѣть собственное помѣщеніе и, безъ сомнѣнія, не одно, такъ какъ на 100 тысячъ можно выстроить нѣсколько аудиторій, а для такого большаго города, какъ Одесса, нужна, конечно, не одна читальня.

Во многихъ городахъ народныя чтенія помѣщаются въ залахъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Такъ, во Владикавказѣ чтенія происходятъ въ актовомъ залѣ мѣстной классической гимназіи; въ Тифлисѣ имѣеть мѣсто то-же самое; въ Астрахани главная аудиторія помѣщается въ залѣ реального училища, а три другихъ—въ помѣщеніяхъ городскихъ училищъ; въ Екатеринославѣ чтенія устраиваются въ зданіи школы общества попеченія о женскомъ образованіи; въ Харьковѣ читальнею служитъ зала реального училища.

Помѣщенія, предоставляемыя народнымъ чтеніямъ среднеучебными заведеніями, довольно удовлетворительны и могутъ вмѣщать значительное число слушателей. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда чтенія устраиваются въ зданіяхъ начальныхъ школъ, положеніе вещей является очень печальнымъ. Такъ, третья астраханская читальня, помѣщающаяся въ одномъ изъ городскихъ училищъ, можетъ вмѣщать всего около 80 слу-

пателей, а между тѣмъ въ нее набивается до 120—130 человѣкъ, такъ что значительное число слушателей принуждено слушать стоя въ прихожей, у входной двери и впереди скамеекъ. Отъ этого не всѣмъ посѣтителямъ слышно читаемое, не всѣмъ видны туманныя картины. Воздухъ въ комнатѣ, переполненной посѣтителями, портится, дѣлается жаркимъ и душливымъ. Дѣло доходитъ до того, что инымъ слушателямъ приходится уходить изъ аудиторіи, благодаря невыносимой головной боли. Помѣщеніе екатеринославской аудиторіи въ зданіи школы общества попеченія о женскомъ образованіи на столько недостаточно, что чтенія при первой возможности устраиваются виѣ школы— въ зданіи цирка, въ лѣтнемъ театрѣ, наконецъ подъ открытымъ небомъ.

Еще печальнѣе положеніе вещей, когда чтенія не имѣютъ помѣщенія въ какомъ-либо доброжелательномъ учебномъ заведеніи, а должны довольствоваться всякимъ помѣщеніемъ, какое имъ пошлетъ судьба, и часто находиться въ постоянномъ странствованіи. Многія чтенія располагаютъ помѣщеніемъ въ залахъ городскихъ думъ. Такъ дѣло стоитъ въ Орлѣ, Уфѣ, Нижнемъ, Кіевѣ, Саратовѣ, Херсонѣ. Прежде чѣмъ получить эти помѣщенія, чтеніямъ обыкновенно приходилось не мало странствовать иногда по самымъ невозможнымъ притонамъ. Такъ, нижегородскія чтенія проносились сперва въ помѣщеніи «всесловнаго клуба», затѣмъ въ помѣщеніи театра и наконецъ въ залѣ думы. Кіевскія чтенія открылись въ думской залѣ; затѣмъ дума отказала въ этомъ помѣщеніи, и чтенія перешли въ помѣщеніе драматическаго общества, отсюда въ зданіе биржи, потомъ въ лѣтнее помѣщеніе дворянскаго клуба и наконецъ въ принадлежащій городу контрактный домъ. Нечего и говорить о томъ, какъ неблагоприятно во всѣхъ отношеніяхъ отражается на дѣлѣ народныхъ чтеній это безпрерывное кочеваніе съ мѣста на мѣсто. Исчезаетъ всякая возможность приспособить помѣщеніе къ нуждамъ чтеній. Населеніе, для котораго устраиваются чтенія, не можетъ привыкнуть къ мѣстонахожденію чтеній, и слушатели теряются отъ этихъ перекочевокъ. Теряется увѣренность въ прочности чтеній, и вслѣдствіе этого опускаются руки у лицъ, работающихъ для чтеній.

Еще затруднительнѣе положеніе чтеній, которыя не имѣютъ возможности пользоваться помѣщеніемъ ни въ учебныхъ заведеніяхъ, ни въ городскихъ залахъ. Тутъ уже приходится довольствоваться всякимъ помѣщеніемъ, какое попадется. Такъ, въ Костромѣ чтенія проносятся въ манежѣ, почему во время большихъ холодовъ чтеній не бываетъ. Въ Одессѣ чтенія происходили сперва въ ночлежномъ прію-

тѣ, гдѣ посѣтителей одолѣвали вонь, испорченный воздухъ и масса насѣкомыхъ. Теперь, когда въ Одессѣ двѣ читальни, главною служитъ бывший хлѣбный амбаръ; зимою въ этой читальнѣ замерзаетъ вода. Въ Николаевѣ чтенія произносятся въ зданіи театра, въ Курскѣ—въ залѣ сѣзда мировыхъ судей, въ Юрьевцѣ—въ зданіи земской управы, въ Томскѣ—въ народной библиотекѣ и т. д.

Печальному положенію вопроса о помѣщеніяхъ народныхъ читаленъ соответствуетъ и ихъ невзрачная обстановка. Тамъ, гдѣ читальни не имѣютъ чужой обстановки, таковая обыкновенно бываетъ болѣе чѣмъ неудовлетворительна. Съ этимъ, однако, можно было-бы мириться. Гораздо печальнѣе то обстоятельство, что, благодаря недостатку средствъ, чтенія часто располагаютъ плохимъ волшебнымъ фонаремъ и недостаточнымъ выборомъ картинъ для него. Это въ особенности должно быть сказано относительно вновь возникающихъ чтеній. Недостатокъ этотъ имѣетъ весьма существенное значеніе, такъ какъ туманныя картины оживляютъ чтенія, дѣлаютъ ихъ болѣе интересными и понятными. Къ счастью, въ послѣднее время начинаетъ возникать взаимопомощь между организаторами отдѣльных чтеній, выражающаяся въ обмѣнѣ картинами и въ снабженіи послѣдними со стороны устроителей болѣе обеспеченныхъ чтеній—чтеній, менѣе обеспеченныхъ. Такъ, костромская читальня снабжаетъ картинами читальни въ Юрьевцѣ и Нерехтѣ, одесская—читальни въ Кипиневѣ, Екатеринославѣ, Тифлисѣ и Владикавказѣ и т. д. Картины высылаются во временное пользованіе съ отвѣтственностью за цѣлость ихъ со стороны получающей читальни.

Средства, которыми располагаютъ народныя чтенія, вообще очень скромны. Самыя богатыя провинціальныя чтенія—одесскія—имѣли въ 1888 году доходу 5.516 рублей и расходу 5.154 рубля. Другія провинціальныя чтенія довольствуются несравненно болѣе скромнымъ бюджетомъ. Нижегородскія чтенія имѣли въ 1888 году доходу 321 рубль и расходу 222 рубля; астраханскія получили въ 1888—1889 году 895 рублей и израсходовали 843 рубля; харьковскія въ 1888—1889 году имѣли на приходѣ 1.148 рублей и въ расходѣ 891 рубль; екатеринославскія въ 1888—1889 г. получили 1.049 и израсходовали 1.127 рублей и т. д. Вообще матеріальное положеніе комиссіи народныхъ чтеній настолько незавидно, что многія изъ нихъ постоянно находятся въ долгахъ.

Источники доходовъ чтеній крайне разнообразны. Тутъ взносы членовъ комиссій, плата, собираемая за слушаніе чтеній, пожертвованія, субсидіи отъ думъ, иногда земствъ, мѣстныхъ кредитныхъ

учрежденій, доходы отъ вечеровъ и т. д. Вотъ для примѣра доходные бюджеты двухъ чтеній—одесскихъ и екатеринославскихъ. Одесскія чтенія имѣли въ 1888 году отъ 5-ти-копѣчной платы за входъ на чтенія 752 р., отъ общедоступныхъ вечеровъ 1.590 р., отъ спектаклей 1.339 р., субсидіи отъ думы 500 р., пожертвованій 146 р. и т. д. Екатеринославскія чтенія получили въ 1888—1889 году отъ входной платы 836 р., отъ думы 125 р. и пожертвованій 88 р. Изъ всѣхъ источниковъ доходовъ чтеній слѣдуетъ остановиться на входной платѣ. Она взимается не всюду, однако, во многихъ городахъ. Въ Одессѣ она равняется пяти копѣйкамъ; здѣсь на всѣхъ чтеніяхъ допускается 100 человѣкъ бесплатно. Въ Екатеринославѣ плата за входъ на чтенія назначается слѣдующимъ образомъ: когда чтенія происходятъ въ театрѣ, плата взимается въ размѣрѣ отъ 3 рублей (ложи) до 5 копѣекъ: въ аудиторіи школы общества попеченія о женскомъ образованіи плата за первые два ряда мѣсть 25 коп., за остальные 5 коп., а на дѣтскихъ чтеніяхъ 10 коп. Плата взимается еще въ Харьковѣ, Нижнемъ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Орлѣ, Николаевѣ. Безъ сомнѣнія, плата за входъ на чтенія представляетъ собою явленіе нежелательное, и конечно, когда чтенія будутъ по достоинству оцѣнены обществомъ и общественными учрежденіями и, благодаря этому, будутъ обеспечены достаточными средствами, плата за входъ исчезнетъ, такъ какъ она лишаетъ возможности пользоваться чтеніями именно бѣднѣйшую часть населенія, для которой они въ особенности нужны. Вредное вліяніе платы въ смыслѣ уменьшенія числа слушателей замѣчалось не разъ. Въ Орлѣ, напр., въ 1888 году на бесплатныхъ чтеніяхъ было до 400 слушателей, а какъ только ввели плату, число ихъ упало до 100. Наоборотъ, въ Ярославлѣ незначительное число слушателей, бывшее на платныхъ чтеніяхъ, возрасло до 400—600 человѣкъ послѣ отмины платы.

Чтобы дать понятіе о предметахъ расходовъ для чтеній, приведемъ здѣсь расходные бюджеты двухъ чтеній. Одесскія чтенія расходовали въ 1888 году на наемъ помѣщеній для двухъ аудиторій 450 р., на отопленіе и освѣщеніе ихъ 218 р., на публикаціи—502 руб., прислугу—115 р., музыку и пѣніе 238 руб., книги для бесплатной библіотеки при чтеніяхъ 193 руб., для даровой раздачи книгъ 309 руб., на изданіе народныхъ книгъ 601 руб., на волшебный фонарь 600 руб., на картины къ нему 206 р., на принадлежности для управленія фонаремъ 143 р. и т. д. Такіе разнообразныя и значительныя расходы доступны только одесскимъ чтеніямъ. Другія чтенія довольствуются расходами несравненно меньшими. Для примѣра приведемъ свѣдѣнія о расходахъ читальни въ Юрьевцѣ за первый годъ

ея существованія: волшебный фонарь — 80 рублей, обстановка читальни 52 р., выписка картинъ изъ Москвы и Костромы и обратная пересылка ихъ—66 руб., покупка брошюръ—13 р., прислугѣ—22 р., пѣвчимъ—32 р. и др. расходы—13 р., а всего 278 р. Эти данныя показываютъ, на сколько могутъ быть ничтожны расходы на чтенія, разъ имѣется возможность пользоваться даровымъ помѣщеніемъ и получать даромъ во временное пользованіе картины для фонаря.

Обратимся теперь къ тому матеріалу, который предлагается слушателямъ на чтеніяхъ. Для этого матеріала установлена такая своеобразная цензура, какая не примѣняется больше ни къ чему. Лекторы на чтеніяхъ не только не имѣютъ права читать ничего своего, но даже и изъ готоваго, печатнаго матеріала они не могутъ выбрать ничего, кромѣ специально изданныхъ для народныхъ чтеній брошюръ, заслужившихъ одобреніе комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія или постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ Петербургѣ.

Между тѣмъ чтеній, которыя разрѣшены къ произнесенію, такъ мало, что тамъ, гдѣ народныя чтенія существуютъ болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, поневолѣ приходится повторять одни и тѣ-же чтенія, что, понятное дѣло, уменьшаетъ интересъ къ чтеніямъ въ населеніи и крайне ослабляетъ ихъ образовательное значеніе. Рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній не допускать къ произнесенію въ народныхъ читальняхъ чего-либо изъ того, что имѣется подходящаго для этой цѣли въ нашей изящной и научной литературѣ. Было-бы желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы для чтеній было разрѣшено пользоваться всѣмъ тѣмъ, что допускается въ народныя бібліотеки.

Что касается содержанія брошюръ, допущенныхъ къ произнесенію въ аудиторіяхъ чтеній, то оно довольно разнообразно. Помимо произведеній духовно-нравственныхъ и беллетристическихъ, здѣсь есть брошюры географическаго содержанія, историческаго, біографическаго, естественно-научнаго и медико-гигіеническаго. Къ сожалѣнію, нѣтъ только ничего по ремесламъ и вообще техникѣ и разнообразнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Последнее обстоятельство служить лишнимъ доводомъ въ пользу отмѣны странныхъ ограниченій въ выборѣ матеріала для чтеній.

Не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, которыми обставлено дѣло народныхъ чтеній и о которыхъ читатели могли составить понятіе по сообщеннымъ выше даннымъ, народныя чтенія всюду, гдѣ они ни устраиваются, пользуются громаднымъ успѣхомъ. Нижеслѣдующая таблица даетъ наглядное представленіе объ этомъ предметѣ.

	Произнесе- но чтеній.	Слушателей на всѣхъ чте- ніяхъ.	На среднее чтеніе.
Одесса 1888 г.	60	32.306	538
Астрахань 1888—1889 г. .	74	17.313	234
Екатеринославъ 1888 — 1889 г.	31	23.000	742
Шлиссельбургскій трактъ 1888—1889 г.	49	5.070	103
Кіевъ 1887 г.	22	6.131	279
Кишиневъ 1887—1888 г. .	103	30.000	300
Кострома 1887 г.	23	10.320	448
Харьковъ 1888—1889 г. .	23	4.657	193

Еще болѣе очевиденъ успѣхъ народныхъ чтеній, еще нагляднѣе потребность въ нихъ при сравненіи данныхъ о числѣ посѣтителей за разные годы. Данныя эти для Одессы выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Годы.	Чтеній.	Слушателей.	На среднее чтеніе.
1882	14	4.138	295
1883	32	9.443	295
1884	33	13.235	401
1885	43	21.343	496
1886	44	28.296	643
1887	52	29.259	563
1888	60	32.306	538

Цыфры эти ясно показываютъ, какъ велика потребность въ народныхъ чтеніяхъ и съ какою охотою они посѣщаются массою, для которой предназначаются. Надо замѣтить еще, что первые годы существованія чтеній въ любомъ городѣ, помимо сравнительно малаго числа слушателей, характеризуются еще тѣмъ, что среди этихъ слушателей преобладаютъ представители интеллигенціи, которая является сюда, будучи заинтересована новизною дѣла. Но затѣмъ въ послѣдующіе годы интеллигентная публика исчезаетъ, замѣняясь исключительно сѣрою публикою, для которой собственно чтенія и предназначены.

Тамъ, гдѣ чтенія существуютъ нѣсколько лѣтъ, они уже сдѣлались привычною потребностью рабочаго населенія и послѣднее сознательно цѣнитъ этотъ видъ разумнаго развлеченія и вмѣстѣ съ тѣмъ образовательнаго средства. Это доказывается не только готовностью населенія подвергаться всѣмъ неудобствамъ, которыя представляетъ пребываніе въ тѣсныхъ, душныхъ и холодныхъ аудиторіяхъ и о

которыхъ говорилось ранѣе, но и фактами, болѣе выразительными. Такъ, когда въ Одессѣ комиссія народныхъ чтеній начала устраивать такъ называемые «общедоступные» литературно-музыкальные вечера, о которыхъ мы сейчасъ поговоримъ и которые, конечно, имѣютъ болѣе значеніе, чѣмъ народныя чтенія, то посѣтители чтеній, въ которыхъ уже, очевидно, воспитался вкусъ къ такого рода препровожденію времени и которые уже научились вѣрно оцѣнивать значеніе какъ чтеній, такъ и помянутыхъ вечеровъ, спокойно перестали посѣщать чтенія и являлись на вечера, устраиваемые одновременно, хотя входная плата на вечера составляла отъ 10 до 75 коп., тогда какъ плата за входъ на чтенія составляетъ только пять коп. Чтобы не отвлекать слушателей отъ чтеній и дать имъ возможность побывать и на чтеніяхъ, и на вечерахъ, одесская комиссія стала устраивать вечера, въ праздничные, но не воскресные дни, когда устраиваются чтенія.—Въ Костромѣ имѣлъ мѣсто однажды слѣдующій фактъ. Въ пользу народныхъ чтеній былъ устроенъ концертъ, и вотъ рабочіе одной фабрики собрали въ этотъ день между собою небольшую сумму (33 руб.) и представили ее распорядителю читальни при письмѣ, въ которомъ, указывая на невозможность для нихъ посѣтить концертъ, выражали желаніе посильнымъ приношеніемъ принять участіе въ доставленіи средствъ чтеніямъ. И подобныхъ фактовъ можно было-бы привести не мало.

«Общедоступные» литературно-музыкальные вечера, о которыхъ мы только-что говорили, устраиваются одесскою комиссіей народныхъ чтеній съ 1887 года. На этихъ вечерахъ читались произведенія Гоголя, Л. Толстого, А. Толстого, Пушкина, Жуковскаго, Тургенева, Никитина, Лермонтова, Достоевскаго, Крылова, Кольцова, Островскаго, Диккенса, Т. Гуда и др. Вообще цѣль этихъ вечеровъ состоитъ въ томъ, чтобы ознакомить съ лучшими русскими и иностранными писателями ту публику, которой въ настоящее время они остаются неизвѣстными и недоступными. Въ 1888 году такихъ чтеній было 13, и они имѣли такой громадный успѣхъ, что сборъ за право входа на нихъ, взимавшійся, какъ указано выше, въ размѣрѣ отъ 10 до 75 коп., равнялся въ этомъ году 1.589 рублямъ. Было-бы желательно, чтобы подобные вечера устраивались и другими комиссіями народныхъ чтеній, такъ какъ такіе вечера служатъ прекраснымъ дополненіемъ чтеній.

Остановимся еще немного на спеціальныхъ медицинскихъ чтеніяхъ. Какъ уже упомянуто, такія чтенія устроены въ Кіевѣ и Саратовѣ мѣстными медицинскими обществами. Въ Кіевѣ дѣло этихъ чтеній

пошло на столько успѣшно, что уже на второй годъ ихъ существованія на нихъ собиралось въ среднемъ болѣе 600 слушателей. За входъ назначалась плата въ пять копѣекъ, отъ которой освобождались, однако, всѣ желающіе. Городъ поддерживаетъ эти чтенія, предоставляя въ пользу ихъ помѣщеніе, освѣщая послѣднее и выдавая субсидію въ 150 рублей. Въ Саратовѣ чтенія также шли первые два года успѣшно, будучи произносимы въ двухъ пунктахъ—въ думской залѣ и въ помѣщеніи одного изъ городскихъ училищъ. Но уже къ концу втораго учебнаго года чтенія едва не прекратились по недостатку средствъ, а въ третьемъ году они едва начались въ концѣ ноября. Однимъ изъ главнѣйшихъ затрудненій при устройствѣ медико-гигиеническихъ чтеній является недостатокъ разрѣшенныхъ чтеній указанного характера. Такихъ чтеній набирается едва два десятка. Такимъ образомъ, не говоря уже о томъ, что дѣлается совершенно невозможнымъ придать чтеніямъ систематичность и послѣдовательность, ихъ приходится повторять и этимъ отбивать охоту у слушателей посѣщать чтенія.

Лицамъ, устраивающимъ народныя чтенія, естественно, приходится убѣждаться въ недостаточности этого средства удовлетворенія умственныхъ запросовъ со стороны массы, являющейся на чтенія, равно какъ и въ значительности размѣровъ этихъ запросовъ, въ ихъ интенсивности. Отсюда, естественно, явилась мысль о расширеніи дѣятельности аудиторіи народныхъ чтеній, о присоединеніи къ этой дѣятельности такихъ функцій, которыя оказывали-бы болѣе сильное вліяніе на слушателей и ихъ умственный складъ. Первою попыткой этого рода является даровая раздача дешевыхъ и хорошихъ книжекъ слушателямъ послѣ чтеній. Такая раздача практикуется въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, смотря по средствамъ, которыми располагаютъ комиссіи народныхъ чтеній во многихъ мѣстахъ. Нечего и говорить, что значеніе этой мѣры крайне ограничено, и она является лишь переходною ступенью къ мѣрамъ болѣе серьезнаго значенія—устройству при аудиторіяхъ народныхъ чтеній бесплатныхъ библіотекъ и складовъ дешевыхъ книгъ для продажи. Бесплатныя библіотеки въ настоящее время существуютъ только при одесскихъ и астраханскихъ чтеніяхъ. Обзорѣніе дѣятельности этихъ библіотекъ мы откладываемъ до очерка, который будетъ посвященъ общему обзору народныхъ библіотекъ, устроенныхъ частною инициативою. Что касается продажи книгъ, то таковая организована при аудиторіяхъ народныхъ чтеній въ Нижнемѣ, Костромѣ, Астрахани, Кишиневѣ, Саратовѣ, Екатери-

нославѣ и Одессѣ. Вездѣ, гдѣ при аудиторіяхъ продаются книги, онѣ очень охотно покупаются посѣтителеми чтеній. Къ сожалѣнію, въ отчетахъ комиссій народныхъ чтеній не содержится обыкновенно никакихъ подробностей объ этой сторонѣ дѣятельности аудиторій. Только относительно Астрахани и Одессы мы имѣемъ нѣкоторыя данныя, которыя и приводимъ здѣсь.

Въ Астрахани продажа книгъ при аудиторіи народныхъ чтеній стала практиковаться лишь въ концѣ 1888 года и въ 1888—1889 отчетномъ году дней продажи книгъ было всего 13. За это время было продано 95 брошюръ сочиненій Тургенева, 68 брошюръ Пушкина, 60—Толстого, 87—Гоголя, 15—Карамзина и 24—религіознаго содержанія. Главный контингентъ покупателей составляли дѣти школьнаго возраста и покупали книги по собственному выбору. Лишь очень немногіе брали книги по рекомендаціи завѣдующихъ продажею. Почти послѣ каждаго народнаго чтенія являлся спросъ на прочитанную книгу.

Въ Одессѣ при аудиторіи народныхъ чтеній устроенъ настоящій книжный складъ, располагающій значительнымъ запасомъ книгъ, конечно, дешевыхъ. Задачи склада состоятъ въ распространеніи среди народа хорошихъ книгъ всеми доступными путями. Въ этихъ видахъ изъ склада раздаются книги даромъ присутствующимъ на чтеніяхъ. Онѣ снабжаетъ книгами даромъ народныя библіотеки, содѣйствуетъ организаціи продажи книгъ при аудиторіяхъ народныхъ чтеній въ другихъ городахъ и торгуетъ книгами. Въ 1888 году дѣятельность склада выразилась въ слѣдующихъ фактахъ:

1) Во время религіозныхъ чтеній были раздаваемы даромъ книги религіозно-нравственнаго содержанія.

2) Во время чтенія въ день рожденія Государя были розданы нижнимъ чинамъ мѣстныхъ войскъ книги историческаго содержанія.

3) На народныхъ чтеніяхъ въ день 900-лѣтія крещенія Руси роздана 821 книга соотвѣтствующаго содержанія.

4) Отослано для раздачи до 600 экземпляровъ книгъ такого же содержанія, какъ только что упомянутыя, въ Кіевъ и въ Черногорію. Посланы библіотеки и книги для составленія библіотекъ въ нѣсколько школъ, тюремъ, больницъ, обществу попеченія о больныхъ и бѣдныхъ дѣтяхъ, въ пріютъ нищихъ и одной рабочей артели.

5) Складъ вошелъ въ сношенія съ кишиневскими и екатеринославскими народными чтеніями и тифлисскими воскресными школами для организаціи при нихъ продажи книгъ. Съ этою цѣлью складъ выслалъ названнымъ учрежденіямъ книгъ на 300 рублей въ кредитъ съ тѣмъ, чтобы деньги были уплачены по продажѣ книгъ.

6) Складъ выполнялъ порученія по приобрѣтенію и высылкѣ книгъ. Такимъ образомъ въ теченіе года складъ выслалъ книги для бібліотеки при тифлискихъ воскресныхъ школахъ, исполнялъ заказы херсонскаго и харьковскаго земствъ, одесской городской управы, херсонской городской управы, школъ Полтавской и Подольской губерній и только что открывшейся въ Ташкентѣ книжной торговли.

7) Наконецъ: складъ въ теченіе 1888 года продалъ 101.005 экземпляровъ книгъ. Торговля книгами при одесскихъ чтеніяхъ началась еще въ 1884 г., когда было продано всего 1.100 экземпляровъ; въ 1885 г. продано—6.195, въ 1886 г.—уже 59.800 и въ 1887 г.—103.289. Такимъ образомъ, дѣятельность склада съ каждымъ годомъ растетъ. Торговля склада находится въ тѣсной зависимости отъ народныхъ чтеній, поднимаясь въ тѣ мѣсяцы, когда произносятся чтенія, и падая въ лѣтніе мѣсяцы, когда чтеній не бываетъ. Именно въ 1888 году въ мѣсяцы съ чтеніями продавалось въ среднемъ по 10.044 книги, тогда какъ въ мѣсяцы безъ чтеній—только 5.166.

Нужно упомянуть еще объ одной сторонѣ дѣятельности комиссій народныхъ чтеній. По опыту зная недостаточность существующаго числа народныхъ чтеній и вообще хорошихъ книгъ для народнаго чтенія, члены комиссій начинаютъ составлять книжки, которыя были бы пригодны для произнесенія въ читальняхъ, а комиссіи—издавать такія книги и вообще книги, пригодныя для народнаго чтенія. Такъ, члены саратовской комиссіи составили четыре гигиеническихъ брошюры; кіевское общество врачей, устраивающее чтенія, издало нѣсколько брошюръ такого-же содержанія; екатеринославская комиссія издала двѣ популярныя брошюры по естествознанію, составленныя членами названной комиссіи; наконецъ, одесская комиссія ввела издательство книгъ для народа въ число своихъ постоянныхъ функцій. Въ 1888 году одесская комиссія издала шесть брошюръ въ числѣ 23.000 экземпляровъ, изъ которыхъ болѣе половины было продано въ томъ-же году.

Одесская комиссія приняла на себя еще одну задачу, которая хотя уже не имѣетъ никакого отношенія собственно къ народнымъ чтеніямъ, но по своей почтенности заслуживаетъ вниманія. Именно при комиссіи учреждено особое рекомендательное бюро для подачи совѣтовъ родителямъ и воспитателямъ въ дѣлѣ выбора учебныхъ книгъ и книгъ для дѣтскаго чтенія.

Какъ видѣлъ читатель, дѣло народныхъ чтеній стоитъ у насъ не особенно блистательно. Тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что дѣло

это съ каждымъ годомъ развивается и во внѣ, и внутрь. Число годовъ, въ которыхъ являются народныя чтенія, съ каждымъ годомъ увеличивается. За послѣдніе четыре года число это удвоилось. Нѣтъ сомнѣнія, что не такъ далеко то время, когда народныя чтенія сдѣлаются необходимою принадлежностью каждаго губернскаго города и большинства уѣздныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и число аудиторій въ отдѣльныхъ городахъ. Уже и теперь мы встрѣчаемъ по двѣ аудиторіи въ Саратовѣ, Кіевѣ, Одессѣ, а въ Астрахани—четыре. Само собою разумѣется, что такое число аудиторій въ столь крупныхъ городахъ слишкомъ незначительно. Въ такомъ огромномъ, на примѣръ, городѣ, какъ Одесса, невозможно ожидать, чтобы слушатели, живущіе на одномъ концѣ города, ходили въ аудиторію, помѣщающуюся на другомъ концѣ. Въ такихъ городахъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, десятокъ аудиторій. Въ одесской думѣ именно и циркулируетъ мысль обратить ассигнованные и пополняемые постепенно 100.000 р. на постройку ряда читаленъ. Когда дальнѣйшее существованіе чтеній лучше ознакомитъ общество съ приносимую ими пользою, число аудиторій увеличится повсемѣстно. Рядомъ съ увеличеніемъ численности читаленъ идетъ и расширеніе ихъ дѣятельности. Конечно, функціи читаленъ, помимо устройства чтеній, пока выражаются лишь въ ничтожныхъ размѣрахъ, да и далеко не всѣ читальни вышли на данный путь. Но важно уже и то, что путь этотъ намѣченъ и читальни начинаютъ выходить на него, а примѣръ одесской читальни показываетъ, какъ разнообразна и плодотворна можетъ быть дѣятельность на новомъ пути. Расширеніе дѣятельности читаленъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтельствомъ, что данное дѣло—живое, и имъ стоитъ заняться тѣмъ, для кого дорого народное развитіе, умственный ростъ массы.

Я. Абрамовъ.

Шесть недѣль въ Неесской учительской семинаріи (въ Швеціи).

I.

Въ 12-ти часахъ ѣзды отъ Стокгольма, въ прекрасномъ уголкѣ Швеціи, на берегу прелестнаго, громаднаго озера, въ мѣстечкѣ Неесѣ находится малоизвѣстное у насъ учрежденіе, собирающее ежегодно въ свои стѣны изъ всѣхъ государствъ Европы и даже Америки сотни людей, преданныхъ дѣлу народнаго образованія. Учрежденіе это Slöjd'-семинарія, т.-е. семинарія для обученія ручному труду *). Обученіе этому дѣлу составляетъ особый предметъ преподаванія въ общеобразовательныхъ школахъ Швеціи, гдѣ давно убѣдились въ необходимости введенія ручнаго труда, какъ противовѣса одностороннему умственному развитію, на которое обращалось слишкомъ большое и исключительное вниманіе въ продолженіи многихъ и многихъ лѣтъ.

Практическіе и теоретическіе курсы слойда существуютъ уже 10 лѣтъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяются, привлекая массы слушателей, которымъ приходится даже отказывать за недостаткомъ мѣста. Семинарія эта—учрежденіе частное; устроена и содержится исключительно на средства владѣльца имѣнія Неесъ—г. Абрагамсона, человѣка съ громадными средствами, затрачивающаго огромныя суммы для ея поддержанія и развитія. Главнымъ помощникомъ этого замѣчательнаго человѣка и душою всего дѣла, съ самаго основанія учрежденія, былъ племянникъ Абрагамсона—Отто Саломонъ, состоящій и теперь директоромъ семинаріи и отдающій ей безвозмездно все свое время. Оба они, движимые исключительно вышею любовью къ человѣчеству безъ различія классовъ и національностей и вѣрою въ великое значеніе своего дѣла, вкладываютъ въ него

³⁾ Относительно происхожденія и болѣе точнаго значенія въ шведскомъ языкѣ слова «Слойдъ» см. № 4 «Русской Школы», 1890 г., стр. 112.

свою душу, жертвуютъ и матеріальными средствами, и временемъ, и своими личными удобствами.

Это сердечное отношеніе чувствуется каждымъ съ самой первой минуты прибытія въ Неескую семинарію, гдѣ все предупредительно устроено такъ, чтобы не только дать учащемуся возможность пріобрѣсти полезныя свѣдѣнія, но и доставить ему всевозможныя удобства и сразу заставить его почувствовать себя не чуждымъ пришельцемъ, а желаннымъ гостемъ среди друзей. Это не фраза, а дѣйствительное впечатлѣніе, испытываемое каждымъ. Домъ, въ которомъ было устроено первое общежитіе для семинаристовъ, носитъ названіе, вполне выражающее характеръ отношеній, Vänheim—«Жилище друзей».

II.

Ближайшая станція—Флюда—лежитъ отъ Нееса въ сорока минутахъ ѣзды. Наканунѣ начала занятій ко всѣмъ поѣздамъ, идущимъ изъ Стокгольма и Готенбурга гг. Абрагамсонъ и Саломонъ высылаютъ за слушателями курсовъ свои экипажи, пароходы и лодки. Живописная мѣстность поражаетъ своею красотою и тѣхъ, которымъ приходится подъѣзжать къ Неесу по прекрасной липовой аллеѣ, ведущей отъ станціи, и ѣдущихъ по громадному, длинному озеру, окаймленному высокими скалами, покрытыми вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ. На одномъ берегу озера виднѣется среди массы зелени великолѣпный старинный охотничій замокъ короля Христіана IX-го, принадлежащій теперь Абрагамсону. Все утопаетъ въ зелени. Всѣ зданія семинаріи помѣщаются въ прекрасномъ старинномъ паркѣ, расположенномъ на горѣ, откуда открывается восхитительный видъ на озеро и окрестности Нееса.

Главныхъ зданій вначалѣ было два; во-1-хъ, упомянутое уже Vänheim, въ нижнемъ этажѣ котораго находятся общія столовая, общій залъ и библіотека, а въ верхнемъ общежитія. Устроены эти общежитія такъ: для каждаго изъ четырехъ человѣкъ имѣется маленькая, весьма уютная общая гостиная съ 4-мя прилегающими къ ней комнатками. Каждая комната снабжена всѣмъ необходимымъ, уютна и удобна. Второе зданіе—семинарія; въ нижнемъ этажѣ его находятся мастерскія, аудиторіи и музеи, гдѣ хранятся коллекціи моделей столярнаго, токарнаго и др. слойдовъ. Весь верхній этажъ предназначается для общежитій. Такъ какъ съ каждымъ годомъ наплывъ слушателей увеличивается, пришлось выстроить еще зданіе, нижняя часть котораго, занятая мастерскими, уже была совершенно готова въ прошломъ году; верхняя часть тоже предназначается для общежитій;

кромѣ того, общежитія устроены въ небольшихъ домикахъ, живописно разбросанныхъ въ паркѣ.

III.

Курсъ обученія въ Неесѣ продолжается шесть недѣль; такихъ курсовъ въ году четыре—два лѣтнихъ и два зимнихъ; лица, не успѣвшія пройти весь практическій курсъ въ это время, имѣютъ право посѣщать курсы и на слѣдующій годъ, но не болѣе двухъ разъ вообще, такъ какъ число желающихъ всегда слишкомъ велико и всѣхъ удовлетворить невозможно. Право поступать на курсы имѣютъ исключительно лица, занимающіяся педагогическою дѣятельностью. Кромѣ учительницъ и учителей, курсы посѣщаются лицами, стоящими во главѣ учебнаго дѣла; такъ, иностранныя государства посылаютъ своихъ делегатовъ для изученія всего хода дѣла съ цѣлью введенія преподаванія слойда въ своихъ школахъ; такъ, напр., курсы прошлаго года, въ числѣ прочихъ, посѣщала Commissioné d'Education Аргентинской республики; Сѣверо-Американскіе штаты тоже имѣли своего представителя. Такъ далеко распространяется извѣстность Нееской семинаріи! Кромѣ того, между посѣтительницами прошлогдняго курса было нѣсколько англійскихъ лэди, пріѣхавшихъ изучить слойдъ для введенія его въ школахъ, устраиваемыхъ ими въ своихъ помѣстьяхъ. На слѣдующій-же курсъ записалась съ тою-же цѣлью даже одна восьмидесятилѣтняя старушка-англичанка!

Такъ какъ число слушателей, какъ уже было сказано, настолько велико, что всѣхъ удовлетворить невозможно, то желающимъ приходится записываться впередъ и подавать прошеніе о разрѣшеніи посѣщать курсы за полгода или даже за годъ. Такъ, напримѣръ, желающіе посѣщать курсъ, начинающійся въ концѣ мая новаго стиля, могутъ рассчитывать быть принятыми, представивъ прошеніе въ началѣ учебнаго года. Подача прошенія не обставлена никакими формальностями: достаточно послать его въ видѣ письма на простой почтовой бумагѣ (съ приложеніемъ марки для отвѣта) на имя директора семинаріи въ Неесѣ Otto Salomon'a. Платы за лекціи и практическія занятія не взимается никакой, весь матеріалъ для работъ тоже дается безвозмездно; точно также лица, посѣщающія курсы въ первый разъ, не платятъ ничего за помѣщеніе. За полное, очень недурное содержаніе приходится платить по кронѣ (50 к.) въ день. Такимъ образомъ, жизнь тамъ чрезвычайно дешева, да и само путешествіе изъ Петербурга совсѣмъ недорого. На пароходѣ до Стокгольма билетъ 2-го

класса стоитъ 18 рублей, а отъ Стокгольма до ст. Флюды по желѣзной дорогѣ билетъ 3-го класса—9 рублей. На Флюдѣ, какъ уже было сказано, слушателей ожидаютъ экипажи и пароходы, перевозящіе ихъ опять-таки бесплатно.

IV.

Самый курсъ распадается на теоретическій и практическій. Практическія занятія состоятъ въ изготовленіи учащимися полной серіи моделей, входящихъ въ курсъ нееской системы, причемъ такихъ серій моделей четыре: 1) для сельскихъ элементарныхъ школъ, 2) для городскихъ элементарныхъ школъ, 3) для женскихъ школъ и 4) для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Каждый изъ учащихся выбираетъ любую изъ серій. Теоретическій курсъ состоитъ изъ лекцій, которыя обнимаютъ собою систему курса слойда, методику его и исторію. Кромѣ лекцій, устраиваются постоянныя конференціи, на которыхъ обсуждаются вопросы, возбуждаемые лекціями, ходъ практическихъ занятій и, наконецъ, могутъ возбуждаться и общепедагогическіе вопросы.

На практическія занятія посвящается по семи часовъ въ сутки. Рабочій день въ Неесѣ начинается рано—въ 7¹/₂ ч. утра. Къ этому времени всѣ собираются въ общей столовой для утренняго завтрака. Въ 8 часовъ общая молитва въ аудиторіи; здѣсь обязательно должны собираться всѣ слушатели курсовъ, безъ различія національностей и религій. Сначала поется псаломъ на шведскомъ языкѣ, затѣмъ читается молитва кѣмъ-нибудь изъ семинаристовъ, выразившихъ заранее свое желаніе и чередующихся между собою по недѣлямъ. Молитвы эти чрезвычайно характерны и производятъ глубокое впечатлѣніе. Вообще иностранца поражаетъ религіозность шведовъ, — религіозность, идущая руку объ руку съ образованіемъ. Въ религіозности этой нѣтъ ни ханжества, ни аскетизма, но особенный оттѣнокъ искренности и серьезности, который не можетъ не производить глубокаго впечатлѣнія. Такъ, напримѣръ, общія молитвы нисколько не носятъ оффиціальнаго характера: просто, но искренне, молящійся выражаетъ своими словами свои чувства и мысли, которыя невольно раздѣляются слушателями. Не могу не привести при этомъ одного случая, рисующаго характеръ подобныхъ молитвъ. Шведы, бывшіе на одномъ курсѣ со мною, чрезвычайно интересовались русскою поэзіей и заставляли меня декламировать и переводить отрывки изъ произведеній русскихъ поэтовъ. Между прочимъ, я прочитала имъ отрывокъ

«Средь міра дольнаго для сердца вольнаго есть два пути» («Кому на Руси жить хорошо», Некрасова). Это стихотвореніе, хотя, конечно, и въ плохомъ нѣмецкомъ переводѣ, произвело сильное впечатлѣніе на одного изъ слушателей, молодаго учителя народной школы. Можно себѣ представить, какъ глубоко была я тронута, когда на слѣдующее утро онъ взволнованнымъ голосомъ прочелъ молитву, въ которой просилъ Бога, чтобы Онъ указалъ ему и всѣмъ намъ жизненный путь, которымъ мы могли-бы пойти ко всѣмъ униженнымъ, ко всѣмъ обиженнымъ.

Послѣ общей молитвы начинается работа. Практическія занятія состоятъ, какъ уже было выше сказано, изъ приготовленія серіи предметовъ, которые должны будутъ служить моделями для учениковъ. Учителю необходимо, конечно, изготовить самому всѣ модели, такъ какъ съ одною теоретическою подготовкой онъ не въ состояніи былъ-бы обучать дѣтей слойду. Въ Неесѣ введенъ исключительно столярный слойдъ, который большинствомъ педагоговъ признается удовлетворяющимъ педагогическимъ требованіямъ преимущественно передъ другими, какъ, напримѣръ, токарнымъ, переплетнымъ и т. п. Не надо думать, что предметы, изготовляемые обучающимися слойду, тождественны со столярными издѣліями. Нѣтъ, это, конечно, не обученіе производству мебели и т. п., а такихъ простыхъ, мелкихъ вещей (ложки, совки, вѣшалки и т. п.), приготовленіе которыхъ, не требуя слишкомъ большой затраты физическихъ силъ, даетъ возможность примѣнить наибольшее количество упражненій, вызывающихъ наиболѣе разнообразныя движенія рукъ и всего тѣла. Смотра на слойдъ не какъ на ремесло, а какъ на воспитательное средство. составитель нееской системы подобралъ всю серію моделей такъ, чтобы изготовленіе ихъ давало въ полной послѣдовательности возможно большее количество физическихъ упражненій, что достигается работой при помощи 47-ми различныхъ инструментовъ, владѣть которыми ученикъ научается мало-по-малу, переходя отъ легкаго къ трудному.

Строгая систематичность и послѣдовательность въ ходѣ упражненій даютъ учащимся возможность самостоятельно производить работы съ самыхъ первыхъ ступеней обученія. Такъ какъ одною изъ самыхъ главныхъ цѣлей, которыя ставятся при обученіи слойду, признается развитіе въ дѣтяхъ самостоятельности, то учителя семинаріи строго требуютъ того-же и отъ семинаристовъ; старательно избѣгаютъ они всякой помощи при работѣ, давая указанія на отдѣльномъ матеріалѣ и никогда не исправляя испорченнаго. Испорченныя вещи передѣлываются во второй и третій разъ, пока не достигнутъ возможнаго со-

вершенства. Замѣчательно при этомъ спокойное, серьезное отношеніе учителей, которые не приходятъ въ раздраженіе или отчаяніе при видѣ плохой, много разъ передѣланной, работы, а съ спокойною улыбкой повторяютъ свое любимое «versoch» (попробуй еще разъ, попытайся). Да и посѣтители курсовъ, большинство которыхъ при мнѣ состояло изъ шведовъ и шведокъ, тоже поражаютъ насъ, русскихъ, своей ровной настойчивостью въ работѣ и отсутствіемъ нервности, что чрезвычайно благотворно дѣйствуютъ на людей, привыкшихъ работать лихорадочно, приходя то въ восторгъ, то въ уныніе. Это ровное настроеніе большинства, эта твердость воли и отсутствіе нервности заставляютъ и нервнаго человѣка работать спокойноѣе, не теряя нормальной доли увлеченія.

Отсутствію нервнаго возбужденія чрезвычайно способствуетъ сама система оцѣнки работъ, которая, давая каждому возможность знать признанное достоинство своей работы, вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ развитія болѣзненнаго честолюбія. Оцѣнка работъ производится въ Нееской семинаріи такъ: при самомъ вступленіи каждый слушатель вынимаетъ себѣ по жребію номеръ, который долженъ быть извѣстенъ только ему одному; ни товарищи, ни учителя, ни директоръ не знаютъ этого номера. Когда работа вполне окончена и признана учителемъ удовлетворительною, тогда учащійся надписываетъ на модели свой номеръ и опускаетъ ее въ общій ящикъ. Каждый день въ опредѣленное время производится комиссіей оцѣнка всѣхъ оконченныхъ работъ этого дня. Комиссія эта состоитъ изъ директора, старшаго учителя и двухъ-трехъ семинаристокъ и семинаристовъ и секретаря. Въ началѣ курса, когда учащіяся еще мало знакомы съ дѣломъ, работы оцѣниваются самимъ директоромъ и старшимъ учителемъ, причемъ учащимся указывается на достоинства и недостатки работы, на основаніи которыхъ произведена данная оцѣнка. Впослѣдствіи оцѣнка работъ производится самими учащимися подъ контролемъ директора и учителя. При оцѣнкѣ принята пятибалльная система. Присужденный баллъ вносится въ журналъ подъ тѣмъ номеромъ, который выставленъ на работѣ. (Всякая славка балла сопровождается примѣчаніямъ, объясняющимъ причины ея). Такимъ образомъ, хотя каждый знаетъ, какъ оцѣнена его собственная работа, никому неизвѣстно, насколько успѣшно идутъ работы товарищей, вслѣдствіе чего, понятно, не можетъ развиваться болѣзненное честолюбіе, отнимающее такъ много лишнихъ силъ при неправильной постановкѣ дѣла. Даже по окончаніи курса, свидѣтельства съ выставленными баллами выдаются въ запечатанныхъ конвертахъ, такъ что отъ добраго желанія каждаго зависить показать его другимъ или

нѣтъ. Такимъ образомъ даже въ глазахъ директора нѣтъ ни первыхъ, ни послѣднихъ учениковъ.

Практическія занятія продолжаются съ 8 до 12 часовъ съ 10-ти минутнымъ перерывомъ, во время котораго всѣ учащіеся выбѣгаютъ на красивую зеленую лужайку и располагаются веселыми группами подъ столѣтними деревьями парка. Раздается смѣхъ, разговоръ на всѣхъ діалектахъ, въ нѣкоторыхъ группахъ слышно пѣніе—это спѣвается семинарскій хоръ—поднимается шумъ, бѣготня. Самые солидные люди невольно поддаются этому жизнерадостному настроенію: послѣ хорнаго, здороваго двухчасоваго труда, каждый чувствуетъ себя бодро и весело. Послѣ завтрака опять работа отъ 12¹/₂—4¹/₂ ч. Такимъ образомъ на практическія занятія посвящается по 7-ми часовъ въ сутки, такъ какъ изъ общаго числа 8-ми часовъ дообѣденныхъ занятій удѣляется одинъ часъ на лекціи. Для шведовъ лекціи были назначены отъ 8—9 час., причемъ иностранцы занимались въ это время практически, а для послѣднихъ лекціи читались отъ 11—12. Кроме того, два раза въ недѣлю бывали вечернія лекціи и два раза конференціи.

Лекціи читаются директоромъ курса—г-мъ Саломономъ. Какъ уже было сказано, это человѣкъ вполнѣ преданный дѣлу, вѣрящій въ его громадное значеніе и увлекающійся имъ. Это увлеченіе и вѣру онъ, конечно, вноситъ и въ свои лекціи, которыя поэтому представляютъ собою не сухое перечисленіе методическихъ указаній, а живую, интересную бесѣду, которая возбуждаетъ много разнообразныхъ мыслей и вопросовъ. Такъ, лекторъ рассказываетъ исторію физическаго труда, взгляды на него древнихъ народовъ, а также въ періодъ среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, указываетъ на громадное нравственное и социальное значеніе введенія его въ школы, такъ какъ, внушивъ уваженіе къ грубому простому труду съ самаго дѣтства, мы поднимемъ значеніе работника въ глазахъ общества. Помимо громаднаго значенія затрогиваемыхъ лекціями вопросовъ, онѣ въ высшей степени интересны и съ внѣшней стороны. Живое изложеніе, обиліе примѣровъ изъ жизни, литературы и исторіи, которыми лекторъ иллюстрируетъ свои положенія, заставляютъ слушателей слѣдить за ними съ неослабвающимъ вниманіемъ и интересомъ.

Этотъ интересъ нисколько не уменьшался неудобными условіями, въ которыхъ поставленъ былъ лекторъ вслѣдствіе разноязычія его слушателей; въ числѣ иностранцевъ, не понимавшихъ шведскаго языка, были англичане, испанецъ (изъ Буэнос-Айреса), понимавшій лучше всего по-французски и я, русская, хорошо знающая нѣмецкій языкъ.

Читая свои лекціи по-англійски, г. Саломонъ переводилъ для меня каждый періодъ на нѣмецкій языкъ, а то, что не было вполне понятно испанцу, переводилось на французскій. Какъ должны-бы, казалось, отвлекать вниманіе подобныя переводы. Но, несмотря на это, всѣ слушатели съ одинаковымъ интересомъ слѣдили за лекціями, вставляли свои замѣчанія, спорили, обсуждали, объясняясь на всевозможныхъ языкахъ.

Два раза въ недѣлю, какъ уже сказано, бывали общія конференціи; такъ какъ на нашемъ курсѣ большинство слушателей были шведы, то конференціи эти велись на шведскомъ языкѣ; доклады и возраженія иностранцевъ переводились директоромъ на шведскій языкъ. Для знакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ пониманіе шведскаго давалось легко, непонятое обязательно переводилось и учителями, и товарищами, такъ что каждый могъ участвовать въ обсужденіи интересовавшаго его вопроса. На первой-же конференціи директоръ предложилъ всѣмъ желающимъ внести на обсужденіе наиболѣе интересующіе ихъ педагогическіе вопросы, а иностранцевъ просилъ сообщить о постановкѣ и ходѣ дѣла обученія въ ихъ государствахъ. Изъ массы представленныхъ вопросовъ, которые касались разныхъ сторонъ воспитанія и обученія, были выбраны, во-1-хъ, наиболѣе насущные и близко касающіеся до народныхъ школъ вопросы «о способѣ преподаванія грамоты», «о значеніи слюйда вообще и въ женскихъ школахъ въ частности» и «о правильной постановкѣ руководія въ женскихъ школахъ». Эти два послѣдніе вопроса были выбраны самимъ директоромъ, хорошо изучившимъ это дѣло и желавшимъ познакомить и насъ съ положеніемъ его въ различныхъ государствахъ. Изъ вопросовъ болѣе общихъ и касающихся всей постановки дѣла обученія и воспитанія, былъ выбранъ внесенный однимъ изъ слушателей—датчаниномъ—вопросъ: «Кого слѣдуетъ считать вполне образованнымъ человѣкомъ?» Всѣ согласились, что это вопросъ первой важности, такъ какъ отъ правильнаго рѣшенія его зависитъ весь планъ обученія. Много горячихъ преній возбудилъ этотъ глубоко затрогивающій cadaго вопросъ, обсужденіе котораго затянулось почти на все остальное время пребыванія нашего на курсахъ. Изъ оригинальныхъ мнѣній, высказанныхъ при этомъ, не могу не привести характернаго мнѣнія нашего директора. Онъ считаетъ самаго высокообразованнаго человѣка науки только полуобразованнымъ, если онъ не развилъ въ себѣ способности ни къ какому физическому труду, и ставить узкаго специалиста-математика на одну доску съ полуобразованнымъ столяромъ, такъ какъ оба они могутъ быть мастерами въ своей специальности, но одинаково мало

развиты всесторонне. Вполнѣ образованный человѣкъ, по мнѣнію г. Саломона, тотъ, чье умственное, нравственное и физическое развитіе идетъ гармонично; для достиженія-же высокой степени нравственнаго развитія человѣкъ долженъ быть религіознымъ, такъ какъ только религія даетъ опредѣленный, цѣльный идеалъ.

Особенный интересъ придавали этимъ конференціямъ сообщенія иностранцевъ о постановкѣ и ходѣ дѣла образованія въ ихъ государствахъ. Такъ, директоръ учительской семинаріи въ Соединенныхъ Штатахъ, заранѣе предложивъ намъ намѣтить интересующіе насъ вопросы, сгруппировалъ ихъ и далъ обстоятельный отчетъ о народномъ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ. Чрезвычайно интересенъ былъ докладъ «Commissioné Education» Аргентинской республики, который познакомилъ насъ съ положеніемъ школьнаго дѣла въ этой малоизвѣстной намъ странѣ. Тѣсныя рамки этой статьи не позволяютъ мнѣ въ подробности передать этотъ интересный докладъ. Обращу вниманіе только на то, что, по словамъ референта, за последнее время дѣло народнаго образованія въ Аргентинской республикѣ быстро двинулось впередъ и уже четыре года, какъ обученіе признано обязательнымъ во всей странѣ. Референтъ такъ заключилъ свой докладъ: «Скоро и мы дождемся того счастливаго времени, когда, подобно шведамъ, въ состояніи будемъ съ гордостью сказать: нѣтъ ни одного безграмотнаго въ нашей странѣ».

V.

Полные впечатлѣній трудовые дни въ Неесѣ смѣнялись разнообразными общими увеселеніями и праздниками. Въ этихъ увеселеніяхъ участвовали всѣ безъ исключенія. Тутъ опять-таки невольно бросается въ глаза разница національнаго характера шведовъ и русскихъ. Нашъ братъ умѣетъ и работать, и веселиться запоемъ; увлекаясь работой или удовольствіями, мы не въ состояніи бросить, прервать то или другое во-время, не надрывая силъ; человѣкъ серьезный, преданный дѣлу, рѣдко умѣетъ у насъ веселиться просто и искренно. Между тѣмъ уравновѣшенные шведы умѣютъ чередовать дѣло съ весельемъ; самые серьезные люди не считаютъ потеряннымъ время, проведенное въ здоровыхъ развлеченіяхъ, а наоборотъ, высоко цѣнятъ этотъ отдыхъ, дающій возможность и работать правильнѣе. Кромѣ того, общія развлеченія имѣли въ Неесѣ еще громадное значеніе, служа для сближенія различныхъ положеній, возрастовъ и національностей.

Съ самаго начала учащіеся выбрали изъ своей среды комитетъ,

на обязанности котораго лежала организація всѣхъ развлеченій; конечно, въ члены комитета были выбраны наиболѣе живыя, веселыя и общительныя личности. Каждый день, по окончаніи занятій, предоставлялись въ общее распоряженіе лодки, крокетъ, биліардъ; прогулки въ прекрасномъ паркѣ и окрестностяхъ, катанья по озеру и общія игры смѣняли другъ друга. Разъ въ недѣлю, по распоряженію нашего увеселительнаго комитета, все общество собиралось вмѣстѣ. Устраивалось нѣчто вродѣ импровизированныхъ литературно - музыкальныхъ вечеровъ. Представители различныхъ народностей пѣли свои національныя пѣсни, декламировали произведенія отечественныхъ поэтовъ. Такъ, испанецъ декламировалъ намъ съ большимъ жаромъ и чувствомъ испанскіе стихи; никто изъ насъ не понималъ ихъ въ оригиналѣ, но содержаніе ихъ переводилось вначалѣ, а горячая декламация и энергическіе жесты дополняли непонятое; исландка, датчанинъ и я русская тоже знакомили слушателей съ мало извѣстною имъ поэзіей. Юмористическія народныя сценки, рассказанныя финляндцемъ, смѣнялись этнографическими рассказами, описаніями природы, передаваемыми очевидцами, или пересказами прочитаннаго. Пѣніе семинарскаго хора чередовалось съ чтеніемъ.

Кромѣ этихъ постоянныхъ развлеченій, были исключительныя, случайныя. Такъ, однажды на стѣнахъ общаго зала появилась искусно разрисованная и раскрашенная афиша, торжественно извѣщавшая о прибытіи въ Неесъ труппы акробатовъ и фокусниковъ. Въ назначенный день всѣ собрались на представленіе; оказалось, что вся труппа состояла изъ членовъ комитета развлеченій, устроившихъ собственными силами цѣлое представленіе. Тутъ были и фокусы, и комическія сценки и пѣніе; веселыя остроты и ловкія продѣлки возбуждали общій смѣхъ; все это были люди, хотя и занятые серьезнымъ дѣломъ, но не считавшіе для себя унижительнымъ повеселиться и развлечь другихъ.

Особенно торжественно праздновались въ семинаріи канунъ Иванова дня и актъ. Наканунѣ Иванова дня, по приглашенію г. Абрагамсона, вся семинарія въ полномъ составѣ отправилась въ его замокъ. Впереди процессіи выборные несли флаги всѣхъ національностей, представители которыхъ находились на лицѣ; за ними шелъ съ пѣніемъ семинарскій хоръ, а затѣмъ всѣ учителя и учащіеся. Многие были въ національныхъ костюмахъ, изъ которыхъ особенною оригинальностью отличался костюмъ исландки: въ своемъ длинномъ вуалѣ, съ короной на головѣ, она казалась сказочной феей. Вся процессія, сопровождаемая массой народа изъ окрестныхъ деревень, войдя въ

паркъ замка, прошла мимо Абрагамсона и направилась на прекрасную зеленую лужайку, посреди которой было установлено такъ называемое майское дерево—(Maibaum)—громадный шестъ, обвитый гирляндами цвѣтовъ, съ обручемъ наверху, украшеннымъ всевозможными флагами; на верхушкѣ шеста развѣвался громадный шведскій флагъ; всѣ принесенные флаги тоже воткнули кругомъ майскаго дерева. Тутъ же на лужайкѣ, подъ деревомъ, стоялъ рояль; изъ числа семинаристовъ нашелся прекрасный музыкантъ, и раздались звуки вальса; всѣ взялись за руки, составили громадный кругъ около Maibaum'a и начались танцы, тѣмъ болѣе оживленные, что, по правиламъ семинаріи, они разрѣшаются исключительно въ этотъ день. Открылъ балъ самъ директоръ семинаріи: за нимъ послѣдовали и всѣ остальные; каждая дама обходила весь кругъ, не пропуская ни одного кавалера. Танцевали исключительно легкіе танцы; танцующіе были неутомимы. Въ промежуткахъ между танцами гостепримнымъ хозяиномъ предлагалось угощеніе: на роскошно-сервированныхъ столахъ приготовлены были всевозможные плоды, ягоды, лакомства, вина и прохладительные напитки. Угощеніе предлагалось и всему собравшемуся народу. За танцами слѣдовало чтеніе стихотвореній, рѣчи, пѣніе. Празднество продолжалось до часу. Затѣмъ все общество въ прежнемъ порядкѣ съ пѣніемъ разошлось по домамъ. Шведы съ директоромъ во главѣ провожали гостей-иностранцевъ по домамъ; у каждаго домика водружался флагъ; я жила дальше всѣхъ, такъ что все общество проводило меня: у дверей моей квартиры всю ночь развѣвался русскій флагъ.

Еще торжественнѣе праздновался актъ семинаріи. Множество посѣтителей съѣхалось къ этому дню въ Неесъ. Всѣ мастерскія и аудиторіи были роскошно декорированы зеленью и флагами; въ мастерской была устроена выставка работъ учащихся; всѣ модели были изящно разложены на украшенныхъ зеленью столахъ подъ флагомъ той національности, къ которой принадлежалъ работавшій ихъ. Къ часу всѣ собрались въ аудиторію. Актъ начался молитвою, которая на этотъ разъ была прочитана самимъ директоромъ, и пѣніемъ псалмовъ. Затѣмъ слѣдовали рѣчи. Директоръ обратился ко всѣмъ намъ съ теплою, искреннею рѣчью, въ которой, выражая сожалѣніе о томъ, что ему приходится разставаться съ нами, желалъ намъ силы, бодрости и умѣнья, для того, чтобы избранное, горячо любимое всѣми нами дѣло принесло желанный плодъ. Въ заключеніе онъ обратился къ представителямъ различныхъ народностей, собравшихся въ стѣнахъ Нееса, благодарилъ за любовь и довѣріе, съ которыми они от-

носились къ нему, и выразилъ желаніе, чтобы и въ ихъ государствахъ обученіе ручному труду привилось и дало тѣ благодатные результаты, которые ожидаетъ отъ него каждый изъ насъ. Въ отвѣтъ на это послѣдовали рѣчи, выразившія благодарность слушателей основателю, директору и учителямъ семинаріи. И эти рѣчи не были пустыми фразами: мы все учащіяся, дѣйствительно, были полны искренней благодарности этимъ людямъ, давшимъ намъ такъ много. Послѣ рѣчей снова пѣлись псалмы, а затѣмъ національные гимны, между которыми былъ пропѣтъ и русскій, нарочно разученный къ этому дню. Актъ закончился шведскимъ гимномъ. Послѣ осмотра выставки работъ, все онѣ поступили въ собственность учащихся, которые увезли ихъ съ собою, чтобы онѣ могли служить моделями при занятіяхъ съ учениками.

Въ пять часовъ былъ назначенъ обѣдъ въ замкѣ Абрагамсона. Послѣ холодной закуски въ прелестномъ зимнемъ саду все учащіяся, учителя и директоръ отправились въ роскошные старинные залы замка, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ. Тосты, душевные бесѣды и рѣчи слѣдовали одни за другими. Долго не расходились товарищи, которые на другой день должны были уже разъѣхаться по разнымъ странамъ, чтобы, можетъ быть, никогда не увидаться болѣе. На слѣдующій день провожали уѣзжающихъ и директоръ, и учителя и оставшіеся еще въ Неесѣ семинаристы. Каждый, уѣзжая, уносилъ съ собою воспоминаніе о прекрасномъ уголкѣ, гдѣ испыталъ столько возвышающихъ душу впечатлѣній.

VI.

Кромѣ вполне основательной теоретической и практической подготовки къ дѣлу, которую давала намъ Нееская семинарія, пребываніе въ ней имѣло громадное нравственное вліяніе на всехъ учащихся: все были въ какомъ-то приподнятомъ настроеніи, каждый чувствовалъ особенный приливъ энергіи, бодрость, желаніе и силу работать на общую пользу съ надеждою на успѣхъ дѣла. Такое особенное душевное состояніе вызывалось и поддерживалось общимъ духомъ семинаріи, который, конечно, вполне зависѣлъ отъ вліянія личностей, стоящихъ во главѣ дѣла. Конечно, наиболѣе близкое отношеніе къ намъ имѣлъ директоръ семинаріи, но и основатель ея, хотя и не вмѣшивавшійся въ ходъ дѣла и не принимавшій никакого участія въ занятіяхъ семинаріи, не могъ не производить на насъ глубокаго впечатлѣнія своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ каждому изъ слушате-

лей курсовъ, ласковостью обращенія, предупредительной внимательностью, съ которой онъ старался доставить намъ возможность развлечься, отдохнуть. Еще болѣе дѣйствовало на всѣхъ его живое отношеніе къ дѣлу и любовь къ нему; не смотря на преклонный возрастъ (г. Абрагамсону около 70 л.), онъ всей душой интересовался всѣмъ, что касалось семинаріи, на устройство и поддержаніе которой онъ не жалѣетъ своихъ средствъ. Богатый негодіантъ и землевладѣлецъ, г. Абрагамсонъ послѣ смерти своей любимой жены безвыѣздно поселился въ Неескомъ имѣніи и посвятилъ себя заботамъ о семинаріи.

Сама-же идея учрежденія, устройство и веденіе его всецѣло принадлежатъ племяннику Абрагамсона, г. Саломону, человѣку высокообразованному и талантливому педагогу, который, по окончаніи университетскаго курса, рѣшилъ посвятить себя дѣлу народнаго образованія. Человѣкъ вполне обеспеченный, онъ имѣлъ полную возможность всесторонне изучить это дѣло, и послѣ серьезной подготовки принялся за устройство семинаріи, на которую было пожертвовано Абрагамсономъ 200.000 кронъ.

Вначалѣ семинарія эта готовила учителей элементарныхъ школъ, которые, получая тамъ и общее, и спеціально-педагогическое образованіе, обучались-бы и преподаванію слойда. Но такъ какъ такая подготовка требовала большой затраты времени, а директоръ главною цѣлью своей дѣятельности ставилъ возможно быстрое и широкое примѣненіе слойда въ школахъ, то семинарія и была преобразована. Стали принимать въ нее исключительно учителей, получившихъ уже педагогическую подготовку и желавшихъ изучить спеціально слойдъ, на что достаточно 6—12 недѣль.

Незамѣнимый какъ учитель и директоръ, Саломонъ своей личностью имѣетъ могущественное вліяніе на слушателей семинаріи. Это человѣкъ, слово котораго не расходится съ дѣломъ. Выработанныя убѣжденія, широкіе взгляды, энергія соединяются въ немъ съ мягкимъ обращеніемъ, деликатностью и сердечностью. Насколько послѣдователенъ этотъ человѣкъ и насколько дѣло не расходится у него со словомъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта. Указывая на своихъ лекціяхъ на то, что ученики должны изготовлять простыя, необходимыя вещи, а не изящныя бездѣлушки, онъ высказывалъ ту мысль, что каждый порядочный человѣкъ долженъ заботиться по возможности о томъ, чтобы у всѣхъ было все необходимое, затѣмъ полезное, а пріятное доставлять себѣ только тогда, когда можешь быть увѣреннымъ, что всѣ окружающіе его имѣютъ уже все необходимое.

И въ жизни держится онъ того-же правила. Обладая большими средствами, онъ живетъ чрезвычайно просто, скромно, не позволяя ни себѣ, ни семьѣ никакой роскоши—ничего, кромѣ необходимаго, ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ обстановкѣ. Проповѣдь у него не расходуется съ жизнью, какъ, къ несчастью, нерѣдко бываетъ.

Понятно, какое вліяніе долженъ имѣть подобный директоръ! Самый характеръ отношеній между учащимися складывался чрезвычайно благоприятно подъ обаятельнымъ вліяніемъ его личности.

Полное безпристрастіе, уваженіе къ личности и національности каждаго чувствовалось въ каждомъ словѣ и поступкѣ его и невольно передавалось всѣмъ.

Въ семинаріи не было мѣста ни замкнутости, ни холодности отношеній, ни національнаго соперничества, такъ легко могущаго возникнуть при условіяхъ, въ которыхъ она существуетъ. Дружная, общая работа, внимательность къ каждому, общительность, желаніе помочь видны были на каждомъ шагѣ. Это особенно дорого тамъ, гдѣ собираются со всѣхъ концовъ люди, незнакомые съ господствующимъ языкомъ, часто знающіе только свой родной. Чувство отчужденности, неловкости, которое испытываетъ каждый въ чужой странѣ, среди разнохарактернаго, незнакомаго общества, терялось подъ вліяніемъ этого общаго настроенія. Съ самой первой минуты вступленія въ семинарію, каждый чувствовалъ себя членомъ семьи, окруженнымъ общою заботливостью. Какъ пріятно, напримѣръ, была поражена я, когда, пріѣхавъ на станцію, усталая, незнакомая ни съ мѣстностью, ни съ языкомъ, я была встрѣчена одной изъ слушательницъ, шведкой, живущей постоянно въ Россіи и знающей русскій языкъ. Какъ тронула меня эта заботливость, чтобы первое встрѣтившееся мнѣ въ новой жизни лицо было не совсѣмъ чужимъ, а чѣмъ-то роднымъ.

Вообще, ко мнѣ, какъ къ русской, я встрѣчала особенную предупредительность, радушіе и вниманіе. Объясняется это, во-1-хъ, тѣмъ, что русскіе сравнительно рѣдкіе гости въ Неесѣ; во-2-хъ, тѣмъ особеннымъ интересомъ, который возбуждаетъ Россія и все русское у большинства иностранцевъ. Должно сознаться, что, не смотря на прекрасное отношеніе къ русскому народу, къ русской литературѣ, и шведы, и другіе иностранцы, бывшіе въ Неесѣ, чрезвычайно мало знаютъ о русской жизни и имѣютъ о ней совершенно превратныя понятія. Они чрезвычайно интересовались русской литературой—большинство знакомо съ произведеніями Толстого, Тургенева—общественною жизнью, постановкой школьнаго дѣла и т. п.

Простыя, искреннія отношенія къ концу курса обратились въ чисто дружескія, такъ что многіе изъ слушателей, разъѣхавшись въ разные концы свѣта, рѣшились поддерживать сношенія перепиской. При такихъ условіяхъ жизни и работа спорится удачнѣе, и настроеніе духа яснѣе, спокойнѣе. Какъ-то особенно отрадно встрѣтить въ наше время, когда борьба за существованіе и эгоизмъ развились до крайнихъ предѣловъ, цѣлый кружокъ людей, преданныхъ дѣлу безъ всякихъ личныхъ цѣлей, любовно, дружески относящихся другъ къ другу, стремящихся къ одной цѣли — принести насколько возможно больше пользы. Среди пессимизма, охватывающаго общество, особенно ярко выдаются люди, вѣрящіе въ возможность мирнаго торжества правды и любви, — люди, дѣлающіе свое скромное дѣло съ увѣренностью и надеждой, что оно должно мало-по-малу привиться и дать плодъ.

Неудивительно поэтому, что жизнь въ Неесѣ произвела такое глубокое, бодрящее впечатлѣніе на всѣхъ насъ, что воспоминаніе о ней придаетъ намъ силы и энергію, которая такъ нужна для успѣха новаго дѣла.

О. Павловичъ.

КАКІЯ УЧИЛИЩА НУЖНЫ ДЛЯ ПЕТЕРБУРГА?

Число мужскихъ начальныхъ городскихъ училищъ, содержимыхъ С.-Петербургской думой, нынѣ доходитъ до 140 и въ нихъ ежегодно оканчиваетъ курсъ около тысячи мальчиковъ въ возрастѣ отъ 11—13 лѣтъ. Очень многіе изъ этихъ мальчиковъ желаютъ продолжать свое ученіе, такъ какъ городская жизнь требуетъ нѣсколько бѣльшаго количества свѣдѣній, чѣмъ можетъ дать, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, трехлѣтній курсъ начального училища.

Единственными общеобразовательными учебными заведеніями для продолженія курса начальныхъ училищъ являются городскія училища, преобразованныя изъ уѣздныхъ по Высочайше утвержденному 31 мая 1872 года положенію. Такихъ училищъ теперь въ Петербургѣ шесть: Владимірское, Рождественское, Воздвиженское, Андреевское, Сампсоніевское и училище при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ. Эти учебныя заведенія находятся подъ вѣдомствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, содержатся исключительно на казенныя средства и отъ города не получаютъ ничего, хотя большая часть учащихся въ нихъ бывшіе ученики думскихъ школъ. Наплывъ желающихъ поступить въ эти училища огромный: по собраннымъ свѣдѣніямъ такихъ желающихъ поступить нынче въ августѣ было около 500, изъ которыхъ около 400 только-что кончившихъ курсъ въ думскихъ школахъ города С.-Петербурга. Городскія училища могутъ въ крайнемъ случаѣ принимать ежегодно только около 200 мальчиковъ, и то переполнивъ свои классы такъ, что въ нихъ оказывается до 80 учащихся. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что С.-Петербургскія городскія училища приспособились къ принятію наибольшаго числа мальчиковъ, кончающихъ курсъ въ думскихъ школахъ, именно они закрыли свои низшія отдѣленія, и состоятъ нынѣ изъ четырехъ годовыхъ курсовъ, вмѣсто положенныхъ по закону шести отдѣленій. Только одно училище при учительскомъ институтѣ сохранило младшія два отдѣленія, чтобы воспитанники института упражнялись въ преподаваніи въ полномъ городскомъ училищѣ, какія встрѣчаются вездѣ въ провинціи.

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ Петербургѣ около 300 мальчиковъ ежегодно должны лишиться возможности продолжать свое образованіе изъ-за недостатка городскихъ училищъ. Число этихъ дѣтей въ дѣйствительности еще больше, такъ какъ городскія училища расположены не во всѣхъ частяхъ города, и потому многіе мальчики лишены возможности ихъ посѣщать. Существующія училища находятся въ Московской, Рождественской, Александро-Невской, Васильевской и Петербургской частяхъ, такъ что дѣти, живущія въ Нарвской, Коломенской и Выборгской частяхъ, могутъ ихъ посѣщать только съ большими затрудненіями: мнѣ извѣстны, однако, примѣры, что мальчики ежедневно ходили въ городскія училища, расположенныя на Васильевскомъ островѣ, изъ-подъ Смольнаго, отъ Покрова, Калинкина моста и съ острова Голодая.

Слѣдовательно, для пользы населенія Петербурга, очевидно, необходимо устроить, по крайней мѣрѣ, два городскихъ училища, одно въ Коломенской или Нарвской части, другое на Выборгской. Но тутъ являются слѣдующіе вопросы: 1) Слѣдуетъ-ли устраивать городскія училища, а не какія-либо другія? 2) На чей счетъ должны быть устроены эти училища?

Относительно перваго вопроса замѣчу слѣдующее. Городскія училища, Высочайше учрежденныя по положенію 31 мая 1872 года при графѣ Толстомъ, устроены отчасти на подобіе такъ-называемыхъ нѣмецкихъ *Bürgerschulen* и по курсу сходны съ существующими еще у насъ въ нѣкоторыхъ городахъ уѣздными училищами. По мысли законодателя, училища эти должны дать мальчикамъ то образованіе, которое необходимо низшимъ чиновникамъ, прикащикамъ въ торговыхъ заведеніяхъ, хорошимъ мастеровымъ и лицамъ, готовящимся къ различнымъ профессиональнымъ занятіямъ, не требующимъ знанія древнихъ и новыхъ языковъ. Основываясь на опытѣ бывшихъ приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, курсъ въ городскихъ училищахъ предположенъ шестилѣтній, причемъ въ низшее отдѣленіе допускаются дѣти безъ всякой подготовки. Программа заключаетъ въ себѣ: по Закону Божію—св. исторію, катехизисъ, объясненіе богослуженія и краткую исторію перкви, по церковно-славянскому языку—чтеніе съ переводомъ (начиная со 2-го года обученія) и въ концѣ курса краткія грамматическія свѣдѣнія; по русскому языку—обученіе чтенію и письму, грамматика и чтеніе образцовъ лучшихъ писателей съ соответствующими письменными упражненіями, по математикѣ—арифметика и довольно обстоятельный курсъ геометріи съ черченіемъ. Кромѣ того, сокращенный курсъ всеобщей и болѣе подробный курсъ

отечественной географіи, то-же по исторіи, краткія свѣдѣнія по естествовѣдѣнію и физикѣ, чистописаніе, рисованіе, гимнастика и пѣніе. Многіе упрекають городскія училища въ слишкомъ большой обширности программъ преподаванія, но, во-1-хъ, по объему преподаванія главныхъ предметовъ эти программы мало отличаются отъ уѣздныхъ училищъ: прибавлены лишь естествовѣдѣніе и физика. Во-2-хъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что нормальное городское училище должно имѣть шесть отдѣльныхъ классовъ: по одному году обученія для каждаго класса. На самомъ-же дѣлѣ только очень немногія изъ этихъ училищъ находятся въ такомъ счастливомъ положеніи; въ большинствѣ ихъ, ради экономіи, допущено соединеніе двухъ, а иногда и трехъ отдѣленій въ одномъ классѣ, что значительно затрудняетъ прохожденіе курса, потому что уроки превращаются въ получасовые и ученики половину класснаго времени заняты не всегда достаточно производительными самостоятельными занятіями. Впрочемъ, слѣдуетъ признать, что пересмотръ программъ городскихъ училищъ съ цѣлью облегченія ихъ курса желателенъ, и на практикѣ уже допущено сокращеніе въ объемѣ преподаванія нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ. Изъ вышесказаннаго видно, что городскія училища суть общеобразовательныя заведенія, хорошо принаровленные къ требованіямъ родителей, которые желаютъ дать своимъ сыновьямъ образованіе нѣсколько высшее, чѣмъ въ начальныхъ училищахъ, но не могутъ ихъ отдать въ среднеучебныя заведенія; чѣмъ больше будетъ городскихъ училищъ, тѣмъ меньше окажется въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ мальчиковъ, которые поступили туда по недоразумѣнію, безъ надежды и возможности окончить курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи. Мнѣ кажется, что трудно придумать какія-либо другія общеобразовательныя заведенія, которыя-бы лучше соотвѣтствовали вышеизложенной цѣли. Можно возразить, что вмѣсто общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ лучше устроить какія-нибудь профессиональныя школы, дающія возможность мальчикамъ сразу готовиться къ ремеслу или другому практическому занятію. Открытіе подобныхъ училищъ, безъ сомнѣнія, очень желательно, но типъ такихъ профессиональныхъ школъ, которыя принимали-бы учениковъ, знающихъ только курсъ начального училища, у насъ еще мало выработанъ: почти вездѣ считаютъ нужнымъ продолжать общеобразовательный курсъ при практическихъ занятіяхъ, и тогда профессиональное училище получаетъ очень большіе размѣры и стоитъ крайне дорого. Между тѣмъ кончившіе курсъ въ городскихъ училищахъ могутъ довольно легко поступить въ различныя уже существующія промышленныя училища, напр., же-

лѣзнодорожныя, различныя техническія училища военнаго вѣдомства, фельдшерскія школы, учительскія семинаріи и т. д. Вновь открывающіяся среднія промышленныя училища, безъ всякаго сомнѣнія, приспособятся къ приему учениковъ, кончившихъ курсъ въ городскихъ училищахъ, потому что число учениковъ реальныхъ училищъ, выходящихъ изъ 5-го класса, будетъ очень невелико, и придется допустить учениковъ городскихъ училищъ, какъ это дѣлается во всѣхъ образованныхъ странахъ. Съ своей стороны, городскія училища могутъ приспособиться къ требованіямъ промышленныхъ училищъ, такъ какъ, по 14 § Положенія о городскихъ училищахъ, въ нихъ могутъ быть преподаваемы и дополнительные предметы.

Что касается до вопроса о томъ, на чей счетъ должны быть устраиваемы городскія училища, то онъ рѣшается легко, если только посмотрѣть на дѣло совѣмъ безпристрастно и безъ всякихъ заднихъ мыслей. Какое на самомъ дѣлѣ различіе между содержаніемъ училища казною и содержаніемъ его городомъ? Оно состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ училище пользуется деньгами, полученными отъ всѣхъ подданныхъ Россійской Имперіи, а во второмъ на училище даютъ деньги только жители извѣстнаго города. Справедливо-ли жителямъ Петербурга требовать, чтобы всѣ русскіе подданные платили деньги на училище, нужное только для жителей столицы? Это тѣмъ менѣе справедливо, что въ провинціи почти всѣ города участвуютъ, хоть немного, въ содержаніи своихъ городскихъ училищъ. Слѣдовательно, казалось-бы логичнымъ требовать, чтобы Петербургъ дѣлалъ то-же самое. Если гимназіи и реальныя училища содержатся у насъ, въ Россіи, на счетъ казны, то это можно еще объяснить тѣмъ, что эти заведенія готовятъ своихъ учениковъ въ университеты и разные высшіе техническіе институты, слушатели которыхъ потомъ разъѣзжаются по всей Россіи. Но ученики, кончающіе курсъ въ городскихъ училищахъ, въ большинствѣ случаевъ остаются на мѣстѣ и увеличиваютъ интеллигенцію роднаго города. Такимъ образомъ, едва-ли возможно отрицать справедливость содержанія городскихъ училищъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ. Общественное управленіе города С.-Петербурга нѣсколько разъ высказывало мысль, что желаетъ сначала вполне удовлетворить населеніе относительно первоначальнаго образованія, а потомъ уже заботиться о школахъ, въ которыхъ дѣти могли-бы продолжать свое обученіе. Изъ всѣхъ возраженій противъ открытія городскихъ училищъ городомъ это, безъ сомнѣнія, самое сильное, потому что оно основано на совершенно вѣрной мысли, что слѣдуетъ прежде удовлетворить насущной потребности, а потомъ уже

думать о роскоши. Но мысль эта, какъ многія другія прекрасныя мысли, вѣрна только въ теоріи, а на практикѣ часто неосуществима, особенно въ Россіи, гдѣ нѣтъ еще обязательнаго обученія. Очевидно, что здѣсь вопросъ зависитъ отъ того, что мы называемъ насущною потребностью и что мы называемъ роскошью въ дѣлѣ образованія. Конечно, первоначальная грамотность есть насущная потребность, но за то она можетъ быть удовлетворена не только думскими начальными училищами, а частнымъ обученіемъ, мелкими частными школами, пріютами и т. д. Восемилѣтній мальчикъ, которому отказываютъ въ пріемѣ въ начальномъ училищѣ, еще не пропалъ: его можетъ обучить грамотѣ мать, сестра или тетка, онъ можетъ поступить въ частную школу или пріютъ, гдѣ все-таки его кое-какъ выучатъ читать и писать. Положеніе 12-лѣтняго мальчика, кончившаго курсъ въ думскомъ училищѣ и желающаго продолжать обученіе, гораздо затруднительнѣе: если его не примутъ въ городское министерское училище, то ему частнымъ образомъ помочь трудно, такъ какъ другихъ для него подходящихъ училищъ почти нѣтъ. Слѣдовательно, С.-Петербургской думѣ необходимо озаботиться сейчасъ-же объ удовлетвореніи насущной потребности въ открытіи городскихъ училищъ, даже въ томъ случаѣ, если изъ-за этого нѣсколько пріостановится увеличеніе числа начальныхъ школъ. При этомъ позволю себѣ замѣтить, что отступленіе отъ первоначальной мысли уже сдѣлано устройствомъ учебныхъ мастерскихъ, и расходы на ремесленное образованіе въ строгомъ смыслѣ также противорѣчатъ мысли объ удовлетвореніи прежде всего требованію въ начальномъ образованіи.

Теперь слѣдуетъ перейти къ самому щекотливому вопросу: объ управленіи городскими училищами, открытыми думою. Министерскія городскія училища управляются на основаніи положенія попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, директоромъ и инспекторомъ народныхъ училищъ и, наконецъ, по нѣкоторымъ дѣламъ — педагогическимъ совѣтомъ училища. Для нихъ изданы учебнымъ начальствомъ программы и инструкціи. Четырехклассное городское училище (наиболѣе удобный типъ для Петербурга) стоитъ по штату 4,175 руб., но въ Петербургѣ, при дороговизнѣ квартиръ, придется, вѣроятно, нѣсколько увеличить эту сумму. Если дума рѣшится прямо передать эту сумму С.-Петербургскому учебному округу, то городское училище можетъ быть открыто совершенно на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ остальные, т. е. учителя будутъ пользоваться правами службы, ученики при выпускѣ получать права II-го разряда по воинской повинности и т. д. При этомъ, на основаніи положенія, дума имѣетъ право из-

брать для каждаго училища, содержимаго на городскія средства, по четнаго смотрителя, который считается членомъ педагогическаго совѣта училища и имѣеть право посѣщать училище во всякое время, но распоряжаться въ училищѣ не можетъ. Въ подобномъ четырех-классномъ училищѣ могутъ обучаться отъ 120 до 160 мальчиковъ.

Казалось-бы, что для думы удобнѣе всего воспользоваться правомъ передать управленіе своихъ городскихъ училищъ чинамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, наблюдая чрезъ своихъ попечителей за тѣмъ, чтобы деньги, назначенныя думой, шли-бы дѣйствительно въ пользу училища. Но едва-ли можно ожидать подобнаго рѣшенія, и положеніе о городскихъ училищахъ не требуетъ этого безусловно. Во-первыхъ, 6 § Высочайше утвержденного 31 мая 1872 года положенія о городскихъ училищахъ даетъ городскимъ обществамъ право учреждать подобныя училища на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, причемъ, конечно, учителя не считаются на службѣ, и ученики при окончаніи курса не пользуются никакой льготой по воинской повинности. Наконецъ, такъ какъ способъ участія городскихъ обществъ въ управленіи хозяйственными дѣлами городскихъ училищъ въ вышеупомянутомъ положеніи строго не опредѣленъ, то, по моему мнѣнію, возможно такое соглашеніе съ учебнымъ начальствомъ, которое дозволить думѣ вѣдать финансовую и хозяйственную часть заведенія, подчиняясь въ учебномъ отношеніи требованіямъ положенія и программъ, изданныхъ для городскихъ училищъ. При этомъ считаю долгомъ замѣтить, что устройство городскихъ училищъ въ видѣ частнаго учебнаго заведенія во многихъ отношеніяхъ неудобно: во-1-хъ, подобное училище будетъ стоить дороже, такъ какъ учителя, не имѣя преимуществъ казенной службы, должны быть привлечены въ заведеніе возвышенной платой; во-2-хъ, ученики не такъ охотно пойдутъ въ подобное училище, зная, что при выпускѣ они не получаютъ свидѣтельства, дающаго имъ льготу по воинской повинности, право поступленія въ нѣкоторыя учебныя заведенія и т. д. Поэтому мы и видимъ, что городскихъ училищъ, существующихъ на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, у насъ, въ Россіи, почти нигдѣ нѣтъ, а городскихъ училищъ, подчинившихся требованіямъ положенія и содержимыхъ городами и обществами — довольно много.

Искренно желаю, чтобы эти строки были внимательно прочитаны гласными города С.-Петербурга и побудили ихъ открыть новыя городскія училища въ нашей столицѣ.

К. Сентъ-Илеръ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1799). Е. Лихачевой. С.-Петербургъ. 1890.

«Задача настоящаго труда — говоритъ авторъ — и притомъ единственная его задача, на что указываетъ и самое его заглавіе, заключается въ томъ, чтобы насколько возможно собрать разбросанные въ различныхъ литературныхъ изданіяхъ отдѣльные факты, имѣющие отношеніе къ женскому образованію, и представить ихъ въ нѣкоторой связи одни съ другими; а также сдѣлать извѣстными хотя часть нигдѣ еще не напечатанныхъ матеріаловъ, которые могли быть получены изъ архивовъ: канцеляріи совѣта воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода» (IV). Поставивъ себѣ такую скромную задачу, г-жа Лихачева сдѣлала гораздо болѣе, чѣмъ можно было-бы ожидать на основаніи заглавія книги и изъ только-что сдѣланной нами выдержки изъ предисловія. Несмотря на то, что ей пришлось работать надъ матеріаломъ, накопившимся въ теченіе столѣтій и никогда еще не подвергавшимся не только критической, но и какой-бы то ни было разработкѣ,—несмотря на это, вышедшая въ прошломъ году первая часть ея труда представляетъ собою обстоятельное изложеніе развитія женскаго образованія въ Россіи отъ 1086 года по 1796, т.-е. по годъ смерти императрицы Екатерины II включительно; это не «матеріалы» въ собственномъ смыслѣ, а по крайней мѣрѣ, «опытъ (essai) исторіи женскаго образованія въ Россіи», притомъ талантливо и научно-обработанный.

Исторію женскаго образованія въ Россіи обыкновенно начинаютъ *)

*) Хотя до сихъ поръ въ нашей литературѣ не появлялось ничего подобнаго изслѣдованію г-жи Лихачевой, но о женскомъ образованіи въ Россіи трак-

съ 1764 года, въ которомъ императрица Екатерина II основала воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, и этимъ положила начало общественному образованію русскихъ женщинъ. «Но и до того времени — замѣчаетъ г-жа Лихачева — женщины у насъ учились и даже учили; онѣ учились и учили въ частныхъ пансіонахъ, въ семьяхъ, еще раньше — въ теремахъ и монастыряхъ» (1). И потому она посвящаетъ три первыя главы своего труда образованію русскихъ женщинъ въ до-екатерининское время, начиная съ 1086 года, когда, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, было основано первое женское училище въ Россіи, а именно въ Кіевѣ при Андреевскомъ монастырѣ княжною-инокинею Анной (Янкой) Всеволодовою. Стремленію г-жи Лихачевой представить полный очеркъ женскаго образованія, съ XI-го вѣка, служить, можно сказать, непреодолимымъ препятствіемъ скудость и недостаточная достовѣрность матеріаловъ за первое время нашей исторіи. Это обстоятельство заставляетъ ее прибѣгать «къ догадкамъ и соображеніямъ, не могущимъ быть подкрѣпленными достовѣрными доказательствами», и потому первыя двѣ главы (до времени Петра В.) всего менѣ заслуживаютъ названія «матеріаловъ», которыхъ здѣсь почти нѣтъ, а ихъ мѣсто занимаютъ историческія гипотезы. Сама не будучи увѣрена въ достовѣрности свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ такихъ источниковъ, какъ Житія святыхъ, Степенная книга и т. п., она не отказывается отъ нихъ совершенно потому, что «грамотность и начитанность въ божественныхъ книгахъ были первою ступенью въ образованіи русскаго народа; съ нихъ началось у насъ просвѣщеніе. А такъ какъ въ нашихъ источникахъ есть несомнѣнныя указанія, что русскія женщины не были отчуждены отъ такого просвѣщенія, то умолчать объ этомъ было-бы несогласно съ истиною». Ничего нельзя сказать противъ приведенія свѣдѣній о грамотности и начитанности женщинъ въ древней Руси, но, по нашему

туется (спеціально или эпизодически) въ слѣдующихъ журнальныхъ статьяхъ и книгахъ: *В. Я. Стоюнина* «Образованіе русской женщины» («Истор. Вѣстн.», 1883) и «Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII столѣтіи» («Русск. Педагогическій Вѣстникъ», 1857); *А. П. Пятковского* «И. И. Бецкій» (Дѣло, 1867); *А. Никольскаго* «Школьная реформа императрицы Екатерины II» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1872); монографіи графа *Д. А. Толстого* «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г.» (Спб., 1883) и «Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II» (Спб., 1886); *В. Лядова* «Историческій очеркъ 100-лѣтней жизни воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ»; *И. Осипина* «Историческія замѣтки о положеніи и образованіи женщинъ» («Женское образованіе», 1876); *В. Острогорскаго* «Двадцатипятилѣтіе женскихъ гимназій» («Вѣстникъ Европы», 1883) и др.

мнѣнію, авторъ напрасно тратилъ и время, и остроуміе на догадки и предположенія, ничего въ сущности не уясняющія и никого не убѣждающія. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдующія соображенія могутъ-ли кого-нибудь убѣдить въ пользу мнѣнія автора, что въ числѣ «*днтей*», которыхъ приказалъ учить Владиміръ, были дѣвочки? «Такъ какъ никакой другой спеціальной цѣли (кромѣ утвержденія народа въ православной вѣрѣ), которая была-бы недоступною для женщинъ, при этомъ не было указано, то нѣтъ никакого основанія думать, что слово «дѣти», въ распоряженіи Владиміра, относилось къ дѣтямъ только мужскаго пола. Напротивъ, сообщенное польскимъ историкомъ Стрѣйковскимъ (sic) извѣстіе, будто Леонтій, второй всероссійскій митрополитъ, совѣтовалъ Владиміру учредить два училищныхъ монастыря, одинъ мужской, а другой женскій, для обученія дѣтей чтенію и письму, указываетъ на то, что, по мысли Владиміра, просвѣщеніе должно было распространяться на всѣхъ дѣтей изъ сословія бояръ, безъ различія пола». Подобныя-же соображенія находимъ и по поводу словъ Никоновской лѣтописи: (Ярославъ) «собравъ отъ старостъ и отъ пресвитеровъ *днтей* 300, повелѣ учить книгамъ» (стр. 4). Нѣсколько далѣе встрѣчаемъ настоящее *salto mortale*: по даннымъ XVII вѣка, авторъ заключаетъ объ образованіи женщинъ въ XI столѣтіи: «Мастерицы» въ древней Руси были—это не подлежитъ сомнѣнію, ибо въ XVII вѣкѣ онѣ уже входили въ штатъ царскаго двора, гдѣ обучали царевенъ грамотѣ» (стр. 7); или: «Въ расколичьемъ быту, гдѣ сохранились до сихъ поръ во всей неприкосновенности староотеческія преданія, гдѣ вся жизнь построена на святочитимомъ законѣ предковъ, малѣйшее отступленіе отъ котораго считается дѣломъ, противнымъ Богу, мы видимъ мастерицъ, учительницъ, кановницъ, читалокъ, уставщицъ и др.—вообще грамотныхъ женщинъ подъ разными наименованіями» (стр. 6). Предположенія—дѣло во всякомъ случаѣ слишкомъ субъективное, и имъ почти всегда можно противопоставить другія предположенія, такъ что выборъ между тѣми и другими зависитъ отъ настроенія и тенденцій каждаго. Это нужно сказать и о предположеніи автора относительно образованности св. Евфросиньи Суздальской, въ житіи которой говорится: «Аще и не во Аѳинѣхъ учися блаженная, но афинѣйски премудрости изучи: философію-же и риторію и всю грамматикію, числа и круговъ обхожденіе и вся премудрости». Общій характеръ этихъ выраженій прямо указываетъ на то, что они явились здѣсь не для означенія конкретныхъ фактовъ, а просто въ видѣ обычныхъ риторическихъ украшеній «для прославленія» святой. Авторъ-же, стараясь доказать,

что св. Евфросинья дѣйствительно обладала указываемыми въ «житіи» познаніями, говорить: «Какія-же цѣли могъ имѣть монахъ Спаскаго монастыря въ половинѣ XVI вѣка къ преувеличенію познаній игуменни, жившей три вѣка тому назадъ?» Его цѣлью, по мнѣнію автора, не могло быть въ то время, когда образованію не придавали цѣны, ни воздѣйствіе на настоящее примѣромъ изъ далекаго прошлаго, ни прославленіе монастыря, ни прославленіе самой проповѣдницы...

Въ результатѣ подобныхъ толкованій относительно историческихъ указаній разнаго рода является выводъ, къ которому пришелъ и *Лешковъ* («Русскій народъ и государство», стр. 436), что въ древности «образованіе мужскаго и женскаго пола шло у насъ болѣе или менѣе объ руку»,—что до Петра, когда еще не было у насъ истинной науки и истиннаго образованія, а была только грамотность и начитанность въ божественныхъ книгахъ, что и считалось тогда образованіемъ,—такое образованіе было доступно на Руси и женщинамъ, которыя, такимъ образомъ, участвовали въ общемъ просвѣщеніи страны. При этомъ, авторъ далекъ отъ мысли утверждать, что просвѣщеніе среди женщинъ шло у насъ въ уровень, количественно и качественно, съ просвѣщеніемъ мужчинъ. «Такою мыслью исключаетъ уже тотъ фактъ, что если не съ самаго введенія его на Руси, то сначала на ряду съ общимъ просвѣщеніемъ, а потомъ и исключительно, имѣлись въ виду цѣли спеціальныя. Женщины не могли быть ни священниками, ни подъячими, ни приказными, и уже поэтому число даже просто грамотныхъ между ними должно было быть меньше. Но въ такомъ-же положеніи находился весь остальной народъ, а вѣдь было-бы несогласно съ истиною утверждать, что, кромѣ священниковъ и подъячихъ, въ Россіи до Петра не было грамотныхъ и, конечно, по понятіямъ того времени, просвѣщенныхъ людей. Такъ говорить можно только, противопоставляя наши теперешнія представленія о просвѣщеніи тому, какое было въ древней Руси. Мы хотимъ лишь сказать, что въ этой категоріи грамотныхъ и образованныхъ русскихъ людей до-петровскаго времени, какъ-бы она ни была малочисленна, и на какомъ-бы низкомъ уровнѣ ни стояло у насъ тогда общее просвѣщеніе, женщины, по отношенію къ этому общему просвѣщенію, находились совершенно въ такихъ-же условіяхъ, какъ мужчины. Для нихъ существовали тѣ-же способы пріобрѣтенія и расширенія знаній, какія находились въ распоряженіи у всего русскаго народа». Грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ обучали тогда «мастера» и «мастерицы», а высшее по тому времени образованіе сосредоточи-

валось, особенно съ половины XIV вѣка, и для мужчинъ, и для женщинъ, въ монастыряхъ. Женщины, кромѣ того, занимались чтеніемъ и въ теремахъ. Здѣсь женщины высшихъ и достаточныхъ классовъ, почти изолированныя отъ окружающей ихъ жизни, наполняли день «набожностью», «ибо — говоритъ Забѣлинъ — уставъ ежедневной жизни требовалъ чтенія, какъ душеспасительнаго подвига».

Въ концѣ допетровскаго періода сдѣлалось возможнымъ для женщины уже такое образованіе, какимъ обладала царевна Софія, усвоившая чуть-ли не все науки, съ которыми явились въ Москву западно-русскіе ученые. Но тогда-же впервые обозначилось и различіе между мужскимъ и женскимъ образованіемъ: основанная, по мысли царя Теодора Алексѣевича, славяно-греко-латинская академія, въ которой преподавались «семь свободныхъ мудростей», предназначена была только для учащихся мужскаго пола. При Петрѣ это различіе усилилось. Заботясь о приготовленіи нужныхъ государству людей, обладающихъ специальными практическими знаніями, Петръ обращалъ вниманіе только на образованіе мужчинъ. Но хотя онъ ничего не сдѣлалъ въ прямомъ смыслѣ для женскаго образованія, однако, вся его реформа должна была сильно повліять на послѣднее. «Отмѣна затворничества повела къ уничтоженію многихъ патриархальныхъ обычаевъ; а поощреніе браковъ съ иностранцами и, главное, любовь Петра къ образованнымъ людямъ, отразились и на образованіи женщинъ», и послѣднее за его царствованіе значительно подвинулось впередъ. Понятно, что это было чисто вѣдшее образованіе: хорошія манеры, умѣнье танцевать, ловкость въ обращеніи, иностранные языки. При Петрѣ уже появились въ Россіи школы, въ которыхъ могли обучаться и дѣвочки; таковы были школы въ Москвѣ при лютеранской церкви въ нѣмецкой слободѣ и въ Петербургѣ при церкви св. Петра; такія-же школы существовали и въ остзейскихъ городахъ. Кромѣ того, при Петрѣ были частныя для дѣтей обоего пола школы, въ которыхъ учили читать, «а писать обучали только дѣвушекъ, и то про себя», т.-е., по объясненію Воронова, «тогда не считали нужнымъ учить дѣвицъ съ такою-же основательностью, какъ мальчиковъ, и ихъ учили письму для домашняго, такъ сказать, обихода».

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе относительно слѣдующихъ словъ автора: «Обученіе письму и при Петрѣ не считалось у насъ обязательнымъ при обученіи грамотѣ вообще, а обыкновенное приложеніе къ дѣлу умѣнья писать подвергалось всякаго рода ограниченіямъ, особенно по отношенію къ учащимся. Въ инструкціи, данной Теофаномъ Прокоповичемъ основанной имъ при Александро-

невской лаврѣ школѣ, ученикамъ запрещалось писать письма: «если кто и доброе что напишетъ, будетъ наказанъ какъ бездѣльникъ». Эти слова инструкціи вполне понятны только въ контекстѣ, а потому мы приведемъ ихъ въ связи съ предыдущею и послѣдующею рѣчью: «никогда двоимъ, ниже тримъ отлучаться отъ прочихъ въ сторону и тайно ничего съ собою не говорить, но говорить явно и вслухъ прочимъ... Но и въ компаніи съ другими ничего отнюдь въ ухо другому не шептать... Одинъ съ другимъ писемцами-бъ не пересылывались, *и если сіе учинитъ, то хотя-бъ что доброе писалъ, жестоко яко бездѣльникъ наказанъ будетъ*; тожь получить и тотъ, кто отъ одного до другаго переносить или передавать письменно будетъ». (Чистовичъ. Теофанъ Прокоповичъ и его время. Приложение № VIII. Ср. Знаменскій. Духовныя школы въ Россіи, стр. 96). Отсюда видно, что запрещеніе между учениками переписки, равно какъ и тайныхъ разговоровъ, было простою педагогическою мѣрой, заимствованной Теофаномъ, вѣроятно, у іезуитовъ, педагогія которыхъ требуетъ, чтобы всякій шагъ, всякая мысль воспитанника были извѣстны воспитателю. Дѣлать-же отсюда выводъ объ ограниченіи «обыденнаго приложенія къ дѣлу умѣнья писать», — нѣтъ никакихъ основаній. То-же нужно сказать и относительно запрещенія монахамъ Александро-невскаго монастыря переписываться безъ вѣдома настоятеля (стр. 59); этимъ запрещеніемъ монахи, представлявшіе въ то время довольно безпокойный элементъ въ политическомъ и церковномъ отношеніяхъ, ставились подъ контроль лица, пользовавшагося довѣріемъ правительства. Это была частная цензура, не имѣвшая общаго значенія, равно какъ не имѣвшая рѣшительно никакого отношенія къ обученію письму въ элементарныхъ школахъ.

Въ числѣ указовъ Петра по народному образованію есть одинъ, прямо касающійся женскаго обученія при монастыряхъ. Это указъ отъ 24 января 1724 года, которымъ предписывалось монахинямъ воспитывать сиротъ обою пола и обучать ихъ грамотѣ, а дѣвочекъ, сверхъ того, пряжѣ, шитью и друг. мастерствамъ. Такимъ образомъ, монастыри были единственными женскими воспитательными заведеніями, о которыхъ въ теченіе всей нашей исторіи, до императрицы Екатерины II, было упомянуто въ законодательномъ актѣ. При Елизаветѣ, указомъ 1754 г. положено было обучать женщинъ «бабичьему дѣлу», для чего проектировались акушерскія школы сначала въ Москвѣ и Петербургѣ, а затѣмъ и въ провинціяхъ.

Въ то-же царствованіе появились частныя пансіоны, большинство которыхъ содержали иностранцы и преимущественно французы и

француженки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учились и даже содержались мальчики и дѣвочки вмѣстѣ; другіе были для дѣтей какого-нибудь одного пола. Въ нихъ принимались дѣти и взрослые; опредѣленнаго систематическаго курса не было, учащіеся оставались въ школѣ большею частью лишь нѣкоторое время, приходили и уходили, когда имъ вздумается. Большинство пансіоновъ находилось въ столицахъ, но были пансіоны и въ др. городахъ. Державинъ въ пятидесятихъ годахъ XVIII вѣка учился въ пансіонѣ, который содержалъ въ Оренбургѣ нѣмецъ Розе, сосланный туда на каторжную работу. Въ этомъ пансіонѣ учились дѣти обоего пола и притомъ «лучшихъ и благородныхъ людей». О томъ, каково было ученіе у Розе, можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующей характеристики учителя: «Сей наставникъ—говоритъ Державинъ—кромѣ того, что нравовъ былъ развращенныхъ, былъ и жестокъ; онъ наказывалъ своихъ учениковъ не только самыми мучительными, но и неблагопристойными штрафами, о коихъ рассказывать здѣсь было-бы отвратительно». При этомъ Розе былъ и невѣжда. При Елизаветѣ нѣкоторые родители, хотя и немногіе, стали проявлять дѣйствительную заботливость о томъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ возможно лучшее образованіе, т.-е. обучали ихъ иностраннымъ языкамъ и старались развить въ нихъ вкусъ къ чтенію книгъ. Такое образованіе получила княгиня Дашкова и воспользовалась знаніемъ иностранныхъ языковъ для саморазвитія посредствомъ самостоятельнаго чтенія. Она, конечно, была исключеніемъ и въ продолженіе очень долгаго времени оставалась единственною русскою женщиною, образованною въ европейскомъ смыслѣ.

Въ такомъ положеніи находилось въ Россіи женское образованіе передъ самымъ вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II, въ царствованіе которой было сдѣлано для образованія вообще и женскаго въ особенности несравненно болѣе, чѣмъ когда-либо въ прежнее время. «При вступленіи ея на престолъ, въ Россіи не было ни одного женскаго учебнаго заведенія, кромѣ нѣсколькихъ плохихъ частныхъ пансіоновъ. Въ годъ ея смерти, кромѣ воспитательнаго общества для двухсотъ благородныхъ дѣвицъ и при немъ училища для 240 мѣщанскихъ дѣвушекъ, не считая своекоштныхъ воспитанницъ, которыхъ при Екатеринѣ было немного, были еще 1.121 учащихся дѣвочекъ въ народныхъ училищахъ разныхъ губерній. За все-же время существованія училищъ въ столицѣ (1781 г.), и по губерніямъ (съ 1786 г.), всѣхъ учившихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ показано за всѣ 16 лѣтъ 12.595».

Въ дѣятельности императрицы Екатерины II-й въ отношеніи обра-

зованія нужно различать два періода: первый съ начала ея царствованія или, вѣрнѣе, съ 1764 года, къ которому относится докладъ Бецкаго—«Генеральное учрежденіе о воспитаніи юношества обоого пола», и до 1782 года, т.-е. до учрежденія комиссіи народныхъ училищъ; второй—съ 1782 года до конца ея царствованія. Первый мы можемъ назвать *воспитательнымъ* періодомъ, такъ какъ въ это время особенное вниманіе было обращено на воспитаніе юношества; второй-же характеризуется преобладаніемъ *обученія* надъ воспитаніемъ.

Будучи еще великою княгиней, Екатерина въ собственноручныхъ замѣткахъ писала о необходимости учрежденія въ Россіи учебно-воспитательнаго заведенія для дѣвочекъ, въ родѣ Сень-Сира, основаннаго г-жею Мэнтенонъ. Такимъ образомъ уже здѣсь замѣтно вліяніе на нее воспитательныхъ учрежденій Запада, и вообще, если когда-либо «западное вліяніе» на направленіе учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи было особенно сильно, то это особенно справедливо относительно времени царствованія Екатерины II. Отсюда *raison d'être* IV главы разсматриваемаго нами сочиненія, предметъ которой—состояніе педагогіи на западѣ ко времени вступленія Екатерины II на престолъ; особенное вниманіе обращено на теоретическое обсужденіе вопроса о женскомъ образованіи и воспитаніи въ западно-европейской литературѣ (аббатъ Флери, Фенелонъ и аббатъ де С.-Пьеръ), а также и на практическое положеніе этого дѣла; при этомъ довольно подробно излагается исторія Сень-Сира (1686—1793).

Переходя къ принципамъ организаціи общественнаго воспитанія въ екатерининскую эпоху, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ автора, которыхъ мы не можемъ признать вполне правильными. Несправедливо унижая дѣятельность Бецкаго, относившагося къ дѣлу воспитанія юношества во всякомъ случаѣ искренно, безъ фальши и лицемѣрія, авторъ слѣд. образомъ характеризуетъ дѣятельность самой государыни. «Екатерина—говоритъ авторъ—съ самаго начала взглянула на дѣло общаго образованія вѣрно и широко, признавъ это образованіе, одинаково для лицъ обоого пола, дѣломъ государственнымъ. Положивъ ему начало, она пригласила воспользоваться имъ всѣхъ, безъ различія пола и званія, понимая, что такимъ путемъ образованіе можетъ, хотя-бы впоследствии, доставить благоденствіе всему народу, что всегда составляло конечную цѣль всѣхъ ея реформъ и начинаній» (стр. 290). Хотя исторія царствованія Екатерины II разработана еще слишкомъ недостаточно, но она

известна настолько, что въ приведенныхъ словахъ нельзя не видѣть нѣкоторой идеализаціи.

Къ числу достоинствъ труда г-жи Лихачевой нельзя не отнести того, что она не повторяетъ столь обычныхъ въ нашей литературѣ совершенно ошибочныхъ фразъ о вліяніи теоріи воспитанія Руссо на педагогію Екатерины и Бецкаго; мы, однако-же, не можемъ согласиться и съ ея утверженіемъ, что педагогическія убѣжденія Екатерины II сложились «подъ вліяніемъ двухъ писателей, Монтэня и Локка, преимущественно Монтэня» (110). Въ другомъ мѣстѣ говорится: «что мысли Монтэня отвѣчали существу ея природы—это представляется несомнѣннымъ: онѣ навсегда запечатлѣлись въ ея душѣ, можетъ быть даже сложились у нея раньше еще, чѣмъ она прочла ихъ формулированными у Монтэня» (117). Мы не отрицаемъ общихъ чертъ въ духовномъ складѣ Екатерины и Монтэня, но насколько сильно было вліяніе послѣдняго на педагогическія воззрѣнія Екатерины, объ этомъ можно судить уже по тому, что нѣкоторые авторы,—хотя и безъ достаточныхъ основаній,—совершенно отрицаютъ это вліяніе (графъ Д. А. Толстой «Взглядъ на учебн. часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи», стр. 88—89). Сходство между Монтэнемъ и Екатериной и отличіе взглядовъ послѣдней отъ педагогіи Бецкаго авторъ усматриваетъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что Екатерина высоко ставила воспитательное значеніе науки; но если мы оставимъ въ сторонѣ корреспонденцію императрицы Екатерины II и ея отношеніе къ наукѣ и ученымъ своего времени (такъ какъ уваженіе ею «философіи» ничего не говоритъ противъ увлеченія ея въ области педагогіи тою системою воспитанія, которую можно назвать Локковскою; развѣ самъ Локкъ не былъ великимъ философомъ и не уважалъ науки?), а обратимся къ «конфирмованнымъ» ею уставамъ Бецкаго и главнымъ образомъ къ ея педагогическому сочиненію «Инструкціи князю Салтыкову», то убѣдимся въ прямой и непосредственной зависимости ея педагогическихъ воззрѣній отъ знаменитыхъ «Мыслей о воспитаніи». «Инструкція» представляетъ собою почти буквальный переводъ названнаго сочиненія Локка, съ сокращеніями и съ незначительными измѣненіями. По взгляду Екатерины II, какъ онъ выраженъ здѣсь, воспитаніе «замыкается въ четырехъ вещахъ: 1) въ добродѣтели, 2) въ учтивствѣ, 3) въ добромъ поведеніи, 4) въ знаніи». Знаніе занимаетъ послѣднее мѣсто, и Екатерина II, какъ и Локкъ, въ дѣлѣ воспитанія считаетъ за главное образованіе характера, привычку «къ добродѣтели» и умѣнье обращаться въ обществѣ. Это не исключаетъ уваженія къ наукѣ, къ знанію, только послѣднее должно было быть

результатомъ самодѣтельности воспитанника, которую въ немъ и старались развить. Отсюда требованіе Екатерины, равно какъ и Бецкаго, чтобы воспитатели «внушали паче всего юношеству вкусъ къ чтенію книгъ». Мы надѣемся подробнѣе развить свои мысли въ отдѣльной статьѣ, а теперь ограничимся выводомъ изъ всего сказаннаго, а именно, что Екатерина и Бецкій въ отношеніи взглядовъ на воспитаніе и образованіе были вполнѣ солидарны между собою и оба были прямыми послѣдователями Локка; ошибки той и другаго—ихъ общія ошибки и вытекаютъ изъ основныхъ ихъ воззрѣній на воспитаніе, выработанныхъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ «Мыслей о воспитаніи».

Кромѣ воспитательнаго дома и нѣсколькихъ мужскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній, узаконенныя генеральнымъ учрежденіемъ правила воспитанія русскаго юношества легли въ основу уставовъ общества воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ и училища для мѣщанскихъ дѣвушекъ. Авторъ внимательно слѣдитъ за жизнью этихъ заведеній съ самаго ихъ основанія и до смерти Екатерины II: излагаетъ ихъ внѣшнюю судьбу, внутренніе событія и порядки, отношеніе къ нимъ императрицы, русскаго общества и проч. и приходитъ къ такому заключенію: несмотря на всѣ недостатки воспитанія и образованія, «уже самое учрежденіе такого учебнаго заведенія, какъ воспитательное общество, было для женскаго образованія и воспитанія шагомъ огромной важности. Учрежденіемъ этого общества женское образованіе впервые, со времени существованія русскаго государства, узаконялось, и признанное важною отраслью государственнаго благосостоянія, поставленное подъ непосредственное покровительство императрицы, снабженное средствами изъ государственной казны, отнынѣ вводилось въ общій строй нашей государственной жизни и управленія. Учрежденіемъ же воспитательнаго общества Екатерина опередила Европу въ дѣлѣ женскаго образованія, и до самаго послѣдняго времени (т. е. до вѣсьмидесятыхъ годовъ) мы въ этомъ отношеніи стояли во главѣ всѣхъ европейскихъ государствъ» (135—136).

Второму изъ указанныхъ нами періодовъ въ исторіи образованія въ екатерининское время авторъ посвятилъ одну послѣднюю (X) главу (о Смольномъ институтѣ за это время говорится въ предыдущихъ главахъ). Такъ какъ специально женскихъ учебныхъ заведеній тогда не было основано,²⁵ то онъ останавливается только на такихъ фактахъ изъ исторіи «народныхъ училищъ», которые имѣютъ отношеніе къ женскому образованію, указывая при этомъ численныя отношенія учившихся въ «народныхъ» училищахъ дѣвочекъ къ обучавшимся въ

нихъ мальчикамъ; общая цыфра первыхъ приведена нами выше: ихъ число въ 13 слишкомъ разъ меньше числа, показанныхъ за то-же время учившимися, мальчиковъ (12.295:164.135). «Изъ 1.121 учащихся дѣвушекъ, въ годъ смерти Екатерины, 759 приходилось на одну Петербургскую губернію, стало-быть, во всѣхъ остальныхъ 36-ти ихъ было всего 362. По отношенію къ суммѣ народонаселенія всей имперіи, въ которой въ 1790 г. считалось 26 милліоновъ душъ, причемъ, какъ говоритъ Вороновъ, по ревизіямъ показывалось число жителей только мужскаго пола, учащіяся дѣвочки составляли такой ничтожный процентъ общей суммы народонаселенія, что его и опредѣлить трудно» *).

Въ заключеніе, пожелаемъ успѣшнаго продолженія и окончанія почтеннаго труда г-жи Лихачевой, будучи вполнѣ увѣрены, что въ ея книгѣ впервые увидятъ свѣтъ матеріалы по дальнѣйшей исторіи женскаго образованія въ Россіи, и прежде всего, конечно, матеріалы, относящіяся къ періоду управленія женскими учебными заведеніями императрицы Маріи Ѳеодоровны, которые до настоящаго времени лежатъ въ архивахъ Смольнаго института и другихъ и которыхъ, какъ намъ извѣстно, очень много.

М. Суперанскій.

Гигіена ранняго дѣтства. J. Rouvier. Paris 1889. (*Hygiène de la première enfance*).

Когда гигиена, краса медицинской науки, останавливаетъ свое вниманіе на вопросахъ, касающихся дѣтскаго возраста, то значеніе ея приобретаетъ особенную важность, особенный интересъ. Безчисленныя опасности, говоритъ Rouvier, окружаютъ на зарѣ жизни новорожденнаго ребенка и младенца. Важность и многочисленность этихъ опасностей для дѣтскаго возраста особенно рѣзко проявляются при неопытности и предразсудкахъ родителей. Гигиена ранняго дѣтства имѣетъ цѣлью уменьшеніе дѣтской смертности, сохраненіе родителямъ ихъ потомства и государству гражданъ. Онъ интересуется всѣмъ національности, всѣмъ классамъ общества, всѣмъ профессіи.

Авторъ раздѣляетъ свое сочиненіе на двѣ части. Въ первой, касающейся родителей, изложены цѣль брака, рассмотрѣны вопросы о здоровьи брачующихся, и т. д. Во второй (болѣе важной, по нашему

* Подробнѣе о «народныхъ» училищахъ въ царствованіе Екатерины II читатель можетъ найти въ ноябрьской книгѣ «Русской Школы» за прошлый годъ, въ статьѣ Н. Х. Весселя: «Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи».

мнѣнію) излагаются анатомія и фізіологія дитяти, ученіе о прорѣзываніи зубовъ и о нѣкоторыхъ болѣзняхъ, какъ-то: о пораженіи рта, о лихорадкѣ, о разстройствѣ желудка и кишекъ, о судорогахъ, о пораженіяхъ дыхательныхъ органовъ и т. д. Затѣмъ подробно описывается спеціальныи уходъ за новорожденнымъ, мѣры къ предупрежденію нѣкоторыхъ заболѣваній. Особенно важна глава о преждевременно родившихся (недоноскахъ), въ которой изложены правила относительно сохраненія ихъ: заботы о дитяти на первомъ году его жизни, съ полезными указаніями относительно помѣщенія для него, одежды, кровати, коляски и пр. Очень подробно также изложены у автора отдѣлы о кормленіи дѣтей, объ отнятїи ихъ отъ груди, о прикармливаніи и т. д. Искусственное вскармливаніе дѣтей, какъ и періодъ отнятїа отъ груди, рассмотрѣны въ этой книгѣ особенно подробно, какъ имѣющія важное значеніе въ жизни ребенка. Свой обширный трудъ, занимающій 576 страницъ, авторъ заканчиваетъ рассмотрѣніемъ вопроса о смертности въ дѣтскомъ возрастѣ и о способахъ ея предупрежденія. По ближайшемъ ознакомленіи съ этимъ сочиненіемъ, можно убѣдиться въ томъ, что оно написано врачомъ опытнымъ, сдѣлавшимъ самостоятельныя изысканія и основательно знакомымъ со всеми научными изслѣдованіями какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ авторитетныхъ писателей по предмету гігіены дѣтскаго возраста. Вотъ почему можно смѣло рекомендовать эту книгу матерямъ и молодымъ женщинамъ, готовящимся быть матерями. Она имъ можетъ быть полезна, какъ въ смыслѣ сохраненія будущаго дитяти, такъ и въ смыслѣ возможно лучшаго обезпеченія здоровья дитяти въ теченіе всего періода младенческой его жизни. Н. Б.

По вопросу о переутомленіи учениковъ гимназій. Н. Бакста. Спб. 1890 г.

Въ своей брошюрѣ подъ означеннымъ заглавіемъ, г. Бакстъ, на 42 стр. старается доказать, что все сѣтованія на переутомленіе учениковъ современныхъ гимназій неосновательны и не подтверждаются фактическими данными. Между тѣмъ справедливость этого переутомленія подтверждена множествомъ основательныхъ изслѣдованій со стороны авторитетныхъ педагоговъ Франціи, Германіи и другихъ странъ. Еще знаменитый Lorinser въ 1836 году, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Въ защиту здоровья въ школахъ», доказывалъ, что и школы, и гимназїи вызываютъ аномальное развитіе дѣтей, вліяютъ капитальнымъ образомъ на ослабленіе здоровья, и т. д. Стоитъ просмотрѣть лишь

отчетъ о засѣданіи по этому предмету Парижской медицинской академіи, чтобы убѣдиться, какъ много авторитетныхъ и ученыхъ врачей Франціи доказываютъ фактическими данными вредное вліяніе постановки учебнаго дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на здоровье дѣтей, на ослабленіе и вырожденіе ихъ въ физическомъ отношеніи. Принимая во вниманіе сужденіе геніальнаго патолого-анатома профессора Вирхова и профессора Берлинскаго университета Вестфала, Н. Бакетъ стремится доказать, что переутомленія этого вовсе нѣтъ и что среднія учебныя заведенія отнюдь не ослабляютъ и не останавливаютъ физическаго развитія юношества. Почему именно прусское министерство народнаго просвѣщенія обратилось за разрѣшеніемъ столь важнаго вопроса къ названнымъ врачамъ — намъ неизвѣстно. При всемъ уваженіи къ именамъ Вирхова и Вестфала, нельзя не замѣтить, что компетентность ихъ сужденій о фізіологической жизни ребенка отнюдь не больше компетентности другихъ врачей, такъ какъ вопросами о физическомъ и духовномъ воспитаніи дѣтей ни тотъ, ни другой никогда спеціально не занимались. Вотъ почему вовсе не доказательно и не убѣдительно то мнѣніе Вирхова, по которому для научнаго разрѣшенія вопроса о переутомленіи будто-бы нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Данныя эти есть, и стоило г. Бакету прочесть лишь обстоятельные труды такихъ авторитетныхъ изслѣдователей, какъ Багинскій, Уффельманъ, Беккеръ, Гильомъ, Котельманъ и множество другихъ, чтобы придти къ несомнѣнному выводу, что мнѣніе Вирхова не раздѣляется ни въ Германіи, ни во Франціи. Германскій императоръ, бывшій ученикъ классической гимназіи, засвидѣтельствовалъ, что ученику среднихъ способностей, для успѣшнаго удовлетворенія требованіямъ школы, приходится работать около 12 часовъ въ сутки, считая въ томъ числѣ и классныя занятія. И у насъ съ недавняго времени Министерство Народнаго Просвѣщенія старается по возможности облегчить трудъ учениковъ гимназій путемъ сокращенія числа уроковъ, введенія гимнастики, фронтоваго обученія и т. д. Для г. Бакста все это кажется не убѣдительнымъ, и онъ рѣшается, по его словамъ, при ближайшемъ разсмотрѣнн всѣхъ сколько-нибудь основательныхъ жалобъ на переутомленіе учениковъ, обвинять въ томъ не учебныя планы и программы преподаванія, а учителей. Свое огульное обвиненіе, направленное противъ учителей вообще и русскихъ въ особенности онъ простираетъ до того, что страннымъ образомъ видитъ исходъ для улучшенія настоящаго положенія дѣла въ прикомандировываніи молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности, къ гимназіямъ для упражненія въ преподаваніи

подъ руководствомъ опытнаго директора и опытныхъ учителей. Но такъ какъ этого сдѣлать нельзя, то г. Н. Бакстъ требуетъ установленія у насъ какого-то дополнительнаго испытанія для всѣхъ окончившихъ курсъ въ университетѣ и ищущихъ званія учителя. Такое предложеніе г. Бакста намъ кажется несообразнымъ уже по той причинѣ, что у насъ не существуетъ педагогическихъ семинарій, въ которыхъ окончившій курсъ университета могъ-бы получить педагогическую подготовку для преподавательской дѣятельности. Для г. Бакста мало восьмилѣтнихъ испытаній въ гимназіи и четырехлѣтнихъ въ университетѣ, черезъ которыхъ долженъ пройти молодой человѣкъ до полученія имъ званія учителя? Авторитетное мнѣніе лучшихъ педагоговъ-врачей заграничныхъ и нашихъ, каковы, напримѣръ, Доброславинъ, Лесгафтъ, Эрисманъ, Сикорскій, Виреніусъ, посвятившихъ себя дѣлу изученія природы ребенка, для него не имѣютъ ни малѣйшаго значенія. Къ сожалѣнію, самъ г. Бакстъ въ дѣлѣ, касающемся педагоги и гигиены школьнаго возраста, ничѣмъ еще себя доселѣ не заявилъ, и первый дебютъ его на этомъ поприщѣ, по нашему мнѣнію, нельзя считать удачнымъ.

Н. Б.

Виреніусъ. Переутомленіе у учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи. Спб. 1890.

Такъ озаглавленъ трудъ почтеннаго и уважаемаго въ педагогическомъ и врачебномъ мірѣ д-ра А. Виреніуса, — трудъ, въ которомъ онъ старается опровергнуть доводы вышеизложенной брошюры г. Бакста. Нельзя не порадоваться, что наши дѣти встрѣтили такого опытнаго и разумнаго защитника ихъ здоровья, иногда несомнѣнно нарушаемаго современною школою. Рядомъ точныхъ, научныхъ и вѣскихъ доказательствъ, на 53 страницахъ, почтенный авторъ старается доказать г. Баксту всю неосновательность его доводовъ. Прочтя всѣ доказательства г. Виреніуса, противныя положеніямъ г. Бакста, всякій придетъ къ заключенію, что это доводы человѣка, вполне владѣющаго своимъ предметомъ, основательно знакомаго съ разбираемымъ вопросомъ, говорящаго не съ чужаго голоса, а на основаніи собственныхъ долгихъ наблюденій непосредственно надъ школою и ея питомцами. Шагъ за шагомъ опровергнувъ всѣ положенія г. Бакста и притомъ весьма убѣдительно, уважаемый авторъ справедливо говоритъ въ заключеніи, что наука двигается своимъ чередомъ, факты накаплиются и истины антропобіологіи мало по малу входятъ въ сознаніе общества и даютъ себя чувствовать повсюду. Не только въ Пруссіи,

но и въ Россіи многіе врачи, близко стоящіе къ учащимся дѣтямъ и изучающіе тѣлесную природу дѣтей и ихъ умственное развитіе, признають несогласіе требованій современной школы съ данными фізіологіи и гігіены организма учащихся и готовы указать выходъ изъ этого печальнаго положенія.

Въ виду несомнѣннаго интереса, представляемаго брошюрою д-ра Виреніуса, и убѣдительности доводовъ, въ ней приводимыхъ, въ пользу необходимости облегченія труда учащагося юношества, позволяемъ себѣ рекомендовать эту брошюру вниманію читателей «Русской Школы».

Н. Б.

Педагогическіе курьезы въ области географіи.

1) Элементарныя геометрическіе приемы вычисленія географическихъ площадей и построенія географическихъ картъ. Н. Сенигова. С.-Петербургъ, 1890 г.

2) Путешествіе Стэнли черезъ Африку, большая географическая игра для дѣтей. Бесплатная премія къ «Задуманному Слову» для младшаго возраста на 1891 г.

1) Каждое учебное пособіе должно имѣть свой *raison d'être*, а не появляться на свѣтъ божій только ради желанія автора такъ или иначе заявить о своемъ существованіи. Тѣмъ не менѣе, часто встрѣчаются такіе продукты педагогическаго недомыслия, которые предназначаются въ помощь обученія дѣтей или для ихъ забавы, но представляютъ полное отсутствіе педагогическихъ основаній, а иногда и подтасовку фактовъ. Къ такимъ учебнымъ пособіямъ мы, не колеблясь, относимъ брошюру г. Сенигова съ вышеприведеннымъ названіемъ. Эта брошюра заключаетъ 34 страницы текста, 13 чертежей и предисловіе, съ котораго мы и начнемъ. Въ предисловіи авторъ выражаетъ свой взглядъ какъ на сущность географіи, какъ науки, такъ и на черченіе картъ въ классѣ. По мнѣнію автора, въ географической наукѣ наибольшее значеніе имѣютъ: 1) числовыя данныя; 2) формы мѣстностей и 3) измѣненія земной поверхности въ различныя времена. Такое опредѣленіе задачъ географіи, по нашему мнѣнію, односторонне, потому что здѣсь опущенъ одинъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ географіи, именно отдѣлъ явленій органической жизни на землѣ. Напротивъ того, вопросъ объ измѣненіяхъ земной поверхности во времени относится пѣликомъ къ геологіи. Но допустимъ, что нашъ авторъ совершенно правъ въ своихъ взглядахъ на сущность географіи.

Какое значеніе могутъ имѣть эти взгляды на преподаваніе элементарной географіи въ школѣ? Числовыя данныя играютъ здѣсь второстепенную и даже третьестепенную роль, а геологическіе выводы не имѣютъ для дѣтей ни малѣйшаго значенія. На изложеніе геологическихъ гипотезъ дѣти смотрятъ какъ на сказку, но мало для нихъ интересную. Формы мѣстностей, т.-е. границы, кривизна контуровъ и рѣкъ, площади поверхностей, взаимное расположеніе частей земли— все это дѣйствительно составляетъ часть курса географіи въ школѣ. Но и здѣсь нужно замѣтить, что многіе изъ этихъ вопросовъ вносятся въ учебный географическій курсъ лишь настолько, насколько они могутъ уяснить существованіе другихъ, отчасти подчиненныхъ имъ географическихъ фактовъ. Такъ, при обзорѣннй горизонтальной формы суши, обращаютъ вниманіе на суженіе ея частей къ югу, т.-е. подмѣчаютъ общій законъ. Географическое положеніе страны служитъ отчасти къ объясненію ея климатическихъ отношеній. Пресловутое, не всегда хорошо понимаемое, риттеровское сравненіе частей свѣта, по степени изрѣзанности береговой линіи, въ современной школьной географіи далеко не имѣетъ того значенія, какое придавали ему прежде. Авторъ разбираемой брошюры придаетъ большое значеніе внѣшней, горизонтальной формѣ суши и выражаетъ удивленіе, почему въ учебныхъ заведеніяхъ не чертятъ картъ, и что это занятіе считаютъ какъ-бы роскошью. Трудность чертить контуры, по мнѣнію автора, только кажущаяся и является слѣдствіемъ недостатка простыхъ пріемовъ черченія. Но примѣръ самого автора опровергаетъ его слова. Достаточно взглянуть на приложенныя къ брошюрѣ контуры частей свѣта, чтобы убѣдиться въ трудности правильнаго черченія по упрощенному способу. Контуры автора положительно ниже критики: они всѣ обезображены и въ особенности контуры самыхъ главныхъ частей свѣта: Европы и Азіи. Авторъ, между прочимъ, говоритъ, что его способъ имѣлъ наилучшій успѣхъ. Намъ кажется, что довольно трудно говорить объ успѣхахъ въ производствѣ чего-нибудь неправильнаго. По мнѣнію автора, его методъ черченія представляетъ грамадное преимущество потому, что не требуетъ отъ учениковъ ни заучиванія положенія географическихъ пунктовъ, ни построенія географической сѣтки, т.-е. такихъ пріемовъ, которые, прибавимъ отъ себя, должны считаться единственнымъ рациональнымъ основаніемъ черченія картъ. Но, къ удивленію, вмѣсто правильной сѣтки, авторъ даетъ для каждой части свѣта самую фантастическую и далеко не простую. Такъ, сѣтка Австраліи у него состоитъ изъ 13 прямыхъ линій, т.-е. ровно столько ихъ, сколько нужно провести при черченіи географической сѣтки

этой части свѣта. Для Европы дано 25 линій, т.-е. опять столько-же, сколько нужно для правильной сѣтки. Методъ вспомогательныхъ линій, подобный методу г. Сенигова, далеко не новъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ педагоговъ, Дронке, давно уже далъ образчикъ черченія контуровъ при помощи вспомогательныхъ линій. Этотъ способъ былъ публично осужденъ на сѣздѣ нѣмецкихъ географовъ въ 1881 году, не смотря на то, что былъ гораздо рациональнѣе предлагаемаго г. Сениговымъ, такъ какъ при проведеніи линій давалась ихъ длина. Чертежи, построенные безъ правильной сѣтки и вѣрно поставленныхъ пунктовъ, не могли выйти правильными. Такъ, на первой-же картѣ, положеніе острововъ Новой Зеландіи оказалось почти на 10° сѣвернѣе.

Кромѣ образцовъ для черченія контуровъ частей свѣта, у г. Сенигова находятся вычисленія площадей ихъ поверхности. Здѣсь авторъ дѣлаетъ совершенно произвольныя подтасовки, чтобы получить цифры, подходящія къ дѣйствительнымъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно разобрать вычисленіе площади поверхности Австраліи. Для этого авторъ вычисляетъ поверхность квадрата (sic), ограниченнаго сторонами, равными 47° большаго круга земли каждая, на томъ основаніи, что «Австралія, кромѣ острововъ надъ (къ сѣверу?) экваторомъ лежитъ приблизительно между 0° — 47° южной широты и 130° и 177° в. д.». Но меридіаны не параллельны между собой, такъ что четырехугольникъ, ограниченный вышеуказанными линіями будетъ не квадратъ, а трапеція, да притомъ сферическая, такъ что, возвышая въ квадратъ 47, мы не получимъ надлежащаго результата. Сверхъ того, въ эту, произвольно взятую, площадь, совершенно не входятъ острова Полинезіи. Затѣмъ, авторъ по глазомѣру рѣшаетъ, что поверхность суши въ Австраліи составитъ только одну треть полученной площади, и дѣлитъ полученное число на три. Приведеннаго примѣра, намъ кажется, совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ произвольности пріемовъ автора. Но пойдѣмъ далѣе. Неужели авторъ полагаетъ возможнымъ занимать такими вычисленіями учениковъ во время уроковъ географіи? Въ такомъ случаѣ пришлось-бы отнять отъ географическаго курса довольно много времени, что не могло-бы не отразиться на основательности въ прохожденіи предмета. Что касается до сравненія горизонтальнаго очертанія частей свѣта, то мы уже указали выше, что такія сравненія въ школѣ должно предлагать въ самыхъ общихъ чертахъ, иначе, т.-е. для подробнаго сравненія, пришлось-бы прибѣгать къ помощи геологическихъ данныхъ. Вписывать для такихъ сравненій контуръ одной части свѣта въ другую, какъ дѣлаетъ авторъ, значитъ, опять-таки, непроизводительно терять время.

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышесказаннаго можно сдѣлать заключеніе, что ни одинъ изъ пріемовъ, предложенныхъ г. Сениговымъ какъ для черченія, такъ и для сравненія формы частей свѣта, нельзя считать примѣнимымъ къ практикѣ преподаванія. Что-же касается до вычисленія площадей частей свѣта, то здѣсь авторъ производитъ прямую подтасовку фактовъ.

Другой педагогическій курьезъ въ области географіи представляетъ недавно вышедшая премія, приложенная къ дѣтскому журналу «Задушевное Слово для дѣтскаго возраста». Еще за долго до появленія первыхъ номеровъ этого журнала съ преміей появлялись отъ редакціи рекламы о томъ, что эта премія будетъ изображать путешествіе Стэнли—большую географическую игру. Какая заманчивая реклама для дѣтей! Подписывайтесь скорѣе, добрые папаши и мамыши! Но вотъ появляется давно ожидаемая премія, и оказывается нѣчто невозможное и трудно переваримое. На большомъ листѣ тонкаго картона наклеено нѣчто среднее между картой и картиной. Эта карта-картина должна изображать центральную и восточную Африку—театръ путешествія Стэнли. На заднемъ планѣ помѣщаются горы, изъ за которыхъ выглядываетъ восходящее (или заходящее?) солнце. Такъ какъ оно находится въ сѣверной части карты, то всякій въ правѣ заключить, что въ центральной Африкѣ солнце восходитъ (или заходитъ) на сѣверѣ. На востокѣ видна часть берега Индѣйскаго океана, а на западѣ—Атлантическаго. На Индѣйскомъ океанѣ плыветъ лодка съ матросами, а рядомъ съ лодкой два острова въ нѣсколько разъ меньше ея. По всей картѣ разбросаны группы растеній и дикихъ звѣрей и сцены изъ жизни дикарей и европейцевъ. Справа три солдата въ красныхъ мундирахъ даютъ залпъ по убѣгающимъ неграмъ. Между группами растеній находятся значительные промежутки желтоватаго цвѣта, т. е. что-то въ родѣ пустынь или степей. Посрединѣ карты находится дугообразная голубая полоска, долженствующая изображать рѣку Конго, а другая, меньшая—рѣку Арувими. Вдоль всей рѣки Конго находятся кружки съ номерами. Подобные-же кружки нарисованы между рѣкой и берегомъ Индѣйскаго океана. Озера Викторія и Альбертъ Ніанца лежатъ совершенно изолированно и не даютъ истоковъ Нилу, какъ это уже извѣстно со временъ Слика, Гранта и Беккера. Тому, кто читалъ хотя краткое описаніе открытіи Стэнли въ Африкѣ, должно быть хорошо извѣстно, что весь бассейнъ Конго представляетъ непроходимые лѣса. Это свѣдѣніе находится даже въ объясненіи преміи, приложенной къ первому номеру «Задушевнаго Слова». Между тѣмъ эти непроходимые лѣса на картинѣ, вѣроятно

ради ясности, превратились въ хорошо расчищенный паркъ, въ которомъ все-таки водятся дикіе звѣри. Однимъ словомъ, вся карта-картина представляетъ самую беззастѣнчивую неправду или, выражаясь слогомъ современной жизни, фальсификацію. Объясненіе къ преміи представляетъ рассказъ матери дѣтямъ о подвигахъ Стэнли. Этотъ рассказъ очень кратокъ и, конечно, нисколько не характеризуетъ особенностей путешествія. Все дѣло оканчивается приглашеніемъ мамашы послѣдовать за Стэнли въ дебри Африки, т.-е. другими словами, начать игру въ гусекъ. Это намѣреніе автора, устроить гусекъ среди центральной Африки, довольно невинно и оригинально, но, благодаря ему, дѣти приглашаются переходить изъ Ямбунчи въ Карачву, изъ Карачвы въ Мсалалу, оттуда въ Мвакву и т. д. Невольно подумаешь, не лучше-ли было редакціи подарить дѣтямъ обыкновенный гусекъ, столь любимую дѣтскую игру, чѣмъ заставлять ихъ ломать языкъ на произношеніи дикихъ африканскихъ названій. Но довольно. Мы остановились на разборѣ лубочной преміи товарищества М. О. Вольфъ только потому, что она вышла и продается не на деревенскомъ базарѣ, а въ столицѣ, какъ приложение къ журналу, имѣющему претензію на педагогическое значеніе.

Окончимъ пожеланіемъ, чтобы подобныя преміи не появлялись болѣе въ педагогической литературѣ и чтобы прекратился, наконецъ, тотъ постоянный обманъ дѣтей, который съ незапамятныхъ временъ практикуется старыми няньками и малоопытными мамашами, пугающими дѣтей буками и дающими имъ неисполнимыя обѣщанія. *Quousque tandem!*

А. Соколовъ.

Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ иностранныхъ и русскихъ.

«*Revue pédagogique*». 1890. Publication mensuelle. Librairie Charles Delagrave. Paris, rue Soufflot, 15.

«Педагогическое Обозрѣніе» выходитъ уже 8-й годъ, ежемѣсячно, книжками въ шесть листовъ каждая. Шестъ книжекъ составляютъ томъ, въ концѣ котораго прилагается указатель помѣщенныхъ въ немъ статей. Издается оно подъ редакціею Н. Gantios. «Обозрѣніе» является органомъ Педагогическаго музея. Годъ считается съ января по январь.

Статьи, помѣщенныя въ восьми нумерахъ «Педагогическаго Обозрѣнія» за 1890 годъ, можно подвести подъ отдѣлы: I. **Общепедагогическій**, въ который въ 1890 году вошли: 1) статьи по исторіи педагогики, 2) статьи по современной педагогикѣ, 3) матеріалы для исторіи педагогики, 4) статьи, касающіяся различныхъ сторонъ школьной жизни, 5) статьи по вопросу объ орфографической реформѣ. II. **Спеціальный**, въ который вошли: 1) библіографія, 2) хроника начальнаго обученія, 3) литературная и научная бесѣда и 4) внѣшнія извѣстія. Послѣдніе два отдѣла встрѣчаются не въ каждой книжкѣ: такъ, «литературныя бесѣды» ведутся черезъ мѣсяць (въ №№ 6 и 8 прибавлены двѣ «научныя бесѣды»), а «внѣшнія извѣстія»—по мѣрѣ накопленія матеріала.

Для ознакомленія читателей «Русской Школы» съ направлениемъ «*Revue pédagogique*», мы имѣемъ въ виду указать въ извлеченіи на болѣе характеристическія статьи различныхъ отдѣловъ.

Такъ, въ исторіи педагогики помѣщена интересная статья Габріеля Компере: «Забытая страница изъ педагогіи: идеи Мэнъ де Бирана о воспитаніи».

Трудно объяснить, почему въ сочиненіяхъ по исторіи педагогики забывали Мэнъ де Бирана. Такой психологъ не могъ не быть педагогомъ, и, дѣйствительно, въ его педагогическихъ статьяхъ и перепискѣ выражается очень опредѣленная система.

Самое существенное по вопросу о воспитаніи помѣщено въ VI главѣ введенія къ сочиненію Мэнъ де Бирана: «Essai sur les fondements de la psychologie»; эта статья появилась отдѣльно въ маѣ 1846 года въ «Bibliothèque universelle» въ Женевѣ.

Основная мысль Мэнъ де Бирана—необходимость тѣсной связи между психологіей и искусствомъ воспитанія, необходимость психологическаго метода.

Психологія, по его мнѣнію, есть методъ, внутреннее усиліе, дѣятельность рефлексіи, самопознанія. Мыслящій субъектъ, познавая свои способности, будетъ непременно упражнять ихъ.

Такимъ образомъ, самонаблюденіе есть не только *спекулятивная*, но и *дѣятельная, практическая* сила. Главное не въ томъ, чтобы открыть психологическую истину, а чтобы искать ее.

Надо замѣтить, что въ 1812 г., когда Мэнъ де Биранъ писалъ «Essai», онъ былъ поклонникомъ доктрины автономіи воли. Поэтому понятно, что въ его системѣ воспитанія дѣятельныя способности должны господствовать надъ пассивными. Если человѣкъ умѣетъ владѣть собою, своимъ вниманіемъ, понимаетъ свои отношенія къ обществу, не рабъ и не игрушка своихъ страстей, то онъ исполняетъ назначеніе человѣка («métier d'homme»). Нечего заботиться о равномѣрномъ развитіи способностей: дѣятельныя надо поощрять, а развитіе пассивныхъ—сдерживать.

Его система явилась, какъ протестъ противъ системы Кондильяка, который проповѣдывалъ сенсуализмъ и главенство физическихъ потребностей.

Дѣятельное вниманіе и размышленіе должны управлять ощущеніями, почему въ обученіи слѣдуетъ умѣрять излишнюю наглядность, расслабляющую способности.

Нравственное развитіе нераздѣльно съ умственнымъ. Развивая способности вниманія, сужденія и размышленія, которыя являются только формами воли, мы развиваемъ власть надъ собою, а, развиваясь сами, не можемъ не развивать и нравственности. Недостаточное развитіе дѣятельнаго вниманія ослабляетъ волю, а слѣдовательно, и нравственность, и даетъ доступъ капризамъ страсти: самый источникъ эгоизма заключается въ невниманіи къ чужому горю. Судить pro и contra уже значитъ упражнять волю; между нею и разумомъ создано только искусственное различеніе. «Разумъ и нравственность основываются на одномъ началѣ».

Такимъ образомъ Мэнъ до Биранъ приходитъ къ тезису Платона

о тождествѣ знанія и добродѣтели, о знаніи, какъ силѣ и дѣятельномъ принципѣ.

Но главною основою всей системы служить самонаблюденіе.

Конечно, въ самонаблюденіи нельзя не признать одного изъ источниковъ нравственности, потому что при немъ познаются не только умственные процессы, но и личныя наклонности.

А все-таки «отъ сердца за умъ не спрячешься». Добродѣтельный человѣкъ непремѣнно психологъ: зная себя, онъ знаетъ и другихъ. Но въ постоянномъ самонаблюденіи есть и большая опасность: наблюдая за тѣмъ, какъ живешь, можно забыть жизнь, погружаясь въ пучину собственнаго я, какъ другіе погружаются въ созерцаніи Бога. Въ результатѣ можетъ выработаться утонченный эгоизмъ, неисправимая неспособность къ дѣятельности, боязливость, недоувѣрчивость, отсутствіе увѣренности въ собственныхъ силахъ—вообще, мелкій *гамлетизмъ*. Простой человѣкъ идетъ твердо и прямо къ поставленной имъ цѣли; въ отношеніи рефлексіи нужна умѣренность, а не то сила обратится въ безсиліе.

Это оправдалось и на личности Мэна: въ философіи онъ былъ и сенсуалистомъ, и спиритуалистомъ, и мистикомъ; въ дѣловой жизни онъ чувствовалъ себя сомнамбулою, съ горечью сознавая свою практическую неспособность. Чисто психологическая жизнь не даетъ силы убѣжденія и энергіи дѣйствія; для дѣйствительной жизни нужно объективировать мысль и чувство или въ идеалѣ правды, или въ людяхъ, семьѣ, отчизнѣ, при любви къ которымъ и невозможное возможно (R. réd. № 2).

Къ тому-же отдѣлу относимъ мы помѣщенную въ № 4 статью Маріона: «Базедовъ и филантропинизмъ», написанную по поводу докторской диссертациі Пинлоша на эту тему, и рядъ статей Дерё (Dereux), составленныхъ по Герbartу, подъ заглавіемъ: «Психологія въ примѣненіи къ воспитанію» (№№ 5, 6, 7 и 8).

Изъ статей, посвященныхъ современнымъ педагогамъ, интересна замѣтка Компере о педагогіи гр. Толстого.

Авторъ находитъ, что она есть собственно отрицаніе педагогіи, своего рода педагогической нигилизмъ. Ни одинъ мыслитель до сихъ поръ не возставалъ такъ смѣло противъ общепринятыхъ мнѣній и существующихъ учебныхъ заведеній. Во имя искренней любви къ народу, доходящей до ослѣпленія, признавая непогрѣшимыми народныя инстинкты, Толстой проповѣдуетъ, что, руководимый Провидѣніемъ, народъ только самъ и можетъ опредѣлить, какія знанія ему необхо-

димы. Всѣ учебно-воспитательныя учрежденія въ его глазахъ являются узурпаціей свободы и права народа на самобытное развитіе.

Несмотря не всеразрушающее направленіе, въ его педагогическихъ статьяхъ много привлекательнаго; нѣтъ возможности читать ихъ, не поколебавшись въ своихъ оптимистическихъ убѣжденіяхъ; не премѣнно явится потребность отвѣчать ему, опровергнуть его горькіе сарказмы и тревожныя доктрины.

Какого-же философскаго принципа держался Толстой при отрицаніи существующихъ педагогическихъ системъ? Онъ не вѣритъ въ прогрессъ. Прогрессъ, въ его глазахъ, только возведенное въ общій принципъ эгоистическое сновидѣніе правящихъ классовъ, довольныхъ тѣми удобствами, которыя онъ имъ доставляетъ. Прогрессируютъ тысячи, а милліонамъ прогрессъ бесполезенъ и даже скорѣе вреденъ.

Удобства телеграфныхъ сообщеній? Да вѣдь $\frac{9}{10}$ челоѣчества слышать только шумъ проволокъ, а депеши пролетаютъ надъ его головою, ни на песчинку не увеличивая его благосостоянія. Народъ не посылаетъ телеграммъ, не ѣздитъ по желѣзнымъ дорогамъ, не читаетъ, — все это составляетъ монополію одного класса общества, выгодную для членовъ этого класса, которые подъ словомъ *прогрессъ* понимаютъ свои личныя выгоды. Толстой старается доказать, что прогрессъ вообще не увеличиваетъ суммы челоѣческаго счастья: «однажды усиленная армія не можетъ быть сокращена, вырубленные вѣковые лѣса незамѣнимы, изнѣженное народонаселеніе не вернется къ простотѣ и умѣренности».

Въ критикѣ Толстого много ума и горячности, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтна и постоянная склонность къ софистикѣ, именно къ тому ея роду, которымъ отличаются всѣ поклонники принципа: *все или ничего*. Дѣйствительно, прогрессъ не проникъ равномерно во всѣ слои общества; но вѣдь и солнце освѣщаетъ сначала вершины горъ и только мало по малу проникаетъ въ долины. Развѣ крестьяне и рабочіе не пользуются и въ настоящее время примѣненіями новыхъ научныхъ открытій? развѣ не улучшилось общее благосостояніе въ сравненіи, напримѣръ, съ средними вѣками? развѣ на вѣсахъ челоѣческаго страданія и благополучія не облегчилась чаша золъ?

По Толстому, единственный методъ обученія—опытъ, единственный критеріумъ—свобода выбора.

Другими словами, надо обучать тому, чему хотятъ обучаться; авторитетъ мыслителей и опытъ прошедшихъ вѣковъ должны преклониться передъ единственною законною силою—инстинктомъ народа. Опытъ школы и успѣшность ея покажутъ, удачно-ли устроена школа.

Слѣдовательно, школа должна будетъ всегда производить опыты, безконечно разнообразныя, какъ разнообразна и природа дѣтей.

Даже преданность педагоговъ своему дѣлу и ихъ желаніе воспитать дѣтей согласно своимъ идеаламъ Толстой объясняетъ завистью ихъ къ чистотѣ дѣтской природы и желаніемъ сдѣлать дѣтей похожими на себя самихъ въ отношеніи испорченности.

Вопросы объ устройствѣ школы, о выборѣ учителей, объ ихъ способахъ обученія, о вознагражденіи ихъ, о выборѣ мѣста для школы — всѣ эти вопросы долженъ рѣшить самъ народъ. Ему не нужны каменные зданія: пусть дѣти учатся въ кабакахъ, въ овинахъ, въ курятникахъ, — лишь-бы ихъ учили хорошо. А учителемъ, по мнѣнію Толстого, можетъ быть и причетникъ, и отставной солдатъ, и первый прохожій, только чтобы умѣлъ читать и писать и не было въ немъ ничего подозрительнаго — вотъ къ чему привела Толстого его непримиримая ненависть къ регламентаціи. Но вѣдь не всякая деревня — «Ясная Поляна» и не всякій прохожій — Толстой. Можно ли опираться въ рѣшеніи такой задачи на одинъ фактъ спроса и предложенія?

Враждебно настроенный противъ русскихъ учебныхъ заведеній, Толстой не щадитъ и иностранныхъ. «Французы — говоритъ онъ — воспитываютъ людей съ узкими воззрѣніями и совершенно самодовольныхъ». Посѣтивши въ 1860 году Марсель, онъ пришелъ къ убѣжденію, что всѣ учебныя заведенія въ Марсели изъ рукъ вонъ плохи. Онъ говоритъ, что будто-бы ни одинъ ученикъ не могъ рѣшить задачи на сложеніе и вычитаніе, что по исторіи они отвѣчали хорошо только твердо заученное и что одинъ изъ учениковъ сообщилъ ему фактъ объ убійствѣ Генриха IV-го Юліемъ Цезаремъ. Къ другимъ національностямъ относится онъ также безпоощадно. «Я могъ-бы написать цѣлыя томы по поводу невѣжества, встрѣченнаго мною въ Швейцаріи и Германіи». Въ особенности нападаетъ Толстой на приемы, занесенные въ русскую школу изъ Германіи, и на стремленіе учить дѣтей тому, что они знаютъ. Называютъ общезвѣстныя вещи, указываютъ правую и лѣвую сторону, т. е. обращаются къ воображаемымъ дѣтямъ, какихъ нѣтъ на Руси; уже двухгодовалыя все это знаютъ. Можетъ быть, дѣти негровъ, готтентотовъ и нѣкоторыхъ нѣмцевъ пужаются въ этомъ; но русскія дѣти, еще поступаая въ школу, знаютъ, что такое *направо*, *нальво*, что такое *столь*, *скамья* и т. п.

Взгляды Толстого, глубокіе и правильные въ частности, и его опыты въ «Ясной Полянѣ» являются, въ общемъ, мечтами поэта. Школьная анархія не можетъ приготовить къ легальной обществен-

ной жизни (правда, что Толстой представляетъ себя и общество безъ судей, безъ тюремъ, безъ войска, почти безъ законовъ); обязательность воспитанія всегда будетъ общественною необходимостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ правомъ родителей воспитывать дѣтей и правомъ государства воспитывать будущихъ гражданъ въ духѣ повиновенія закону. Истинная свобода не продуктъ природы; она предполагаетъ культуру, нормальное развитіе разума.

Желательнѣе было-бы, чтобы Толстой вернулся къ дѣятельности романиста; но и въ его нападкахъ на общество и школу есть многое, достойное вниманія. Не совсѣмъ неправъ онъ, упрекая современную педагогію въ томъ, что она замѣнила новой рутинной и новымъ формализмомъ механическіе методы и приемы старой школы. Изъ его неограниченной любви къ свободѣ и изъ его фанатическаго уваженія къ инстинктамъ народа мы все-таки можемъ извлечь спасительное указаніе на то, что не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться однообразіемъ, идеей о необходимости единого воспитательнаго типа; что не слѣдуетъ навязывать крестьянскимъ дѣтямъ тѣхъ-же предметовъ и ту же продолжительность обученія, какъ и дѣтямъ городскихъ сословій: что прекрасно въ столицѣ, то можетъ никуда не годиться въ отдаленной деревушкѣ (R. réd. № 6).

Къ тому-же отдѣлу относится статья Гильома: «Современный испанскій педагогъ Франциско Жинеръ». По Жинеру, задача воспитанія состоитъ въ развитіи самодѣятельности и духа изслѣдованія; лучшимъ средствомъ для этой цѣли служить, во-первыхъ, тѣсная духовная связь между учителемъ и учениками, число которыхъ у каждаго учителя, слѣдовательно, не можетъ быть очень велико, и, во-вторыхъ, уничтоженіе тѣхъ официальныхъ формальностей, которыя руютъ пропасть между учащими и учащимися (R. réd. № 4).

Изъ числа матеріаловъ для исторіи народнаго образованія «Revue pédagogique» дало родъ обзора главныхъ трудовъ въ этой области за послѣднее время, сдѣланнаго М. *Стеегомъ* (№ 1).

По поводу всемірной выставки 1889 г. министръ народнаго просвѣщенія, при посредствѣ Педагогическаго музея, напечаталъ сборникъ педагогическихъ монографій, состоящій изъ шести томовъ. Мы укажемъ на главныя статьи, помѣщенныя въ этомъ сборникѣ.

1) «Движеніе педагогическихъ идей во Франціи» (съ 1870 г.)—составилъ *Генри Маріонъ*.

2) «Общій очеркъ организаціи начальнаго обученія»—*Мартель* и *Лесенъ*.

3) Очеркъ исторіи «сельскихъ школъ» — академическаго инспектора *Пуатрино*.

4) «Материнскія школы» — г-жъ *Матра* и *Кергомаръ*.

5) Нѣскольکو статей по методикѣ обученія: языку (*Карре*), исторіи (*Лемонье*), географіи (*Дютои*), математикѣ (*Дальсемъ*), морали (*Лейхтенбергеръ*), гражданственности (*Мабильо*), новымъ языкамъ (*Бреаль*), рисованію, пѣнію и гимнастикѣ.

6) «Школьная библіотека» *Поля Деллялена*, весьма полезное пособие для учителей, какъ списокъ учебниковъ и какъ указаніе на постепенныя улучшенія въ изданіяхъ книгъ для дѣтей.

7) «Библіографія начальнаго обученія» (1878—1888) *Оллендона* въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ, но безъ систематическаго указателя.

8) «Школьные музеи изящныхъ искусствъ» — *Поля Мантца*.

9) Исторія «школьныхъ музеевъ» *Серюрье* даетъ много полезныхъ практическихъ указаній.

10) Исторія школьныхъ библіотекъ — *Гёнъ*.

11) «Высшія начальныя школы и профессиональныя училища» — *М. Мартель*.

1) «Школьныя кассы» — *Каде*.

2) «Школьныя колоніи» — *Котине*.

3) «Общественное образованіе во французскихъ колоніяхъ» — *Франка Пюо*.

4) «Французскій союзъ», задачи котораго — распространеніе знанія французскаго языка во всѣхъ странахъ свѣта, всюду, куда могутъ проникать французскія книги, идеи, идіомы и, слѣдовательно, французское вліяніе.

Къ этому-же отдѣлу относится статья *Бюиссона*: «Начальное обученіе на всемірной выставкѣ 1889 г.», статья, написанная въ горячемъ патріотическомъ духѣ, педагогомъ, который глубоко обрадованъ успѣхами, сдѣланными Франціей за послѣднее десятилѣтіе на прищѣ начальнаго обученія (№ 2).

Педагогическій музей отъ времени до времени печатаетъ документы по учебному дѣлу, какъ матеріалъ для исторіи начальнаго образованія въ XIX вѣвѣ. Въ 1887 г. помѣщенъ былъ въ «Revue pédagogique» обзоръ 40 брошюръ; въ 1890 явилось продолженіе этого обзора: въ №№ 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ рассмотрѣно еще 56 брошюръ. Изъ числа ихъ мы считаемъ нелишнимъ указать на слѣдующіе нумера: № 43 — тетради ежемѣсячныхъ заданій, № 44 — «исторія словъ» (*М. Бреаль*), № 45 — «какъ мѣняется значеніе словъ» (*Литтре*);

№№ 49 и 77—обученіе гимнастикѣ въ начальныхъ школахъ и труды гимнастической комиссіи; №№ 48, 56 и 83—профессіональныя школы, № 60—вопросъ о переутомленіи, № 66—книги для начальныхъ школѣ, № 73—вопросъ объ ореографической реформѣ (*Дармстеттер*), № 79—скандинавскія школы на Копенгагенской выставкѣ (г-жи *Матра*), № 85—эпидемическія и заразительныя болѣзни у дѣтей (д-ръ *Гальтье-Буассе*), № 86—школьныя игры, № 91—международный конгрессъ по начальному образованію *). № 92—общественное обученіе женщинъ во Франціи (*Визграмъ*).

По общепедагогическимъ вопросамъ и по вопросу о состояніи современной школы помѣщены слѣдующія статьи: 1) *Кампере*: «Развитіе нравственнаго чувства у дѣтей» (№ 7), 2) *Мартинъ*: «Память словъ у дѣтей» (№ 1), 3) *Руссело*: «Педагогическіе отрывки» (№ 8) изъ предисловія къ находящемуся въ печати переработанному изданію его педагогіи. Въ первомъ отрывкѣ заключаются *опредѣленія воспитанія* (Платона, Цицерона, Конта, Ж. П. Рихтера, Локка, Джемса и Ст. Милля и др.); во второмъ—*нравственное и воспитательное значеніе обученія*; въ третьемъ—*отчизна и человечество*; 4) *Сеайль*: «Гражданское воспитаніе», 5) *Гальтье-Буассе*: «Школьныя кассы» (съ 1882 по 1890 г.). Школьныя кассы, основанныя въ 1849 году по частной инициативѣ и поставленные М. Дюрюи подъ покровительство государства, сдѣлались общественнымъ учрежденіемъ со времени введенія закона объ обязательности начальнаго обученія. Цѣль ихъ—помогать нуждающимся ученикамъ путемъ бесплатной раздачи книгъ, тетрадей, одежды и обуви.

Статья 17 закона 28 марта 1882 года гласитъ: «Школьныя кассы учреждаются во всѣхъ общинахъ. Въ общинахъ, получающихъ правительственную субсидію, школьная касса имѣетъ право на субсидію изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія въ размѣрѣ, по крайней мѣрѣ равномъ субсидіи, выдаваемой общиною». Такое дѣятельное участіе правительства дало замѣчательные результаты. Съ 1868 по 1878-й годъ число кассъ увеличилось только втрое (съ 202 до 639); въ 1881-мъ году, послѣ вотированія закона, въ половинѣ общинъ во Франціи (16.252) появились школьныя кассы; число ихъ дошло въ 1884 году до 19.446, а затѣмъ уменьшилось, и теперь ихъ не болѣе 17.000. Но хотя число и стало меньше, за то средства значительно увеличились: въ 1878 г. онѣ владѣли 133.876 фр., въ 1882

*) Отчетъ объ этомъ конгрессѣ помѣщенъ въ № 3 «Русской Школы» за мартъ 1890 г.

году—3.061.181 фр., а къ январю 1888 года—болѣе, чѣмъ *пятью* миллионами франковъ.

Участіе государства выразилось тремя путями: субсидіями, обязательствомъ для городскихъ управленій открывать такія кассы и личнымъ вліяніемъ академическихъ инспекторовъ на городскихъ мэровъ.

Государственная субсидія въ 100.000 фр. съ 1870 г. остается неизмѣнною. Она все-таки вліяетъ на увеличеніе числа кассъ, потому что выдается мелкимъ общинамъ, тогда какъ до 1882 года ею пользовались и большіе города. И въ мелкихъ общинахъ необходима помощь въ началѣ, пока не явится сознаніе полезности этого учрежденія, и муниципальные совѣты не внесутъ пособія этимъ кассамъ въ свой ежегодный бюджетъ. Законъ 19 іюля 1889 г. лишаетъ государственную субсидію ея обязательнаго характера и дополняется закономъ 29 января 1890 года, который гласитъ: «Средства школьныхъ кассъ и государственная субсидія, внесенная въ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія на предметъ помощи школамъ, *прежде всего* назначаются для доставленія даровыхъ книгъ нуждающимся ученикамъ».

По уставу школьныхъ кассъ 1882 года средства ихъ употреблялись и на выдачу, на примѣръ, наградъ успѣвающимъ ученикамъ. Въ большихъ городахъ, гдѣ собирается много пожертвованій въ пользу кассъ, это не приносило ущерба дѣлу; но въ мелкихъ общинахъ слѣдуетъ ограничить выдачу изъ государственной стипендіи только необходимымъ.

Роль государства въ подобнаго рода благотворительныхъ учрежденіяхъ очень опредѣленная: оно должно оказать покровительство въ началѣ дѣла, поддержать усердіе учредителей, дать имъ всѣ нужныя указанія и облегчить затрудненія; но его дары не должны быть постоянными и не должны достигать такой цифры, которая сдѣлала-бы частную инициативу излишнею; эти дары, въ большинствѣ случаевъ, должны быть простымъ выраженіемъ участія къ учрежденію.

Чтобы справедливо распределить субсидію, необходимо знать, сколько требуется ежегодно израсходовать на книги и бумагу для каждаго ученика. Попытки въ точности опредѣлить эту цифру оказались неудачными; но статистическія данныя, доставляемыя многими общинами, несомнѣнно должны принести пользу.

Распределеніе стипендій могло-бы быть правильнѣе, если-бы въ составъ комитетовъ, въ качествѣ полноправныхъ членовъ, были допущены директора и директрисы начальныхъ и материнскихъ школъ, которые въ такихъ комитетахъ въ настоящее время играютъ слиш-

комъ второстепенную роль: они только *могутъ быть* приглашаемы въ засѣданія комитетовъ съ правомъ *совѣщательнаго* голоса.

Въ настоящее время нѣкоторые изъ департаментовъ начали обнаруживать излишнюю бережливость въ расходахъ: такъ, въ концѣ 1887 года въ школьной кассѣ оставалось капиталу 1.589.937 ффранк. Это цифра очень высокая: она равняется почти половинѣ годоваго расхода, а такое благотворительное учрежденіе, которое, въ виду существованія несомнѣнной потребности въ пособіяхъ, сберегаетъ треть дохода, нельзя назвать достигающимъ поставленной имъ цѣли. Съ существующими на дѣлѣ нуждами лучше всего могутъ познакомить воспитатели, почему мы и желаемъ, чтобы воспитатель имѣлъ право быть членомъ комитета; а если въ общинѣ нѣсколько школъ, то чтобы воспитатели выбирали своимъ представителемъ одного изъ своей среды. Они и должны представлять въ комитетъ проектъ бюджета, въ который слѣдуетъ заносить: 1) *приходъ* (субсидіи общинъ, департамента, правительства, частныя пожертвованія, сборы, завѣщанія) и 2) *расходъ* (учебныя пособія неимущимъ, выдача одежды и пищи, награды).

Такія бюджетныя таблицы, интересныя въ статистическомъ и экономическомъ отношеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ давали-бы возможность судить, удовлетворены-ли *прежде всего* классныя потребности неимущихъ; онѣ служили-бы основаніемъ для опредѣленія размѣра общинной и государственной стипендіи для отдѣльной школы, и могли-бы служить для администраціи кассъ указаніемъ на различныя формы, въ которыхъ можетъ явиться къ нимъ на помощь частная инициатива: въ Парижѣ, напримѣръ, вошло въ обычай дѣлать сборы въ пользу школьныхъ кассъ по совершеніи каждаго гражданскаго брака, что не мѣшало-бы распространить и на провинціи.

Балы, ярмарки, концерты, мѣстные праздники могутъ представить прекрасные случаи если не для сбора, то для ознакомленія публики съ полезнымъ учрежденіемъ, которое многимъ еще неизвѣстно (R. réd. № 8).

6) Въ статьѣ *E. Kade*: «Необходимое изслѣдованіе» (R. réd. № 8) проводится мысль о необходимости серьезно убѣдиться въ степени образованности молодыхъ людей, приступающихъ къ отбыванію воинской повинности, для того, чтобы точнѣе ознакомиться съ результатами школьнаго обученія и принять мѣры противъ рецидивизма невѣжества, котораго можно опасаться не безъ основаній. Такъ, напримѣръ, 118.608 человекъ призыва 1886 года прошли только черезчуръ элементарный курсъ полковыхъ школъ; по показанію начальства и по

собственному сознанию ихъ, свѣдѣнія и развитіе очень неудовлетворительны. Обязательное обученіе въ начальныхъ школахъ продолжается до 12 лѣтъ, и приобрѣтенныя свѣдѣнія нерѣдко утрачиваются до 21-го года. Средство противъ этого зла Каде видитъ въ устройствѣ во всѣхъ общинахъ «курсовъ для взрослыхъ»; но такъ какъ учащему персоналу начальныхъ школъ трудно и почти невозможно справиться съ такою сложною задачею, то авторъ предлагаетъ привлечь къ участию въ этихъ курсахъ меровъ, докторовъ, аптекарей, нотаріусовъ, мировыхъ судей, отставныхъ офицеровъ и т. д. При такомъ составѣ лекторовъ курсы выиграютъ въ разнообразіи и содержательности и возбудятъ охоту къ самостоятельному чтенію *).

По вопросу о школьныхъ колоніяхъ помѣщены:

7) Сообщение относительно отчета о международномъ конгрессѣ въ Цюрихѣ въ 1888 году о школьныхъ колоніяхъ и школьной гигиенѣ.

Этотъ отчетъ появился только въ февралѣ 1890 года въ гамбургскомъ изданіи Фосса. На цюрихскомъ конгрессѣ обсуждался вообще вопросъ о средствахъ укрѣпить здоровье учащихся въ народной школѣ, а въ частности—вопросъ о школьныхъ колоніяхъ въ вакаціонное время, который и рассматривался съ различныхъ точекъ зрѣнія: медицинской, нравственной и практической. На-ряду съ временными колоніями существуютъ еще *sanatoria*, т.-е. постоянные пріюты для немощныхъ, на берегу моря, въ горахъ или въ мѣстахъ морскихъ купаній.

Брошюра оканчивается хронологическимъ перечнемъ того, что напечатано до послѣдняго времени на всѣхъ языкахъ относительно школьныхъ колоній, санаторій и вообще вопросовъ, касающихся школьной гигиены, какъ, напр., пищевого режима, купаній, игръ, садовъ, устройства помѣщенія и т. д.

Эта библиографія можетъ оказать дѣйствительную услугу тѣмъ, кто дѣятельно интересуется судьбою бѣдныхъ и страждущихъ дѣтей (R. *réd.* № 3).

8) Отчетъ *Эдмона Котине* о школьныхъ колоніяхъ за 1888 и 1889 гг.

Назначеніе на этотъ предметъ изъ школьныхъ кассъ вмѣстѣ съ субсидіей отъ городскихъ управленій поднялось въ 1888 году съ 51.712 до 83.327 фр.; въ 1889 г. число жившихъ въ колоніи возрасло на 377 человекъ, а расходы увеличились на 31.673 фр. сравнительно съ 1888 годомъ, и, слѣдовательно, дошли до 104 тысячъ франковъ, а субсидія городского управленія до 55 тысячъ франковъ.

*) Подобная мысль, хотя не въ такомъ примѣненіи, была высказана Эдмонъ Абу въ его романѣ: «Le brave homme».

Въ этотъ бюджетъ входятъ издержки на содержаніе и денежное вознагражденіе 96 учителей и учительницъ и 20 преподавательскихъ жень, не получавшихъ денежнаго вознагражденія, материнскія заботы которыхъ были необходимы для малютокъ. Сложивши число 116 съ количествомъ колонистовъ (1.246), мы увидимъ, что на каждаго приходилось расходовать 76 фр. 36 сант., т.-е. очень скромную цыфру, если принять во вниманіе, что въ тринадцати округахъ вакаціи продолжались отъ 26 до 32 дней и только въ пяти по 21 дню.

Гг. Дюваль и Шампрено принесли въ даръ бѣднымъ страждущимъ дѣтямъ своего округа старый замокъ въ Вогезахъ, который они купили, реставрировали и мебелировали на свой счетъ, замокъ съ паркомъ въ два гектара.

Цыфры, указывающія на физическое развитіе колонистовъ, значительно повысились въ сравненіи съ 1888 годомъ. Школьныя кассы, очевидно, сдѣлались опытнѣе, и дѣти, содержавшіяся на ихъ счетъ, получая лучшую пищу, замѣтно увеличились въ вѣсѣ. Нѣкоторые директоры колоній, увлекшись прибрѣтеннымъ результатомъ, въ концѣ вакаціи стали дѣлать съ дѣтьми усиленныя пѣшеходныя прогулки, что и отозвалось нѣкоторымъ уменьшеніемъ вѣса колонистовъ.

Весь воспитательскій персоналъ единогласно отзывается съ похвалою о прекрасномъ поведеніи дѣтей въ колоніяхъ; вѣра директоровъ колоній въ пользу этихъ учрежденій растетъ съ каждымъ днемъ.

Маленькихъ парижскихъ колонистовъ вездѣ принимали прекрасно, даже иногда съ почетомъ: въ Блено колонисты VII округа были встрѣчены на желѣзнодорожной станціи депутатомъ и школьнымъ батальономъ въ полномъ вооруженіи.

Въ Марто мальчики четырехъ колоній вмѣстѣ принимали участіе въ украшеніи зданія высшей общинной школы ко дню акта; дѣвочки-колонистки въ XIV и XX округахъ, гдѣ были помѣщены и колоніи для мальчиковъ, чинили рубашки и панталоны своихъ сверстниковъ, будущихъ защитниковъ отечества.

Такимъ образомъ, заботясь о физическомъ здоровьѣ дѣтей, школьныя колоніи противодѣйствуютъ и атрофіи дѣтскихъ сердець (R. *réd.* № 6).

Изъ относящихся къ этому-же отдѣлу статей укажемъ еще на слѣдующія:

9) «Профессора учительскихъ институтовъ въ школахъ, состоящихъ при этихъ институтахъ» (№№ 2 и 4).

10) Отчетъ *Е. Манюэля* о конкурсномъ испытаніи дѣвицъ на право обученія (№ 3).

11) *Кергомаръ*: «Общество спасенія дѣтей» (извлечено изъ журнала: «L'ami de l'enfance» (№ 4).

12) *Ф. Пено*: «Чтеніе стихотвореній въ начальной школѣ» (№ 7).

13) *Стрели*: «Гимнастическія упражненія» (№ 7).

14) «Злоупотребленіе заданиями и поправками письменныхъ работъ» (извлечено изъ бруссельской «Пчелы») (№ 8).

16) «Списокъ учебныхъ пособій, книгъ и реестровъ, обязательныхъ для школъ», утвержденный президентомъ и министрами внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и народнаго просвѣщенія.

Въ 1888 году Дармстеттеръ поставилъ въ «R. réd.» вопросъ объ упрощеніи французскаго правописанія; въ декабрьскомъ номерѣ «Revue des deux mondes» за 1889 годъ помѣщена статья Бреаля объ орфографической реформѣ; въ настоящее время профессоръ французской коллегіи Луи Гаве подалъ «петицію членамъ французской академіи въ видахъ упрощенія орфографіи»,—петицію, подъ которой подписались многія выдающіяся лица.

Въ «Revue pédagogique» помѣщенъ рядъ статей, посвященныхъ этому вопросу: 1) *Карре*: «о реформѣ во французской орфографіи» (№ 1); 2) его же, «уничтоженіе диктовки на выпускныхъ экзаменахъ» (№ 2); 3) *Флэри*: «упрощеніе французской орфографіи и синтаксиса» (№ 2); 4) *Лафоргъ*: «по поводу упрощенія орфографіи» (№ 3); 5) «Китайщина въ диктовкѣ» (№ 3); 6) *Обергъ*: «орфографическая реформа и уничтоженіе диктовки на выпускныхъ экзаменахъ» (№ 4); 7) *Дюссише*: «различія въ произношеніи» (№ 6).

Въ отдѣлѣ «Печать и книги» помѣщаются библиографическія извѣстія. Укажемъ на болѣе выдающіяся книжныя новости прошлаго года, сочувственные отзывы о которыхъ помѣщены въ «Revue pédagogique».

1) *Жюля Симона*: «Семейное обозрѣніе» (Revue de famille), изданіе еженедѣльное.

2) *Гюйо*: «Воспитаніе и наследственность».

3) *Греаргъ*: «Законодательство по начальному обученію съ 1789 г. до нынѣшняго времени» т. I, второе изд. (до 1833 года).

4) *Большая энциклопедія*, объяснительный инвентарь науки и искусства къ концу XIX вѣка. Парижъ. Цѣна за каждый томъ 25 фр. Вышло 9 томовъ въ 2 столбца, по 1.200 страницъ въ каждомъ.

Въ «Хроникѣ начальнаго обученія» помѣщено извѣстіе объ основаніи «международной лиги обученія». Въ Парижѣ образовался организаціонный комитетъ. Президентомъ избранъ сенаторъ Массе, секретаремъ—Маконъ, кассиромъ—Вингамъ.

Комитетъ имѣетъ въ виду издавать ежемѣсячный бюллетень, какъ только образуется достаточное число желающихъ принять участіе въ этой лигѣ. Съ заявленіями обращаются въ помѣщеніе комитета (адресъ: Ligue française. Paris, 14, rue Jean-Jacques Rousseau).

Въ отдѣлѣ «внѣшнихъ извѣстій» небезинтересенъ выборъ сообщеній, изъ которыхъ можно указать на слѣдующія:

Въ учительскую семинарію, въ Готѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, прекращенъ доступъ французскимъ учителямъ, которые поступали туда для практическаго изученія нѣмецкаго языка. «Revue» предполагаетъ три возможныхъ причины такого запрещенія: или Готскую семинарію стыдно показывать постороннимъ, или кобургъ-готскія власти очень ненавидятъ французовъ, или-же, наконецъ, въ изолированности отъ другихъ народовъ признаютъ залогъ самостоятельности своего развитія (№ 1).

Въ № 2 сообщается извлеченіе изъ берлинской «Pädagogische Zeitung» по поводу рѣчи депутата Рихтера въ засѣданіи рейхстага 13 января, рѣчи о возмутительномъ обращеніи офицеровъ и унтеръ-офицеровъ съ учителями во время отбыванія ими воинской повинности.

По поводу указанныхъ въ № 2 злоупотребленій офицеровъ и унтеръ-офицеровъ германскій императоръ на кадетскомъ праздникѣ въ Лихтерфельдѣ, обращаясь къ окружавшимъ его будущимъ офицерамъ, сказалъ: «со многихъ сторонъ имперіи до меня дошли жалобы на злоупотребленіе властью со стороны офицеровъ относительно ихъ подчиненныхъ. Офицеръ не долженъ быть грубъ и заносчивъ съ солдатами; онъ долженъ быть терпѣливъ и снисходителенъ къ нимъ и не требовать ни съ кого изъ нихъ болѣе того, что тотъ можетъ исполнить» (№ 3).

Въ бостонскомъ «Journal of Education» отмѣчена симпатичная черта американскихъ нравовъ: генералъ Джонъ Бидвелъ изъ Чико въ Калифорніи посылаетъ въ учительскій институтъ разъ или два раза въ недѣлю карету, предоставляя учителямъ поочередно пользоваться ею для часовой или двухчасовой прогулки по окрестностямъ. Примѣръ—достойный подражанія! (№ 3).

Берлинская «Pädagogische Zeitung» недавно съ горечью отозвалась о результатахъ школьной статистики за 1886 годъ, напечатанной прусскимъ правительствомъ. Это—первое обнародованіе статистическихъ данныхъ бросило свѣтъ на всѣ подробности организаци, которая представляетъ мало утѣшительнаго. Не замѣтно усилій снабдить народную школу нужными средствами и пособіями; вмѣсто прогресса въ школьномъ дѣлѣ замѣчается реакція. По этому поводу депутатъ

Кнерке сдѣлалъ запросъ въ палатѣ депутатовъ. Школьное населеніе увеличивается, классы переполняются, а число школь и учителей не соотвѣтствуютъ нуждамъ образованія: въ классѣ приходится отъ 70 до 150 человекъ на одного учителя (2.233.373 учащихся распределено въ 25.535 классахъ объ одномъ учителѣ). А учителей нѣтъ; въ учительскіе институты учениковъ поступаетъ мало; слѣдовало-бы создать еще 1.000 учительскихъ мѣстъ, но и на старыхъ оказывается ежегодно до 3.200 вакансій. Этому печальному положенію дѣль, по мнѣнію «Pädagogische Zeitung», можно помочь только увеличеніемъ содержанія учителямъ, которые поставлены въ невозможныя экономическія условія. Только тогда можно будетъ думать о замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ и раздѣленіи многочисленныхъ классовъ на отдѣленія (№ 7).

5 іюля въ Ивердонѣ послѣдовало открытіе памятника Песталоцци. Между рѣчами, произнесенными на торжествѣ, швейцарская пресса упоминаетъ о рѣчахъ: президента гельветической конфедераціи Рюшонне; правнука великаго педагога, профессора Карла Песталоцци; директора народныхъ школь Водскаго кантона—Руффи и синдика города Ивердона, который честно призналъ несправедливое отношеніе муниципалитета города Ивердона къ живому Песталоцци и напомнилъ, что общая участь благодѣтелей человѣчества — быть признанными только потомствомъ.

Въ качествѣ представителя «Revue pédagogique» отправился на открытіе памятника директоръ Педагогическаго музея М. Жюль Стеегъ.

Памятникъ работы скульптора Ланца. Песталоцци изображенъ во весь ростъ. Онъ стоитъ, одѣтый въ плащъ, съ добрымъ и кроткимъ видомъ, некрасивый, съ широкимъ ртомъ, длиннымъ подбородкомъ, волосами, падающими на тонкую шею; ему придаютъ привлекательность двѣ дѣтскія фигуры, которыя жмутся къ нему. Лѣвой рукой онъ опирается на плечо красиваго мальчика, который держитъ открытую книгу и обращается къ нему съ вопросомъ. Песталоцци отвѣчаетъ, правою рукой онъ дѣлаетъ объяснительный жестъ... Граціозная дѣвочка, младшая сестра школьника, держится за полу плаща, устремивъ любопытный взглядъ на учителя... (Стеегъ: «Открытіе памятника Песталоцци въ Ивердонѣ», № 8). В. П. Геннингъ.

Вѣстникъ воспитанія. 1890 г. № 5—8.

Какъ извѣстно, «Вѣстникъ воспитанія» выходитъ восемь разъ въ годъ—въ первые четыре и въ послѣдніе четыре мѣсяца года. Обзоръ

того, что далъ этотъ хоропо поставленный журналъ за первую половину года, мы представили въ сентябрьской книжкѣ нашего изданія. Обращаемся теперь къ «Вѣстнику воспитанія» за вторую половину перваго года его существованія. Въ статьѣ «Отъ редакціи», помѣщенной въ первой изъ осеннихъ книжекъ (№ 5), «Вѣстникъ воспитанія» напоминаетъ своимъ читателямъ, что онъ «ставитъ своей задачей главнымъ образомъ разсмотрѣніе вопросовъ санитарно-педагогическаго свойства» (стр. IV, V). «Вѣстникъ воспитанія» приглашаетъ педагоговъ усвоить себѣ «единственно вѣрную и законную точку зрѣнія въ своемъ дѣлѣ, именно психо-физиологическую» (стр. VII). Если признаться откровенно въ томъ, что современный нашъ педагогическій составъ отнюдь не подготовленъ въ этомъ направленіи, то отсюда до очевидности ясна праздность всѣхъ препирательствъ между двумя сторонами, стоящими на разныхъ точкахъ зрѣнія. Пусть наши педагоги, преподающіе въ школѣ и заправляющіе ею, привыкнутъ читать такія прекрасныя статьи, какъ, напримѣръ, «Физиологическая связь умственной дѣятельности съ физической» г. Е. Дементьева (№ 5),— пусть мы усвоимъ себѣ привычку проникаться аргументаціей, основанной на несомнѣнныхъ научныхъ данныхъ опытной физиологіи,— тогда только измѣнится характеръ споровъ о системахъ воспитанія. И гдѣ-же намъ, педагогамъ, не учившимся никогда ни педагогикѣ, ни физиологіи, понимать какъ слѣдуетъ врачей-гигиенистовъ, когда профессоръ Захарьинъ, котораго нельзя заподозрить въ незнаціи физиологіи, также не можетъ столковаться съ докторомъ Покровскимъ въ вопросахъ педагогическаго характера. Профессоръ Захарьинъ рекомендуетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» «усиліе концентраціи умственныхъ занятій учениковъ», сочувствуя при этомъ «сокращенію числа уроковъ по другимъ предметамъ съ перенесеніемъ ихъ на древніе языки». Докторъ Покровскій становится въ тупикъ передъ этими совѣтами (IX) и распространяется объ односторонности, приравнивая ее къ однообразію въ пищѣ.

А пока на языкѣ, понятномъ всякому, «даже не обучавшемуся въ семинаріи», редакція «Вѣстника воспитанія» настаиваетъ на необходимости большаго вниманія со стороны школы къ физическому развитію учащихся, указывая, что заботы въ этомъ направленіи вполне уживаются и съ классической системой, чему примѣромъ служитъ Англія (стр. VIII статьи «Отъ редакціи»). Напомнимъ здѣсь, что развитіе такого рода взглядовъ вполне сходится съ резолюціей нашего перваго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, по докладу профессора Лесгафта,— съ резолюцію,

которая гласить слѣдующимъ образомъ: «Признавая необходимость серьезнаго вниманія школы къ физическому развитію учащихся, собраніе находитъ, что ближайшая въ этомъ отношеніи задача школы есть устраненіе изъ нея условій, вредящихъ физическому развитію учащихся» (Тр. I отд. сѣзда, стр. 134 второй пагинаціи). Равнымъ образомъ на резолюцію сѣзда опирается редакція «Вѣстника воспитанія», рекомендуя устраненіе переходныхъ экзаменовъ и замѣну ихъ иными формами контроля учебныхъ занятій.

Кстати сказать, редакція «Вѣстника воспитанія» относится съ справедливымъ сочувствіемъ къ идеѣ живаго изустнаго обмѣна мыслей среди педагоговъ. Вопросу этому посвящена помѣченная въ № 5 статья г. А. П. подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о педагогическихъ собраніяхъ». Авторъ этой статьи предлагаетъ устройство педагогическихъ собраній въ каждомъ городѣ, гдѣ есть нѣсколько учебныхъ заведеній. Болѣе подробно разрабатываетъ тотъ-же вопросъ г. К. въ статьѣ подъ заглавіемъ: «О педагогическихъ собраніяхъ и сѣздахъ» (№ 7). Авторъ статьи справедливо замѣчаетъ, что педагогическій совѣтъ еще слишкомъ недостаточная почва для всесторонняго обсужденія педагогическихъ вопросовъ (стр. 65—69). Необходимо, говоритъ г. К., кромѣ этихъ официальныхъ, еще и частныхъ собраній, какъ для болѣе свободнаго обмѣна мнѣній среди педагоговъ, такъ и для лучшаго ознакомленія съ задачами и вопросами педагогическаго дѣла отъ времени до времени, въ открытыхъ засѣданіяхъ, и мѣстной публики, которая, естественно, должна явиться въ лицѣ родителей, образованныхъ и стремящихся къ образованію.

Отъ вопроса о педагогическихъ собраніяхъ г. К. переходитъ къ общепедагогическимъ сѣздамъ, необходимость которыхъ указана и первымъ сѣздомъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію и VIII сѣздомъ естествоиспытателей. Но несомнѣнно желательно предварительное устройство мѣстныхъ педагогическихъ собраній, которыя-бы подготовили болѣе серьезную постановку дѣла общихъ сѣздовъ. Программу общепедагогическаго сѣзда г. К. проектируетъ слѣдующую: «кромѣ общихъ соединенныхъ засѣданій, необходимы слѣдующія секціи: 1) Педагогика, дидактика и методика, 2) психологія, дѣтская психологія, 3) древніе языки, 4) математика, 5) исторія, 6) словесность, 7) естественныя науки, 8) географія, 9) школьная гигиена, 10) искусства—чистописание, рисованіе, черченіе, музыка, 11) гимнастика и ручной трудъ» (стр. 73).

Вообще «Вѣстникъ воспитанія» энергично приглашаетъ нашихъ педагоговъ подучиться, подтянуться и тѣмъ подготовить почву для

дѣйствительныхъ реформъ въ школьномъ дѣлѣ. Чтобы покончить съ призывами педагоговъ къ неисполняемымъ ими нынѣ функціямъ, укажемъ еще на превосходную статью профессора Зографа подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о школьныхъ экскурсіяхъ» (№ 5). Приводить доводы почтеннаго автора въ пользу экскурсій не станемъ: польза эта до очевидности ясна сама по себѣ. Скажемъ только, что при существующемъ распредѣленіи учебнаго года, когда экзамены приходятся на весну, экскурсіи, дѣйствительно, являются «утопіей, непроектируемой въ практику». Напомнимъ, что на томъ-же съѣздѣ по техническому и профессиональному образованію пишущимъ эти строки возбужденъ былъ вопросъ о переносѣ экзаменовъ на послѣдніе мѣсяцы года (Тр. I отд. пренія по докладу г. Фридрихсберга, стр. 80), и отъ сторонниковъ экскурсій мы ждемъ поддержки этой идеи.

Но какъ-бы ни была утопична идея проф. Зографа, мы съ особымъ сочувствіемъ перечитываемъ его образцовый опытъ программы экскурсій въ окрестности Москвы и приводимъ ее почти пѣликомъ:

1) Огороды за Бутырской заставой интересны *ранней весной*, тотчасъ по стаяннн снѣга, такъ какъ въ бороздахъ между грядами обильное населеніе такъ называемыхъ весеннихъ лужъ. Экскурсія можетъ быть соединена съ осмотромъ Бутырской церкви, построенной императоромъ Петромъ I въ 1682 году.

2) Луга и пруды (остатки разливовъ Москвы рѣки) подъ Симоновымъ монастыремъ. Интересны во все лѣтнее время. На лугахъ богатая фауна насѣкомыхъ, въ прудахъ масса жерлянокъ, тритоновъ, брюхоногихъ слизняковъ. Экскурсія можетъ быть соединена съ посѣщеніемъ монастырей Данилова (могилы Гоголя, Языкова, Хомякова) и Симонова, и слободы Старо-Симеоновской (Карамзинскій «Лизинъ прудъ», гробницы Пересвѣта и Ослабя въ церкви слободы).

4) Дача Студенецъ (школа садоводства) и окрестности Трехгорной заставы. На песчаныхъ холмахъ своеобразная растительность и фауна; въ прудахъ школы садоводства замѣчательная по богатству фауна стоячихъ водъ, за школой въ полуверстѣ—каменоломни съ интересными ископаемыми горнаго известняка. Экскурсія можетъ быть соединена съ посѣщеніемъ университетской астрономической обсерваторіи, находящейся вблизи отъ Трехгорной заставы, или съ переправы на другой берегъ Москвы-рѣки къ Дорогомиловскому кладбищу, близъ котораго горно-известняковая формація обнажена на крутомъ берегу, покрытомъ юрскими глинами.

4) Воробьевы горы. Обиліе фауны и флоры лиственныхъ лѣсовъ. Въ прудахъ и ямахъ отъ кирпичныхъ заводовъ обиліе нѣкоторыхъ

спеціальныхъ формъ. На противоположномъ берегу, въ Лужницкой слободѣ и въ прудахъ за стѣною Новодѣвичьяго монастыря обильная фауна стоячихъ водъ. Экскурсія можетъ быть соединена съ посѣщеніемъ Новодѣвичьяго монастыря или одной изъ многочисленныхъ фабрикъ по Москвѣ-рѣкѣ.

5) Деревня Шелепиха и Покровское, Фили. Богатый матеріалъ для коллекцій геологическихъ и минералогическихъ въ крутыхъ берегахъ рѣки Москвы; иногда могутъ быть встрѣчены части такихъ исполинскихъ ископаемыхъ, какъ ихтиозавръ. Въ прудахъ близъ химическаго завода, выше Шелепихи, громадныя пластинчато-жаберныя слизняки. На противоположномъ берегу, близъ Филей, прекрасная луговая фауна и флора; осмотръ древней церкви села Покровскаго и знаменитой избы Кутузова.

6) Село Коломенское. Въ саду интересная одичалая флора. По скатамъ и обрывамъ къ оврагу и Москвѣ-рѣкѣ многочисленные обитатели песчаной почвы. Осмотръ древнихъ церквей этой лѣтней резиденціи царей, съ посѣщеніемъ классической въ архитектурномъ отношеніи церкви села Дьякова и интереснаго Чортова городища.

7) Село Кунцево. Запущенный паркъ и лѣсъ по берегу рѣки Москвы. Можно сказать единственное, по разнообразію флоры и фауны, мѣсто подъ Москвою.

8) Измайлово. Измайловскій лѣсъ, или, какъ его зовутъ, звѣринецъ. Обладаетъ богатѣйшей флорой и фауной хвойнаго лѣса... Здѣсь-же пчельникъ общества акклиматизаціи... Измайловская богадѣльня, устроенная въ бывшей лѣтней резиденціи русскихъ царей.

9) Село Богородское. Лосиный островъ. Громадный лѣсъ представляетъ въ естественно-историческомъ отношеніи тотъ-же интересъ, какъ и Измайловское; выходитъ къ большимъ Мытищенскимъ ключамъ.

10) Село Останкино. Останкинскій лѣсъ, какъ лѣсъ смѣшанный, имѣетъ также свою спеціальную фауну и флору. Весьма интересно населеніе быстрого ручья, текущаго среди этого лѣса; большой прудъ, гдѣ предполагается находженіе черепахъ. Останкинская церковь и дворецъ. Развалины Екатерининскаго водопровода и Алексѣевская передаточная водокачка, поднимающая въ Москву мытищенскую воду.

11) Село Петровско-Разумовское. Лѣсъ Петровско-Разумовскаго—одно изъ лучшихъ мѣстъ для коллектированія насѣкомыхъ. Болотце среди лѣса имѣетъ интересную флору, частью торфяную. Ферма, птичій дворъ, насѣдка, плодовый садъ и огороды академіи.

12) Село Хорошово. Экскурсіи сюда имѣютъ большое значеніе для упражненій геолого-минералогическихъ. Обнаженія близъ Хорошова

такъ богаты ископаемыми, что стали классическимъ примѣромъ юрскихъ отложений. Вдоль рѣки оригинальныя флора и фауна.

13) Село Косино. Озера села Косина самыя близкія къ Москвѣ изъ естественныхъ озеръ. Бѣлое озеро обладаетъ очень интересной, совершенно оригинальной фауной; Святое озеро представляется лучшимъ образцомъ торфянаго озера, съ торфяной флорой и фауной. Древній деревянный храмъ села Косина, Кусковский паркъ и дворецъ.

14) Село Влахернское-Кузьминки. Кузьминскіе пруды имѣютъ наиболѣе богатую флору подъ Москвою. Посѣщеніе Кузьминокъ можетъ быть соединено съ посѣщеніемъ Николы-Перервинскаго монастыря и обширныхъ луговъ по старому руслу рѣки Москвы; здѣсь-же имѣетъ свой лагерь Константиновскаго межеваго института, воспитатели котораго не отказываются знакомить экскурсантовъ съ производствомъ съемки.

Сколькимъ преподавателямъ не мѣшало-бы самимъ поэкскурсировать подобнымъ образомъ по окрестностямъ своего города, прежде чѣмъ вести на экскурсію учениковъ! Сколькимъ родителямъ, просидѣвшимъ стулья въ департаментахъ и въ банкахъ, не мѣшало-бы размять косточки на подобныхъ прогулкахъ! Но и «родители», и «учители» привыкли къ иной дорожкѣ, къ иной программѣ удовольствій. А дѣти тѣмъ временемъ зубрятъ, сдаютъ экзамены впредь до аттестата зрѣлости и диплома...

Что касается родителей, то «Вѣстникъ воспитанія» продолжаетъ имъ проповѣдывать самыя благодѣтельныя истины. Мы уже цитировали въ свое время («Р. Шк.» сентябрь 1890 г.) напечатанную въ «Вѣстникѣ воспитанія» статью профессора Сикорскаго, который отъ родителей требуетъ нравственно-гигіенической обстановки зачатія. Начатое профессоромъ Сикорскимъ какъ-бы продолжаетъ теперь докторъ Португаловъ въ статьѣ своей «Пьянство, какъ плодъ воспитанія», помѣщенной въ 8-й книжкѣ «Вѣстника воспитанія» и особо рекомендуемой редакціей журнала, въ виду важности вопроса. Редакція «Вѣстника воспитанія» напоминаетъ, что недавно въ академію наукъ имѣло быть препровождено (по словамъ «Новостей», № 287 за прошлый годъ) 1.500 руб., жертвуемые Ф. А. Аркадьевымъ, съ просьбой учредить конкурсъ на слѣдующую тему: «указать, на основаніи точныхъ данныхъ, послѣдствія зараженія алкоголемъ, въ психическомъ, физическомъ отношеніяхъ для индивидуума и его потомства». Въ статьѣ своей докторъ Португаловъ приводитъ угнетающіе, по своему обилію, факты гибели многолѣтнихъ пьяницъ. Алкоголизмъ,

по изслѣдованію ученыхъ, сокращаетъ на $\frac{2}{3}$ дѣторожденіе пьяныхъ родителей (стр. 96). Но наслѣдственной передачѣ пьянства посвящена лишь первая половина статьи. Какъ показываетъ и самое заглавіе, главная задача доктора Португалова—доказать, что самое воспитаніе въ семьѣ, какъ оно теперь поставлено, при неумѣренномъ употребленіи старшими спиртныхъ напитковъ, въ силу закона раздраженія, есть первый импульсъ въ зарожденіи этого порока въ подрастающихъ поколѣніяхъ. Извѣстный своей пропагандой трезвости докторъ Португаловъ снова напомнилъ, что Россія пропиваетъ ежегодно *миллиардъ* рублей.

Перу того-же автора принадлежитъ статья «Въ дѣтяхъ спасеніе» (№ 5), написанная д-ромъ Португаловымъ по поводу книги Бертильона «Статистика движенія населенія во Франціи». Къ недавно вышедшему русскому переводу этой превосходной, но, къ сожалѣнію, мало у насъ замѣченной книги, проф. Янсонъ присоединилъ предисловіе, гдѣ говорится, что и въ Россіи «цѣлая огромная сплошная мѣстность въ 1.851.000 кв. в., съ населеніемъ въ 29 милліоновъ жителей, имѣеть дѣтскую смертность, превышающую 318 умершихъ на первомъ году жизни на 1.000 родившихся и достигающую до 438 на 1.000. Бертильонъ, Жюль Симонъ и др. предрекають Франціи гибель отъ недостатка дѣтей. Г. Португаловъ, опираясь на вышеприведенныя данныя, выступаетъ противъ оптимистическаго взгляда, будто Россіи далеко до того-же (стр. 60).

Нѣдра семьи становятся общественной заботой. Женскій вопросъ начинаетъ снова сосредоточиваться на дѣтской. Туда зоветъ, напримеръ, В. П. Острогорскій въ статьяхъ своихъ подъ заглавіемъ: «Письма объ эстетическо-литературномъ образованіи» (кн. 4, 5, 6). «Поэтическій смыслъ должна вѣдать женщина», говоритъ г. Острогорскій, «и въ высокомъ призваніи матери, какъ воспитательницы будущаго человѣка, *чтобы ничто не было чуждо ребенку изъ человеческого*, и въ самыхъ скучныхъ мелочахъ домашней жизни, въ отношеніяхъ къ домашнимъ, прежде всего къ мужу, котораго она должна уважать и любить, какъ отца своего ребенка и трудовую общественную силу» (№ 6, стр. 38). Благоустроивъ въ смыслѣ болѣе разумномъ свою семью, женщина приготовитъ государству людей съ извѣстнымъ умственнымъ и нравственнымъ капиталомъ, съ которымъ выходитъ въ борьбу съ жизнью легче, чѣмъ большинству нынѣшней молодежи, иногда въ своей собственной семьѣ получающей отвращеніе и къ семейному очагу, и къ самой жизни (*ibid.*, 41).

«Точно такъ-же, какъ и въ воспитаніи физическомъ, первую руко-

водительницею воспитанія эстетическаго является мать, какъ первая любящая спутница человѣка. Она-то и должна заботиться, по возможности раньше, обставить желаннаго пришельца въ міръ, еще съ колыбели, возможно болѣе красиво, пріятно, — чтобы жизнь встрѣтила крошечнаго гражданина привѣтливо и радостно. Пусть не будетъ около него роскоши, ненужнаго богатства; но пусть лежитъ онъ въ простенькой, возможно красивой колыбели: пусть его комнатка будетъ уютна, свѣтла, непремѣнно чиста и опрятна, какъ его пеленки и платице; пусть въ этой комнаткѣ особенно будетъ наблюдаться порядокъ, чтобы не было въ ней ничего лишняго, безъ толку разбросаннаго по угламъ... Не мало способствуетъ образованію первыхъ эстетическихъ впечатлѣній самый видъ матери или вообще людей, ходящихъ за ребенкомъ: осмысленное, доброе, привѣтливое выраженіе лицъ, простой, дешевый, но непремѣнно опрятный, возможно изящный костюмъ, показывающій вниманіе къ себѣ, и не для другихъ, а для самого себя» (№ 5, стр. 22, 23). «Важно, чтобы мать имѣла вѣрный слухъ и хоть крошечный, но возможно пріятный голосъ, а также и нѣкоторую музыкальную память» (ibid., 26). Последнее для того, чтобы напѣвать младенцу граціозныя колыбельныя пѣсни.

Было-бы очень отрадно, если-бы рѣчи г. Острогорскаго повліяли благотворно на нашихъ молодыхъ женщинъ, дѣвицъ и замужнихъ. Онѣ очень склонны разрабатывать не только голосъ, но всякое подобіе голоса, притомъ не для дѣтей, а для концертнаго зала, для котораго также выламываютъ себѣ пальцы и барышни съ самыми обыкновенными способностями. Наша мысль подтверждается соображеніями другаго сотрудника «Вѣстника воспитанія» г. А. Втхра, который въ статьѣ своей «Значеніе музыки въ общемъ образованіи» (8-я книжка «Вѣстника воспитанія») съ грустью истиннаго любителя-знатока говоритъ о томъ, что профессиональное направленіе въ средѣ изучающихъ музыку заѣдаетъ непосредственную любовь къ этому искусству (стр. 84, 85), и приходится къ печальному заключенію, что, «несмотря на обширное распространеніе музыки, общее музыкальное образованіе находится на низшей степени развитія, даже и въ музыкальныхъ кружкахъ» (87).

То-же скажемъ мы и относительно всей прекрасно разработанной программы эстетико-литературнаго развитія на почвѣ осмысленнаго чтенія и знакомства съ художественными произведеніями въ дѣтствѣ, отрочествѣ и въ юности. Вѣдь разсудкомъ не дойдешь до той любви къ литературѣ и произведеніямъ искусства, при которой можно и другому передать эту любовь. Надо прежде всего любить искусство для

искусства, любить искусство für und an sich. Разсудкомъ можно дойти лишь до профессиональнаго расположенія къ искусству и литературѣ: рисовать по фарфору, переводить хорошихъ и даже нехорошихъ авторовъ съ иностранныхъ языковъ,—все это профессіи, источники заработка, но не та страсть, которая съ молокомъ матери передается послѣдующимъ поколѣніямъ...

Но женщины, съ своей стороны, жалуются на мужчинъ. Статьи г. Острогорскаго вызвали «Письмо матери», напечатанное въ 8-й книжкѣ «Вѣстника воспитанія». На идиллическія пожеланія г. Острогорскаго задѣтая за живое мать такъ рисуешь положеніе большинства матерей: «Вѣдь у насъ не одинъ ребенокъ, котораго мы прежде носимъ, а потомъ кормимъ, воспитываемъ и т. д. Вѣдь всего чаще бываетъ, что одного носишь или еще хуже: родишь, болѣешь, а другой въ это время только-что пересталъ кормиться, а третій уже учится. И на всѣ эти три разнородныя требованія должна поспѣть одна мать, въ большинствѣ случаевъ ни къ чему не подготовленная и видѣвшая передъ собою все въ розовомъ, ясномъ, радостномъ свѣтѣ. Она вѣдь вѣрила, что все это будетъ вмѣстѣ, вдвоемъ» (стр. 126). Разочарованная мать мирится съ тѣмъ, если ей не мѣшаютъ, если отецъ «не сразу умѣетъ назвать всѣхъ дѣтей и забываетъ объ ихъ существованіи». Но, по словамъ ея «гораздо чаще случается, что пока мать поетъ какую-нибудь нѣжную пѣсенку и развиваетъ слухъ ребенка, отецъ играетъ въ винтъ со всѣми прибавками гоголевскихъ почтмейстера и предсѣдателя; мать покажетъ ребенку фотографію картины Каульбаха, а отецъ по стѣнамъ квартиры развѣшиваетъ голыхъ женщинъ въ самыхъ непристойныхъ позахъ, и соединяясь съ семьей за столомъ, привозитъ сплетни, подслушанныя и собранныя со всего города... *Женщины не умны и не образованы, но вѣдь этого только часто и нужно мужьямъ*» (стр. 127). Курсивъ принадлежитъ редакціи «Вѣстника воспитанія», но и мы охотно подчеркиваемъ тѣ-же строки, лишь подкрѣпляющія обобщенія, высказанныя нами нѣсколько выше.

Мы затрудняемся въ настоящемъ обзорѣ исчерпать все содержаніе «Вѣстника воспитанія». Прошлому педагогическаго дѣла этотъ журналъ далъ мѣсто въ статьяхъ объ Амосѣ Коменскомъ (кн. 5-я и 6-я, подъ заглавіемъ «Педагогическія мечтанія»), о Песталоцци (въ 8-й книжкѣ). Многочисленные мелкія замѣтки подобраны въ системѣ, направленной къ тому, чтобы насаждать въ нашихъ семьяхъ здравыя понятія о гигиенѣ и воспитаніи.

Е. Гаршинъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Хроника школьной жизни въ Германіи за ноябрь—декабрь 1890 года.

Ab Jovi initium! Едва-ли кому покажется неумѣстнымъ, что настоящее обзорніе школьной жизни въ Германіи мы начинаемъ кабинетными декретами императора Вильгельма, которыми точно и опредѣленно выражены взгляды и требованія его по отношенію къ школѣ.

Если въ настоящее время и говорятъ еще иногда о неясности характера и программы императора Вильгельма, то это есть не болѣе, какъ отголосокъ того тяжелого состоянія неизвѣстности, которое переживала Германія, а съ нею и вся Европа у смертнаго одра Фридриха III. Тогда казалось, что судьба, отнимавшая у нея императора, прославленнаго мудростью и любимаго народомъ, нарочно хотѣла предать ее въ руки юнаго наслѣдника, думавшаго будто, какъ говорили, только о войнѣ и войскахъ. Всѣ ожидали, что новый императоръ какимъ-либо рѣшительнымъ актомъ захочетъ разрубить Гордіевъ узелъ международныхъ затрудненій, и естественно съ оттѣнкомъ ропота всѣ говорили о загадочности его характера и политики. Но нынѣ мы имѣемъ уже множество доказательствъ, чтобы утверждать совершенно противоположное: императоръ заботливо не упускаетъ ни малѣйшаго случая, который далъ-бы ему возможность высказать ясно и точно свою программу, то въ выраженіяхъ пожеланій, то въ формѣ приказовъ, то въ видѣ рѣчей, и т. п.

Оставивъ нетронутымъ *statu quo* международнаго положенія Германіи, онъ всецѣло занялся вопросами внутренней политики, и та откровенность, съ какою онъ высказываетъ свои мысли, находитъ себѣ полное объясненіе въ свойствахъ преслѣдуемыхъ имъ цѣлей и стремленій. «Когда Германія—такъ говорилъ генералъ Каприви при открытіи текущей сессіи рейхстага—стояла лицомъ къ лицу съ внѣшнимъ врагомъ, тогда всѣ партіи тѣсно соединились на защиту отечества. Слѣдуетъ желать и ожидать, что и нынѣ, когда намъ предстоитъ борьба съ внутреннимъ врагомъ, «партіи порядка» сомкнутся воедино». Недвусмысленный намекъ рейхсканцлера былъ настолько понятенъ всѣмъ, что не нужно было упоминать слова «соціаль-демократія», чтобы догадаться, что подъ «внутреннимъ врагомъ» разумѣется не что иное, какъ именно она. И нынѣ ни для кого не

составляет тайны, что эти слова внушены высшею волею. «Въ моихъ глазахъ—говорилъ императоръ Вильгельмъ рабочимъ во время большой рейнской стачки—соціалъ-демократъ есть врагъ отечества и имперіи».

И такъ борьба съ социализмомъ—вотъ что болѣе всего занимаетъ молодого императора. Желая привлечь къ участию въ ней всѣ общественные классы, онъ, понятно, не можетъ не открыть своихъ намѣреній самому широкому кругу населенія. И нельзя не признать, что средства, избранныя имъ для осуществленія своей цѣли—подавленія крайностей учений социалистическихъ—суть единственно возможныя и дѣйствительныя въ культурномъ государствѣ: умиротвореніе рабочихъ массъ посредствомъ удовлетворенія ихъ справедливыхъ требованій, умѣреніе эгоизма богатыхъ и капиталистическихъ классовъ, развитіе социальна-политическаго законодательства и государственнаго вмѣшательства въ народную жизнь—все это мѣры, благотворное воздѣйствіе которыхъ не замедлитъ сказаться исчезновеніемъ социальныхъ утопій, порожденныхъ обездоленностью и невѣжествомъ массы.

Правда, консерваторы, составляющіе меньшинство, указываютъ на то, что такая политика императора Вильгельма можетъ въ концѣ-концовъ привести къ тому, что монархическій строй Германіи расплывется въ демократическій, гдѣ монархъ будетъ почти только *primus inter pares*; но такое утвержденіе, выведенное теоретическимъ образомъ, совершенно неприменимо къ ходу исторіи живаго народа: можетъ случиться и даже должно ожидать совершенно обратнаго, а именно усиленія монархическаго принципа въ сознаніи нѣмецкаго народа. Во всякомъ-же случаѣ опредѣлившійся характеръ внутренней политики императора Вильгельма заслужилъ всеобщее сочувствіе внутри и внѣ предѣловъ Германіи. Школа, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ внутренней жизни народа, также обратила на себя вниманіе императора. Какъ въ остальныхъ, такъ и въ школьномъ вопросѣ онъ имѣетъ въ виду исключительно политическую сторону дѣла и только съ этой точки зрѣнія онъ входитъ въ разсмотрѣніе предметовъ преподаванія. Какъ и слѣдуетъ ожидать, онъ и школу призываетъ къ участию въ борьбѣ противъ социализма.

«Уже съ давнихъ поръ—такъ пишетъ онъ въ кабинетномъ декретѣ министру народнаго просвѣщенія въ Пруссіи отъ 1-го мая 1889 года *)—занимала меня мысль воспользоваться школою соотвѣтственно значенію ея различныхъ видовъ, съ цѣлью противоудѣйствовать распространенію социалистическихъ и коммунистическихъ идей.

«Прежде всего, конечно, питая и развивая страхъ Божій и любовь къ отечеству, школа должна заложить основы здраваго пониманія также государственныхъ и общественныхъ отношеній. Но сверхъ того я пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что въ то время, когда социаль-демократическія заблужденія и ложь пропагандируются съ особеннымъ усердіемъ, и школа должна съ усиленнымъ стараніемъ содѣйствовать познанію того, въ чемъ заключается настоящая правда, каково дѣйствительное положе-

*) Мы потому приводимъ этотъ декретъ, что онъ лишь недавно опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе (См. *Deutscher Reichsanzeiger* 18-го ноября и «Новости» 7-го ноября) 1890 г. и представляетъ, безъ сомнѣнія, актъ высокой важности, вліяніе котораго на послѣдующія событія станетъ яснымъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

не вещей и что именно возможно и что нѣтъ. Она должна стремиться убѣдить молодежь въ томъ, что ученія социаль-демократіи не только противорѣчатъ божественнымъ заповѣдямъ и христіанскому ученію о нравственности, но и невыполнимы въ дѣйствительности, а въ своихъ конечныхъ послѣдствіяхъ одинаково гибельны какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для общества. Она должна ввести въ кругъ преподаванія изученіе новой и новѣйшей исторіи въ большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ; она должна доказать, что только государственная власть можетъ защитить гражданину его семью, его свободу, его права; она должна внушить юношеству, какъ прусскіе короли старались улучшить условія жизни рабочихъ въ послѣдовательномъ развитіи, отъ законодательныхъ реформъ Фридриха Великаго и уничтоженія крѣпостной зависимости до настоящаго времени; она должна далѣе посредствомъ статистическихъ данныхъ показать, какъ непрерывно и какъ значительно повысилась въ настоящемъ столѣтіи, подъ покровомъ монарховъ, заработная плата и какъ улучшились условія жизни рабочихъ классовъ. Въ достиженіи этой цѣли я рассчитываю на полное содѣйствіе моего министерства. Приглашая его подвергнуть этотъ предметъ ближайшему разсмотрѣнію и представить мнѣ соотвѣтственныя предложенія, я не премину обратитъ его вниманіе на слѣдующіе пункты:

«I. Чтобы преподаваніе Закона Вожія дѣйствовало плодотворнѣе именно въ вышеуказанномъ смыслѣ, необходимо поставить на первый планъ его этическую сторону, ограничиваясь заучиваніемъ наизусть лишь самаго необходимого.

«II. При преподаваніи отечественной исторіи должно въ особенности обратитъ вниманіе на исторію нашего социальнаго и экономическаго законодательства въ настоящемъ столѣтіи вплоть до современнаго социально-политическаго законодательства съ тѣмъ, чтобы показать, что монархи Пруссіи съ давнихъ поръ считали своею особенною задачею оказывать покровительство и заботиться о тѣлесныхъ и духовныхъ благахъ той части населенія, которая живетъ трудами рукъ своихъ, и что равнымъ образомъ въ будущемъ только подъ охраной монарха, стоящаго во главѣ благоустроеннаго государства, рабочіе могутъ рассчитывать на должный и обеспеченный заработокъ. Въ особенности съ точки зрѣнія пользы можно будетъ ясно доказать молодежи, что упорядоченное государственное устройство съ прочнымъ монархическимъ принципомъ есть необходимое условіе для защиты и благополучія гражданъ въ ихъ правовой и экономической жизни и что, напротивъ, ученія социаль-демократіи на практикѣ невыполнимы и что если-бы даже они и были осуществимы, то невыносимымъ образомъ стѣснили-бы личную свободу частныхъ гражданъ даже въ кругу ихъ собственной семьи. Мнимые идеалы социалистовъ достаточно охарактеризованы ихъ толкованіями, чтобы предъ практическимъ смысломъ и чувствомъ молодежи можно было представить ихъ въ отталкивающемъ видѣ.

«III. Само собою разумѣется, что выпадающая на долю школы задача должна быть раздѣлена соотвѣтственно ея различнымъ видамъ; поэтому дѣтямъ, обучающимся въ народной школѣ, можно разъяснять только самыя простыя и удобопонятныя вещи, въ то время какъ въ высшихъ категоріяхъ учебныхъ заведеній эта задача естественно усложняется и

углубляется. Въ особенности важно будетъ приспособить учителей къ тому, чтобы они съ увлеченіемъ взялись за эту новую задачу и выполнили ее съ умѣньемъ и тактомъ.

«Я прекрасно вижу, какія трудности будутъ противостоять выполнению этой задачи; я знаю, что нужно сдѣлать точные опыты, чтобы всюду стать твердою ногою на прочной почвѣ. Однако, эти затрудненія не должны препятствовать тому, чтобы съ терпѣньемъ и сознаниемъ важности дѣла стремиться къ цѣли, достиженіе которой, по моему убѣжденію, имѣетъ огромное значеніе для блага отечества.

«Поэтому пусть благоугодно будетъ министерству возбудить всестороннее обсужденіе этого вопроса и по окончаніи его представить мнѣ о томъ донесеніе».

Кромѣ министерства народнаго просвѣщенія, этотъ декретъ былъ въ свое время разосланъ во всѣ провинціальныя школьныя коллегіи, участковыя управленія и т. д. И хотя непосредственное и обязательное значеніе онъ имѣетъ только въ Пруссіи, однако, вліяніе его должно распространяться въ одинаковой степени и на остальные союзныя государства, потому что и въ школьномъ дѣлѣ Пруссія является руководящимъ государствомъ.

27-го іюля 1889 года въ прусскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія происходили совѣщанія по поводу приказа императора Вильгельма II, результатомъ которыхъ были слѣдующія предложенія:

Низшія учебныя заведенія.

А. а) Въ кругъ преподаванія въ учительскихъ семинаріяхъ должно быть введено обученіе элементарнымъ понятіямъ о народномъ хозяйствѣ.

б) Это обученіе должно производиться такимъ образомъ, чтобы семинаристы въ ихъ послѣдующей дѣятельности могли, на сколько то возможно посредствомъ школы, предохранить учениковъ отъ вліянія социаль-демократическихъ заблужденій и лжи и разъяснить имъ, въ чемъ заключается настоящая правда, каково дѣйствительное положеніе вещей и что именно возможно и что нѣтъ.

с) Въ основу этого преподаванія будетъ положено такое руководство, которое въ формѣ образцовыхъ статей дастъ общія свѣдѣнія о принципахъ, отъ соблюденія которыхъ зависить народное благо; къ нимъ долженъ быть присоединенъ рядъ историческихъ біографій и очерковъ, изъ которыхъ явствуетъ, что прусскіе короли всегда старались въ послѣдовательномъ развитіи улучшить жизненныя условія рабочихъ и что монархическая форма государственнаго устройства наилучшимъ образомъ можетъ защитить свободу, права и благосостояніе частныхъ лицъ.

д) Въ эту книгу войдутъ также и тѣ статьи, которыя должны быть разобраны въ классѣ съ учениками; онѣ должны быть социально-политическаго содержанія.

В. а) Чтобы также и тѣ учителя, которые уже теперь находятся на службѣ, имѣли необходимое руководство и указанія относительно этого предмета, будетъ составлена серія лучшихъ произведеній историческаго и образовательнаго содержанія, которыми должна быть снабжена учительская бібліотека въ каждомъ школьномъ участкѣ.

б) Кроме того, лицамъ, которымъ порученъ надзоръ за школами, будетъ внушено при ревизіяхъ и школьныхъ конференціяхъ обращать на этотъ предметъ особенное вниманіе.

с) Провинціальнымъ школьнымъ совѣтамъ слѣдуетъ внушить, что при испытаніяхъ желающихъ поступить въ учительскую семинарію или занять учительскую должность совѣты должны обращать особенное вниманіе на то, имѣютъ-ли эти лица достаточныя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи именно также и въ культурно-историческомъ отношеніи; тѣмъ кандидатамъ, которые не будутъ обладать этими познаніями, они должны отказывать въ приѣмѣ въ семинарію или въ выдачѣ учительскаго диплома.

С. а) Свѣдѣнія, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, преподаются ученикамъ на урокахъ исторіи и Закона Божія.

б) Чтобы дать имъ прочную основу, должно въ хрестоматіяхъ различныхъ школъ помѣстить соотвѣтствующія пониманію учениковъ статьи изъ руководства для учительскихъ семинарій.

с) Въ числѣ этихъ статей должны находиться не только статьи историческаго содержанія, но также и такія, которыя въ удобопонятной и легко запоминаемой формѣ содержатъ главныя положенія и основанія развитія общества и государства.

д) Относительно преподаванія исторіи и Закона Божія должно во всѣ школы низшаго разряда разослать циркуляры въ смыслѣ королевскаго декрета отъ 1-го мая 1889 года.

е) Циркуляръ относительно Закона Божія касается прежде всего евангелическихъ (лютеранскихъ) школъ; онъ трактуетъ главнымъ образомъ о методѣ преподаванія. Равнымъ образомъ будетъ подвергнуто обсужденію вопросъ, нельзя-ли въ семинаріяхъ и во всѣхъ школахъ проходить подробно такъ называемый христіанскій домострой (Christliche Haustafel), который находится въ прибавленіи къ сокращенному катехизису. Объ изданіи соотвѣтствующаго циркуляра для католическихъ школъ должно позаботиться учебное начальство.

ф) Циркуляръ о преподаваніи исторіи предписываетъ всѣмъ школамъ слѣдующее:

1) Отечественная исторія должна быть доведена до вступленія на престолъ царствующаго короля прусскаго.

2) Преподаваніе исторіи распространяется какъ на средніе, такъ и на высшіе классы.

3) Въ высшихъ классахъ слѣдуетъ особенно указывать на заслуги прусскихъ королей въ дѣлѣ народнаго блага.

4) Гдѣ, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, необходимо будетъ сдѣлать сокращенія, то ихъ слѣдуетъ производить никакъ не на счетъ повѣйшей исторіи, а нужно будетъ выбрать для историческаго повѣствованія позднѣйшій исходный пунктъ.

г) Для выполненія этихъ основныхъ положеній будутъ выпущены особыя учебныя планы по исторіи для женскихъ училищъ, среднеучебныхъ заведеній, народной школы съ однимъ или двумя учителями.

СРЕДНЕУЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

1) Касательно преподаванія Закона Божія для всѣхъ школъ среднеучебнаго разряда должны быть изданы циркуляры въ смыслѣ высочайшаго декрета отъ 1-го мая 1889 года. Среднеучебнымъ заведеніямъ, въ особенности гимназіямъ, слѣдуетъ внушить, что преподаваніе Закона Божія должно вестись такъ, чтобы главное вниманіе обращалось на живое воспріятіе и внутреннее усвоеніе ученія о спасеніи и заповѣдяхъ, а съ другой стороны также и на апологетическую и этическую сторону христіанства. Учебный матеріалъ долженъ быть значительно сокращенъ посредствомъ выдѣленія всего того историческаго и догматическаго матеріала, который необходимъ для усвоенія церковно-полемическихъ вопросовъ. Обученіе Закону Божію, насколько оно стоитъ въ связи съ исторіей, должно ограничиться важнѣйшими для церковно-религіозной жизни моментами. Относительно-же католическихъ школъ соответствующее распоряженіе будетъ сдѣлано учебнымъ начальствомъ.

2) Касательно преподаванія исторіи должны быть изданы для всѣхъ видовъ среднеучебныхъ заведеній циркуляры въ смыслѣ высочайшаго приказа отъ 1-го мая 1889 года.

а) Преподаваніе отечественной исторіи должно быть доведено до вступленія на престолъ царствующаго короля прусскаго. Съ эпохи великаго курфюрста учебный матеріалъ долженъ быть расширенъ.

б) Важнѣйшія событія должны быть сообщены уже въ среднихъ классахъ.

в) При преподаваніи исторіи должно представить развитіе нашего социальнаго и экономическаго состоянія, въ особенности съ начала настоящаго столѣтія вплоть до современнаго социальна-политическаго законодательства (страхованіе на старость и инвалидность 1889 года).

д) Эти свѣдѣнія должны въ подробномъ видѣ быть сообщены въ первомъ классѣ. Не входя въ разъясненіе социалистическихъ теорій, слѣдуетъ представить гибельность социаль-демократіи именно предъ судомъ здраваго человѣческаго смысла. Невозможность социаль-демократическихъ стремленій должно доказать именно посредствомъ рассмотрѣнія положительныхъ цѣлей социаль-демократіи, принаровленнаго къ пониманію молодежи.

е) Вслѣдствіе предписаннаго въ «а—д» расширенія преподаванія новѣйшей исторіи долженъ быть соответственнымъ образомъ сокращенъ остальной учебный матеріалъ по исторіи.

ф) Историческіе учебники и руководства должны быть дополнены, гдѣ нужно, опытными педагогами и учеными.

3) слѣдуетъ особенно стараться вполне провести тотъ основной принципъ, что исторія и литература должны быть изучаемы не съ формальной стороны, а съ точки зрѣнія содержанія и этики.

4) Правила испытаній кандидатовъ на учительскую должность должны быть дополнены соответствующимъ образомъ и вновь пересмотрѣны.

5) При практической подготовкѣ учителей (въ педагогическихъ семинаріяхъ, при «пробномъ годѣ» и т. д.) слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на эту сторону дѣла.

Высочайшимъ приказомъ отъ 30-го августа 1889 года этотъ проектъ былъ утвержденъ, и министру народнаго просвѣщенія было поручено привести его въ исполненіе. Вслѣдствіе того министерство сообщило эти приказы всѣмъ провинціальнымъ школьнымъ коллегіямъ, присовокупивъ, что для проведенія этихъ принциповъ въ частности должны быть созданы для общаго совѣщанія люди различныхъ общественныхъ положеній, съ цѣлію измѣненія учебныхъ плановъ. Приглашенія къ этимъ высочайше одобреннымъ конференціямъ (ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ конференціею по среднему образованію) были разсланы, и уже вскорѣ явились «дополненія къ хрестоматіи для учительскихъ семинарій». Они обнимаютъ собою два выпуска, изъ которыхъ одинъ—историческаго, а другой—общественно-экономическаго содержанія; они содержатъ свѣдѣнія о человѣческомъ обществѣ, о сущности и чести труда, а также исторіи знаменитыхъ людей, которые посредствомъ труда и прилежанія достигли высшаго благосостоянія *).

Таковы официальнымъ путемъ сдѣланныя сообщенія о дѣятельности прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, по поводу которыхъ мы въ краткихъ словахъ выскажемъ нѣкоторыя соображенія и замѣчанія.

Умѣренный тонъ, которымъ дышатъ какъ рескриптъ императора, такъ и министерскій циркуляръ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ утѣшительномъ фактѣ, что въ высшихъ сферахъ не предаются излишнимъ надеждамъ относительно служебной роли школы въ интересахъ соціальной жизни. Особенно достойны вниманія тѣ мѣста, которыя касаются преподаванія исторіи. Министерство желаетъ совсѣмъ не тенденціознаго разукрашиванія дѣятельности прусскихъ королей, а стремится только къ тому, чтобы привести въ общее сознаніе историческую судьбу нѣмецкаго народа и вытекающія изъ нея заключенія для настоящаго и будущаго имперіи и королевства. Въ этомъ отношеніи предложеніе императора безусловно отвѣчаетъ уже давно высказывавшимся требованіямъ со стороны педагоговъ, чтобы ученикамъ посредствомъ преподаванія исторіи раскрывалась роль гражданина въ государствѣ. Насколько эта потребность настоятельна въ государствѣ съ конституціоннымъ строемъ, всеобщей подачей голосовъ и т. п., едва-ли нужно подробно разяснять.

То, что мы сказали выше относительно преподаванія исторіи, мы можемъ распространить на всю дѣятельность школы, какъ орудія въ борьбѣ противъ соціаль-демократіи. Именно какъ таковое, школа можетъ только уяснить въ общественномъ сознаніи вообще только тѣ блага, закрѣпить въ умахъ только тѣ идеи, которыя *дѣйствительно* содержатся въ жизни государства и семьи. Вглядываясь въ отношеніи семьи, общества къ школѣ, мы видимъ, что послѣдняя играетъ совершенно подчиненную роль: хороша жизнь—хороша и школа; наоборотъ, не будетъ хорошей школы, если разлагается общественная жизнь. Такимъ образомъ нельзя еще сказать ничего опредѣленнаго о томъ, окажется-ли школа на высотѣ задачи, поставленной ей главою государства; разрѣшеніе этого вопроса возможно только въ связи съ вопросомъ о состояніи современной нѣмецкой жизни, обезужденіе котораго мы оставляемъ для конца нашей хроники.

*) Deutscher Reichsanzeiger 18-го ноября 1890 года.

Большое сходство съ вышеприведеннымъ декретомъ императора Вильгельма представляетъ рескриптъ относительно преподаванія наукъ въ кадетскихъ корпусахъ, появившійся весною нынѣшняго года; вслѣдствіе этого мы считаемъ излишнимъ приводить его дословно *).

Теперь, когда мы имѣемъ возможность сравнить между собою оба эти документа, нѣтъ никакого сомнѣнія, что прошлогодній рескриптъ имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ приказъ относительно кадетскихъ корпусовъ. Этимъ, вѣроятно, и слѣдуетъ объяснить то на первый взглядъ странное обстоятельство, что въ то время, какъ послѣдній декретъ былъ обнародованъ тотчасъ по выходѣ его изъ кабинета императора, первый только черезъ полтора года по его появленіи сталъ извѣстенъ обществу.

Это именно слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы не удивиться тому необычному впечатлѣнію, которое произвелъ обнародованный весною нынѣшняго года рескриптъ о кадетскихъ корпусахъ: самъ по себѣ чрезвычайно незамысловатый и не содержащій ровно никакихъ откровеній, онъ былъ встрѣченъ съ чрезвычайнымъ восторгомъ именно въ средѣ реформаторовъ. Несмотря на то, что онъ относился къ такой группѣ учебныхъ заведеній, которая стоитъ въ слабой связи съ остальнымъ школьнымъ организмомъ, онъ былъ привѣтствованъ, какъ выраженіе монаршей воли, какъ предвѣстникъ немедленныхъ коренныхъ реформъ въ гимназическомъ дѣлѣ.

Какъ на любопытнѣйшій памятникъ педагогической печати этого времени мы укажемъ здѣсь на книгу «Paul Güssfeldt, Erziehung der deutschen Jugend», въ короткое время выдержавшую нѣсколько изданій и надѣлавшую много шума. Надо знать, что еще до ея появленія въ свѣтъ въ печати распространился упорный, но доселѣ неprovѣренный слухъ объ участіи въ ея составленіи самого императора Вильгельма, и точно, повидимому самъ авторъ намекается на стороннее содѣйствіе высокаго лица; въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ говоритъ, что въ составленіи ея ему помогали въ особенности двѣ личности: женевскій философъ (Руссо) и одинъ высокопоставленный прусскій офицеръ. Подъ этимъ послѣднимъ-то и разумѣютъ императора; съ какимъ правомъ—читателю предоставляется судить самому; нужно, впрочемъ, замѣтить, что П. Гюсфельдтъ лично извѣстенъ императору и въ своей книгѣ, очевидно, старался, взять за образецъ военныя школы.

Однако, перейдемъ къ самой книгѣ; участіе въ ней императора, конечно, возбуждало любопытство и не мало способствовало ея успѣху; но мы очень ошиблись-бы, если-бы этому обстоятельству приписывали исключительное значеніе; совершенно независимо отъ того книга эта замѣчательна тѣмъ, что она выразила, можно сказать, все, что мыслила и чего желала значительная часть нѣмецкаго общества, а именно партія реформаторовъ. Вотъ почему мы считаемъ ее достойной разбора въ противоположность массѣ другихъ брошюръ, никѣмъ не читаемыхъ и никому не нужныхъ.

Въ нашъ ученый вѣкъ очень мудро сказать что-нибудь совершенно новое; это выпадаетъ на долю весьма немногихъ спеціалистовъ, а отъ

*) Онъ датированъ отъ 18-го февраля 1890 года.

человѣка чуждой профессіи, какъ, напр., отъ Гюсфельдта (онъ собственно географъ) и подавно нельзя требовать, чтобы онъ въ своей книгѣ открылъ намъ что-нибудь абсолютно новое и неизвѣстное. Итакъ, то обстоятельство, что его книга содержитъ въ себѣ повтореніе старыхъ истинъ, не служить само по себѣ укоромъ или достаточнымъ доводомъ противъ его взглядовъ. Мало того, пересказомъ идей Руссо о воспитаніи онъ оказалъ немалую услугу обществу тѣмъ, во-первыхъ, что онъ напомнилъ и распространилъ ихъ въ самыхъ широкихъ общественныхъ кругахъ, а вторыхъ, тѣмъ, что очень умѣло модифицировалъ и приложилъ ихъ къ современной жизни—что уже есть положительное достоинство его книги, ибо вѣрно охарактеризовать потребности времени и приискать для нихъ соотвѣтствующее удовлетвореніе—вещь весьма нелегкая, требующая и жизненнаго опыта, и наблюдательнаго взгляда на жизнь. Всѣми этими качествами Гюсфельдтъ обладаетъ, безъ сомнѣнія, въ высокой степени. «Le style c'est l'homme», сказалъ Бюффонъ, и это изреченіе какъ нельзя болѣе приложимо въ данномъ случаѣ. Языкъ у Гюсфельдта не только образцово-правильный, но онъ въ то-же время выразителенъ, мѣткъ; онъ напоминаетъ совершенно своего литературнаго противника знаменитаго Оскара Тегера въ Кѣльнѣ, именуемаго «старымъ господиномъ»: они оба пишутъ языкомъ образцовымъ, и это есть, кажется, единственное сходство между ними. Далѣе нельзя не признать, что наше время именно нуждается въ томъ, чтобы ему привели на память идеи Руссо о воспитаніи, потому что въ развивающемся, съ одной стороны, матеріализмѣ богатыхъ классовъ, а съ другой стороны въ возрастающихъ требованіяхъ со стороны *ученой* школы, для подрастающаго поколѣнія кроются серьезныя опасности; напомнить ученымъ педантамъ о природѣ ребенка, внушить неразумнымъ родителямъ вредъ роскоши и извѣженности не только своевременно, но даже необходимо; а если при томъ мысли «женевского философа» такъ хорошо поняты и такъ мастерски приложены къ современной жизни, то за авторомъ такого произведенія слѣдуетъ признать рѣшительную заслугу предъ обществомъ и его книгу можно поставить на ряду съ книгой Райдта (Raydt) «Mens sana in corpore sano».

Но всякая медаль имѣетъ и обратную сторону; не лишено недостатковъ и произведеніе Гюсфельдта. А именно уже въ стилѣ его выступаетъ ясно стремленіе посредствомъ спорныхъ афоризмовъ доказывать и приводить къ еще болѣе спорнымъ заключеніямъ, мало различающимся отъ софизмовъ. Блескъ фразы часто скрываетъ за собою совершенную проблематичность высказываемыхъ утвержденій. Къ этому присоединяется еще умѣнье ловко склонить заранѣе на свою сторону тѣхъ читателей, которыхъ онъ хочетъ убѣдить: тутъ онъ не останавливается ни предъ рѣзкими преувеличеніями, ни предъ тонкою лестью. Чтобы это сужденіе не показалось голословнымъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Такъ, обращаясь къ читателямъ, онъ заявляетъ, что онъ пишетъ не для учителей, а для родителей. «Ибо что такое плохой ученикъ для учителя?—Предметъ скоропреходящаго гнѣва и неудовольствія; а для родителей это—червь, который точитъ сердце». Это—антитеза, безъ сомнѣнія, очень ловкая и очень сильная; она сразу располагаетъ родителей въ пользу автора и настраиваетъ противъ школы; однако, истинность этого

утвержденія сомнительна и допускаетъ другое толкованіе, чѣмъ какое даетъ ей авторъ.

Во-первыхъ, уже самъ Гюсфельдтъ не сдерживаетъ своего общанія: ровно половина его книги посвящена школьному дѣлу, гдѣ онъ естественно долженъ обращаться къ учителямъ.

А во-вторыхъ, если и справедливо, что плохой ученикъ ничего не значитъ для учителя, то слѣдовало-бы ради истины прибавить, что большею частью виноваты въ этомъ не сами учителя, а тѣ условія, въ которыя поставлена ихъ дѣятельность, напр., переполненіе школъ, формализмъ, исходящій свыше, недостатокъ педагогической подготовки, дурныя отношенія школы и семьи, недостатки самой семьи и т. д. Если принять во вниманіе всѣ подобныя факторы, то обвиненіе (ибо *такое* утвержденіе есть обвиненіе) Гюсфельдтомъ взводится на учителей неосмотрительно.

Превосходныя разсужденія его о воспитаніи теряютъ много въ своемъ значеніи благодаря тому, что онъ по собственному признанію имѣетъ въ виду средніе и высшіе классы общества (р. 4); такимъ образомъ для большинства нѣмецкаго народа его разсужденія имѣютъ второстепенное значеніе. Такъ, онъ прекрасно доказываетъ необходимость «простой, но разнообразной пищи» (р. 29), необходимость особыхъ дѣтскихъ комнатъ, сада, поля и т. п. роскоши, которой часто не въ состояніи доставить даже и люди средняго класса. За всѣмъ тѣмъ, какъ мы уже выше сказали, эта книга, написанная въ духѣ Руссо, весьма своевременна и полезна. Менѣе удачна та половина ея, которая трактуетъ о школѣ. Къ величайшему удивленію нашему, мы встрѣчаемся здѣсь съ другимъ великимъ философомъ — Платономъ. Авторъ безсознательно воспроизводитъ идею Платона о воспитаніи, какъ о дѣлѣ, подлежащемъ вѣдѣнію исключительно государства. Впрочемъ, это явленіе отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ проникнуть совершенно идеей государства и за образецъ школы беретъ военныя училища (р. 154). Какъ-бы то ни было, это возрожденіе идей Платона не лишено значенія, въ особенности въ связи съ духомъ нашего времени, когда, какъ, напр., въ Германіи, все болѣе и болѣе развивается и государственный, и демократическій социализмъ.

Если выше мы назвали книгу Гюсфельдта любопытнѣйшимъ явленіемъ педагогической литературы, послѣдняго времени, то мы имѣли при этомъ въ виду не его разсужденія о воспитаніи вообще, а взглядъ на школу, какъ настоящую, такъ и будущую. Школа, по его мнѣнію, есть одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ, создающихъ счастье человѣка, а для счастья необходимо: «здоровье, физическая сила и ловкость, чистое сердце, гуманнѣйшій образъ мыслей, твердость характера, сознаніе долга, здравый смыслъ и нѣкоторое количество знаній» (р. 43). Современная школа преслѣдуетъ свои цѣли какъ-разъ въ обратномъ направленіи: количество знаній у нея стоитъ на первомъ планѣ, а здоровье и физическая сила на послѣднемъ, и такое положеніе вещей создаетъ, разумѣется, препятствія какъ личному, такъ и общественному благополучію. Это должно перемѣниться: «школа должна сдѣлаться мѣстомъ гармоническаго развитія юношества» (р. 59, р. 71). Греческіе идеалы воспитанія снова сказываются въ требованіяхъ автора: въ школѣ воспитанники должны быть ежедневно

двѣнадцать часовъ, дома они могутъ проводить только вечеръ и ночь (р. 150). Само собою разумѣется, что это время не уходитъ цѣликомъ на классныя, умственные занятія; напротивъ, послѣднимъ удѣляется всего пять часовъ, остальное-же время уходитъ на физическое воспитаніе и обученіе ремесламъ, искусствамъ, а также на обѣды, завтракъ, ужинъ и свободныя занятія.

Что касается собственно обученія, то, какъ мы уже выше замѣтили, оно занимаетъ въ школѣ, проектируемой Гюсфельдомъ, второе мѣсто послѣ физическаго воспитанія и ограничивается приобретениемъ «известнаго количества знаній». Средоточіемъ всего учебнаго плана долженъ служить отечественный (нѣмецкій) языкъ; въ современныхъ гимназіяхъ онъ играетъ «роль золушки, сидящей грустно дома въ то время, какъ обѣ ея старшія сестры ушли на балъ; она ждетъ своего принца, который возрастетъ ей должную честь» (р. 86) *).

Въ преподаваніи-же нѣмецкаго языка главную роль должна играть не грамматика, а чтеніе и изученіе памятниковъ литературы классической и современной. Главнымъ-же показателемъ всего духовнаго развитія учениковъ должны служить сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ. Естественно поэтому, что упражненія въ письменномъ и устномъ выраженіи своихъ мыслей должны играть выдающуюся роль въ школьныхъ занятіяхъ (р. 135). Послѣ отечественнаго языка первое мѣсто занимаютъ новые языки. «Все, что дѣлаетъ для умственнаго развитія чужой языкъ именно въ силу того, что онъ не нашъ отечественный, должно быть перенесено съ древнихъ языковъ на новые». «Поэтому грамматику древнихъ языковъ въ будущемъ нужно изучать лишь настолько, чтобы понимать классиковъ съ помощью нѣмецкихъ переводовъ» (р. 78).

Таковы общія черты нормальной школы по Гюсфельду, относительно которой мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько замѣчаній. И если мы начнемъ съ самого послѣдняго, о чемъ мы упомянули, то должны признаться, что не понимаемъ, зачѣмъ Гюсфельду понадобилось удержать еще древніе языки въ учебномъ планѣ; неужели, будучи низведены до такой минимальной степени, познанія въ древнихъ языкахъ могутъ имѣть еще какой-нибудь смыслъ, въ особенности при наличности переводовъ? Невольно возникаетъ сомнѣніе въ искренности автора, который не хотѣлъ прямо сказать, что нашему времени не нужны древніе языки. За то въ другомъ мѣстѣ мы находимъ полное подтвержденіе того, что это именно и была мысль Гюсфельда.

«Если наши филологи и ихъ приверженцы указываютъ на то, какое благотворное вліяніе оказывала гуманистическая школа на нѣмецкую культуру, то въ крайнемъ случаѣ это доказываетъ лишь то, что гуманистическое направленіе было умѣстно въ вѣкъ реформации... Нынѣ мечъ заржавѣлъ, и оживленная борьба превратилась въ вялое упражненіе» (р. 79).

Если мы примемъ во вниманіе эти слова автора, то едва-ли ошибемся, утверждая, что реальная школа безъ древнихъ языковъ составляетъ *prim desiderium* Гюсфельда и тѣхъ, кто раздѣляетъ его взгляды.

*) Нѣкоторые видятъ въ этомъ, съ одной стороны, указаніе на планы императора Вильгельма, а съ другой стороны—обращеніе къ престолу съ жалобой на школу.

Разсужденія Гюсфельдта о нормальной школѣ были встрѣчены въ печати большею частію съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Правда, съ другой стороны, специалисты - педагоги подвергли его взгляды строгой и рѣзкой критикѣ, но это еще болѣе способствовало популярности книжки; изъ порицаній специалистовъ выводили несостоятельность настоящихъ порядковъ, вѣроятно по пословицѣ: «Юпитеръ, ты сердишься, значитъ, ты неправъ». Не входя въ подробное разсмотрѣніе содержанія, мы укажемъ только на разсужденія о нѣмецкихъ сочиненіяхъ и нѣмецкомъ языкѣ вообще: они имѣли большое вліяніе и значеніе въ послѣдующемъ развитіи школьнаго вопроса; мы позволимъ себѣ высказать о нихъ нѣсколько сужденій въ непосредственной связи съ рѣчью императора Вильгельма при открытіи школьной конференціи (см. ниже).

Въ то время, какъ со стороны либеральной печати направляются ожесточенныя нападенія на классическія гимназіи, ученая интеллигенція Германіи всюду заявляетъ свое сочувствіе гуманистической системѣ и въ ея упраздненіи видитъ серьезную опасность для нѣмецкаго просвѣщенія. Въ «Русской Школѣ» уже было говорено о заявленіи Гейдельбергскаго университета касательно гимназіи, сдѣланномъ въ срединѣ 1889 года *). Примѣру этому послѣдовали въ самое послѣднее время и другіе важнѣйшіе университеты Германіи, которые направили свои заявленія въ министерство народнаго просвѣщенія въ виду школьной конференціи. Мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ ихъ содержаніемъ. Такъ, по инициативѣ профессора Целлера въ Берлинѣ, профессора этого университета, въ числѣ 129, подписали слѣдующее заявленіе:

«Нижеподписавшіеся преподаватели Берлинскаго университета держатся того мнѣнія, что потребности университетскаго преподаванія и единства научной жизни въ нѣмецкомъ народѣ дѣлають необходимой для студентовъ различныхъ специальностей однородную и равнокачественную подготовку къ университетскимъ занятіямъ; въ интересахъ такой подготовки должно сохранить во всей полнотѣ прежнее значеніе за изученіемъ и знаніемъ классической древности, ея языковъ и литературы; слѣдовательно, измѣненія въ учебномъ планѣ и ходѣ преподаванія нашихъ школъ только тогда могутъ повести къ дѣйствительному улучшенію ихъ, когда занятія классическою древностію не потерпятъ отъ нихъ никакого существеннаго ущерба».

Весьма характерично то совпаденіе, что инициаторомъ другаго заявленія въ пользу классическихъ гимназій явился также философъ, именно знаменитый профессоръ В. Вундтъ въ Лейпцигѣ; предложенное имъ заявленіе подписано 116 профессорами и гласитъ;

«Нижеподписавшіеся профессора и доценты Лейпцигскаго университета заявляютъ, что во всякой учебной реформѣ, которая устраняетъ или существенно ограничиваетъ основы нашихъ гуманистическихъ гимназій и въ особенности занятія греческимъ языкомъ и литературой, они усматриваютъ только серьезную опасность для блага національнаго просвѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ нижеподписавшіеся высказываютъ глубокое убѣжденіе, что измѣненія, въ которыхъ, можетъ быть, существуетъ по-

*) Р. Ш. 1890. II. р. 126. Срв. «Гимназія» 1890. I. Письма изъ Германіи, II.

требность для отдѣльных предметовъ, вполне совмѣстимы съ гуманистической основой средняго образованія».

Въ одинаковомъ смыслѣ и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ составлены заявленія университетовъ въ Тюбингенѣ, Боннѣ, Геттингенѣ и Страсбургѣ. Нѣсколько подробнѣе распространяется о школьной реформѣ записка профессоровъ университета въ Галле, такъ что будетъ небезъинтереснымъ привести ея разсужденія дословно:

«Предстояція совѣщанія о реформѣ нашихъ среднеучебныхъ заведеній, а равнымъ образомъ необыкновенное возбужденіе и смутное состояніе, въ которомъ наше общество находится въ настоящій моментъ, вызываютъ нижеподписавшихся преподавателей университета въ Галле высказать свои убѣжденія въ слѣдующихъ двухъ рѣшающихъ пунктахъ.

«1) Идея нѣмецкаго университета въ смыслѣ *universitas literarum*, въ смыслѣ такой образовательной школы, которая, при всемъ различіи отдѣльных специальностей, покоится на единомъ фундаментѣ, требуетъ непременно единообразной подготовки. Если этотъ принципъ, и безъ того уже несоблюдаемый во всемъ своемъ объемѣ, будетъ еще болѣе нарушенъ, то наша молодежь распадется на два класса столь различно подготовленныхъ студентовъ, что совмѣстное обученіе ихъ будетъ невозможнымъ.

«2) Той единообразной подготовкой, на которой покоятся наши университетскія занятія, можетъ быть только историко-классическая, каковую даетъ гуманистическая гимназія. Современное образованіе и наука во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ съ самыхъ раннихъ временъ возрожденія примыкали къ древности и въ особенности культурное развитіе послѣднихъ четырехъ столѣтій выросло изъ гуманизма, изъ изученія классической древности; отъ этого корня нельзя отдѣлать современнаго просвѣщенія безъ того, чтобы слѣдствиемъ этого не явилось его пониженіе и опошленіе. Независимо отъ того, что исторически-классическая подготовка даетъ въ различной степени положительныя знанія, необходимыя для различныхъ специальностей, она одна только доставляетъ возможность пережить процессъ развитія человѣчества и даетъ ту идеалистическую и методическую выработку ума, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ къ собственно-научной работѣ въ отличіе отъ элементарнаго обученія. Поэтому всякое ограниченіе и нарушеніе характера нашихъ гимназій, какъ специфическихъ представительницъ этой историко-классической подготовки, всякое существенное сокращеніе предметовъ историческихъ и классическихъ въ пользу современныхъ и реальныхъ окажетъ роковое вліяніе на наши университетскія занятія и вмѣстѣ съ тѣмъ на всю духовную жизнь нашего народа» *).

Для правильной оцѣнки этихъ заявленій нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что они исходили не изъ лагеря преподавателей классической филологіи; напротивъ, эти послѣдніе всюду воздерживались отъ подписи ихъ, чтобы не казалось, что они вотируютъ *pro domo sua*. Во вторыхъ, во всѣхъ заявленіяхъ, подписанныхъ профессорами богословія, юриспруденціи, философіи, исторіи, медицины и т. д., имѣются въ виду общіе интересы нѣмецкаго просвѣщенія, а не требованія отдѣльныхъ спе-

*) Das humanistische Gymnasium. 1890. № 3.

циальностей. Особенное понятіе нѣмецкаго просвѣщенія, представляемое совѣмъ не одной только нѣмецкой философійей, а цѣлою совокупностью нравственно-историческихъ наукъ, начинается мало-по-малу утрачиваться. Крайняя специализація и развѣтвленіе наукъ, упадокъ идеализма въ философіи, литературѣ, политикѣ и искусствѣ, матеріализмъ жизни и науки грозятъ въ корнѣ уничтожить высокую оригинальность, творческую силу и всеобъемлемость нѣмецкаго духа. Не нужно забывать, что гуманизмъ, протестантство и объединяющій то и другое — идеализмъ — единственно создали индивидуальную нѣмецкую культуру. Въ виду рѣшительно утилитарныхъ и частью матеріалистическихъ тенденцій, лежащихъ въ основѣ реформаторскихъ стремленій, дѣйствительно нельзя не раздѣлять опасеній за будущее нѣмецкой школы: вся исторія ея наглядно доказываетъ, что Греція и Римъ въ развитіи нѣмецкаго просвѣщенія играли и играютъ болѣшую роль, чѣмъ Франція и Англія *).

Поэтому мы едва-ли ошибемся, если заявленіямъ другаго рода мы придаемъ меньше значенія. Мы говоримъ о второмъ заявленіи части профессоровъ Лейпцигскаго университета, сдѣланномъ по инициативѣ профессора фیزیологіи Людвига и гласящаго такъ: «подготовка, которую приносятъ съ собою слушатели современныхъ гимназій, не годится для того, чтобы служить основой для изученія естествознанія и медицины». Равнымъ образомъ заявленіе, исходящее отъ политехникума въ Дрезденѣ, находитъ гимназическую подготовку неудовлетворительной для изученія технологіи и инженернаго искусства **). Безъ всякаго сомнѣнія, выше-названныя специальности имѣютъ высокую важность для просвѣщенія и жизни народа; но если дѣло идетъ о духовной индивидуальности націи, самостоятельномъ просвѣщеніи ея, то эти науки и ихъ интересы будутъ играть роль подчиненную по отношенію къ наукамъ нравственно-историческимъ, служащимъ одновременно и высшимъ выраженіемъ національной оригинальности и стимуломъ жизни народа. Именно сами по себѣ практическія науки у всѣхъ народовъ почти совершенно одинаковы и если онѣ должны пріобрѣсти рѣшающее вліяніе на жизнь, онѣ должны въ соединеніи съ другими основными двигателями жизни превратиться въ идеи, найти выраженіе себѣ въ философскихъ историческихъ наукахъ и искусствѣ. А эти сокровища находятъ себѣ естественное и главное хранилище въ языкѣ народовъ. «Языкъ уже самъ по себѣ—говоритъ профессоръ Целлеръ ***)—есть самое непосредственное и вѣрное выраженіе, самая живая копія тѣхъ процессовъ, которые происходятъ въ нашей духовной жизни, въ жизни мысли и чувства. Какъ грамматика есть первоначальное, доступное дѣтскому пониманію введеніе въ логику, такъ точно съ изученіемъ языка соединяется размышленіе о психологическихъ, нрав-

*) Духовный упадокъ нѣмецкой націи въ высшей степени наглядно нарисованъ въ книгѣ «Rembrandt, als Erzieher», которая въ полгода выдержала 25 изданій. Изъ нея можно почерпнуть и указанія на средства улучшенія этого положенія, которое, къ счастью, не безнадежно. Для русскихъ читателей можно рекомендовать краткое изложеніе содержанія ея въ «Вѣстникѣ Воспитанія» 1890. VII подъ заглавіемъ «Художественно-мистическое воспитаніе».

***) Berliner Tageblatt № 627.

***) Deutsche Rundschau. 1890, p. 226.

ственных, религиозных и эстетических воззрѣнiяхъ, которыя усваиваются каждымъ сначала безсознательно, въ опредѣленной національной окраскѣ вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ, и только посредствомъ методическаго изученiя языковъ достигаютъ болѣе ясной. Въ этихъ словахъ ученаго философа заключается глубокая правда для всякаго, кто безпристрастно способенъ взвѣсить блага идеальныя и матеріальныя. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что практическія науки оказали сильное вліяніе и на міръ нравственныхъ идей, но принесенная ими доля пользы слилась и потерялась въ немъ, а остальное ихъ содержаніе имѣетъ почти только практическое значеніе и необязательно для всякаго во всемъ своемъ объемѣ. Вотъ почему, когда дѣло идетъ не «о хлѣбѣ единомъ», а также и объ общемъ духовномъ просвѣщенiи отдѣльныхъ народовъ, необходимо вообще поставить языки и исторію выше другихъ наукъ. Если-бы такимъ образомъ нужно было отказаться отъ изученiя древнихъ языковъ, то ихъ мѣсто должны были-бы занять языки новые, а не естествознаніе или математика. Но и это на нашъ взглядъ невозможно, по крайней мѣрѣ для Германіи, безъ серьезныхъ затрудненій и опасностей. Движеніе въ пользу новыхъ языковъ и противъ древности вообще въ значительной степени есть продуктъ господствующаго въ популярной наукѣ и философіи направленiя, и значительная часть образованнаго общества, благодаря этому, потеряла всякое чутье къ историческимъ связямъ своего народа, въ глазахъ ея настоящая исторія нѣмецкой націи началась только съ революціи 1848 года, и поэтому, сосредоточивъ внутри этого узкаго горизонта всѣ свои симпатіи, она безъ уваженiя смотритъ на всѣ историческія преданія націи, какъ на *überwundenen Standpunct*.

Какъ въ развитiи отдѣльнаго организма есть нѣкая невѣдомая сила жизни, такъ и въ развитiи народовъ не все поддается объясненію посредствомъ выкладокъ эволюціонизма: наперекоръ всѣмъ хитроумнымъ объясненiямъ послѣдовательной смѣны однихъ «идей-силъ» другими, есть въ народной жизни нѣкоторые неизмѣнныя факторы, дѣйствующіе, пока народъ живетъ, какъ организмъ, а не какъ машина. Къ таковымъ факторамъ въ нѣмецкой жизни принадлежитъ общеніе нѣмецкаго и античнаго духа, изъ котораго выросла оригинальная литература «золотаго періода» (XVIII-го столѣтiя); такимъ образомъ, разрывъ съ древностью можетъ быть роковымъ для нѣмецкаго просвѣщенiя.

С. Николаевъ.

(Продолженіе будетъ).

Лейпцигъ, декабрь 1890 г.

Хроника народнаго образованiя.

Было время, когда дѣло народнаго образованiя встрѣчало самое ярое противодѣйствіе со стороны той части нашего общества, которая никакъ не могла примириться съ прекращеніемъ крѣпостнаго права и видѣть въ освобожденномъ крестьянинѣ человѣка, пользующагося всѣми гражданскими правами. Теперь, черезъ тридцать лѣтъ послѣ великой реформы

19 февраля 1861 года, можно было считать упомянутый видъ людей, которые ничего не могутъ забыть и ничему не могутъ научиться, совершенно вымершимъ. По крайней мѣрѣ, они давно не подавали о себѣ голоса. Недавно, однако, въ одномъ земскомъ собраніи произошелъ инцидентъ, ясно показавшій, что люди, считающіе мужика чѣмъ-то ниже человѣка и потому признающіе вредною для него даже простую грамотность, до сихъ поръ не перевелись у насъ. Въ послѣднемъ горбатовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, Нижегородской губерніи, гласный Обтяжковъ, по прочтеніи доклада управы о народномъ образованіи, заявилъ, что изъ двадцатипятилѣтняго непосредственнаго наблюденія онъ убѣдился, что земство все это время тратило на народное образованіе большія суммы совершенно бесполезно, потому что грамотность крестьянамъ вредна. Она развиваетъ будто-бы въ мужикахъ самообольщеніе, строптивость, портитъ ихъ нравственность и приводитъ въ концѣ-концовъ на скамью подсудимыхъ. Самое меньшее, если грамотность только бесполезна. Это удивительное заявленіе одного изъ членовъ интеллигентной части собранія было поддержано другимъ интеллигентнымъ гласнымъ Шваневичемъ, заявившимъ, что онъ за 12 лѣтъ службы уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ тоже наблюдалъ, что грамотные новобранцы—по большей части безнравственные сорванцы и люди пропащіе. На защиту грамотности долженъ былъ выступить гласный крестьянинъ Сѣряковъ. Онъ прежде всего сконфузилъ гласнаго Шваневича, заявивъ, что онъ въ теченіе 9 лѣтъ постоянно слышалъ отъ этого гласнаго восторженные отзывы о новобранцахъ, вкусившихъ грамоты, которые всегда оказывались и умнѣе, и понятливѣе, и нравственнѣе неграмотныхъ, а затѣмъ сослался на примѣръ своей волости, въ которой самыя бѣдныя крестьяне стараются на послѣднія крохи научить своихъ дѣтей грамотѣ, послѣ чего грамотные мальчишки отправляются въ Астрахань, Саратовъ, Оренбургъ и друг. города, поступаютъ въ торговыя заведенія и чрезъ нѣсколько лѣтъ получаютъ 200—500 рублей жалованья. На это г. Обтяжковъ возразилъ, что это и есть лучшее доказательство вреда грамотности, такъ какъ мужику не къ чему зарабатывать 200—500 рублей въ годъ. Деньги эти могутъ принести ему только вредъ, такъ какъ приучаютъ его къ роскоши, баловству. Мужику довольно заработать 100 рублей въ годъ. Вслѣдъ затѣмъ ярый противникъ народнаго образованія потребовалъ баллотировки возбужденнаго имъ вопроса. Само собою разумѣется, что вопросъ о томъ, быть-ли народному образованію въ Горбатовскомъ уѣздѣ, не могъ быть рѣшенъ собраніемъ иначе, какъ положительно. Однако, нашлось въ собраніи и меньшинство, правда, незначительное, которое высказалось противъ этого рѣшенія.

Мы остановились на этомъ изумительномъ эпизодѣ въ виду того, что авторъ мнѣнія о вредности для мужика какъ грамотности, такъ и хорошихъ заработковъ, оказался не въ одиночествѣ. Какъ мы сказали, въ горбатовскомъ собраніи оказалось меньшинство, поддерживавшее это изумительное мнѣніе. Но этого мало. Нашелся органъ печати, которому мнѣніе г. Обтяжкова пришлось вполне по вкусу и который нашелъ его «вполнѣ разумнымъ». Выходитъ, такимъ образомъ, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло не съ случайнымъ атаквистическимъ явленіемъ, а съ

цѣлою категоріею лицъ, которыя до сихъ поръ держатся старыхъ крѣпостныхъ взглядовъ и, скрывая ихъ до послѣдняго времени, теперь сочли благовременнымъ выразить ихъ во всей наготѣ. Не странно-ли, что почти наканунѣ XX вѣка приходится доказывать необходимость и полезность образованія для народа, и какого образованія? Той простой грамотности, которую только и даетъ наша народная школа? Оказывается, что нужно еще разъяснять отсутствіе связи между грамотностью и порчею нравовъ, доказывать, что если человѣкъ научится разбирать печатныя буквы и кое-какъ нацарапать свое имя, то этимъ онъ еще не обрекается неизбежно на тюрьму и Сибирь. Чудное, нехорошее время переживаемъ мы. Казалось, ужъ сколько разъ твердили мы азбучныя истины, что врядъ-ли остались еще столь темные люди, которые не усвоили-бы себѣ эту азбуку. И однако, оказывается, что этихъ темныхъ людей, которымъ приходится преподавать самыя начатки общежитія, еще цѣлый непочатый уголъ.

Въ какомъ положеніи желали-бы оставить нашъ народъ господа. толкующіе о вредѣ грамотности, всего лучше показываютъ появляющіяся время отъ времени въ печати извѣстія о проявленіяхъ дикости людей, оставленныхъ въ полной темотѣ невѣжества. Конечно, въ печать попадаетъ лишь ничтожная часть случаевъ этого рода, которыми буквально переполнена вся жизнь народная. Но и того, что появляется въ печати, достаточно, чтобы привести въ ужасъ всякаго, въ комъ еще не заглохли человѣческія чувства, и заставить всякаго дѣлать все, что онъ можетъ, для того, чтобы хоть немного освѣтить облекающую нашъ народъ тьму. Возьмемъ для примѣра одинъ изъ самыхъ свѣжихъ случаевъ, рассказанныхъ недавно въ одной провинціальной газетѣ. Такіе случаи наглядно показываютъ, сколько лицемѣрія скрывается въ разсужденіяхъ о тлетворномъ якомы вліяніи образованія на народную нравственность, которая въ дѣйствительности, благодаря именно невѣжеству, замѣняется самымъ звѣрскимъ отношеніемъ къ ближнему.

Крестьянинъ деревни Куракина, Вяземскаго уѣзда, былъ укушенъ бѣшеною собакою. Конечно, при самомъ скромномъ уровнѣ умственнаго развитія, хотя-бы томъ, которое даетъ наша народная школа, несчастнаго потерпѣвшаго свезли-бы въ ближайшую больницу. Но темная деревня, свободная отъ всякаго образовательнаго вліянія, поступаетъ совсѣмъ иначе. Несчастнаго укушеннаго приковали цѣпью къ стѣнѣ, а когда съ нимъ начались припадки, рѣшили убить его, какъ одержимаго бѣсомъ. Обсужденіе вопроса о томъ, убивать-ли укушеннаго собакой, или нѣтъ, обсуждался во всеуслышанье собравшеюся деревнею на дворѣ несчастнаго, и онъ, прикованный къ стѣнѣ, долженъ былъ все это слушать. Подъ вліяніемъ охватившаго его ужаса, онъ вырвалъ изъ стѣны пробой и думалъ найти спасеніе въ бѣгствѣ. Толпа бросилась за нимъ и такъ била его кольями, что онъ палъ замертво, обливаясь кровью. Тутъ только темные и несчастные люди сообразили, что дѣло не ладно, и рѣшили везти избитаго въ больницу; но въ послѣднюю былъ доставленъ уже трупъ.

Кто слѣдитъ за русскою жизнью хотя-бы по газетамъ, тотъ знаетъ, что исторіи, подобныя рассказанной, у насъ не въ рѣдкость. Всѣмъ, конечно, памятны случаи убійства крестьянина, котораго чуть не похоронили въ летаргическомъ снѣ и убили, когда онъ поднялся изъ гроба уже

на кладбищѣ, сожженія старухи за колдовство, мученической смерти молодой женщины, которую замучили мужъ, свекоръ и свекровь, подозревая, что она ихъ «портить», и т. д. Случаи подобнаго рода становятся извѣстными только тогда, когда они сопровождаются какими-либо особенно эффектными обстоятельствами. А сколько ихъ проходитъ незамѣченными! Сколько мучительной жестокости переполняетъ всѣ обыденныя отношенія въ народной жизни,—жестокости, которую нельзя ставить въ вину, такъ какъ она бессознательна, но которая тѣмъ не менѣе обращаетъ въ сплошную каторгу милліоны существованій! Если-бы образованіе не имѣло никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ уменьшенія этой зоологической жестокости, порождаемой тьмою невѣжества, и тогда обязанность каждаго честнаго сына своего отечества—всячески содѣйствовать распространенію въ народѣ образованія, и только люди, не любящіе своей родины, желающіе видѣть ее въ столь-же жалкомъ положеніи, въ какомъ находятся дикіе африканскіе народы, могутъ возставать противъ народнаго образованія. Народное образованіе—это источникъ богатства и величія страны, народное невѣжество—источникъ ея дикости, бѣдности и слабости. Какъ-же послѣ этого назвать людей, ратующихъ противъ народнаго образованія?

Къ счастью, эти враги своего отечества уже не въ силахъ остановить все болѣе и болѣе развивающагося въ народной средѣ просвѣщенія. Для этого они слишкомъ опоздали. Предположимъ невѣроятное,—предположимъ, что этимъ мракобѣсамъ удастся закрыть всѣ существующія школы или превратить ихъ въ нѣчто такое, благодаря чему онѣ потеряютъ всякое образовательное значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что это страшно затормозитъ просвѣщеніе народныхъ массъ, но отнюдь не остановитъ его. О, нѣтъ, на остановку народнаго просвѣщенія теперь уже нельзя рассчитывать. Оно скроется, забьется въ глухіе углы, будетъ передаваться отъ отца къ сыну, отъ брата къ брату, отъ матери къ дѣтямъ, но оно будетъ расти и развиваться. Въ русской исторіи уже имѣется внушительный примѣръ этого рода—распространеніе грамотности среди раскольниковъ, которые почти поголовно грамотны, не смотря на то, что для этого ни государство, ни общество ничего не дѣлали, а до самаго послѣдняго времени образовательныя стремленія раскольниковъ даже встрѣчали всяческое противодѣйствіе.

Но нашимъ сторонникамъ тьмы и невѣжества не удастся повернуть назадъ колесо исторіи и въ смыслѣ прекращенія государственнаго и общественнаго содѣйствія народному образованію. Напротивъ, чѣмъ дальше идетъ дѣло, тѣмъ это содѣйствіе неизбежно расширяется, какъ-бы противъ этого ни возставали противники народнаго образованія. И чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ это расширеніе народно-образовательнаго дѣла ощутительнѣе. Какую-бы мѣстность нашего отечества мы ни взяли, вездѣ наблюдается одно и то-же явленіе. Растутъ расходы на народное образованіе, растетъ число школъ, а еще больше растетъ число учащихся. Вотъ предъ нами, напр., прекрасно составленный очеркъ народнаго образованія въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, принадлежащій

тамошнему инспектору народных училищ г. Корватовскому *). Просматривая эту работу, наглядно видишь, какъ неизбежно, стихійно развивается дѣло народнаго образованія. Земство въ названномъ уѣздѣ введено только съ 1871 года и въ этомъ году на народное образованіе было ассигновано только 4.702 рубля. Черезъ пять лѣтъ, въ 1876 году ассигновка на народное образованіе достигла до 15.000 рублей; еще черезъ пять лѣтъ, въ 1881 году, ассигновано уже 19.600 рублей; въ 1886 г.—28.820 р. и наконецъ въ 1888 г.—33.894 р. Школы открывались въ такомъ порядкѣ: въ 1871 году открыто 8 школъ, въ 1872 году—6, въ 1873—7, въ 1874—6, въ 1875—8, въ 1876—1, 1877—1, 1878—1, 1879—2, 1880—2, 1881—1, 1883—2, 1884—1, 1885—4, 1886—13, 1887—7 и въ 1888—1. И вотъ въ то время, какъ въ 1870 году въ Красноуфимскомъ уѣздѣ было всего нѣсколько школъ, существовавшихъ не столько въ дѣйствительности, сколько фактивно, въ настоящее время здѣсь 82 школы, изъ которыхъ 7 двухъ-классныхъ.

Но если знакомство съ историческимъ развитіемъ народнаго образованія приводитъ къ утѣшительнымъ выводамъ въ томъ смыслѣ, что совершенно успокоиваетъ за судьбы народно-образовательнаго дѣла, какіе-бы крики противъ него ни раздавались со стороны одичавшихъ людей.—то въ то-же время ясно показываетъ, какъ много еще нужно сдѣлать въ данной области. Остановимся опять на примѣрѣ того-же Красноуфимскаго уѣзда. Нельзя не признать, что здѣсь сдѣлано за послѣднія 20 лѣтъ очень много, такъ какъ за этотъ промежутокъ времени сдѣлано болѣе, чѣмъ за все предшествующее время. И въ самомъ дѣлѣ, 20 лѣтъ тому назадъ въ уѣздѣ, собственно говоря, совсѣмъ не было народнаго образованія, а теперь здѣсь 82 народно-образовательныхъ учрежденія, въ которыхъ учится 4.797 человекъ, и однако, какъ эти цифры оказываются скромны сравнительно съ тѣмъ, что должно быть и что рано или поздно будетъ! Въ самомъ дѣлѣ, число учащихся мальчиковъ составляетъ только 3,15% мужскаго населенія уѣзда и 19,97% мальчиковъ школьнаго возраста, а число учащихся дѣвочекъ даже только—1,05% женскаго населенія и 6,6% дѣвочекъ школьнаго возраста. Этотъ примѣръ лучше всего показываетъ, какъ много еще должны работать для народнаго образованія всѣ тѣ, кто любитъ свою родину и желаетъ ей счастья и величія.

Къ сожалѣнію, народно-образовательное дѣло у насъ заставляетъ желать многого не только со стороны количественной, но также и со стороны качественной. Постановка школьнаго дѣла у насъ такова, что школа часто далеко не даетъ своимъ питомцамъ того, что она могла-бы дать. Не останавливаясь здѣсь на данномъ предметѣ во всемъ его объемѣ, скажемъ нѣсколько словъ только о преподаваніи въ народныхъ школахъ чистописанія. Поводъ къ этому намъ подаетъ недавно разосланный циркуляръ Министерства Народнаго Просвѣщенія о лучшей постановкѣ преподаванія чистописанія въ начальныхъ училищахъ. Въ упомянутомъ циркулярѣ указывается на то, что въ настоящее время въ начальныхъ училищахъ не всегда обращается должное вниманіе на обученіе чистописанію.

*) Состояніе народнаго образованія въ красноуфимской инспекціи народныхъ училищъ Пермской губерніи за 1888—1889 учебный годъ. Красноуфимскъ. 1890.

Между тѣмъ обученіе этому предмету въ народныхъ школахъ, помимо непосредственнаго практическаго примѣненія въ жизни, имѣетъ и воспитательное значеніе, приучая дѣтей къ порядку, чистотѣ и аккуратности. Въ виду этого преподаванію русскаго языка съ чистописаніемъ въ сельскихъ училищахъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и отведено значительное количество уроковъ. Затѣмъ правилами для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ, отъ 16 ноября 1885 г., требуется отъ экзаменующагося, чтобы онъ могъ прочесть какую-нибудь четкую рукопись и умѣлъ написать какой-нибудь отрывокъ четко и скорописью безъ линеекъ и безъ искаженій продиктованныхъ словъ. Отмѣтка по чистописанію должна быть не ниже «удовлетворительно», такъ какъ въ противномъ случаѣ экзаменующійся къ устному испытанію не допускается. Принимая все это во вниманіе, Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ обратить вниманіе директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ на лучшую постановку преподаванія чистописанія въ начальныхъ училищахъ.

Дѣйствительно, въ настоящее время преподаваніе чистописанія въ народной школѣ поставлено самымъ невозможнымъ образомъ. Жизнь требуетъ отъ выходящихъ изъ народной школы умѣнья писать четко, мелко и скоро, и эти-же требованія выставлены, какъ указано выше, въ правилахъ 16 ноября 1885 года. На дѣлѣ-же въ школахъ все вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы обучить учащихся возможно болѣе красивому письму. Для достиженія этой цѣли на письмо тратится чуть не половина учебныхъ часовъ, отчего крайне страдаетъ преподаваніе остальныхъ предметовъ. Инспекція обращаетъ наибольшее вниманіе при посѣщеніи школъ именно на каллиграфію и репутація учителя зависитъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ всецѣло отъ успѣховъ учениковъ въ каллиграфіи. Для возбужденія соревнованія въ данномъ дѣлѣ изъ одной дирекціи въ другую пересылаются тетради для посрамленія оплошавшей дирекціи или для поученія одной примѣромъ другой, болѣе успѣвшей въ данномъ дѣлѣ. Тетради чистописанія обращаются во что-то священное, тщательно сохраняются и отсылаются въ округъ. Дѣло доходитъ до запрещенія употребленія грифельныхъ досокъ, дабы учащіеся упражнялись въ каллиграфіи чуть не каждую минуту. И дѣйствительно, успѣхи достигаются изумительные. И учащимъ, и учащимся чистописаніе дѣлается противнымъ до послѣдней степени. Къ концу курса ученики дѣйствительно пишутъ чрезвычайно красиво, но за то крайне медленно и чуть не вершковыми буквами. Приобрѣтенное ими искусство, такимъ образомъ, теряетъ всякое практическое значеніе, и такъ какъ упражняться въ этой каллиграфіи живя затѣмъ не представляетъ случаевъ, то достигнутый навыкъ скоро теряется. За то, когда приходится писать что-либо обыкновеннымъ способомъ, напр. письмо, то это представляетъ для бывшаго ученика школы трудно разрѣшимую задачу вслѣдствіе отсутствія навыка писать скоро и мелко. Боямся, что при такомъ направленіи, господствующемъ въ округахъ, и при неопредѣленности выраженной приведеннаго выше циркуляра, онъ вызоветъ еще усиленіе тѣхъ странностей въ преподаваніи чистописанія, которыя слегка очерчены здѣсь, вмѣсто того, чтобы устранить ихъ.

Еще болѣе опасаемся, что не только не приведетъ къ предполагаемымъ желательнымъ послѣдствіямъ, но будетъ имѣть послѣдствія крайне нежелательныя другая мѣра, которую, повидимому, имѣется въ виду принять. Какъ передаютъ газеты, возникла мысль о выдачѣ свидѣтельствъ объ окончаніи курса начальныхъ школъ, какъ извѣстно, дающихъ право на льготу при отбываніи воинской повинности, лишь послѣ особаго повѣрочнаго испытанія знаній бывшихъ учениковъ народной школы, которое будетъ производиться чрезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ мальчиковъ изъ школы. Сообщаютъ, что уже особой комиссіи поручено выработать порядокъ и главныя основанія такихъ испытаній. Мѣра эта предполагается въ тѣхъ видахъ, чтобы побудить бывшихъ учениковъ народной школы сохранять вынесенныя изъ нихъ знанія и не впадать въ рецидивъ безграмотности. Едва-ли, однако, указанная мѣра достигнетъ предполагаемой цѣли. Если учившіеся въ народной школѣ въ настоящее время забываютъ вынесенное изъ школы и дѣлаются снова безграмотными,—что, однако, далеко не подтверждается, а скорѣе опровергается сдѣланными въ нѣсколькихъ мѣстахъ по инициативѣ земствъ опытами повѣрочныхъ испытаній бывшихъ питомцевъ народной школы,—то, очевидно, это печальное явленіе служить результатомъ не злой воли учившихся, почему-то постаравшихся забыть вынесенныя знанія, а тѣхъ условій, при которыхъ проходитъ жизнь бывшихъ учениковъ. Библіотекъ народныхъ нѣтъ, книгъ покупать не на что, да и негдѣ, о газетахъ и журналахъ и говорить нечего—поневолю сдѣлаешься снова безграмотнымъ. Введеніе испытаній, которыя будутъ происходить чрезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса учениками народной школы, ничего не измѣнитъ въ указанномъ положеніи вещей, опредѣляющемъ рецидивъ безграмотности, и стало быть, если ученики народныхъ школъ теряютъ теперь выносимыя изъ школы знанія, то то-же будетъ имѣть мѣсто и по введеніи означенныхъ испытаній. Такимъ образомъ, предполагаемая мѣра будетъ совершенно безцѣльною. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и несправедливою. Въ самомъ дѣлѣ, почему такую экстраординарную мѣру предполагается примѣнить только къ ученикамъ начальной школы, тогда какъ они, безъ сомнѣнія, повинны въ забвеніи вынесеннаго изъ школы гораздо менѣе, нежели питомцы среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній? Въ самомъ дѣлѣ, многое-ли остается изъ проходимаго въ гимназіяхъ и университетахъ у питомцевъ этихъ школъ чрезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса и какъ завопили-бы всѣ, если-бы эти питомцы подвергались испытаніямъ лѣтъ черезъ пять по выходѣ изъ учебнаго заведенія и только тогда получали права, сопряженныя съ окончаніемъ курса въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи? А между тѣмъ ученикамъ народной школы можно поставить въ вину потерю вынесенныхъ изъ нея знаній гораздо менѣе, нежели питомцамъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ послѣдніе имѣютъ гораздо болѣе средствъ для сохраненія и возобновленія школьныхъ знаній. За что-же, въ такомъ случаѣ, лишать питомца народной школы единственнаго права, которое даетъ эта школа,—права на уменьшеніе срока дѣйствительной службы при отбываніи воинской повинности,—лишать только потому, что условія жизни отняли у него возможность сохранить школьныя знанія? А между тѣмъ осуществленіе этой

мѣры отнять у народа одно изъ побужденій къ отдачѣ своихъ дѣтей въ школы, что въ странѣ, въ которой учится не болѣе 15⁰/₀ дѣтей школьнаго возраста, имѣеть не маловажное значеніе.

Если рецидивъ безграмотности признается на столько серьезнымъ зломъ, что для борьбы съ нимъ имѣется въ виду принимать особыя мѣры, то, очевидно, мѣры эти должны соответствовать болѣзни, противъ которой онѣ направляются. Такъ какъ ученики народной школы могутъ впадать въ состояніе безграмотности только потому, что они не имѣютъ надѣ чѣмъ практиковать вынесенное изъ школы умѣнье читать, то очевидно, что для предупрежденія этого печальнаго явленія необходимо сдѣлать народу возможно болѣе доступнымъ печатное слово. Наиболѣе легкимъ и практичнымъ средствомъ для этого является повсемѣстное открытіе въ селахъ и деревняхъ народныхъ библіотекъ. Это и есть тотъ путь, которымъ должно идти въ борьбѣ съ рецидивомъ безграмотности и который одиѣ только и можетъ привести къ цѣли. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ полнаго уваженія старанія нашихъ земствъ, которыя въ послѣдніе годы, по мѣрѣ своихъ средствъ и насколько позволяютъ внѣшнія условія, устраиваютъ сельскія библіотеки то при школахъ, то въ видѣ самостоятельныхъ народныхъ библіотекъ. Дѣятельность земствъ въ данномъ направленіи, какъ мы отмѣчали уже и въ прошлой хроникѣ, продолжается и въ настоящую сессію земскихъ собраній. Даже въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ земства начинаютъ тратиться на данный предметъ. Вотъ предъ нами, напримѣръ, земство Усть-Сысольскаго уѣзда, Вологодской губерніи; большей глуши и вообразить невозможно, а между тѣмъ и это земство въ собраніи настоящей сессіи, въ ряду другихъ прекрасныхъ мѣропріятій по народному образованію (изъ числа ихъ слѣдуетъ упомянуть о постановленіи увеличивать жалованье учителей чрезъ 8, 6 и еще 6 лѣтъ, по 60 рублей чрезъ каждый періодъ), постановило отпустить 500 рублей на устройство библіотекъ при земскихъ школахъ уѣзда. Подобныя-же постановленія находимъ и въ рѣшеніяхъ собраній тѣхъ земствъ, которыя озабочиваются устройствомъ библіотекъ уже нѣсколько лѣтъ. Такъ, напримѣръ, бронницкое земство, Московской губерніи, начало устраивать библіотеки при школахъ еще въ 1880 году, когда была открыта всего одна библіотека. Съ тѣхъ поръ каждый годъ устраивалось отъ 1 до 4 библіотекъ, такъ что къ 1890 году были библіотеки уже при 22 школахъ. Земское собраніе, бывшее въ концѣ 1890 года, ассигновало 325 рублей для устройства въ настоящемъ 1891 году уже сразу 9 новыхъ библіотекъ.

На тотъ-же путь снабженія деревни книгами при помощи школьныхъ библіотекъ все болѣе выступаютъ и частныя общества, созданныя для содѣйствія народному образованію. Для примѣра укажемъ на комитетъ грамотности, дѣятельность котораго въ указанномъ направленіи съ каждымъ годомъ въ послѣднее время расширяется. Именно въ 1887 г. комитетъ грамотности изъ ассигнованныхъ 2.000 рублей на разсылку книгъ по школамъ израсходовалъ 922 рубля, въ 1888 г. изъ 2.100 р. издержалъ 1.775 р., въ 1889 г. изъ 2.100 р.—уже 1.945 р., а въ 1890 г. уже по 1 ноября вся ассигнованная сумма была израсходована и комитетъ къ означенному сроку разослалъ 44.600 экземпляровъ книгъ.

Въ заключеніе нашей настоящей хроники сообщимъ свѣдѣнія о двухъ новыхъ сельско-хозяйственныхъ училищахъ. Одно изъ нихъ уже открыто въ концѣ прошлаго 1890 года въ селѣ Искрисковщинѣ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Школа открыта тамошнимъ землевладѣльцемъ И. Н. Терещенко. Въ пользованіе школы отведена искрисковская экономія, имѣющая 300 дес. земли, 8 дес. плодоваго сада и огорода. Школа помѣщается въ трехъ новыхъ корпусахъ, въ которыхъ расположены классы, спальни, столовая, мастерская, баня и больница. На первый годъ принято только 35 учащихся. Любопытно, что на это число вакансій явилось 165 претендентовъ, изъ которыхъ 128 окончило курсъ начальныхъ училищъ и 37—курсъ двухъ-классныхъ и трехъ-классныхъ. Этотъ фактъ наглядно показываетъ, какъ велика у насъ потребность въ сельско-хозяйственномъ образованіи.

Другое сельско-хозяйственное училище имѣетъ быть открытымъ въ недалекомъ будущемъ. Его предполагаетъ открыть Рязанское общество сельскаго хозяйства. На эту школу отчислено изъ средствъ общества 7.000 руб. и, кромѣ того, поступило пожертвованій деньгами 12.500 руб. и 116 десятинъ земли. Въ училище предполагается принимать лицъ всѣхъ состояній, но преимущество будетъ отдаваться крестьянамъ. Поступающіе должны имѣть не менѣе 15 лѣтъ и окончить курсъ въ двухъ-классномъ народномъ училищѣ или выдержать соответствующее испытаніе. Штатные воспитанники, которыхъ будетъ не менѣе 15, будутъ обучаться бесплатно и получать полное содержаніе отъ общества. Число сверхштатныхъ учениковъ не ограничено; они будутъ платить за обученіе и полное содержаніе по 50 рублей въ годъ. Курсъ ученія въ училищѣ трехлѣтній. Классныя занятія будутъ происходить отъ 1 октября до страстной недѣли; остальное время года предназначено для практическихъ работъ. Въ курсъ ученія войдутъ Законъ Божій, русскій языкъ и ариметика, объясненія простѣйшихъ способовъ измѣренія земли, естествознаніе въ предѣлахъ, необходимыхъ для пониманія основъ сельскаго хозяйства, практическое земледѣліе, садоводство, лѣсоводство, огородничество, скотоводство, подача первоначальной помощи скоту и наконецъ законы, касающіеся крестьянской жизни. Въ училищѣ предположено также изучать ремесла—плотнично-столярное и кузнечно-слесарное, а если окажется возможнымъ, то и скорняжное, шорное и шерстовальное.

Нельзя не пожелать, чтобы предположенное Рязанскимъ обществомъ сельскаго хозяйства училище поскорѣе было открыто. Общество уже работало уставъ училища и представило его на утвержденіе въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. У насъ такъ мало профессиональныхъ школъ вообще и школъ сельско-хозяйственныхъ въ особенности, что открытіе каждаго новаго сельско-хозяйственнаго училища составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ событіе и должно быть привѣтствуемо съ полнымъ сочувствіемъ, особенно когда такое училище является созданіемъ частной инициативы мѣстнаго общества, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно является свидѣтельствомъ сознанія этимъ обществомъ какъ существованія потребности въ сельско-хозяйственномъ образованіи, такъ и лежащей на немъ обязанности удовлетворить этой потребности.

Я. Абрамовъ.

Гельсингфорское совоспитательное училище.

(Helsingfors Samskola).

Узкое пониманіе преподавателями древнихъ языковъ истинной задачи классицизма въ системѣ гимназическаго образованія и неправильные методы преподаванія этихъ языковъ не мало способствовали возникновенію въ русскомъ обществѣ жалобъ на переутомленіе учениковъ классическихъ гимназій и развитію замѣчаемаго нынѣ недовольства такъ называемымъ исключительно классическимъ направленіемъ нашихъ гимназій. Въмѣсто того, чтобы вооружаться противъ неумѣлаго примѣненія преподавателями классической системы, стали винить самую систему, и въ настоящее время пренебрежительное и даже презрительное отношеніе къ «латыни» стало, къ сожалѣнію, явленіемъ обычнымъ въ нашемъ образованномъ обществѣ.

Въ Финляндіи недовольство классическимъ направленіемъ средняго образованія облеклось въ болѣе реальныя и притомъ весьма своеобразныя формы. Въ финляндскомъ обществѣ сталъ обсуждаться вопросъ о томъ, какимъ требованіямъ вообще должна удовлетворять *средняя* школа (здѣсь лицей): должна-ли она по прежнему преслѣдовать одну, такъ сказать, научно-педагогическую цѣль и оставаться какъ-бы приготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ для университета, или задаться болѣе скромною въ научномъ отношеніи, но за то болѣе широкою цѣлью служить фундаментальною школою для будущаго гражданина въ болѣе общемъ смыслѣ этого слова. Это послѣднее мнѣніе нашло многихъ и горячихъ защитниковъ даже въ кружкахъ высшей интеллигенціи страны, какъ, напр., среди профессоровъ университета. Сторонники этого мнѣнія, не довольствуясь улучшеніемъ методы преподаванія древнихъ языковъ*),—реформой, проведеной въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ имперіи, въ томъ числѣ и въ Гельсингфорской русской, —не довольствуясь болѣе рациональною постановкою классическаго принципа въ системѣ гимназическаго образованія, высказались за коренную реформу: исключить совсѣмъ изъ учебной программы древніе языки, оставивъ, однако, латинскій языкъ въ старшихъ классахъ для тѣхъ учениковъ, которые готовятся къ поступленію въ университетъ**). Для проведенія этой реформы на дѣлѣ было порѣшено открыть на частныя средства новое училище. Сочувствовавшія новой идеѣ лица порѣшили въ общемъ собраніи образоватъ товарищество на акціонерныхъ началахъ для матеріальнаго обезпеченія училища, и такимъ образомъ открылось въ Гельсингфорсѣ въ 1882 г. «*Новое шведское училище*». Начальникомъ этого училища былъ избранъ горячо преданный дѣлу воспитанія пасторъ Брубергъ, а предсѣдателемъ дирекціи профессоръ римской литературы при здѣшнемъ университетѣ, г. Густавсонъ. Репутація этого училища годъ отъ году все увеличивалась, и въ настоящее время оно имѣетъ 280 учениковъ. Просуществовавъ два года, училище полу-

*) См. «Опытъ методики первоначальнаго обученія латинскому языку» Г. Дрбоглава.

**) Надо замѣтить, что въ Гельсингфорскій университетъ можно поступить безъ древнихъ языковъ, которые могутъ быть замѣнены новыми.

чло отъ финляндскаго правительства субсидію въ размѣрѣ 18.000 марокъ, которую пользуется и нынѣ.

Но уже въ первомъ году существованія этого училища поступило въ дирекцію его отъ нѣсколькихъ интеллигентныхъ матерей, недовольныхъ крайне узкою программю мѣстныхъ женскихъ училищъ, прошеніе объ открытіи приема въ «Новое шведское училище» для *дочерей* ихъ. По поводу этого прошенія было созвано общее собраніе акціонеровъ. Собраніе это было чрезвычайно многолюдно и отличалось въ высшей степени оживленными преніями. И не удивительно. Поставленъ былъ на обсужденіе совершенно новый принципъ воспитанія, принципъ, до этого времени вовсе не обсуждавшійся въ Финляндіи, да, насколько извѣстно, и нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ Швеціи *): обсуждалась возможность совмѣстнаго воспитанія въ среднемъ учебномъ заведеніи (лицеѣ, гимназій), до высшихъ классовъ его включительно, учащихся того и другаго пола, иными словами, разбиралась возможность перенесенія на финляндскую почву американскаго принципа «совоспитанія» (coeducation). Не было недостатка въ доводахъ какъ за, такъ и противъ примѣненія этой системы воспитанія. Скептики, ссылаясь, между прочимъ, на письмо, присланное изъ Америки одною соотечественницею, дурно отзывавшеюся объ американскихъ совоспитательныхъ училищахъ, высказывали опасенія главнымъ образомъ съ нравственной точки зрѣнія. Оптимисты-же, заручившись не менѣе авторитетными отзывами другихъ лицъ въ той-же Америкѣ, а главнымъ образомъ ссылаясь на многолѣтнюю опытность стокгольмскаго совоспитательнаго училища, возлагали величайшія надежды на совмѣстное воспитаніе половъ именно въ нравственномъ отношеніи. Они были увѣрены, что новая система, устранивъ ложность и искусственность во взаимныхъ отношеніяхъ половъ, установитъ эти отношенія на болѣе здравыхъ началахъ и *облагородитъ* ихъ; юношу научить видѣть въ дѣвицѣ болѣе чѣмъ салонную барышню, способную блистать лишь на балахъ, въ дѣвицѣ-же уничтожить кокетничанье, болѣзненную мечтательность и т. п. качества, столь извѣстныя родителямъ и воспитателямъ. Многіе родители, не видя надобности посылать для приобрѣтенія элементарнаго образованія сыновей въ одно, а дочерей въ другое учебное заведеніе, горячо сочувствовали идеѣ совоспитанія обоихъ половъ въ одномъ и томъ-же училищѣ, находя это для себя выгоднымъ и въ экономическомъ отношеніи. Такимъ образомъ столкнулись два діаметрально противоположныхъ воззрѣнія. По окончаніи преній, которыя были весьма продолжительны, было произведено голосованіе, и въ большинствѣ оказались сторонники совоспитанія. И такъ, было порѣшено открыть доступъ въ «Новое шведское училище» и для дѣвочекъ. Однако, въ виду того, что побѣда была достигнута не особенно значительнымъ большинствомъ голосовъ, а также и въ виду новизны совоспитанія въ финляндскомъ обществѣ, сторонники этой системы не захотѣли воспользоваться своею побѣдою и, вмѣсто того, чтобы вводить реформу въ «Новомъ шведскомъ училищѣ», составили новое акціонерное общество съ цѣлью открытія особаго

*) Въ Стокгольмѣ существуетъ съ 1876 г. среднее учебное заведеніе для совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ.

училища, основаннаго на тѣхъ-же началахъ, но съ примѣненіемъ идеи совоспитанія. Такимъ образомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1883 г. было открыто учебное заведеніе подъ названіемъ: «*Гельсингфорское совоспитательное училище*» (Helsingfors Samskola).

Въ дирекцію этого заведенія вошелъ вышеупомянутый профессоръ Густавсонъ, а начальникомъ былъ избранъ бывший директоръ «Новаго шведскаго училища», пасторъ Вруббергъ, самый дѣятельный изъ борцевъ за дѣло совоспитанія въ Финляндіи, ѣздившій для ознакомленія съ постановкою этого дѣла сперва въ Швецію, а затѣмъ, получивъ отъ финляндскаго правительства стипендію, въ Америку. Считаюсь главою училища, пасторъ Вруббергъ въ дѣйствительности, однако, какъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи, такъ и во внутреннемъ управленіи училищемъ раздѣляетъ власть съ начальницей (нынѣ г-жа Кульгемъ, преподающая также исторію въ старшихъ классахъ). Въ числѣ преподавателей мы находимъ трехъ профессоровъ университета, одного доцента и одного лектора. Начавъ свою дѣятельность тремя классами, при 47 ученикахъ и ученицахъ, училище обнимаетъ теперь девять классовъ. Число учащихся достигло въ настоящее время почтовой цыфры 260 чел. (изъ нихъ 117 мужскаго и 143 женскаго пола), не считая соединенной съ училищемъ трехклассной приготовительной школы. Программа обнимаетъ слѣдующіе учебные предметы: Законъ Божій; языки: шведскій, финскій, русскій, нѣмецкій, французскій, латинскій; математику, физику, ботанику, зоологію, исторію, географію, гигиену, чистописание, рисованіе, ручной трудъ «слойдъ», женское рукодѣліе, стенографію, гимнастику и пѣніе.

Вотъ что говорилъ намъ пасторъ Вруббергъ въ устной бесѣдѣ о задачѣ своего училища.

«Совоспитательное училище поставило себѣ задачей посредствомъ обученія, удовлетворяющаго современнымъ требованіямъ, и совмѣстнаго воспитанія половъ доставить учащимся какъ мужскаго, такъ и женскаго пола то образованіе, которое служить необходимымъ условіемъ какъ для дальнѣйшаго ученія въ университетѣ и высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и для практической пригодности на поприщѣ общегражданской дѣятельности. Основною мыслью нашею служить возможно лучшее осуществленіе этой задачи при содѣйствіи родителей. Будучи убѣждены въ томъ, что одна учебно-воспитательная работа школы потребуетъ всей той силы и всего вниманія, какія только могутъ быть приложимы для достиженія желаемаго результата, мы порѣшили держать себя въ сторонѣ отъ разныхъ «вопросовъ» какъ религіозныхъ, такъ и социальныхъ, волнующихъ современное общество.

«Тѣмъ не менѣе, уже на самой организаціи своей существеннымъ образомъ примыкая къ «женскому» вопросу и служа какъ-бы одною изъ станцій на томъ пути, по которому прогрессируетъ работа надъ улучшеніемъ положенія женщины въ современномъ обществѣ, училище наше не можетъ оставаться вполне чуждымъ этого вопроса. Въ этомъ отношеніи, во всѣхъ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ, встрѣчающихся въ школѣ, какъ въ миниатюрномъ обществѣ, руководящимъ принципомъ у насъ служить полное равенство индивидовъ, и на почвѣ такого равенства установлены взаимныя отношенія половъ. Такъ, напр., при выполненіи дисци-

плины различіе въ обращеніи съ дѣтьми обусловливается однимъ лишь индивидуальнымъ различіемъ ихъ. Внушить уваженіе къ личности и пробудить чувство личной отвѣтственности—вотъ что служить предметомъ непрестанныхъ заботъ и стараній со стороны учащихся при образованіи характера дѣтей, на что обращается никакъ не менѣ вниманія, чѣмъ на учебную сторону школьнаго дѣла. Мы думаемъ такимъ образомъ сообщить подростающему поколѣнію правильное понятіе о личномъ достоинствѣ, а также и возбудить въ немъ чувство личной отвѣтственности и дать ему правильный взглядъ на жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ она должна складываться въ культурномъ обществѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ веденіемъ дѣла, имѣющимъ свое соотвѣтствіе въ жизни хорошей, образованной семьи, воспитательная цѣль наша можетъ быть достигнута легчайшимъ и непосредственнымъ образомъ.

«Несомнѣнно и то, что результаты совоспитанія половъ нагляднѣйшимъ образомъ покажетъ, на сколько современные стремленія къ достиженію женщинами бѣльшихъ правъ справедливы. Ибо совоспитательное училище, открывая свободное состязаніе обоихъ половъ, этимъ самымъ подготавливаетъ практическое рѣшеніе вопроса. Но далѣе этого школа идти не можетъ. Вотъ почему мы не хотимъ служить крайностямъ современной эмансипаціи женщины. И если и дѣлались попытки навязать нашему училищу роль въ этомъ отношеніи, то мы ихъ энергично отражали, какъ и вообще отвергаемъ дѣятельность, которая ни въ религіозномъ, ни въ социальномъ отношеніи не примыкаетъ непосредственно къ задачѣ нашего училища».

Въ маѣ мѣсяцѣ истекшаго учебнаго года совоспитательное училище дало первый выпускъ. Изъ шести человѣкъ учащихся 9-го класса (4 женскаго и 2 мужскаго пола), подверглись выпускному экзамену всѣ четыре дѣвицы, которыя, выдержавъ его блестящимъ образомъ, поступили въ университетъ; изъ учениковъ-же ни тотъ, ни другой этого экзамена не держалъ по случайнымъ причинамъ.

Этотъ первый выпускъ совоспитательнаго училища наводитъ насъ на вопросъ: въ какой степени выдержала пробу идея совоспитанія и какая вообще приобрѣтена опытность въ теченіе семи лѣтъ существованія училища? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ послѣднемъ отчетѣ начальника училища, который и приводимъ въ извлеченіи.

«Положенный въ основу преподаванія учебный планъ,—говорится въ отчетѣ,—не представляетъ никакой трудности для достиженія учащимися той зрѣлости и приобретенія тѣхъ знаній, которыя требуются для поступления въ университетъ. Между тѣмъ, въ этотъ планъ вошли такіе предметы, которые вовсе не преподаются въ казенныхъ лицахъ, какъ гигиена, стенографія, ручной трудъ и рукодѣліе, а потому на нѣкоторые другіе предметы, общіе съ казенными лицами, пришлось удѣлить гораздо меньшее, чѣмъ въ нихъ, число уроковъ. При этомъ не было замѣчено никакого переутомленія на окончившихъ полный курсъ ученія и выдержавшихъ вполне удовлетворительно «студенческой» экзаменъ» *).

*) Кроме экзамена на аттестатъ зрѣлости, поступающіе въ мѣстный университетъ подвергаются еще въ университетѣ особому повѣрочному, такъ называемому «студенческому», экзамену.

«Что касается учащихся женскаго пола, то противники совоспитанія находили «рискованнымъ» опытомъ преподаваніе имъ знаній въ томъ объемѣ, въ которомъ они ими теперь фактически пріобрѣтены. Для меня, конечно, съ перваго начала было трудно понять, почему-бы наши дѣвицы оказались менѣе способными, чѣмъ дѣвицы другихъ странъ, усвоить себѣ тѣ познанія, которыя сообщаются учащимся мужскаго пола какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ университетахъ. Я, какъ и прочіе сторонники совоспитанія, былъ поэтому вполне убѣжденъ, что совоспитательное училище не уступитъ другимъ учебнымъ заведеніямъ съ тѣмъ-же курсомъ, тогда какъ противники заняли выжидательное положеніе, предоставляя рѣшеніе дѣла первому выпуску».

«Теперь результатъ показали, что воспитанницамъ нашего училища, изъ которыхъ четыре выдержали какъ письменныя (назначаемыя университетомъ), такъ и устныя испытанія на аттестатъ зрѣлости, а равно и «студенческой» экзаменъ, нечего бояться таковыхъ испытаній».

Хотя въ этомъ году по случайнымъ причинамъ изъ учащихся мужскаго пола ни одинъ не окончилъ полнаго курса и поэтому результатъ сравненія работъ учащихся того и другаго пола не можетъ быть вполне точнымъ, но тѣмъ не менѣе можно считать установленнымъ на опытѣ фактомъ то обстоятельство, что дѣвочки, работая съ болѣею добросовѣстностью, чѣмъ мальчики, и притомъ въ продолженіи всего учебнаго времени ровно, не урывками, этимъ самымъ въ значительной мѣрѣ уменьшаютъ для себя трудность давать отчетъ въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ при курсовыхъ повтореніяхъ и на экзаменахъ.

Опасались, какъ я уже замѣтилъ, переутомленія въ совоспитательномъ училищѣ. Для предупрежденія этого, какъ упоминалось въ отчетахъ за прошлые года, предоставлялась свобода выбора учебныхъ предметовъ, притомъ не только для дѣвочекъ, но и для мальчиковъ. Между тѣмъ число учениковъ и ученицъ, воспользовавшихся этою льготою, лишающею ихъ во всякомъ случаѣ права на полученіе аттестата зрѣлости, очень невелико. Также лишь въ нѣсколькихъ исключительныхъ случаяхъ приходилось совѣтовать дѣтямъ или велѣть имъ оставить, на всели учебное время, или на болѣе короткій срокъ, тотъ или другой предметъ. Безъ сомнѣнія, практической, вполне цѣлесообразный методъ, прилагаемый въ нашемъ училищѣ къ преподаванію вообще, а къ обученію языкамъ въ особенности, въ значительной степени способствовалъ тому, что учащіеся работали безъ особаго обремененія. Но несомнѣнно и то, что интимный, семейный тонъ, господствующій у насъ въ отношеніяхъ учащихся къ учащимся какъ старшихъ членовъ семьи къ младшимъ, не мало содѣйствовалъ тому, что работа не только не оказывалась тягостной, но, напротивъ, возбуждала интересъ въ учащихся. Относительно переутомленія можемъ утвердительно сказать, что ученицы старшихъ классовъ училища, на которыхъ это переутомленіе могло-бы проявить себя особенно яркимъ образомъ, не подавали вовсе никакихъ поводовъ къ опасеніямъ.

Высказывалось также мнѣніе, по которому то практическое направленіе, которымъ по преимуществу характеризуется преподаваніе въ нашемъ училищѣ, будто-бы должно повлечь за собою меньшую основательность

знаній, дѣлающую невозможнымъ пріобрѣтеніе въ будущемъ высшаго образованія. Мнѣніе это можно считать опровергнутымъ самимъ опытомъ. Ибо не только письменныя работы на аттестатъ зрѣлости были признаны университетомъ вполне безукоризненными, но и тѣ испытанія, которымъ подвергались по временамъ учащіеся старшихъ классовъ для опредѣленія степени развитія ихъ, давали вполне удовлетворительные результаты. По математикѣ-же всѣ ученическія работы были университетомъ оцѣнены балломъ «*sum laude approbatur*».

Что касается поддержанія въ школѣ хорошаго духа и дисциплины, то и въ этомъ отношеніи система совоспитанія не представляла никакихъ неудобствъ, а, напротивъ, указанная выше семейность школьной жизни значительно облегчала воспитательную работу.

На основаніи всего сказаннаго, казалось-бы, не должна подлежать сомнѣнію успѣшность той работы, которою задалось совоспитательное училище. И въ самомъ дѣлѣ, предубѣжденія въ обществѣ противъ системы совоспитанія уже въ значительной степени ослабли, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ ежегодное увеличеніе числа поступающихъ въ совоспитательное училище, не смотря на высокую годовую плату, отъ взноса которой никто не освобождается. Такъ, напр., въ заканчиваемомъ учебномъ году число подвергавшихся пріемнымъ экзаменамъ дошло до 120 человекъ. Но если со стороны родителей, какъ видно, и нѣтъ недостатка въ довѣрїи къ нашему училищу, то, съ другой стороны, правительство далеко не такъ сочувственно относится къ той идеѣ, которую школа нынѣ осуществила. Это явствуетъ изъ того, что, не смотря на то, что всѣ до одинаго частныя учебныя заведенія въ странѣ, просуществовавъ два года, получали отъ правительства субсидію, наше училище, не смотря на крупную цыфру учащихся, стало пользоваться субсидією шесть лѣтъ спустя послѣ открытія. Теперь вопросъ о субсидіи рѣшенъ въ высшей инстанціи и ежегодная субсидія, въ размѣрѣ 6.000 марокъ (1.500 руб.), назначена на пять лѣтъ. Насъ, конечно, не мало поразило извѣстіе о томъ, что учебное заведеніе съ полнымъ лицейскимъ курсомъ, на содержаніе котораго были сдѣланы просвѣщеннымъ обществомъ столь великія денежныя пожертвованія (слишкомъ 50.000 мар.), получило отъ правительства столь незначительную поддержку, тогда какъ на долю частныхъ женскихъ училищъ во многихъ случаяхъ выпадали гораздо большія суммы. Но такое неравномѣрное распредѣленіе субсидій имѣеть свое основаніе въ неувѣренности правительства относительно удачности полнаго проведенія въ школѣ идеи совоспитанія, почему и сдѣлано ограниченіе субсидією четыремъ младшимъ, элементарнымъ классамъ.

Теперь, однако, послѣ перваго выпуска, можно надѣяться на болѣе объективную оцѣнку совоспитательнаго училища въ будущемъ, т.-е. оцѣнку, произведенную по дѣйствительной успѣшности его дѣла, чуждую всякихъ субъективныхъ взглядовъ на самый принципъ совоспитанія. Друзья совоспитательной школы, будучи убѣждены въ честности своего дѣла и основательности совоспитательнаго принципа, смотрятъ на будущее съ полною надеждою, что стремленія ихъ будутъ еще правильно поняты и оцѣнены на пользу общества».

Въ настоящее время можно считать идею совоспитанія половиною въ

среднемъ учебномъ заведеніи уже созрѣвшею въ финляндскомъ обществѣ. Совоспитательное училище, съ которымъ я познакомилъ читателя, дало поводъ къ открытію въ Гельсингфорсѣ на тѣхъ-же началахъ въ весьма короткій промежутокъ времени одного за другимъ слѣдующихъ училищъ: лицея г-жи Пиппингъ, новаго совоспитательнаго училища и Финскаго совоспитательнаго училища. Всѣ эти училища, возникнувъ на частныхъ средства, продолжаютъ свое существованіе, также главнымъ образомъ основываясь на пожертвованія частныхъ лицъ. Каждое изъ нихъ имѣетъ свое товарищество покровителей-акціонеровъ, вносящихъ на нужды училища ежегодно не менѣе 100 марокъ, и лишь на третій годъ своей дѣятельности они получаютъ отъ правительства субсидію въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, смотря по результатамъ этой дѣятельности.

Эти учебныя заведенія, а равно и возникшія вслѣдъ за ними училища того-же рода во многихъ другихъ городахъ Финляндіи, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какъ высоко развитъ въ Финляндіи въ школьномъ дѣлѣ принципъ частной инициативы и самопомощи, — принципъ, столь рѣдко, къ сожалѣнію, примѣняемый у насъ.

П. Леонтьевъ.

Г. Гельсингфорсъ.

Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 11 декабря 1890 года.

По прочтеніи протокола предшествующаго засѣданія и отчетовъ казначея М. М. Ледерле и завѣдующаго бесплатной разсылкой книгъ Б. Э. Кетрица, предсѣдатель, между прочимъ, сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ 3-го изданія разсказа Григоровича «Пахарь», удостоеннаго въ прошломъ году, какъ, быть можетъ, помнятъ читатели «Русской Школы», золотой медали имени А. О. Погоесскаго. Затѣмъ собраніе приступило къ выборамъ. Избраны въ члены: въ пожизненные—гг. Капаевъ и Холмушинъ, въ дѣйствительные—гг. Бередниковъ и Аювасевъ.

Послѣ выборовъ, предсѣдатель комитета Я. Т. Михайловскій прочелъ составленный имъ по порученію *комиссіи* комитета грамотности докладъ о *присужденіи золотой медали Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества* Варварѣ Алексѣевнѣ Морозовой.

Присужденіе это весьма обстоятельно и убѣдительно мотивировано въ прочитанномъ Я. Т. Михайловскимъ докладѣ, рисуящемъ замѣчательную благотворительную дѣятельность Варвары Алексѣевны въ дѣлѣ народнаго образованія. Упомянувъ только мимоходомъ о пожертвованіяхъ В. А. на высшее образованіе (устройство психіатрической клиники при Московскомъ университетѣ и пожертвованіе 50.000 руб. въ пользу до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не открытыхъ еще женскихъ медицинскихъ курсовъ), указавъ затѣмъ на устройство ею-же въ Москвѣ пріюта для бѣдныхъ и больныхъ труженицъ на педагогическомъ поприщѣ, докладчикъ перешелъ къ той сторонѣ благотворительной дѣятельности В. А. Морозовой, оцѣнка которой привела комиссію къ присужденію ей золотой медали Император-

скаго Вольно-Экономическаго Общества, а именно къ ея заботамъ о начальномъ образованіи.

На ея средства (30.000 руб.) основана и долгое время содержалась въ Москвѣ «Тургеневская» читальня. Затѣмъ ею основано тамъ-же и до сихъ поръ содержится на ея средства мужское начальное училище (Алексѣевское), въ которомъ ежегодно обучаются до 100 мальчиковъ и затраты на которое превышаютъ 3.000 руб. Кроме того, въ Москвѣ-же ею основаны два профессиональных училища: 1) руководѣльное для дѣвочекъ, съ общежитіемъ, и 2) ремесленное для мальчиковъ съ слесарно-столярной мастерской; въ немъ ученики (50 человекъ), изучая ремесла практически и теоретически, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаютъ свое общее образованіе, начатое въ названномъ Алексѣевскомъ училищѣ. Всѣ эти три заведенія помѣщаются въ домѣ Варвары Алексѣевны и находятся подъ ея непосредственнымъ надзоредемъ. Упомянутое ремесленное училище, на которое В. А. затрачиваетъ ежегодно отъ 5.000 до 8.000 руб., пользуется, по отзыву извѣстнаго экономиста, профессора А. И. Чупрова, прекрасной репутаціей.

Но особенно заслуживаютъ, по мнѣнію комиссіи, общественной признательности заботы Варвары Алексѣевны о распространеніи образованія въ средѣ рабочихъ принадлежащей ей фабрики близъ г. Твери. Докладчикъ подчеркнул тѣ тяжелыя условія, въ которыя по отношенію къ образованію почти всегда и вездѣ бываетъ поставленъ *малолѣтній рабочий, и указалъ на часто развращающее вліяніе той обстановки, въ которой ему приходится вырастать и, выростая, работать.* Всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства могутъ быть отчасти парализованы или хотя-бы смягчены хорошо поставленной т.-е. правильно организованной школой. Заботливости Варвары Алексѣевны, однако, не ограничивается школой; она, можно сказать, сопровождаетъ жизнь рабочего отъ колыбели до старости. Такъ, при Тверской мануфактурѣ съ 1880 г. существуетъ *въ видѣ особаго отдѣленія обширной больницы,* родовспомогательное заведеніе въ прекрасномъ специально построенномъ зданіи (на фабрикѣ работаютъ до 2.000 женщинъ). Но тщательный уходъ за младенцами не прекращается по выходѣ матерей изъ больницы. Для этого устроена при фабрикѣ въ особомъ домѣ колыбельная, которая, по своимъ размѣрамъ, по внѣшней обстановкѣ, по специальнымъ приспособленіямъ, а также по числу и составу лицъ, приставленныхъ для ухода за малютками, можетъ служить образцомъ заведеній такого рода. Колыбельная занимаетъ весь этажъ дома, заключающій въ себѣ пять просторныхъ, высокихъ, свѣтлыхъ и надлежащимъ образомъ вентилируемыхъ комнатъ, изъ которыхъ четыре предназначены для дѣтскихъ спаленъ, а пятая служить игральной залой. Ежедневно въ колыбельнѣ бываетъ отъ 60 до 90 младенцевъ. Матери приносятъ дѣтей утромъ и оставляютъ ихъ на цѣлый день. Четыре раза въ день онѣ, съ разрѣшенія фабричной администраціи, оставляютъ работы и приходятъ въ колыбельную для кормленія дѣтей. Вечеромъ грудныя дѣти уносятся, а не грудныя остаются въ теченіе всей недѣли и уносятся только по воскресеньямъ. Въ томъ-же домѣ, гдѣ находится колыбельная, помѣщается основанный В. А. пріютъ для круглыхъ сиротъ рабочихъ, умершихъ на фабрикѣ. При фабрикѣ това-

рищества Тверской мануфактуры существуют для рабочих три школы. Въ этихъ школахъ обучается ежегодно до 1.100 человекъ, отъ 7 до 40 лѣтъ. Учительскій персоналъ состоитъ изъ 17 человекъ съ инспекторомъ во главѣ. Содержаніе этихъ трехъ школъ обходится владѣлицѣ до 12.000 р. ежегодно. Первая школа—нормальная для дѣтей рабочихъ; курсъ ея четырехлѣтній. Школа эта, основанная въ 1869 г., начала быстро развиваться съ 1870 г., когда ею стала завѣдывать В. А. Она пригласила инспекторомъ такого компетентнаго педагога, какъ Д. И. Тихомировъ, который и далъ школѣ соответствующую педагогическую организацію. Насколько удачно ведется дѣло обученія, можно видѣть, между прочимъ, изъ очень большаго процента получающихъ отъ нея свидѣтельства на льготу по воинской повинности, а также и изъ того, что въ числѣ учителей и учительницъ этой школы есть лица, получившія въ ней свое начальное образованіе. Нормальная школа, въ которой нынѣ бесплатно обучается до 600 дѣтей, помѣщается въ превосходномъ обширномъ зданіи. Однако, число желающихъ учиться въ этой школѣ настолько велико, что ей уже становится тѣсно въ ея теперешнемъ помѣщеніи. Въ виду того В. А. намѣрена построить по сосѣдству еще другой домъ, соединивъ его съ существующимъ громадной стеклянной галлереей, которая будетъ служить потомъ для учениковъ рекреаціонной залой. Въ новомъ зданіи предполагается, кромѣ того, устроить обширную аудиторію, исключительно предназначенную для публичныхъ чтеній съ свѣтовыми картинами.

Въ текущемъ году открыта при фабрикѣ профессиональная школа рукодѣлій для дѣвочекъ, окончившихъ курсъ въ нормальной школѣ.

Третья школа предназначена специально для дѣтей и взрослыхъ, работающихъ на фабрикѣ. Работающіе въ утреннюю смѣну обучаются вечеромъ, а тѣ, которые заняты работой вечеромъ, учатся въ утренніе часы. Слѣдуетъ отмѣтить слѣдующую подробность, рельефно характеризующую заботливость В. А. о маленькихъ труженикахъ. По ея распоряженію, всѣмъ учащимся въ школѣ малолѣтнимъ рабочимъ дается простой, но обильный, вкусный и питательный обѣдъ, на что затрачивается до 1.000 р. въ годъ. Я. Т. Михайловскій, приводя этотъ фактъ, подчеркивалъ его благотворное значеніе для здоровья маленькихъ работниковъ.

По воскресеньямъ и вообще по праздникамъ при фабрикѣ происходятъ чтенія съ свѣтовыми картинами, привлекающія массу рабочихъ разнаго возраста.

При Тверской мануфактурѣ существуетъ богатая книгами и журналами библиотека. Она занимаетъ прекрасное помѣщеніе съ большой читальной залой. Книгами рабочіе пользуются въ читальнѣ и на дому, притомъ бесплатно и безъ всякихъ залоговъ. Ежегодно записываются на чтеніе книгъ до 600 человекъ, не считая тѣхъ, кто читаетъ въ читальной залѣ.

Рядъ полезныхъ учреждений для рабочихъ, существующихъ при Тверской мануфактурѣ, Варвара Алексѣевна Морозова намѣрена увеличить еще однимъ: народнымъ театромъ, къ постройкѣ котораго неутомимая благотворительница думаетъ приступить весной 1891 г. Докладчикъ, въ подтвержденіе высказанной имъ мысли, что заботы В. А. о благосостояніи рабочихъ продолжаются отъ ихъ колыбели до гробовой доски, указалъ на существованіе при фабрикѣ богадѣльни для престарѣлыхъ рабочихъ обоюго пола.

Въ заключеніе докладчикъ, ссылаясь на слова профессора Чупрова, отмѣтилъ, что В. А. Морозова не только содержитъ на свои средства вышеописанныя учрежденія, но и принимаетъ прямое и дѣятельное участіе въ ихъ завѣдываніи,— обстоятельство, которому комиссія придаетъ большое значеніе. «Варвара Алексѣевна, въ отличіе отъ большинства богатыхъ людей—говорятъ А. И. Чупровъ—не только даетъ деньги для основанныхъ ею учрежденій, но и дѣйствительно сама ведетъ ихъ. Она непрерывно, изо-дня-въ-день, посѣщаетъ свои учрежденія, особенно въ первое время ихъ существованія и самолично выполняетъ всё сколько-нибудь важныя дѣла. Въ этомъ отношеніи у нея нѣтъ никакихъ повѣренныхъ или помощниковъ: всё непосредственные исполнители обращаются прямо къ ней самой за всѣмъ тѣмъ, что имъ нужно, и обыкновенно встрѣчаютъ въ ней не начальницу, а добрую и опытную совѣтницу, а нерѣдко искренняго друга, готоваго съ ними дѣлить радость и печали. Позволяю себѣ высказаться такъ рѣшительно— прибавляетъ А. И. Чупровъ—потому, что я лично знакомъ съ нѣкоторыми изъ служащихъ въ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ Варварѣ Алексѣевнѣ».

Въ виду всего вышеизложеннаго, комиссія предложила комитету присудить большую золотую медаль Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества владѣлицѣ Тверской мануфактуры, В. А. Морозовой.

Это предложеніе было принято комитетомъ съ полнымъ сочувствіемъ, выразившимся въ шумныхъ и продолжительныхъ аплодисментахъ, которыми былъ покрытъ докладъ Я. Т. Михайловскаго.

Остальная часть засѣданія была посвящена слушанію доклада В. В. Девеля о городскихъ бібліотекахъ и читальняхъ (по свѣдѣніямъ комитета грамотности). Въ январской книжкѣ «Русской Школы» за 1890 г. читатели найдутъ (въ нашей хроникѣ Петербургскаго комитета грамотности), краткое изложеніе программы вопросовъ, разосланной комитетомъ въ 1889 г. въ количествѣ 1.000 экземпляровъ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ съ цѣлью «привести въ извѣстность всё нынѣ существующія у насъ, въ Россіи, общественныя и частныя учрежденія, имѣющія цѣлью распространеніе и поддержаніе народнаго образованія». Докладъ В. В. Девеля представлялъ изъ себя разработку той части полученныхъ на упомянутую программу отвѣтовъ, которая рисуетъ положеніе бібліотекъ и читальнь для народа.

Прежде всего докладчикъ остановился на оцѣнкѣ тѣхъ результатовъ, которые дала произведенная въ 1889 г. попытка собрать свѣдѣнія объ учрежденіяхъ, такъ или иначе служащихъ дѣлу народнаго образованія. Разослано было (какъ указано выше) 1.000 экземпляровъ программы, отвѣтовъ получено 203, стало быть около 80% всѣхъ разосланныхъ программъ осталось безъ отвѣта. Полнота отвѣтовъ по словамъ докладчика, стоитъ въ обратномъ отношеніи къ площади того района, который обнимаетъ своимъ отвѣтомъ корреспондентъ.

Вообще результаты попытки 1889 г. приводятъ, по мнѣнію В. В. Девеля, къ слѣдующему практическому выводу: для успѣха изслѣдованія необходимо, чтобы по возможности были устранены посредники между учрежденіемъ, сообщающимъ свѣдѣнія о своей дѣятельности, и лицомъ или учрежденіемъ, собирающимъ эти свѣдѣнія.

«Матеріаль, касающійся бібліотекъ, по словамъ докладчика, наиболѣе богатъ, хотя, къ сожалѣнію, большая ея часть рисуется дѣятельность городскихъ *не народныхъ* бібліотекъ».

Группировкѣ этотъ матеріаль рѣшительно не поддается, а потому докладчикъ могъ только дать рядъ отдѣльныхъ очерковъ дѣятельности бібліотекъ.

Во главѣ городскихъ бібліотекъ, по мнѣнію В. В. Девеля, слѣдуетъ поставить Томскую городскую народную бібліотеку, учрежденную «Обществомъ попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ», по инициативѣ неумоимаго дѣятеля на пользу народного образованія П. И. Макушина. На щедрыя пожертвованія (г. Валгусовъ, напримѣръ, пожертвовалъ 10.000 рублей, г. Сибириковъ 5.000) было построено отдѣльное зданіе, вмѣщающее въ себѣ, кромѣ бібліотеки, аудиторію для народныхъ чтеній и научныхъ бесѣдъ, музей учебныхъ пособій, хоровыя классы пѣнія и любительскій театръ.

Вопросъ о книгѣ, по словамъ докладчика, выдвинулся въ Томскѣ благодаря тому, что школа подготовила читателей. Дѣло въ томъ, что по постановкѣ народного образованія Томскъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Число книгъ въ Томской бібліотекѣ превосходитъ 2.000; первое мѣсто, по многочисленности, занимаетъ отдѣлъ книгъ, сообщающихъ полновѣдныя знанія, второе—беллетристическій. Томская бібліотека, будучи бесплатной, не беретъ въ то-же время и залоговъ. Подписные бланки съ ручательствами выдаются бібліотекой въ неограниченномъ количествѣ городской ремесленной и мѣщанской управамъ, которыя уже по своему усмотрѣнію и подъ своею отвѣтственностью раздаютъ ихъ своимъ общественникамъ. Благодаря такому приему, въ установленіи котораго бібліотекѣ не пришлось нисколько расквашаться (потери книгъ были совершенно ничтожны), число подписчиковъ въ 1888 г. составляло уже 800 человекъ, насчитывающихъ въ своихъ семьяхъ 3.880 человекъ, 82,5% подписчиковъ получили только низшее или домашнее образованіе, болѣе половины изъ нихъ были въ возрастѣ отъ 12—20 лѣтъ. Незначительный процентъ (33%) дѣтей-читателей Томской бібліотеки объясняется тѣмъ, что ученики городскихъ начальныхъ школъ, пользующіеся школьными бібліотеками, лишены права брать книги изъ городской бібліотеки. Докладчикъ, на основаніи отчета Томской бібліотеки, указалъ также, какія книги пользуются среди читателей наибольшей популярностью. Къ числу любимыхъ книгъ принадлежитъ «все лучшее изъ того, что можетъ предложить русская литература»—явленіе, отрадное и знаменательное.

Затѣмъ докладчикъ послѣдовательно охарактеризовалъ дѣятельность Одесской, Тифлисской, Варнаулской и Харьковской бібліотекъ, упомянулъ о существованіи народныхъ бібліотекъ въ Ярославлѣ и Киевѣ и отмѣтилъ оригинальныя уличныя бібліотеки въ Нижнемъ-Новгородѣ и Баку.

Въ Одесской бібліотекѣ, въ противоположность Томской, большинство читателей принадлежитъ къ ученикамъ городскихъ школъ. Бібліотека, возникшая въ 1885 г., состоитъ въ вѣдѣніи коммисіи народныхъ чтеній при мѣстномъ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ. Пользованіе бібліотекой бесплатное, но съ взиманіемъ залога. Въ книжномъ составѣ преобладаетъ беллетристика, къ которой относятся 73% всѣхъ книгъ.

Дѣло Одесской бібліотеки тѣсно связано съ организаціей народныхъ чтеній; послѣднія много помогаютъ народу при выборѣ книгъ и пробуждаютъ у него интересъ къ чтенію.

Тифлисская народная бібліотека, основанная учительницами воскресной школы, успѣла привлечь въ первый годъ своей дѣятельности 674 подписчика, изъ которыхъ болѣе 63% учащіеся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отчетъ Тифлисской бібліотеки, по словамъ докладчика, переполненъ множествомъ фактовъ, мелкихъ по существу, но чрезвычайно ярко рисующихъ тѣ душевныя отношенія, какія успѣли установиться между бібліотекой и ея читателемъ. Тифлисская бібліотека— платная, но взносы подписчиковъ (20 к. въ мѣсяцъ, 1 р. за $\frac{1}{2}$ года, 2 р. въ годъ) до сихъ поръ покрывали только 38% затратъ. Въ книжномъ составѣ преобладаетъ беллетристика (65%), еще болѣйшій процентъ (93%) составляетъ она въ числѣ взятыхъ книгъ. «Лучшей пропагандой книги—говоритъ учредительница Тифлисской бібліотеки г-жа Кайданова— являлись чтенія въ воскресной школѣ: этимъ путемъ книги приобрѣли популярность и среди взрослыхъ подписчиковъ».

Барнаульская «народная школьная бібліотека» гораздо бѣднѣе трехъ предыдущихъ; какъ и Томская, она основана мѣстнымъ «обществомъ попеченія о народномъ образованіи», при матеріальномъ содѣйствіи г. Сибирякова. Громадное большинство ея читателей—дѣти.

Харьковская «дешевая бібліотека» открыта лишь съ 11-го марта 1890 г.: за пользованіе книгами взимается 5 к. ежемѣсячно и небольшою залогъ (20—30 к.). Около 75% читателей принадлежитъ къ низшимъ классамъ населенія и учащіеся составляютъ очень незначительную часть ихъ.

«Уличныя» бібліотеки въ Нижнемъ и Баку представляютъ изъ себя витрины, въ которыхъ выставлены развернутыя въ послѣдовательномъ порядкѣ страницъ небольшія брошюры, въ Нижнемъ-Новгородѣ изданія «Посредника», въ Баку духовно-нравственныя книжечки. Въ Нижнемъ-Новгородѣ «уличныя» бібліотеки существуютъ въ 6 пунктахъ и устроены мѣстнымъ «обществомъ распространенія начального образованія», въ Баку онѣ устроены народной бібліотекой, основанной по инициативѣ священника при мѣстномъ соборѣ и состоящей исключительно изъ духовно-нравственныхъ книгъ. Докладчикъ отнесся къ этимъ «уличнымъ» бібліотекамъ довольно скептически.

Далѣе В. В. Дувель охарактеризовалъ дѣятельность петербургскихъ читаленъ имени Пушкина и московскихъ имени Островскаго и Тургенева и затѣмъ герешлъ къ городскимъ общественнымъ бібліотикамъ.

Московская Тургеневская читальня основана въ 1885 г. на средства В. А. Морозовой, читальня имени Островскаго въ 1888 г. на средства города. Обѣ онѣ помѣщаются въ специально-построенныхъ зданіяхъ. Докладчикъ отмѣтилъ блестящій успѣхъ московскихъ читаленъ, выражающійся въ такихъ, напримѣръ, цифрахъ.

Тургеневская читальня привлекла въ 1887 г. 90.733 посѣтителя (считая каждое посѣщеніе за отдѣльнаго посѣтителя). Число книгъ въ обѣихъ московскихъ читальняхъ къ 1-му января 1890 г. составляло 7.260, не считая дублетовъ. Въ петербургскихъ читальняхъ за 1889 г.

записалось около 6.000 человекъ, изъ числа которыхъ почти $\frac{4}{5}$ пришло на первую читальню (на углу Обводнаго канала и Рузовской улицы), остальные на вторую Выборгскую читальню. Докладчикъ сравнилъ петербургскія и московскія читальни какъ между собой, такъ и съ Одесской и Тифлисской библіотеками. Число посѣщеній, приходившихся на обѣ петербургскія читальни, почти въ три раза менѣе числа посѣщеній одной московской Тургеневской читальни.

Тогда какъ въ петербургскихъ читальняхъ на беллетристику приходится 47⁰/₁₀₀ всѣхъ книгъ, въ Одесской и Тифлисской библіотекахъ на ея долю падаютъ 70⁰/₁₀₀. Первое отношеніе, приближающееся къ тому, которое существуетъ въ Томской библіотекѣ, докладчикъ призналъ за *болѣе нормальное*.

Столичныя читальни, кромѣ Выборгской читальни въ Петербургѣ, не выдаютъ книгъ на домъ.

На городскихъ общественныхъ библіотекахъ докладчикъ остановился въ виду того, что ими, особенно тѣми, при которыхъ существуютъ бесплатныя читальни, пользуются и низшіе классы городского населенія. Городскія общественныя библіотеки процвѣтаютъ особенно въ *Сибири*, которая въ этомъ отношеніи, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, опередила Европейскую Россію. Мы не станемъ приводить здѣсь интересныхъ цифръ и фактовъ, которыми докладчикъ охарактеризовалъ дѣятельность библіотекъ этого типа, и отмѣтимъ лишь, что докладчикъ указалъ на совершающееся мѣстами превращеніе этихъ библіотекъ въ доступныя для народа,—фактъ, имѣющій особенное значеніе въ виду большаго богатства городскихъ общественныхъ библіотекъ сравнительно съ специально-народными. Къ сожалѣнію, послѣднее распоряженіе о народныхъ читальняхъ не можетъ быть благоприятно этому процессу.

Въ заключеніе докладчикъ сообщилъ нѣсколько общихъ выводовъ и практическихъ указаній, къ которымъ его привело изученіе матеріала. Такъ какъ народныя читальни и библіотеки не могутъ еще окупаться платой за чтеніе, то ихъ устройство должно быть дѣломъ или благотворенія, или-же общественныхъ учрежденій. Послѣднее, разумѣется, является самымъ нормальнымъ. Самый лучший типъ народной библіотеки есть библіотека-читальня. Для успѣха библіотечнаго дѣла желательно полное устраненіе взиманія залога, который служитъ большимъ препятствіемъ къ привлеченію бѣднаго читателя. Въ книжномъ составѣ желательно уменьшеніе числа книгъ беллетристическаго содержанія на счетъ книгъ научнаго и утилитарнаго характера. Разумѣется, въ данномъ случаѣ, библіотеки зависятъ отъ народной литературы, но *изъ дѣятельности и указываетъ нѣкоторымъ образомъ пути, по которымъ должна пойти народная литература*. Въ народнобибліотечномъ дѣлѣ еще долго должна будетъ играть важную роль рекомендація книги и потому во главѣ народныхъ библіотекъ должны стоять лица, искренно преданныя этому дѣлу и по своему знанію народной литературы достаточно къ нему подготовленныя.

Содержательный, живо и тепло написанный докладъ В. В. Девеля былъ покрытъ дружными аплодисментами присутствующихъ. Въ слѣдующее засѣданіе ожидается его продолженіе, въ которомъ докладчикъ очертитъ дѣятельность сельскихъ народныхъ библіотекъ. А. К.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для
дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ

съ 1-го ноября по 1-е декабря 1890 г. *)

I. Педагогика, дидактика, логика, школьная гигиена и гимнастика.

Гюйо, М. Воспитаніе и наслѣдственность. Соціологическій этюдъ. Перевелъ съ французскаго К. Толстой. Съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 1891 г. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., XXIV+329+II ст., 1.500 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ атлетическихъ игръ и состязательныхъ упражненій. Составили: Ш. К. В. М—ъ и П. Д. П—ъ. Елецъ. 1890. Тип. В. Новова. 8 д., 75+2 нен. стр., 400 экз.

Свѣтилинь, А. Учебникъ логики. Изд. 8-е Н. Карбасникова. Спб. 1891. Тип. В. Тиханова. 8 д., IV+128 стр., 3.000 экз. Ц. 50 к.

II. Народное образованіе вообще, школьное дѣло, personalia, отчеты, правила, программы.

Братановскій, Вяч. Въ память юбилея Новгородской духовной семинаріи. Стихотвореніе. Новгородъ. 1890. Тип. А. Федорова. 16 д., 5 нен. стр., 500 экз.

Бюлеръ, Ф. А. Блаженной памяти императрица Марія Феодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ.

Очеркъ и письма. (Оттиски изъ журнала «Русская Старина»). Спб. Тип. В. Балашева. 8 д., 24+съ 809 по 832 стр., 150 экз.

Владимірское земское ремесленное училище И. С. Мальцова. Владиміръ на Клязьмѣ. 1890. Тип. губернской земской управы. 8 д., 313 стр. и 1 планъ.

Воспоминанія о бывшемъ заслуженномъ преподавателѣ, исполнявшемъ и обязанности инспектора Архангельской губернской гимназіи, Герардъ Іосифовичъ Минейко. Читаны на торжественномъ актѣ въ Архангельской губернской гимназіи 17-го августа 1890 года. Архангельскъ. 1890. Тип. губернская. 8 д., 27 стр., 300 экз. Ц. 50 к.

Годичный актъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 5-го Ноября 1890 года. Казань. 1890. Тип. университетская. 8 д., 85+86 стр., 1.500 экз.

Жуковскій, Э. А. О правѣ Императорскихъ воспитательныхъ домовъ на сборъ съ публичныхъ увеселеній. Спб. 1890. Тип. Ю. Штауфа (И. Фишона). 8 д., 102 стр., 152 экз.

Императорское русское техническое общество. Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи. 1889—1890.

*) Духовныя изданія относятся еще къ октябрю.

- Труды I отдѣленія. Издано подъ главною редакціей В. И. Срезневскаго. Спб. 1890 г. Тип. «Владимирская». 8 д., X+112+162+132+51 стр., 2.200 экз. Ц. 2 р. 50 к.
- Коховскій, Вс.** Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ 1889—1890 учебн. году. Спб. 1890. Тип. Д-та Удѣловъ. 8 д., 39 стр., 600 экз.
- Мещерскій, И. И.** О курсахъ сельскаго хозяйства для учителей народныхъ училищъ. (Отд. оттиски изъ трудовъ съѣзда русск. дѣят. по технич. и профес. образованію въ Россіи). Спб. Тип. Владимирская. (Л. Мордуховской) 8 д., 28 стр., 250 экз.
- Общество улучшения народнаго труда, въ память Царя-Освободителя Александра II.** Спб. Тип. А. Суворина 8 д., 41 стр., 2.000 экз.
- Отчетъ о дѣятельности общества распространенія религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви за 1889—1880 годъ.** Спб. Тип. Катанскаго. 8 д., 108 стр., 4.000 экз.
- Отчетъ училищной комиссіи Петергофскаго уѣзда о состояніи народнаго образованія въ Петергофскомъ уѣздѣ за 1889—90 годъ.** Спб. 1890. Тип. Шредера. 8 д., 21 стр., 100 экз.
- Отчетъ о состояніи Рижскаго русскаго реальнаго училища за 1889—90 учеб. годъ.** Рига 1890. Тип. Влатеса. 8 д., 54 стр., 150 экз.
- Отчетъ о дѣятельности правленія общества «Трудъ» и ремесленнаго училища за 1889 годъ.** Одесса. 1890. Тип. А. Шульце. 8 д. XXVIII+91+52 стр., 60 экз.
- Памятная книжка С.-Петербургскаго коммерческаго училища на 1890—91 годъ (СХVIII г. существованія училища).** Спб. 1891. Тип. дома призрѣнія малолѣтнихъ. 8 д., 134 стр., 200 экз.
- Памяти Александра Дмитриевича Градовскаго.** Изд. юридическаго общества при Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ. Съ портретомъ. Спб. 1890. Тип. Э. Гоппе. 8 д., 47 стр., 1 000 экз. Ц. 60 к.
- Правила для приѣма воспитанниковъ въ Московское коммерческое училище и краткая учебная программа.** Москва. 1890. Тип. И. Чуксина. 8 д., 97 стр. 600 экз.
- Празднованіе 25-лѣтія службы инспектора классовъ С.-Петербургскаго Александровскаго училища въ Смольномъ, В. И. Лядова, 8-го сентября**
- 1890 г. Спб. Тип. «Артиллерійскаго Журнала». 8 д., 1³/₄ печ. листа 300 экз.
- Списокъ книгамъ, одобреннымъ опредѣленіями ученаго комитета М-ва Народн. Просвѣщенія и состоящаго при немъ особаго отдѣла, для учениковъ и библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ училищъ, за октябрь 1890 г.** Спб. Тип. А. Якобсона. 8 д., 3 стр., 600 экз.
- Семченко, Д. Г., врачъ, Отчетъ о состояніи Казанскаго сиротскаго дома съ 1-го сентября 1889 года по 1-ое сентября 1890 года.** Казань. Тип. губернскаго правленія. 8 д., 19 стр., 235 экз.
- Шейминъ, П.** Очеркъ современнаго состоянія народныхъ школъ въ Пруссіи. (Извлечено изъ журнала М-ва Нар. Просв., ноябрь 1890 г.). Спб. 1890 г. Тип. В. Балашева. 8 д., 24 стр., 125 экз.
- Шимановскій, М. В. Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ.** (Биографическій очеркъ). Съ приложеніемъ портрета. Одесса. 1890. Тип. П. Францова. 8 д., 21 стр., 50 экз.

III. Законъ Божій *).

- Базилевскій, I.,** свящ. Уроки по Закону Божию, составленные по программѣ, утвержд. 24-го сентября 1869 г. Св. Синодомъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Годъ 3-ій. Изд. 2-е. Лубны. Тип. Зюзина. 8 д., 52 стр., 1.000 экз.
- Димитрій, архимандритъ.** Краткіе очерки исторіи русской церкви. Изд. отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ. Москва. Тип. Снегиревыхъ. 8 д., 275 стр., 2.400 экз.
- Миткевичъ, свящ.** Священная исторія Новаго завѣта. Тип. Соломонова въ Минскѣ. 8 д., 124 стр., 6.000 экз.
- Михайловскій, В.,** прот. Словарикъ несовсѣмъ понятныхъ словъ во св. Евангеліи и богослужебныхъ книгахъ. Изд. 12-е. Спб. Тип. Е. Поздняковой. 32 д., 64 стр., 25.000 экз.
- Протопоповъ, Д. И.** Толковый молитвенникъ. Молитвы, символъ вѣры, заповѣди и тропари двенадцатыхъ праздниковъ, съ объясненіемъ, составленнымъ для народныхъ училищъ. (Печатано съ 4-го изд. безъ перемѣнъ). Изд. книгопр. А. Прѣ-

*) Въ отдѣлы III—IX входятъ лишь учебники, руководства и пособія.

- снова. Москва. Тип. Байкова. 16 д., 36 стр., 96.000 экз.
- Свирѣлинъ, А. протоіерей. Краткій словарь для толковаго чтенія часослова и псалтири (учебныхъ). Изд. 2-е, книж. магазина В. Думнова. Москва. Тип. Э. Лисенера и Ю. Романа. 8 д., 78 стр., 2.400 экз.
- Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. Изд. книгопр. Губанова. Москва. Тип. Вильде. 8 д., 109 стр. 6.000 экз.
- Смирновъ, П., прот. Наставленіе въ Законѣ Вожіемъ. Изд. 10-е. Спб. Тип. П. Шмидта. 8 д., 90+96+IV стр. 10.000 экз.
- Соколовъ, М., свящ. Священная исторія Ветхаго Завѣта. Изд. 3-е. Спб. Тип. товар. «Общественная Польза». 8 д., 7¹/₂ печ. лист., 5.000 экз.
- Щ., А. П. Ключъ къ Ветхому Завѣту. Изд. прот. В. Михайловскаго. Спб. Тип. В. Балашева. 16 д., 6⁷/₈ п. л. 3.000 экз.
- IV. Русская грамота, русскій языкъ и словесность.**
- Барановъ, А. Книга для класснаго чтенія, примѣненная къ обученію родному языку въ начальныхъ школахъ. 2-й и 3-й годъ обученія. (Книга эта представляетъ собою продолженіе 1-й части «Нашего роднога», которая назначается для 1-го года обученія въ начальной школѣ). Изд. 21-е. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 174+2 нен. стр., 30.000 экз. Ц. 45 к.
- «Наше родное». Книга для класснаго и домашняго чтенія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. 2-й годъ обученія. Сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи, съ матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Изд. 3-е, исправленное. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 144 стр., 40.000 экз. Ц. 40 к.
- Бунаковъ, Н. Книжка-первинка. Чтеніе послѣ азбуки, съ картинками и задачами для самостоятельныхъ работъ. Изд. 11-е. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 47 стр., 30.100 экз. Ц. 15 к.
- Бѣлый, Н. И. Русская азбука съ указаніями на правильное произношеніе словъ, которыхъ правописаніе разнится отъ выговора. Изд. 16-е книгопр. Е. Распопова. Одесса. 1891. Тип. Л. Нитче. 8 д., 88 стр., 10.000 экз. Ц. 15 к.
- Гавриловъ, И. Стилистическія задачи для низшихъ и среднихъ классовъ. Разказы, описанія, сравненія, періоды и хрип. Изд. 6-е. Спб. 1890. Тип. В. Балашева. 8 д., XI+323 стр., 3.600 экз. Ц. 60 к.
- Дадзигъ, П. Учебникъ русскаго языка для латышскихъ народныхъ училищъ. Элементарный курсъ. Изд. 9-е. Рига. 1890. Тип. А. Липинскаго. 8 д., 218 стр., 15.000 экз.
- Зелинскій, В. Корнесловъ русскаго языка. Составленъ по изслѣдованіямъ авторитетныхъ филологовъ. Москва. 1891. Тип. А. Гатцука. 8 д., IV+67 стр., 2.400 экз. Ц. 50 к.
- Киприановичъ, И. Я. Учебникъ русской грамматики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній (примѣнительно къ правописанію). Часть I. Этимологія. Спб. 1891. Тип. В. Безобразова и К^о. 8 д., 126+II стр., 1.800 экз. Ц. 50 к.
- Лѣпкинъ, М. И. Практическая русская грамматика для латышей. Болѣе 265 письменныхъ грамматическихъ упражненій. Учебное пособие для учениковъ сельскихъ и городскихъ одноклассныхъ, двухклассныхъ и другихъ элемент. училищъ. Либава. 1890. Изд. и тип. М. Петерсона. 8 д., 82 стр., 2.000 экз.
- Миропольскій, С. Краткая грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. По одобренной Св. Синодомъ программѣ для употребленія въ духовныхъ училищахъ. Изд. 6-е, испр. и дополненное. Спб. Тип. И. Скороходова. 8 д., 120 стр., 10.000 экз.
- Новый самоучитель русскаго языка, заключающій въ себѣ: упражненія въ чтеніи, правила мудрости христіанской, символъ вѣры, заповѣди, краткя священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, стихотворенія для выучиванія дѣтямъ наизусть, басни, начертаніе цифръ и таблицу умноженія. Изд. книгопр. А. Прѣснова. Москва. Тип. Байкова. 16 д., 72 стр., 48.000 экз.
- Общія наглядно-звуковыя прописи. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 463 нѣмыхъ картинокъ. (Обьясненіе помѣщено на оборотѣ). Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 16 стр., 6.100 экз. Ц. 8 к.

Поповъ, Д. Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. Первый годъ. Изд. 3-е, испр., книжн. маг. В. Думнова. Спб. 1890. Тип. Р. Голика. 8 д., 122+2 нен. стр., 40.000 экз. Ц. 30 к.

Россійская азбука, заключающая въ себѣ: упражненія въ текстѣ, молитвы, Символъ вѣры, заповѣди и таблицу умноженія. Изд. книгопр. А. Прѣснова. Москва. Тип. Вайкова. 16 д., 36 стр., 96.000 экз.

Смирновскій, П. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Этимология. Изд. 8-е. Спб. 1891. Тип. И. Скороходова. 8 д., IV+102 стр., 12.000 экз.

Спицынъ, А. Ореографическій словарь и краткій курсъ русской ореографіи. Правописаніе академич. Изд. 2-е, измѣненн. и дополнен. Вятка. 1890. Тип. губернская. 8 д., 112 стр., 2.000 экз. Ц. 25 к.

Устьръцкій, Ив. Правила правописанія. Курсъ повторительный. Спб. 1890. Тип. И. Скороходова. 8 д., 16 стр., 1.000 экз. Ц. 10 к.

Шантуринъ, Устиновъ и Полозова. Сельская школа. Русскій и церковно-славянскій букварь и книга для чтенія. (Первый годъ обученія въ школѣ). Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К^о. 8 д., 123+III стр., 5.000 экз. Ц. 20 к.

V. Древніе языки.

Бѣлицкій, К. Я. Латинская учебная грамматика. Часть II. Синтаксисъ. Изд. 8-е, испр. и дополн. Одесса. 1890. Тип. Л. Нитче. 8 д., 2 нен.+II+ съ 161 по 347+1 нен. стр., 2.000 экз.

Кашкадамовъ, Н. И. Алфавитный указатель словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ съ русскаго языка на латинскій. Спб. 1891. Тип. тов. «Обществен. Польза». 32 д., 380 стр., 3.000 экз. Ц. 50 к.

Лебединскій, И. Латинско-русскій словарь къ сочиненіямъ Корнелія Непота *Vitae excellentium Imperatorum cum vita Satonis et Attici*. Съ приложеніемъ латинскаго текста, очерка жизни Корнелія Непота, хронологическаго указателя къ жизнеописаніямъ, таблицы римскаго календаря, 21 рисунка военныхъ орудій и осадныхъ машинъ съ объясненіями и

статьи о противорѣчіяхъ въ сказаніяхъ Корнелія Непота съ другими писателями. Изд. 6-е. Спб. 1891. Изд. и тип. товар. «Общест. Польза». 8 д., XIX+87+186+34 стр., 3.000 экз. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Наргуевскій, Д. И. Учебное изданіе латинскихъ классиковъ съ русскими примѣчаніями. Т. VII. Энеида Виргилія. Часть 4-я. Книга X—XII. Казань. 1891. Тип. университетская. 8 д., 138 стр., 350 экз. Ц. 1 р. 20 к.

VI. Математика.

Агатовъ, Д. Собраніе наиболѣ трудныхъ задачъ по математикѣ, служившихъ темами на испытаніяхъ зрѣлости во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи, съ подробнымъ рѣшеніемъ и объясненіемъ ихъ. Вып. 2-й. Алгебра. Оренбургъ. 1890. Тип. Б. Бреслина. 8 д., 67 стр., 1.000 экз. Ц. 65 к.

Гина, Д., и Муромцевъ, А. Геометрическая задачи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Задачи плоской геометріи (1750 в.). Изд. 3-е, книжн. магаз. М. Наумова. Москва. 1891. Тип. Э. Лясснера и Ю. Романа. 8 д., 183 стр., 2.400 экз. Ц. 75 к.

Доне, Ф. Отвѣты на задачи, помѣщенные во II части сборника арифметическихъ задачъ. Изд. книжн. магаз. В. Меллина и К^о. Рига. 1890. Тип. Липинскаго. 8 д., 52 стр., 1.500 экз.

Захаровъ, Н. Собраніе примѣровъ для письменнаго исчисленія. Вып. 2-й. Вычисленіе надъ числами отъ 1 до 1.000. Вып. 3-й. Вычисленіе надъ числами любой величины. Изд. 4-е, центральной книжн. торговли. Тифлисъ. 1891. Тип. М. Варганяца. 12 д., 59 стр., 1.300 экз. Ц. 20 к.

Малининъ, А. Задачи для умственныхъ вычисленій (преимумъ, по Церингеру). Изд. 4-е книжн. магаз. В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Волчанинова. 8 д., 114 стр., 3.600 экз. Ц. 35 к.

VII. Исторія.

Беллярминовъ, И. Элементарный курсъ русской исторіи. Съ рисунками и картою. Спб. 1890. Тип. В. Балашева. 8 д., VI+2 нен.+111 стр., 3.015 экз., Ц. 50 к.

Нонне-фонъ-деръ, М. Повторительная всеобщая и отечественная исторія съ синхронистическимъ конспектомъ и

такими же таблицами, съ приложеніемъ хронологической и алфавитной таблицъ. Баку. 1889. Тип. Е. Болдыревой. 8 д., 235+IV стр., 100 экз.

VIII. Новые языки.

Виво-де, Д. Практическое руководство для изученія итальянскаго языка. Въ 2-хъ частяхъ. Часть I. Грамматика. Изд. 2-е, испр. и доп. Одесса. 1890. Тип. штаба Одесск. военн. округа. II+144 стр., 3.200 экз.

Куртнеръ, Ф. Le livre de l'enfance ou lecture du premier âge. Книга для дѣтей или чтеніе для перваго возраста. Изд. 30-е. Москва. 1890. Тип. Н. Мейнгарда. 12 д., XXIII+138 стр., 6.000 экз. Ц. 50 к.

Миттельштейнеръ, Э. Учебникъ нѣмецкаго языка по новой методѣ. Методика и учебникъ. Курсъ 2-й, для III и IV классовъ реальныхъ училищъ. Изд. книжн. маг. «Начальная школа». Москва. 1891. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8 д., VII+212 стр., 2.400 экз. Ц. 80 к.

Политаевъ, Т. Самоучитель французскаго языка, выучивающій безъ всякой посторонней помощи, правильно читать, писать и говорить по французски. Спб. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д., 93 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р. 20 к.

Руссизмы въ переводѣ на нѣмецкій и французскій языки. Спб. 1891. Тип. А. Траншеля. 8 д., 63 стр. 1.200 экз.

Рѣдкинъ, А. Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ. Сост. по методѣ Туссена и Лангеншейдта. Вып. 4-й. Спб. Тип. акад. наукъ. 8 д., стр. съ 95 по 112, 3.035 экз.

IX. Музыка, рисованіе и предметы профессиональнаго обученія.

Вессель, Н. Х., и Альбертъ, Е. К. Школьные пѣсни. 115 народныхъ, литературныхъ, историческихъ и военныхъ пѣсень, положенныхъ для школы на 1, 2 и 3 голоса. Изд. 4-е. I. Юргенсона. Спб. 1891. Тип. В. Балашева. 8 д., XV+66 стр. 2.000 экз. Ц. 75 к.

Гербачъ, В. С. Прописи и образцы для рисованія по клѣткамъ. (Учебное пособие для самостоятельныхъ занятій учениковъ народныхъ школъ). Изд. 30-е, перепечатанное съ 5-го. Спб. Изд. Д. Полубояринова. 1890. Тип. Е. Евдокимова и лит. Штад-

лера и Паттинота. 16 д., 16 стр., 20.000 экз. Ц. 8 к.

— Руководство къ обученію письму. Прописи русскія. Изд. 24-е Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Е. Евдокимова и лит. Штадлера и Паттинота. 16 д., 46 стр. 5.000 экз.

Карасевъ, А. Уроки пѣнія. Часть I. Пособіе для обученія пѣнію въ народныхъ церковно-приходскихъ школахъ и первыхъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е, перепечатанное и дополненное. Спб. Лит. В. Гроссе. 8 д., 27 стр., 2.000 экз. Ц. 20 к.

— Уроки пѣнія. Часть 2-я. Пособіе для учащихся старшаго возраста и для церковныхъ пѣвческихъ хоровъ. Лит. Гроссе въ Москвѣ. 8 д., 27 стр., 1.500 экз. Ц. 30 к.

Клаусень, Э. К. Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плодоводства, особенно для юга Россіи. Часть II. Размноженія растений естественнымъ и искусственнымъ путями. Съ 36-ю рисунками въ текстѣ. Изд. А. Девриена. Спб. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 2 неч.+67 стр., 5.050 экз. Ц. 20 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ. Руководство для фельдшеровъ, фельдшерницъ и фельдшерскихъ учениковъ. Въ 5 частяхъ. Съ 144 рис. Изд. А. Ступина, Москва. 1891. Тип. А. Гатцука. 8 д., XVI+12+1.359 стр., 2.400 экз. Ц. 3 р. 50 к.

X. Книги для дѣтей, юношества и народа.

Авенаріусъ, В. П. Отроческіе годы Пушкина. Биографическая повѣсть. Изд. 2-е, вновь просмотрѣнное. Спб. 1891. Тип. Н. Лебедева. 8 д., 264+II стр., 1 портретъ и 1 таблица, 1.500 экз. Ц. 1 р. 25 к.

— Три вѣнца. Романъ изъ временъ перваго самозванца. Въ трехъ частяхъ. Спб. 1891. Тип. Н. Лебедева. 8 д., III+537 стр., 1.230 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Адриановъ, Н. Лошадь и уходъ за нею. Изд. военно-книжн. магазина. Н. Васильева. Тип. Н. Васильева. 1 д., 1 стр., 1.000 экз. Ц. 30 к.

Аксеновъ, Гр. Биографія дѣвочки Елизаветы Лыска. Калуга. 1890. Тип. А. Михайлова. 16 д., 15 стр., 5.000 экз.

- Александровъ, И. А.** Наставленіе какъ готовить вкусный, питательный ржаной хлѣбъ, съ указаніемъ способа мѣсить тѣсто съ помощью мѣсильки и безъ нея. Изд. 2-е, дополненное и испр. Спб. 1890. Тип. Я. Либермана. 8 д., 30 стр., 500 экз.
- Руководство для истребленія крысъ и мышей (въ томъ числѣ и полевыхъ), а также хорьковъ. Изд. 2-е, дополненное и исправл., Спб. 1890. Тип. Я. Либермана. 8 д., 13 стр., 500 экз.
- Руководство какъ истреблять моль, мухъ, комаровъ, мошекъ, сверчковъ, оводовъ, слѣпней, гусеницъ, хлѣбнаго червя и друг., причиняющихъ вредъ сельскому хозяйству насѣкомыхъ. Истребленіе производится самыми простыми средствами, безвредными для домашнихъ птицъ и животныхъ. Изд. 2-е, доп. и испр. Спб. 1890. Тип. Я. Либермана. 8 д., 14 стр., 500 экз.
- Андреевская, В. П.** Въмѣсто игрушки: Разказы изъ дѣтской жизни для дѣтей младшаго возраста. Съ 6-ю раскрашенными рисунками. Изд. Ф. Витепажа. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 4 д., 57 стр., 1.550 экз.
- Колокольчики. Разказы изъ дѣтской жизни для дѣтей младшаго возраста. Съ 6-ю раскраш. рис. Изд. Ф. Витепажа. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 4 д., 60 стр., 1.550 экз.
- Послѣ труда. Разказы изъ дѣтской жизни. Съ 6-ю раскраш. рис. Изд. Ф. Витепажа. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 4 д., 63 стр., 1.550 экз.
- Снѣгурочка. Разказы изъ дѣтской жизни. Съ 6-ю раскраш. рис. Изд. Ф. Витепажа. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 4 д., 65 стр., 1.550 экз.
- Дѣтскій мірокъ. Разказы изъ дѣтской жизни для дѣтей младшаго возраста. Съ 6-ю раскрашенными рисунками. Изд. Ф. Витепажа. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 4 д., 59 стр., 1.550 экз.
- Зорька. Разказы изъ дѣтской жизни для дѣтей младшаго возраста. Съ 6-ю раскрашенными рис. Изд. Ф. Витепажа. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 4 д., 56 стр., 1.550 экз.
- Архангельская, М. В.** Приключенія русскихъ промышленниковъ. Съ нѣмецкаго. (Займствовано изъ сочиненій Грингера). Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 71 стр., 12.000 экз.
- Болье, Софія.** Двѣнадцатилѣтній Робинзонъ (Le Robinson de douze ans). Повѣствованіе для юношества. Переводъ съ французскаго. Изд. Т. Кузина. Спб. 1891 г. Тип. И. Гольдберга. 8 д., 176 стр. 4.000 экз. Ц. 75 к.
- Бородинъ, Н. М.** Свѣтлое Христово Воскресеніе — праздниковъ праздникъ. Съ толкованіемъ Евангелія, читаемаго въ первый день св. Пасхи за литургіей, и объясненіемъ обрядовъ: христованія, освященія хлѣба, сыра и яицъ, обычая давать другъ другу красныя яйца и что такое агостъ. Изд. книгопр. И. Морозова. Москва. Тип. Вильде. 16 д., 34 стр. 7.200 экз.
- Бретъ-Гартъ, Безродный.** Повѣсть. Переводъ съ англійскаго. Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 185 стр., 2.000 экз. Ц. 60 к.
- Бухаревъ, свящ.** Нѣсколько словъ о честности и воровствѣ (Разговоръ со священникомъ). Изд. 5-е. Москва. Тип. Снегиревыхъ. 32 д., 16 стр. 12.000 экз.
- Булгановскій, Д., свящ.** Знаменіе Божіей Матери. Спб. Тип. В. Балашева. 8 д., 16 стр. 5.500 экз.
- Раба Божія Ксенія или юродивый Андрей Федоровичъ. Спб. Тип. В. Комарова. 8 д., 24 стр. 5.000 экз.
- Бѣлорусскій, Ф. В.** Волгарскій бродяга. Разказъ. Изд. книгопр. Т. Кузина. Спб. 1891. Тип. А. Федорова въ Новгородѣ. 16 д., 174 стр., 6.000 экз.
- Васильевъ, Ае.** Объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей. Петроградъ. 1890. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 16 стр., 500 экз.
- Вердеревская, С. А.** О Голландіи и голландцахъ. Изд. учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министеромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній Спб. 1890. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 35 стр., 3.000 экз. Ц. 10 к.
- Вернъ, Ж.** Полное собраніе сочиненій. Томъ II, вып. 9. Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товарищ. М. О. Вольфъ. 4 д., стр. съ 65 по 75, 25.000 экз.
- Вернъ, Ж.** Полное собраніе сочиненій. Томъ II. Вып. 10-й. Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товарищ. М. О. Вольфъ. 4, стр. съ 73 по 80. 25.000 экз.

- Виссаріонъ, епископъ. О расколѣ и по поводу раскола. 17-тъ проповѣдей. Москва. Тип. Университетская. 16 д., 208 стр., 1.000 экз.
- Вишневскій, С. М., д-ръ. Книжка для простаго народа. О сохраненіи здоровья. Что надо дѣлать, чтобы избавиться намъ отъ простуды и отъ прилипчивыхъ болѣзней и какую одежду надо носить, чтобы не хворать. Часть 1 я. Изд. 2-е, исправленное книгопр. А. Дубровина. Казань. 1891. Тип. университетская. 8 д., 95 стр., 3.000 экз. Ц. 15 к.
- Волжинскій, С. и др. Развлеченіе и забава для малолѣтнихъ дѣтей. Сборникъ пѣсенъ, стихотвореній и разсказовъ. Спб. 1891. Тип. А. Трунова. 8 д., 96 стр., 6.000 экз.
- Воробьевъ, С. Разсказъ бывшаго старообрядца о жизни въ расколѣ и обращеніи въ православіе. Москва. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8 д., 17 стр., 100 экз.
- Вѣрюжскій, І., свящ. Святыи преподобный Симонъ Володскій. (Изъ полнаго собранія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ вологодской епархіи). Изд. 2-е. Великій-Устюгъ. Тип. насл. А. Влинова. 16 д., 24 стр., 2.000 экз.
- Габриловичъ, Е. О., д-ръ. Холера, ея происхождение, причины и лѣченіе. Изд. К. Флемминга. Спб. 1890. Тип. Шредера. 8 д., 35 стр., 300 экз.
- Глубокомскій, Д-ръ. Поиски дѣйныхъ минераловъ. Общепонятное изложеніе. Изд. журнала «Наука и Жизнь». Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., 58 стр., 600 экз. Ц. 25 к.
- Голохвостовъ, К. К. Одомарь, или литовскій волкъ. Историческая повѣсть. Съ приложеніемъ рисунка. Спб. 1890. Тип. Этингера. 16 д., 26 стр., 6.000 экз.
- Гюго, Викт. Человѣкъ, который смѣется. Въ изложеніи А. Суворина. (Дешевая бібліотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 187 стр., 5.000 экз. Ц. 20 к.
- Деркачевъ, И. Знаменитыя собаки. Съ рисунками И. Панова. Москва. 1890. Тип. говар. И. Н. Кушнеревъ и К^о. 16 д., 32 стр., 1.200 экз. Ц. 20 к.
- Дестунисъ, Софія. Житія святыхъ. Ежедневное чтеніе для народа и для церковно-приходскихъ школъ. Мѣсяцъ январь. Изд. книгопр. Тузова. Спб. Тип. дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ. 8 д., 184 стр., 4.000 экз.
- Мѣсяцъ февраль. Спб. Тип. дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ. 8 д., 160 стр., 4.000 экз.
- Дмитріевъ, К. Луговые покосы и какъ ихъ улучшить. Изъ 20-ти-лѣтней практики агронома-арендатора. (Крестьянское и мелкое земледѣльческое хозяйство). Изд. книжн. маг. «Начальная школа». Е. Тихомировой. Москва. 1890. Тип. М. Волчанинова. 16 д., 21 стр., 3.600 экз. Ц. 10 к.
- Догматъ о почитаніи и призваніи святыхъ, по Стефану Яворскому. Изд. 3-е Аеонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 68 стр., 5.000 экз.
- Догматъ о прославленіи праведниковъ на небеси въ церкви торжествующей, по Стефану Яворскому. Изд. 3-е. Аеонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 50 стр., 500 экз.
- Догматъ о святѣйшей евхаристіи, т. е. таинствѣ Тѣла Христова и Крови Его, по Стефану Яворскому. Изд. 3-е Аеонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 50 стр., 10.000 экз.
- Дѣвочна-Робинзонъ. Разсказъ для маленькихъ дѣтей. Съ 6 раскраш. картинками. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., 4 стр., 3.000 экз.
- Евгеньичъ, Н. Первая ночь новобрачнаго. Разсказъ подъ веселую руку. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва. 1890. Тип. Ф. Югансона. 16 д., 146+II стр., 2.400 экз. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.
- Езерскій, Ф. Образцы книгъ и формъ счетоводства подѣютчетнаго приказа для практическихъ упражненій при изученіи его. Спб. Изд. и тип. Ф. Езерскаго. 2 д. 54 неп. стр., 528 экз.
- Е. Т. Внутреннее состояніе сердца человѣческаго. Москва. Тип. И. Сытина и К^о. 8 д., 63 стр., 7.200 экз.
- Желиховская, В. П. Любовь правдой крѣпка. Повѣсть для юношества. Съ рисунками В. Табурина. Изд. А. Дервiena. Спб. Тип. академіи наукъ. 3 д., 238 стр., 3.060 экз.
- Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. Галилей, его жизнь и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ Е. А. Предтеченскаго. Съ портретомъ Галилея, гравир. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. Ю. Эрлиха и товар. «Обществ. польза». 8 д., 95 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.

- Ч. Дарвинъ, его жизнь и научная дѣятельность. Биографическій очеркъ М. А. Энгельгардта. Съ портретомъ Ч. Дарвина, гравирован. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. газ. «Новости» и товар. «Обществ. польза». 8 д., 91 стр., 8.000 экз. Ц. 25 к.
- И. Н. Крамской, его жизнь и художественная дѣятельность. Биографическій очеркъ А. Цомакионъ. Съ портретомъ Крамского, гравирован. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 94 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.
- А. Шопенгауеръ, его жизнь и философская дѣятельность. Биографическій очеркъ Э. К. Ватсона. Съ портретомъ Шопенгауера, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 94 стр., 8.000 экз. Ц. 25 к.
- А. Линкольнъ, его жизнь и общественная дѣятельность. Биографическій очеркъ А. В. Каменскаго. Съ портретомъ А. Линкольна, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 15 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.
- К. Линней, его жизнь и научная дѣятельность. Биографическій очеркъ В. А. Фаусека. Съ портретомъ Линнея, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 79 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.
- Д. Свифтъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Биографическій очеркъ В. И. Яковенко. Съ портр. Д. Свифта, грав. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. тов. «Обществ. польза». 8 д., 100 стр., 6.100 экз. Ц. 25 к.
- Н. В. Гоголь, его жизнь и литературная дѣятельность. Биографическій очеркъ А. Анненской. Съ портретомъ Гоголя, грав. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. тов. «Обществ. польза». 8 д., 95 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.
- А. Гумбольдтъ, его жизнь, путешествія и научная дѣятельность. Биографическій очеркъ М. А. Энгельгардта. Съ портретомъ А. Гумбольдта, гравирован. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. тов. «Обществ. польза». 8 д., 96 стр., 6.100 экз. Ц. 25 к.
- Ж. Кювье, его жизнь и научная дѣятельность. Биографическій очеркъ М. А. Энгельгардта. Съ портретомъ Ж. Кювье, гравирован. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. газ. «Новости» и товар. «Обществ. польза». 8 д., 93 стр., 8.000 экз. Ц. 25 к.
- И. Лойола, его жизнь и общественная дѣятельность. Биографическій очеркъ А. А. Выкова. Съ портретомъ Лойолы, гравирован. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 106 стр., 6.100 экз. Ц. 25 к.
- Жизнь въ свѣтѣ, дома и при дворѣ (Библиотека практическихъ свѣдѣній, т. II). Изд. редакціи журнала «Вѣстникъ Моды». Приложение къ журналу «Вѣстникъ Моды». Спб. 1890. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8 д., 140 стр., 6.000 экз.
- Жизнь отца Иоанна Кронштадтскаго. Съ автобіографіей и подробными разсказами о подвигахъ милосердія 1829—1890 гг. Сост. по печатнымъ источникамъ за 30 лѣтъ. Спб. 1890. Тип. Эттингера. 16 д., 32 стр., 10.000 экз.
- Златовратскій, Н. Собраніе сочиненій. Въ 2-хъ томахъ. Съ портретомъ автора. Томъ II. Изд. ред. журн. «Русская Мысль». Москва. 1891. Тип. Д. Вонъ-Бруевича. 8 д., 2 нен. + 491 стр., 6.000 экз. Ц. за 2 тома 3 руб.
- Кайгородовъ, Д. Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. IV. Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., стр. съ 129 по 160 и 2 таблицы рисунковъ, 2.000 экз.
- Каразинъ, Н. Н. Съ сѣвера на югъ. Путевыя воспоминанія стараго журавля. Иллюстрировано авторомъ (6 хромолитографій, 5 фототипій и 99 рисунковъ въ текстѣ). Изд. А. Девриена. Спб. Тип. Э. Гоппе. 8 д., 192 стр., 4.550 экз.
- Королевъ, Ф. Н. Гончарное производство. Окончательная подготовка глины и формованіе глиняныхъ издѣлій. (Оттискъ изъ №№ 38, 41 и 44 Сельскаго Вѣстника 1890 г.). Спб. 1890. Тип. М-ва Внутр. Дѣлъ. 8 д., 355 стр., 600 экз.
- Костромина, В. Разсказы изъ жизни животныхъ. Слоны. (Страны, гдѣ они живутъ.—Пища.—Нравы и обычаи животныхъ.—Ихъ умъ.—Охота.—Прирученіе и проч.). Сост. по Брэмю, Фохту, Романесу и др. Изд. «Народной Библіотеки» В. Маракуева. Москва. 1890. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 16 д., 32 стр., 2.400 экз. Ц. 7 к.
- Кохъ, проф. Лѣченіе чахотки. Изд. «Медицины». (Перепечатано изъ газеты «Медицины». Спб. 1890. Тип.

- Спб. губернская. 8 д., 12 стр., 1.000 экз.
- Нохъ, Р. проф.** Сообщение о новомъ дѣлномъ средствѣ отъ туберкулеза. Новый способъ лѣченія легочной чахотки, бугорчатки железъ, костей и сочлененій, волчанки и проч. туберкулезныхъ процессовъ. Переводъ д-ра В. Максимова. Спб. 1891. Тип. А. Суворина. 8 д., 16 стр., 2.000 экз. Ц. 20 к.
- Нургуловъ, А. В.** Счастье. Повѣсть для юношества. Въ 2-хъ частяхъ. Съ рис. въ текстѣ Л. Бакста и др. Изд. А. Девриена. Спб. Тип. акад. наукъ. 8 д., 166 стр., 4.060 экз.
- Куртъ, Э. Докторъ Р. Кохъ** и легочная чахотка. Спб. 1890. Тип. С. Добродѣева. 8 д., 30 стр., 3.600 экз. Ц. 20 к.
- Л—а, Е. М., и К—евъ, А. Н.** Очерки жизни отца Иоанна Ильича Сергіева, протоіеря Андреевскаго собора въ Кронштадтѣ. Съ портретомъ и рисункомъ. Спб. 1890. Тип. дома призрѣнія малолѣтн. бѣдныхъ. 8 д., 16 стр., 13.000 экз.
- Леббокъ, Дж.** Радости жизни. Переводъ съ 13-го англійскаго изданія. А. И. Москва. 1890. Тип. тов. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 148 стр., 1.200 экз. Цѣна 45 коп., съ пересылкой 65 к.
- Ломоносовъ.** Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Изд. 3-е дополненное. (Дешевая бібліотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., LXVIII+226+II стр., 5.000 экз. Ц. 40 к.
- Льдовъ, К.** Вольшая книжка для малыхъ дѣтокъ. Шесть разсказовъ и шесть картинъ. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., 6 стр., 3.000 экз.
- У дѣдушки въ деревнѣ. Шесть разсказовъ для маленькихъ дѣтей. Съ 6-ю хромолитогр. картинами. Спб. Изд. и тип. М. О. Вольфъ. 4 д., 6 стр., 3.000 экз.
- Лялина, М. А. Юрій Збигонь,** молодой чехъ. Историческая повѣсть для юношества. Съ 13 рис. Е. Баумгартенъ. Изд. А. Девриена. Спб. Тип. академіи наукъ. 8 д., VIII+204 стр., 3.060 экз.
- Маврицій, В. А.** Воскресныя и праздничныя вѣбогослужебныя собесѣдованія, какъ особый видъ церковно-народной проповѣди. Изд. 4-е. Мо-
- сква. Тип. Чичерина. 8 д., 339 стр., 1.200 экз.
- Маленькій ветошникъ.** (Съ англійскаго). Изд. 5-е. Москва. 1890. Изд. и тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 24 стр., 5.000 экз. Ц. 5 к.
- Мальшевъ, В. А.** Сельско-земледѣльческое экономическое богатство. Какъ вести правильно хозяйство и какъ можно и легко крестьянину избѣжать бѣдности. Вятка. 1890. Тип. Майшева. 8 д., 44 стр., 5.000 экз. Ц. 7 к.
- Марлинскій, А. (Вестужевъ, А. А.).** Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. А. Суворина. (Дешевая бібліотека). Спб. Тип. А. Суворина. 12 д., 239 стр., 5.000 экз. Ц. 25 к.
- Страшное гаданіе. Два вечера на бивуакѣ. Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. (Дешевая бібліотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 175 стр., 5.000 экз. Ц. 25 к.
- Наѣзды. Повѣсть 1613 г. Измѣнникъ. Изд. 3-е. (Дешевая бібліотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 164 стр., 5.000 экз. Ц. 25 к.
- Медвѣдицынъ, Е.,** свящ. Объясненіе всеобщаго бѣднѣя и божественной литургіи св. Иоанна Златоустаго въ бѣсѣдахъ. Спб. Тип. дома призрѣнія малолѣтн. бѣдныхъ. 8 д., 128 стр., 3.000 экз.
- Мельниковъ, О. И.** Отопленіе и вентиляція. Специально-практическое руководство къ устройству всевозможныхъ печей, топковъ, паровыхъ котловъ, приспособленій для прачешныхъ и кухонъ. Полное знакомство съ различными способами отопленія, вентиляціи и осушенія жилыхъ помѣщеній при самой незначительной затратѣ топлива. Настольная книга для домовладѣльцевъ, сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и др. Въ 6 частяхъ. Съ 485 чертежами и 13 таблицами. Сост. по Шинцу, Іеппъ, Редтенбахеру и друг. Изд. книгопр. А. Ступина. Москва. 1891. Тип. А. Гатцука. 8 д., 436 стр.+IV, 2.400 экз. Ц. 4 р.
- Михайловъ, М. Святки.** Изд. 2-е. В. Губинскаго. Спб. 1891. Тип. И. Гольдберга. 8 д., 72 стр., 3.000 экз. Ц. 25 к.
- Михельсонъ.** Объяснительный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ съ объясненіемъ ихъ корней. Сост. по словарямъ Гейзе, Рейфа и друг. Изд. 11-е, испр. и дополн. книгопр.

- К. Шамова, Москва. 1891. Тип. «Русская». 8 д., 752 стр., 2.400 экз. Ц. 3 р. 50 к.
- Мудровъ**, капит. Воинскій катехизисъ. Что долженъ знать всякій солдатъ. Одесса. 1890. Тип. «Славянская» Н. Хрисогелосъ. 8 д., 43 стр., 2.000 экз.
- Моритцъ**, П. Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки, собранныя и обработанныя для юношества. Съ 4-мя раскрашенными рис. В. Зюса. Изд. Ф. Витепажа. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 283 стр., 2.050 экз.
- Муретовъ**, Д., іеромонахъ. О путяхъ Промысла Божія въ обращеніи грѣшниковъ и о путяхъ покаянія для обращаеваемыхъ. Изд. 2-е Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 62 стр., 10.000 экз.
- М—чь**, Р. Котъ въ сапогахъ. Сказка въ стихахъ. Дѣтямъ. Съ 6-ю картинками. Москва. Изд. и тип. товар. А. А. Левенсонъ. 8 д., 23 стр., 5.000 экз. Ц. 20 к.
- Невѣрный**, Жюль. Превращеніе Ивана Ивановича Пузанчикова въ пуделя. Совершенно невѣроятная исторія. Спб. 1890. Тип. Этингера. 16 д., 91 стр., 6.000 экз.
- Неизбѣжный путь**—благочестивыя размышленія о жизни человѣческой. Изд. книгопр. А. Холмушина. Спб. Тип. дома призрѣнія малолѣтн. бѣдныхъ. 8 д., 29 стр., 6.000 экз.
- Немировичъ-Данченко**, Вас. Сказки дѣйствительности. (Егорка. — Сорокъ пять дней. — Застрѣлился. — Въ театрѣ пошла. — Весенняя ночь. — Приключеніе «Коровьяго сѣдла»). Спб. 1891. Тип. Н. Лебедева. 12 д., 465 стр., 2.100 экз. Ц. 2 р.
- Новость!** Святочные гаданія. (Гаданіе на кофе. Гаданіе на курицахъ. и пѣтухахъ. Гаданіе яйцомъ и др.). Спб. Тип. дома призр. малолѣтн. бѣдн. 4 д., 4 нен. стр., 2.400 экз.
- Оспа**, ея предупрежденіе и лѣченіе. Изд. центральной гомеопатической аптеки. Спб. 1890. Тип. С. Николаѣва и К°. 8 д., 19 стр., 600 экз.
- О трудѣ** и праздничномъ отдыхѣ въ жизни рабочихъ людей. Спб. Тип. Катанскаго. 8 д., 10 стр., 1.000 экз.
- Павель**, архимандритъ. Различіе уставовъ о поклонахъ и церковномъ пѣніи, существовавшихъ въ древнія времена и во времена московскихъ патриарховъ. Изд. братства св. Петра митрополита. Москва. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 16 д., 50 стр., 5.000 экз.
- Первая помощь** въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Издано подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгении Максимиліановны Ольденбургской. Сост. по указаніямъ д-ра Г. И. Тернера. Спб. Лит. картогр. заведенія А. Ильина. 1 д., 4 таблицы по 20 000 экз.
- Петрова**, М. Ю. Комнатное дѣтководство. Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ, какъ луковичныхъ, такъ древесныхъ, дѣтчныхъ и плодоносныхъ, а также и травянистыхъ растений. (Съ рисунками въ текстѣ). Изд. 5-е, совершенно передѣланное и переработанное, съ значительными дополненіями по новѣйшимъ опытамъ. Спб. 1891. Тип. дома призрѣнія малол. бѣдныхъ. 8 д., 335+II+III стр., 2.000 экз. Ц. 2 р.
- Полезные совѣты** нижнимъ чинамъ, увольняемымъ въ запасъ арміи. Спб. Тип. В. Комарова. 8 д., 2 печ. листа. 3.000 экз.
- Потѣхинъ**, А. А. Послѣ освобожденія. Разказы изъ крестьянскаго быта. Томъ I. (I. Хай-дѣвка. — II. На міру). Спб. 1891. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 390 стр., 1.200 экз.
- Томъ II (I. Хворая. — II. Иванъ да Марья). Спб. 1891. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 456 стр., 1.200 экз.
- Томъ III (I. Порченая. — II. Деревенскіе міроѣды: дѣдушка Николай Ивановичъ, старшій Порковскій дяконъ). Спб. 1891. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 259 стр., 1.200 экз. Ц. за три тома 4 р.
- Работы** изъ стружекъ. Изд. 4-е. Спб. мастерской учебныхъ пособій и игръ. Спб. 1890. Тип. дома призрѣнія малолѣтн. бѣдныхъ. 8 д., 7 стр., 1.000 экз.
- Ремезовъ**, И. Сказаніе о подвигахъ первой русской великой княгини-христіанки святой Ольги. Изд. 2-е. Спб. 1891. Тип. И. Скороходова. 12 д., 62 стр., 2 000 экз.
- Россійскій Императорскій Домъ**. Изд. книжн. маг. «Народная польза». Спб. Тип. Ю. Штауфа. (И. Фишона). 2 д., 1 стр., 480 экз.
- Сельско-хозяйственный календарь** для черноземной полосы Россіи на 1891 годъ. (Годъ 3-й). Изд. Лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ. Харь-

- ковъ. 1891. Тип. В. Бирюкова. 8 д., 198+2 неч. стр., 4.000 экз. П. 30 к.
- Сергій**, еп. могилевскій. Святый и Живо-
творящій Крестъ Господень. Изд. 2-е.
Тип. Я. Подземскаго въ Могилевѣ-
на-Днѣпрѣ. 8 д., 22 стр., 3.000 экз.
- Сказка** о славномъ и сильномъ богатырѣ
Вовѣ-королевичѣ и прекрасной
супругѣ его Дружевнѣ. Москва. 1890.
Тип. Д. Бончъ-Бруевича. 16 д., 128
стр., 18.000 экз.
- Словесныя занятія** въ ротахъ съ ново-
бранцами. Сборникъ теоретическихъ
знаній молодыхъ солдатъ пѣхоты въ
первые четыре мѣсяца ихъ службы.
Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изд. 5-е,
исправл. и дополненное по послѣд-
нимъ уставамъ. Спб. 1891. Тип. П.
Воицкой. 8 д., 106 стр., 1.500 экз.
Ц. 35 к.
- Смирновъ**, А. П. Изъ давняго прошла-
го. Историческіе рассказы и карти-
ны временъ Гайдамачины. Съ 17-ю
рис. Е. Баумгартена. Изд. А. Дев-
риена. Спб. Тип. акад. наукъ. 8 д.,
316 стр., 3.060 экз.
- Собака**. Рассказъ. Москва. 1891. Тип.
И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000
экзем.
- Соболевъ**, В., свящ. О таинствахъ свя-
щенства, брака и елеосвященія. (Про-
тивъ глаголемыхъ старообрядцевъ).
Москва. Тип. общества распростра-
ненія полезныхъ книгъ. 8 д., 32 стр.,
200 экз.
- О церкви и таинствахъ. (Противъ
глаголемыхъ старообрядцевъ). Изд.
редакціи «Друга истины». Москва.
Тип. общества распространенія полез-
ныхъ книгъ. 8 д., 152 стр., 1.250 экз.
- Соколовъ**, В. А. Капризница Маша.
Дѣтская комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ.
Москва. Лит. С. Разсохина. 4 д., 38
стр., 110 экз.
- Соллогубъ**, В. А., гр. Тарангасъ. Пу-
тевыя впечатлѣнія. Изд. 2-е. (Дорож-
ная бібліотека). Спб. 1891. Изд. и
тип. А. Суворина. 12 д., 324 стр.,
2.000 экз. Ц. 1 р.
- Спасскій**, П. Н. Какъ и о чемъ должны
мы молиться по ученію слова Божія.
Тип. А. Федорова въ Новгородѣ. 16 д.,
24 стр., 2.000 экз.
- Общедоступное изъясненіе псалмовъ.
Вып. 1-й и 2-й. Изд. 2-е. Тип. А.
Федорова въ Новгородѣ. 16 д., 54 и
122 стр., по 2.000 экз.
- Псаломъ пятидесятый покаянный.
Тип. А. Федорова въ Новгородѣ. 16 д.,
16 стр., 2.000 экз.
- Съ церковнаго амвона**. Сборникъ образ-
цовыхъ проповѣдей, говоренныхъ да-
ровитыми и талантливыми нашими
архипастырями и пастырями. Вып.
7-й. Поученія о службахъ церков-
ныхъ. Поученія о церковныхъ обра-
дахъ. Редакція изданія Д. И. Прото-
попова. Изд. «Русскаго книжнаго ма-
газина». Москва. Тип. Югансона. 8 д.,
164 стр., 3.600 экз.
- Сысоева**, Е. А. Исторія маленькой дѣ-
вочки. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е.
А. Девриена. Съ 44-мя рисунками.
Спб. Тип. Голпе. 8 д., 378+2 неч.
стр., 3.050 экз.
- Тарасъ Вульба**, атаманъ запорожцевъ.
Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сыти-
на и К°. 16 д., 108 стр., 2.400 экз.
- Ученіе священнаго писанія** и отвѣтъ
церкви объ антихристѣ. Изд. кни-
гопр. Е. Губанова. Москва. Тип. Бай-
кова. 8 д., 128 стр., 6.000 экз.
- Ферьеръ**, Э. Дарвинизмъ. Общедоступ-
ное изложене. Перев. съ 2-го фран-
цузск. изд. М. Шиншарева. (Попу-
лярно-научная бібліотека). Изд. Ф.
Павленкова. Спб. 1891. Тип. «Общ.
Пользы» и «Новостей». 8 д., VI+158
стр., 3.000 экз. Ц. 60 к.
- Флоберъ**, Г. Саламбо. Ром. Изд. 2-е.
(Дешевая бібліотека). Спб. Изд. и
тип. А. Суворина. 12 д., 352 стр.,
5.000 экз. Ц. 40 к.
- Фурманъ**, П. Р. Наталья Борисовна Дол-
горукова. Повѣсть для дѣвицъ. Въ
3-хъ частяхъ. (Дѣтская историческая
бібліотека). Изд. книгопр. Н. Мар-
тынова. Спб. 1891. Тип. В. Везобра-
зова и К°. 8 д., 236 стр., 2.000 экз.
- Петръ Ждановъ, московскій купецъ.
Историческій рассказъ изъ событій
отечественной войны 1812 г. Въ 2-хъ
частяхъ. (Дѣтская историческая би-
бліотека). Изд. книгопр. Н. Марты-
нова. Спб. 1891. Тип. В. Везобразо-
ва и К°. 8 д., 126 стр., 2.000 экз.
Ц. 1 р.
- Херодиновъ**, А. Встрѣча. (Рассказы изъ
русскаго быта). Москва. 1890. Изд.
и тип. общества распространенія по-
лезныхъ книгъ. 16 д., 24 стр., 3.600
экз. Ц. 5 к.
- Ходжетъ**, И. Ф., проф. Эдрикъ море-
плаватель. Рассказъ для юношества.
Переводъ съ англійскаго А. Волхов-
ской. Съ 10-ю рис. въ текстѣ. Изд.
А. Девриена. Спб. Тип. В. Киршбау-
ма. 8 д., 227 стр., 3.060 экз.
- Царь Мидасъ** и другія сказки, расска-
зы и стихотворенія. Сборникъ для

дѣтей школьнаго возраста. Москва, 1891. Тип. И. Сытина и К^о. 16 д., 142+II стр., 7.200 экз.

Чеховъ, Ант. Дѣтвора. Разказы. (Дѣтвора.—Ванька.—Событіе.—Кухарка женится.—Бѣглець.—Дома). Изд. 2-е. (Дешевая бібліотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 62 стр., 5.000 экз. Ц. 15 к.

Шекспиръ, В. Король Лиръ Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ А. В. Дружинина. Съ приложеніемъ и замѣчаніями о трагедіи и ея характерахъ Кольриджа, Шлегеля, Вокнолля, Джиммисонъ и Дружинина. Изд. 3-е. (Дешевая бібліотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., XXVIII+120 стр., 10.000 экз. Ц. 25 к.

Щегловъ, Ив. Первое сраженіе. Разказъ. Москва, 1891. Тип. И. Сытина и К^о. 16 д., 72 стр., 2.000 экз.

XI. Смѣсь.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Вып. 27. Спб. 1890. Тип. Семеновская (И. Ефрона). 8 д., стр. съ 241 по 288, 1.100 экз.

Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ (Grundriss der Geschichte der neuen Philosophie). Перевелъ съ 7-го нѣмецкаго изданія Я. Колубовскій. Въ приложеніи очерки исторіи философіи у славянъ и два указателя. Изд. Л. Пантелеева. Спб. 1890.

Тип. В. Тиханова. 8 д., IV+631 стр., 1.120 экз. Ц. 5 р.

Иловайскій, Д. Исторія Россіи. Томъ 3-й. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ. Москва, 1890. Тип. М. Волчанникова. 8 д., VIII+717 стр., 2.400 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Любне. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура—скульптура—живопись—музыка. (Для школь, самообученія и справокъ). Съ 140 рисунками и съ 16 портретами композиторовъ XIX вѣка. 2-е дополненное изданіе перевода. Э. И. Бугакова. Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., XXVIII+304 стр. 2.000 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Вып. 5-й. (Андрюидъ—Апостоль). 1 портретъ и 10 рис. въ текстѣ. Приложение: географическая карта Австро-Венгрии. Изд. А. Гартель и К^о. Москва 1890. Тип. Н. Мартынова и К^о 89. Стр. съ 191 по 238, 1.000 экз. Ц. 30 к.

Пособіе при выборѣ книгъ для подарковъ, преимущественно для дѣтей и для юношества. (Изд. А. Девриена) Спб. Тип. Э. Гоппе. 16 д., 32 стр., 37.000 экз.

Фену и К^о. Прейсъ-курантъ волшебныхъ фонарей, картинъ къ нимъ и всѣхъ принадлежностей для устройства чтеній съ тѣневыми картинами. Съ объясненіемъ устройства аудиторій и употребленія проекціонныхъ приборовъ. Спб. 1890—91. Тип. Я. Либермана. 8 д., II+66 стр., 1.200 экз. Ц. 25 к.

Отъ учредителей Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ.

При учрежденіи Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ мы имѣли въ виду объединить средства отдѣльныхъ лицъ, сочувствующихъ невзгодамъ переселенцевъ, и направить эти средства на удовлетвореніе ближайшихъ и самыхъ неотложныхъ нуждъ переселенцевъ на пути и въ первое время ихъ водворенія на мѣстахъ. Поэтому учрежденное нами Общество имѣетъ характеръ, преимущественно, благотворительный. Если результатомъ его дѣятельности будетъ улучшение быта переселенцевъ, то это докажетъ лишь благотворное значеніе помощи, поданной во время, въ минуту крайней нужды.

Нужда постигаетъ переселенцевъ въ пути, когда они скопляются массами въ нѣкоторыхъ пунктахъ, гдѣ для нихъ не имѣется достаточнаго и удобнаго помѣщенія. Къ этому присоединяются болѣзни, столь частыя при перемѣнѣ климата; болѣзни разорительны всегда и вездѣ, а особенно во время пути; при отсутствіи даровой медицинской помощи, онѣ часто имѣютъ роковой исходъ. Поэтому, устройство помѣщеній въ главныхъ пунктахъ переселенческаго движенія, медицинская помощь больнымъ, снабженіе теплою одеждой и здоровою пищею — вотъ задачи, выполненіе которыхъ прежде всего предстоитъ Обществу.

Но и въ первое время, по водвореніи въ незнакомой мѣстности, переселенцы не могутъ обойтись безъ помощи и поддержки. Необходимо облегчить имъ пріобрѣтеніе строительныхъ матеріаловъ, скота, сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ, необходимо дать пріютъ, пока не готовы собственные дома новыхъ поселениковъ; нужно предохранить ихъ отъ напрасныхъ передвиженій и бесплодной траты силъ, времени и денегъ. Нужно подумать также о доставленіи имъ средствъ къ духовному просвѣщенію и умственному развитію.

Наше правительство издавна принимаетъ мѣры, чтобы поставить переселяющихся въ благопріятныя условія; наиболѣе важныя мѣропріятія относятся къ послѣднимъ годамъ. Въ 1881 году была основана переселенческая контора въ Батракахъ; съ 1883 года назначены особые чиновники въ Тобольской, Томской, Оренбургской и Уфимской губерніяхъ, чтобы давать переселенцамъ указанія. Съ 1884 года въ Западной Сибири дѣйствуетъ отрядъ межевыхъ чиновъ, который отводитъ переселенцамъ земельные участки. Наконецъ, 13 іюля 1889 года изданъ очень важный законъ, которымъ опредѣляется: какія условія должны выполнить лица, желающія переселиться, и въ какихъ губерніяхъ переселенцы

надѣляются землею. Завотами правительства-же понижена плата по перевозкѣ переселенцевъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ. Всѣ эти мѣры тѣмъ болѣе доставили переселенцамъ существенныя облегченія, что должностныя лица, поставленныя у переселенческаго дѣла, съ большимъ рвеніемъ относятся къ своему служебному долгу.

Но изслѣдованія, произведенныя на мѣстѣ, при содѣйствіи правительственныхъ лицъ, которымъ ввѣрено дѣло переселенія, доказали, что на пользу переселенцевъ еще весьма многое предстоитъ сдѣлать общественной благотворительности. Разрѣшая учрежденіе Общества съ этою цѣлью, правительство выказало свою постоянную заботливость о переселенцахъ; отъ степени сочувствія этой цѣли со стороны отдѣльныхъ лицъ и будетъ зависѣть успѣхъ всего дѣла.

Управленіе Общества находится въ С.-Петербургѣ; но оно будетъ дѣйствовать при помощи и чрезъ посредство существующихъ уже въ Сибири и на Кавказѣ благотворительныхъ обществъ, которыя оказываютъ содѣйствіе переселенцамъ; оно будетъ также учреждать свои мѣстныя отдѣленія въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ въ нихъ окажется надобность. Съ нѣкоторыми пунктами, особенно важными для переселенческаго движенія, уже установлены связи, позволяющія рассчитывать на сотрудничество мѣстныхъ дѣятелей.

Мы, учредители, считаемъ лишнимъ доказывать очевидную пользу, которую Общество можетъ принести дѣлу упроченія экономическаго быта переселенцевъ сохраненіемъ ихъ силъ и здоровья, предупрежденіемъ обратныхъ, всегда разорительныхъ, переселеній и возможностью для остающихся на родинѣ крестьянъ получить прежніе надѣлы переселившихся. Дѣло благотворенія несомнѣнно окажется полезнымъ для общаго благосостоянія русской деревни.

Мы понимаемъ, какъ сложны и разнообразны обязанности основаннаго Общества. Благодарные правительству за высокое довѣріе, выраженное первою статьей устава, которая возлагаетъ на Общество «содѣйствіе правительству въ его заботахъ о лицахъ, переселяющихся на основаніи существующихъ правилъ и съ разрѣшенія подлежащаго начальства», мы приглашаемъ къ участію всѣхъ русскихъ людей, сердцу которыхъ близки важные вопросы русской общественной жизни. Границы дѣятельности и задачи Общества получили въ уставѣ столь точное опредѣленіе, что для разномыслія не остается мѣста. *Общество не рѣшаетъ, кто можетъ быть переселенцемъ; оно не имѣетъ дѣла съ тѣми лицами, которыя, быть можетъ, станутъ переселенцами: это рѣшаетъ только правительство въ лицѣ своихъ центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, опредѣляющихъ, кто въ правѣ оставить свою старинную оидность.* Общество имѣетъ дѣло только съ тѣми лицами, которыя уже получили дозволеніе переселиться; за ними оно и будетъ слѣдовать, имъ оно и будетъ содѣйствовать во время пути и на мѣстѣ водворенія.

Кругъ дѣятельности Общества въ достаточной полнотѣ отвѣчаетъ на нужды переселенцевъ. Общество будетъ ставить себѣ на разрѣшеніе отдѣльныя задачи, соразмѣрно со своими средствами. Пока средства будутъ не велики, оно можетъ принимать только тѣ мѣры, которыя требуютъ, сравнительно, малыхъ затратъ: улучшение пріютовъ и больницъ въ тѣхъ

пунктахъ, чрезъ которые передвигаются переселенцы, выдача самыхъ скромныхъ пособій и ссудъ. Съ возрастаніемъ средствъ будутъ становиться доступнѣе и болѣе сложныя задачи—выдача переселенцамъ ссудъ для устроенія хозяйства, а равно содѣйствіе основанію храмовъ и школъ въ мѣстахъ водворенія.

Приступая, съ Божіею помощію, къ своей дѣятельности, мы твердо вѣримъ, что русскіе люди дружно откликнутся на нашъ призывъ. Они поймутъ, что все, что измѣняетъ къ лучшему условія переселеній, сохраняетъ народныя силы, возвышаетъ производительность труда, облегчаетъ русскимъ людямъ соперничество съ иностранцами, при занятіи русскихъ же земель, и противодѣйствуетъ вредному стремленію оставлять родину и искать приложенія рабочей силы въ далекой Америкѣ.

Лѣтомъ нынѣшняго года однимъ изъ учредителей Общества совершена была поѣздка по главному пути переселенцевъ. Мы приводимъ здѣсь собранныя имъ свѣдѣнія; они показываютъ, въ чемъ преимущественно нуждаются переселенцы и какіе результаты достигнуты переселенцами, окончательно водворившимися въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири.

Самою большою станціею на пути переселенцевъ изстари служитъ Тюмень. За городомъ устроены бараки, гдѣ переселенцы находятъ себѣ пріютъ. Но бараки тѣсны, имѣютъ печь только въ одномъ отдѣленіи. И, вотъ, въ такіе-то бараки, гдѣ почти нѣтъ защиты отъ холода, можетъ быть съ трудомъ помѣщено человѣкъ до 1.000; обыкновенно же переселенцевъ скопляется не менѣе двухъ и даже трехъ тысячъ. А нынѣшнею весной, въ концѣ мая, ихъ было больше 14.000. При баракахъ вовсе нѣтъ навѣсовъ для склада вещей. Переселенецъ везетъ съ собой ржаные сухари, харчится ими всю дорогу, надѣется, что, авось, дождетъ съ ними до мѣста водворенія, но одинъ дождь въ Тюмени — и сухари превращаются въ грязь. Большинство вынуждено останавливаться въ полѣ, и дѣти, не привыкшія къ суровымъ сибирскимъ ночамъ, во множествѣ заболѣваютъ и умираютъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ отъ оспы, скарлатины, дифтерита и тифа умерло слишкомъ 600 дѣтей. Въ Тюмени для переселенцевъ есть больница, но въ ней можно съ трудомъ помѣститъ только 10—15 человѣкъ, а больныхъ сплошь и рядомъ набирается сотня, двѣ и больше.

Въ Томскѣ—вторая большая станція. Изъ Томска меньшинство идетъ въ Восточную Сибирь, а большая часть переселенцевъ направляется на отведенные имъ участки; поэтому, здѣсь они не скопляются такими массами, какъ въ Тюмени; однако, число ихъ доходитъ до 1.000—1.500 душъ, бараки-же могутъ вмѣститъ никакъ не больше 400. Въ Томскѣ барачныя зданія еще гораздо хуже, чѣмъ въ Тюмени; а такъ какъ они стоятъ въ очень болотистой мѣстности, то всѣ, кто не попалъ въ баракъ, должны располагаться на болотѣ: взрослые выдерживаютъ, а дѣти сильно хвораютъ и многія умираютъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ жаркіе, послѣдніе дни іюня среди томскихъ переселенцевъ было до 100 тяжкихъ больныхъ. Болѣзненность и смертность переселенцевъ нельзя измѣрять тѣми записями, которыя правильно ведутся въ Тюмени и Томскѣ. Многіе выѣзжаютъ изъ Тюмени тяжело больными и умираютъ во время 10—12-тидневнаго переѣзда на пароходѣ до Томска. Другіе мивуютъ Томскъ и

достигаютъ новой осядлости, но только для того, чтобы сложить свои кости. Трудно учесть, какъ велика смертность на пути; что она велика, доказывается переселенческою партіей, которая ѣхала въ 1889 году на баржѣ Функа: дорогой умерло болѣе 30 дѣтей.

Но, вотъ, побѣждены всѣ трудности пути, и переселенецъ садится на землю. Ему даютъ въ надѣль черноземный участокъ съ лѣсомъ; вблизи есть и вода. На такой землѣ можно получать урожай, какіе на старомъ мѣстѣ и во снѣ не снились. Подъ рукой нерѣдко есть для избы такой крупный сосновый и еловый лѣсъ, какого въ Курской или Тамбовской губерніи и за большія деньги не купишь. Все хорошо, да не дается даромъ. Чтобы поднять новину, только-что расчищенную изъ-подъ лѣса, нужны 2 лошади; въ Сибири лошади дешевы, но за пару нужно, все-таки, заплатить 30—40 рублей; нужно десятка два рублей, чтобы купить соху, борону, телѣгу; нужно на первое время для посѣва хоть 15 пудовъ ржи и овса; нужна корова. Не велико имущество у крестьянской семьи, а на 100 рублей его, все-таки, не справишь. Кто принести съ собой на мѣсто рублей полтора, тотъ богатъ; кто принесъ только 100 рублей, тому не легко, но онъ можетъ обзавестись всѣмъ, что особенно нужно для крестьянскаго обихода. У кого-же меньше 100 рублей, тому ужъ очень трудно. 100—150 рублей на семью приносить съ собой не многіе счастливы. Въ нынѣшнемъ году, съ весны до 1 сентября, черезъ Томскъ прошло 2.282 семьи; изъ нихъ только 78 ($3\frac{1}{2}\%$) имѣли при себѣ по 100 рублей и болѣе, а 1.499 (до 66%) семей имѣли по 3—5—10 рублей каждая, а частію и вовсе не имѣли денегъ. Не лучше обстояло дѣло и въ 1888 году. Томскій чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ собралъ свѣдѣнія о 2.825 семьяхъ: оказалось, что только 756—27% имѣли болѣе чѣмъ по 50 рублей на семью, а 1.250—44% вовсе не имѣли денегъ или имѣли не болѣе 10 рублей. И самымъ лучшимъ черноземомъ не поможешь тому, кто пришелъ съ пустыми руками. Живетъ онъ въ землянкѣ, ѣсть впроголодь, расчистить изъ-подъ лѣса какія-нибудь полдесятины и, купивъ сѣмена въ долгъ, посѣетъ столько хлѣба, что и для себя на полгода не хватаетъ. Черезъ годъ, много черезъ два такой переселенецъ, выбившись изъ силъ, или совсѣмъ попадаетъ въ руки кулаку, если найдетъ кулака по сосѣдству, или-же идетъ обратно, на родину. А на родинѣ ждетъ его тяжелая доля: земля сдава міру, изба и скоть проданы, нѣтъ своего угла, нужно искать самой дешевой поденщины, а иной разъ даже питаться Христовымъ именемъ. Стоять немного поддержать такого переселенца на новомъ мѣстѣ, стоять дать ему въ ссуду 100 рублей, инойда 50 рублей на семью—и онъ будетъ благословлять свою судьбу. *Большинству не нужно безвозвратныхъ пособій:* устроить новоселье понемногу хозяйство и въ 5—10 лѣтъ выплатить полученную ссуду. Есть много свѣдѣній о томъ достаткѣ, какого достигаютъ переселенцы, которые располагаютъ хотя не большими средствами; ихъ трудолюбіе такъ велико, что они прибрѣтаютъ болѣе высокое благосостояніе, чѣмъ старожилы, коренные жители сибирскихъ деревень. Въ селѣ Яркахъ, Війскаго округа, на средній дворъ переселенца приходится по 9 лошадей и 10 штукъ рогатаго скота. Въ селѣ Смоленскомъ, Війскаго округа, на средній дворъ переселенца приходится 8 лошадей и 9

коровъ, тогда какъ въ русскихъ черноземныхъ губерніяхъ средній крестьянскій дворъ имѣеть всего 2—3 головы крупнаго скота. Въ Маринскомъ округѣ Томской губерніи есть деревня Чернышева. Она была основана только въ 1885 году; теперь она имѣеть 90 дворовъ, которые продали въ 1889 году 25.000 пудовъ хлѣба. А разъ хозяйство можетъ дѣлать такіе успѣхи, то нельзя помириться съ мыслью, что бѣдствуютъ и возвращаются на родину цѣлыя тысячи переселенцевъ; за 1889 годъ черезъ одинъ Оренбургъ возвратилось 757 семей въ числѣ 3.715 душъ, не говоря о тѣхъ, которые остались, но не успѣли устроиться на новомъ мѣстѣ.

Рядомъ съ матеріальной нуждой идетъ и нужда духовная. Русский переселенецъ набоженъ; онъ отыскиваетъ для поселенія такую мѣстность, гдѣ-бы неподалеку былъ Божій храмъ. Если такого мѣста не найдено, то онъ старается, по мѣрѣ притока новыхъ переселенцевъ, построить хотя самую маленькую церковь. Еще задолго до образованія прихода и назначенія священника, переселенцы ходятъ въ церковь и отыскиваютъ грамотѣя, который читалъ-бы имъ Св. Писаніе. Гдѣ селеніе не велико, тамъ нужно много лѣтъ, чтобы построить даже самый маленькій храмъ. И помощь священными книгами, иконами и церковною утварью облегчила бы имъ удовлетвореніе ихъ религіознаго чувства.

Съ тѣмъ вмѣстѣ среди переселенцевъ обнаруживается и потребность въ просвѣщеніи. Выходцы изъ среднихъ и южныхъ губерній Европейской Россіи, гдѣ грамотность и школа стали уже замѣтною принадлежностью деревенской жизни, переселенцы ощущаютъ живую потребность въ школѣ. Большія поселенія могутъ удовлетворить эту потребность собственными силами; мелкіе-же поселки не могутъ обойтись безъ сторонней помощи. Содѣйствіе могло-бы принимать весьма различныя формы: иногда можно было-бы содѣйствовать переселенцамъ въ сооруженіи школъ и снабженіи ихъ учебными пособиями; иногда огромной услугой,—и особенно для самыхъ мелкихъ поселковъ—было-бы одно снабженіе народными изданіями: въ долгіе зимніе вечера при помощи такихъ изданій, грамотѣя, которыхъ переселенцы имѣютъ въ своей средѣ, могли-бы хотя понемногу передавать подрастающему поколѣнію начала грамотности.

Канцелярія Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ находится въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту, д. № 65, кв. № 5. Желаящіе ознакомиться съ уставомъ Общества и поступить въ члены благоволятъ адресоваться въ канцелярію Общества.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г.

на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки	12 р. — к.
Съ доставкой въ Петербургъ	12 » 50
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 » 50 »
На полгода	7 » 50 »
» четверть года	4 » — »
За границу	15 » — »

Для иногородныхъ, подписывающихся черезъ Главную Контору, разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ — 4 р., къ 1-му апрѣля — 4 р., къ 1-му іюля — 3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Учащимся, духовенству, учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкой 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля — 3 р., къ 1-му іюля — 3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Цѣна 12 книгамъ 1889, 1888, 1887, 1886 г.—8 р. и 1885 г.—5 р.

Съ октября мѣсяца настоящаго года веденіе «СѢвернаго Вѣстника» перешло въ руки новой редакціи.

Слѣдующія лица обѣщали «СѢверному Вѣстнику» свое участіе:

М. Н. Альбовъ, А. А. Андреева, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. М. Астыревъ, К. С. Баранцевичъ, Ю. И. Безродная, Л. Д. Воборыкинъ, И. М. Водяковъ, В. И. Вородаевская, В. В., проф. Александръ Н. Веселовскій, проф. Алексѣй Н. Веселовскій, А. А. Веселовская, П. И. Вейнбергъ, А. А. Винницкая, А. Л. Вольтинскій, О. О. Вороповъ, З. Н. Гиппиусъ, В. В. Глинскій, А. А. Головачевъ, В. А. Гольцевъ, проф. Н. Я. Гротъ, Л. Я. Гуревичъ, Г. А. Джаншиевъ, А. М. Евреинова, А. В. Елисеѣвъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Ив. Ив. Ивановъ, проф. И. И. Ивановъ, проф. А. А. Исаевъ, Н. А. Каблуковъ, М. К. Горбунова, М. С. Корелинъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. С. В. Ковалевская, М. В. Крестовская, С. И. Ламанскій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. И. Л. Линниченко, Е. І. Ляхачева, К. Н. Льдовъ, М. А. Лозинскій, М. В. Лучицкая, Е. П. Лѣткова, В. И. Макъ-Гаханъ, проф. Д. И. Менделѣевъ, Д. С. Мережковскій, Н. М. Минскій, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), В. П. Михайловъ (Мартовъ), Д. Л. Мордовцевъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Н. Паевская, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, Н. А. Рубакинъ, М. И. Свѣшниковъ, А. М. Скабичевскій, В. Ю. Скалонъ, Вл. С. Соловьевъ, П. А. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стасовъ, проф. И. А. Стебутъ, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, В. Т., В. А. Фаусекъ, проф. И. Я. Фойницкій, проф. А. О. Фортунатовъ, С. Г. Фругъ, проф. Л. В. Ходскій, Н. Л. Холодковский, А. П. Чеховъ, О. А. Червинскій, проф. В. М. Шимкевичъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), проф. И. И. Янжулъ, Е. Н. Янжулъ, проф. Ю. Э. Янсонъ, проф. В. Г. Яроцкій и др.

П О Д П И С К А П Р И Н И М А Е Т С Я .

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая улица, д. 9, и въ отдѣленіяхъ Конторы—въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ—Литейная, д. 46, Москва—Моховая, д. Кохъ; Варшава—Новый Свѣтъ, д. 67; а также въ книжн. магаз. И. А. Розова, въ Кіевѣ—Крещатицк., д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул.; въ Казани въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина—Гостинный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ, отъ 2—4 часовъ.

Редакторъ-издатель **В. Глинскій.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1891 ГОДЪ:

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“.

Выходить ежемѣсячно. Подписная цѣна съ доставкою 5 р. Подписка принимается: 1) въ книжномъ маг. Н. Фену и 2) въ редакціи — Пантелеймонская, 8, кв. 14.

Въ неофициальной части 1890 г. были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Дѣтскіе годы С. Т. Аксакова. Психолого-педагогическій этюдъ *И. Ф. Каптерева*. Дисциплина и воспитаніе. *А. Н. Острогорскаго*. Пушкинъ какъ драматургъ. *С. Я.* Два чтенія изъ исторіи искусства для учениковъ ф. у. з. *А. Н. Поливанова*. Опытъ систематическаго изложенія теоретическихъ основъ и приемовъ преподаванія искусства выразительнаго чтенія. *Д. Д. Коровякова*. О вліяніи точныхъ наукъ на образованіе слога. *Е. Ф. Литвиновой*. Умноженіе и дѣленіе дробей. *Г. И. Лобовикова*. О курсѣ естественныхъ наукъ. (Изъ бумагъ *А. Я. Герда*). Изъ замѣтокъ учителя физики. *А. Л. Королькова*. Свѣтовой эфиръ, какъ носитель электричества. Замѣтка о ручномъ трудѣ. *И. Я. Герда*. Обзоръ дѣтской литературы. *М. В. Соболева*. О вѣнцклассномъ объяснительномъ чтеніи. (По поводу Лаокоона). *В. П. Геннина*. По бѣлу-свѣту. (Педагогическое движеніе въ Германіи). *Н. Горизонтова*. Отдѣлы: Критика и библіографія. Изъ записной книжки редакціи. Въ приложеніи: Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ 1889—1890 уч. году. *Вс. П. Коховскаго*.

Редакторъ А. Острогорскій.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ,

педагогическій журналъ для родителей, наставницъ и наставниковъ.

Въ 1891 году (16-й годъ изданія) редакція журнала будетъ преслѣдовать тѣ-же цѣли, какъ въ предъидущіе годы. Программа журнала: 1) Правительственныя распоряженія.—2) Общія статьи по воспитанію и обученію въ элементарной и средней школѣ.—3) Психологическія статьи и наблюденіе надъ дѣтской жизнью.—4) Образцовые уроки. Особенное вниманіе будетъ обращено на элементарное обученіе и на воспитаніе дѣтей, на тѣ вопросы, обсужденіе и рѣшеніе которыхъ важно для учительницъ и учителей народныхъ школъ и для родителей, воспитывающихъ своихъ дѣтей. Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» будутъ своевременно разбираться всѣ книги для дѣтей, учебники и пособія. Отдѣлъ «изъ жизни и литературы» (хроника) будетъ знакомить съ болѣе интересными въ педагогическомъ отношеніи явленіями и статьями въ русской и иностранной жизни и литературы.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля, книжками около шести печатныхъ листовъ каждая. Сверхъ того въ концѣ года будетъ дано приложеніе въ видѣ отдѣльной книги съ картинами для дѣтей средняго возраста, Древняя исторія въ разсказахъ и картинахъ 2-ой вып., В. Сиповскаго.

Съ 1890 г. программа и объемъ журнала значительно увеличены. Введены новые отдѣлы: «Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ» и «Книжный указатель».

Цѣна за годъ 5 рублей. (Для народныхъ учительницъ и учителей допускается взносъ подписной платы въ два срока).

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Гороховая, д. 18, въ кв. директора училища.

Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

Въ видѣ приложеній къ журналу за прежніе годы были даны книги:

1) «РОДНАЯ СТАРИНА», отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. Сост. В. Сиповскій. 1-я часть, третье изданіе, 1 р. 50 к.; 2-я часть, третье изд., 2 рубля. 3-я часть, второе изд., ц. 2 р. 50 к. Во всѣхъ трехъ частяхъ болѣе 400 политипажей. Въ роскошномъ переплетѣ по 75 коп. за переплетъ.

2) «ПРИРОДА И ЛЮДИ АВСТРАЛИИ» сост. А. Полкова. Изящная книга 243 стр., 79 политипажей въ текстѣ. Цѣна книги 1 р. 50 к. (обѣ книги одобрены учебн. комитетомъ при С. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и внесены въ каталогъ книгъ, одобренныхъ учен. комитетомъ М. Н. Пр. для ученическихъ библиотекъ).

Подписчики журнала могутъ получить въ редакціи это и предыдущее изданіе съ уступкою въ 20 процентовъ.

Иногородныя лица, выписывающія эти книги изъ редакціи «Женск. Образов.», за пересылку не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ для дѣтей школьнаго возраста

РОДНИКЪ

изданія 1891 г. (X годъ).

Въ наступающемъ 1891 году «РОДНИКЪ» будетъ издаваться въ томъ-же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 9 лѣтъ.

«РОДНИКЪ» выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца книжками большаго формата, не менѣе 7 печатныхъ листовъ каждая, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками. Годовое изданіе «РОДНИКА» составляетъ 2 большихъ тома, около 700 страницъ каждый со 100—120 рисунками.

Содержаніе «РОДНИКА» составляютъ: I. Стихотворенія, повѣсти, рассказы и сказки (преимущественно народныя). II. Біографіи замѣчательныхъ людей, главнымъ образомъ «людей труда и сильной воли». III. Историческіе очерки. IV. Статьи научнаго содержанія, по различнымъ областямъ знанія. V. Очерки изъ современной жизни. VI. Смѣсь (мелкія статьи). VII. Игры, занятія, загадки и проч.

Въ «РОДНИКѢ» и «ВОСПИТАНІИ и ОБУЧЕНІИ» за 1890 годъ участвовали слѣдующія лица: Абаза, К. К.; Абрамовъ, Я. В.; Авенариусъ, В. П.; Азбелевъ, И. П.; Бахтиаровъ, А. А.; Бутовскій, А. Д.; Весинъ, Л. П.; Вирениусъ, А. С. (докторъ медицины); Вѣнчиковъ, А.; Галенковская, О. Е.; Дебольскій, Н. Г.; Ельницкій, К. В.; Знойно, Н.; Ивановъ, Н.; Кайгородовъ, Д. Н. (профессоръ); Колоколова, М.; Купрянова, А.; Литвинскій, П. А.; Милошевичъ, Л.; Николаевъ, А. К.; Никольскій, А. М. (докторъ зоологіи); Ольденбургъ, А. П.; Песковскій, М. Л.; Петрушевскій, Ф. Ф. (профессоръ); Северинъ, Н. И.; Щербаковъ, Ф. И.; Теокистовъ, И. И.; и мн. др.

«РОДНИКЪ» рекомендованъ и одобренъ учеными и учебнымъ Комитетами Мин. Нар. Просв., Святейшаго Синода и Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 г.

Вмѣстѣ съ «РОДНИКОМЪ» можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ «ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ».

Условія подписки на «Родникъ» 1891 г. прежнія:

На годъ съ доставкой и пересылкой за 12 книгъ «Родника»	5 руб.
Тоже съ приложеніемъ 12 №№ листка «Воспитаніе и Обученіе»	6 »
За границу	8 »
Отдѣльно листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	2 »

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Кирочная ул., д. 25.

Адресъ главной конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 106, при «Русскомъ книжномъ магазинѣ» Н. Н. Морева.

Редакторъ-издательница *Е. Сысова.*

Редакторъ *Алексій Алмедингенъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

2

р.

на 3-й томъ (1-е полугодіе 1891 г.)

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

2

р.

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(второй годъ изданія),

подъ редакціей П. И. Гусаренко.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

Сотрудники: К. К. Абаза, Я. В. Абрамовъ, Н. Ф. Арешевъ, П. Н. Блиновъ, И. С. Боровскій, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, Г. А. Вейнбергъ, проф. П. И. Вейнбергъ, И. П. Виноградовъ, Е. Н. Водовозова, С. Ф. Горянская, проф. Н. Я. Гротъ, П. И. Гусаренко, М. И. Демковъ, Ф. И. Егоровъ, К. В. Ельницкій, В. Е. Ермиловъ, Л. Е. Ефимовичъ, Л. Д. Журавлевъ, Н. В. Завадскій, С. В. Зенченко, А. А. Зусманъ, Н. М. Зеленецкій, В. В. Ивановъ, В. П. Каншинъ, А. Н. Карасевъ, проф. А. И. Кирпичиковъ, Е. И. Конради (изъ Парижа), И. И. Крампъ, С. Н. Кулябка, В. Э. Кетриць, проф. П. Ф. Лесгафтъ, Г. А. Липинскій, О. Д. Лурье, В. Н. Макъ-Гаханъ (Нью-Йоркъ), В. В. Михайловъ, П. А. Нагель, А. П. Налимовъ, Е. С. Некрасова, М. В. Овчинниковъ, В. П. Острогорскій, В. Ф. Охрѣменко, М. Л. Песковскій, В. О. Португаловъ, А. С. Пругавинъ, Д. Д. Семеновъ, проф. И. П. Скворцовъ, М. М. Соколова, А. Ф. Соколовъ, А. Т. Соловьевъ, С. Е. Сутуловъ, Е. Н. Тихомирова, Д. И. Тихомировъ, Н. В. Трушениковъ, В. Г. Турчаниновъ (изъ Христіаніи), И. Ф. Федоровскій, И. О. Фесенко, В. А. Хавкинъ (въ Парижѣ), Е. И. Челпановъ, В. Н. Чеховъ, Х. Х. Цинкъ, Н. В. Шелгуновъ, проф. В. И. Шердль и другіе.

Съ III-го тома будутъ печататься протоколы засѣданій Учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ, о чемъ послѣдовало постановленіе Отдѣла.

Въ 1889—1890 гг. «Школьное Обзорніе» имѣло своихъ представителей, давшихъ отчеты на страницахъ его: На Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и Парижскомъ педагогическомъ конгрессѣ — (нѣскольکو лицъ); на С.-Петербургскомъ конгрессѣ по профессиональному образованію — (Н. М. Зеленецкій); на Московскомъ 3-мъ съѣздѣ представителей русскихъ исправительныхъ учреждений для малолѣтнихъ, на 25-ти лѣтнемъ юбилей Рубашишниковскаго пріюта и на международномъ тюремномъ конгрессѣ — (О. Д. Лурье); на Копенгагенскомъ педагогическомъ конгрессѣ. Кромѣ того, по порученію редакціи «Шк. Об.» В. Г. Турчаниновымъ осматрѣна знаменитая учительская семинарія ручнаго труда въ Швеціи, въ Неесѣ (Отчетъ напечатанъ въ 25—26 №№ за 1890 г.), О. Д. Лурье осматрѣны нѣкоторые пріюты и колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ въ Россіи (отчеты будутъ напечатаны).

Цѣна третьяго тома «Школьнаго Обзорнія» (1-е полугодіе 1891 г.) съ пересылкой и доставкой только два рубля, за границу 3 р.

Въ розничной продажѣ № съ пересылкой—14 коп. (марками), въ г. Одессѣ, Петербургѣ и Москвѣ—10 коп.

Адресъ редакціи «Школьнаго Обзорнія» — г. Одесса, Пушкинская, 42.

Съ 1-го января 1891 года предполагается открыты отдѣленіе редакціи «Школьнаго Обзорнія» (для удобства мѣстныхъ сотрудниковъ) въ г. Москвѣ (Докучаевъ пер., д. Лазаревой); подробности будутъ опубликованы.

Главная Контора имѣетъ честь просить будущихъ подписчиковъ, во избѣжаніе несвоевременной доставки первыхъ №№ «Школьнаго Обзорнія», не замедлять высылкой подписныхъ денегъ, такъ какъ адреса на 1891 г. уже печатаются.

ТРЕХЪСОУСЯНЫМЪ БРЕДИТОМЪ ПОЛЪЗУЮТСЯ ТОЛЬКО КАЗЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

Первый и второй томы «Школьнаго Обзорнія» распроданы.

Пробные номера при требованіи изъ Главной Конторы иногороднымъ высылаются бесплатно.